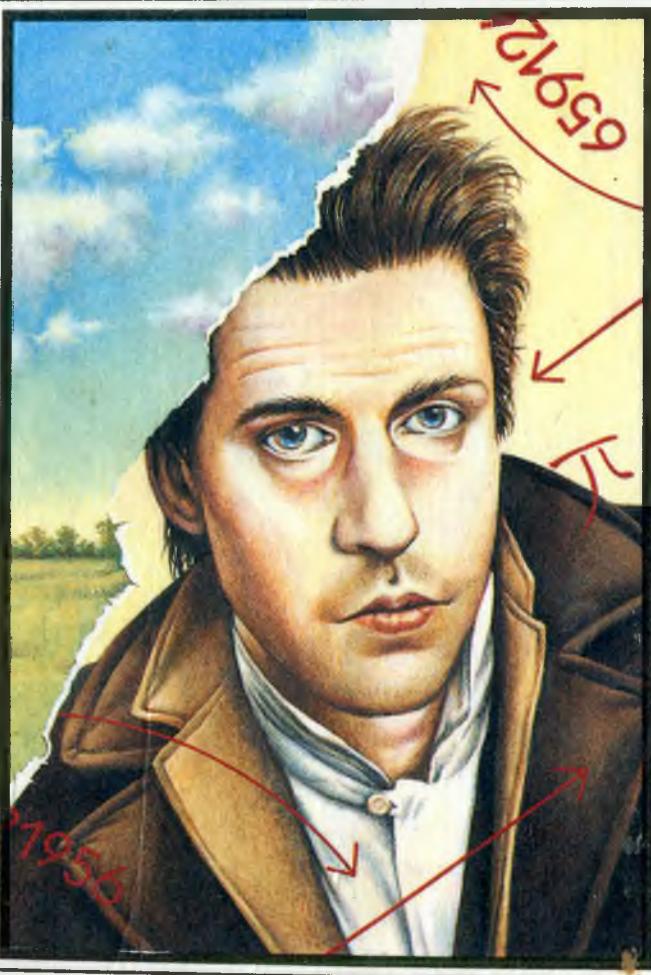

МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА

4

МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ALFRED BESTER

Volume four

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА

Том четвертый

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Издание подготовлено
АО «Титул»

Миры Альфреда Бестера том 4 / Пер. с англ. —
Рига. Полярис, 1995. — 447 с.

Рассказы, вошедшие в заключительный том собрания А. Бестера, были написаны на протяжении четверти века и наглядно отражают превращение молодого талантливого писателя в зрелого мастера. Многие из них считаются классическими и вошли в «золотой фонд» мировой фантастики, а каждый из них наверняка запомнится читателю своей оригинальностью

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-222-3

© Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии, 1995
© АО «Титул», составление, 1995

РАССКАЗЫ

РАБЫ ЛУЧА ЖИЗНИ

ГЛАВА 1 Загадочная болезнь

В палате «С» раздался грохот, кто-то завизжал. Затем послышались крики, шум яростной борьбы, топот ног. Некто в больничной пижаме несся по этажу, преследуемый всклокоченными санитарами.

Беглец промчался по коридору, опрокинув по пути изумленную нянечку. На мгновение остановился, вырвал из стены огнетушитель и швырнул его в преследователей. Потом кулаком вышиб тяжелое оконное стекло и бросился на землю — на свободу — со второго этажа.

Неистово звенели телефоны, надрывались звонки, мигали аварийные огни. Нянечки бежали на посты, из административного корпуса посыпались интерны, пугаясь в одежде. У огромных железных ворот, ограничивающих больничную территорию, нервно оглядываясь по сторонам охрана, недоумевая, что же, черт возьми, происходит. У травмпункта, через дорогу от больничных гаражей, кто-то закричал, потом еще раз, уже слабее. Охотники-врачи резко изменили курс и

SLAVES OF THE LIFE RAY, 1941.

© Перевод, Е. Ходос, 1994.

увидели высокую худую фигуру человека, летящего через кусты. Это был беглый пациент.

Из приемной вылетел интерн и бросился в толпу. Через секунду его уже видели бегущим между оранжериями в нескольких футах позади удирающего больного. Когда они вырвались на открытое место, интерн молниеносно поставил беглецу подножку так, что оба, поскользнувшись, увязли в песке. Подбежали остальные и схватили отчаянно отбивающегося пациента. Понадобились усилия четырех здоровых санитаров, чтобы оттащить его в психиатрическое отделение.

Интерн отряхнулся, покачал головой и, морщась и прихрамывая, зашагал к административному корпусу. Он пинком распахнул внутреннюю дверь и со вздохом уселся в кожаное кресло. Крупный мужчина в твидовом костюме в изумлении посмотрел на него из-за стола, заваленного важными бумагами, и бросил ручку.

— Слушайте, Льюис, — сказал он, — какого...

— Доктор Коул, к вашим услугам, — ухмыльнулся интерн. — Господин главврач, я пришел к вам с дурными вестями. По зреому размышлению, мистер Миллер, мне кажется, вы назовете меня героем.

— Что там еще? — раздраженно произнес Миллер. — Я очень занят, Коул.

— Не настолько, чтобы не выслушать, что я хочу сказать.

Миллер проницательно взглянул на молодого врача.

— Я знаю, что вы хотите сказать.

— Значит, вы уже поняли, да? Пятый случай за три дня. А теперь и кое-что еще.

— Кое-что еще? — Миллер нахмурился.

— Очень даже кое-что. — Коул выудил из кармана пачку документов. — Когда пять совершенно безвредных пациентов внезапно сходят с ума, это еще не так ужасно. Но если посмотреть на данные приема больных, — врач швырнул бумаги на стол, — и заметить, что у девяноста процентов поступивших в окружной госпиталь Квинс за последнюю неделю —

злокачественные опухоли и какие-то особые формы рака, невольно заподозришь недадное.

— Невероятно, — выдохнул Миллер. Он лихорадочно просмотрел записи и поднял глаза на собеседника. — Невероятно!

— Хуже, — сказал Коул решительно. — У меня пока нет отчетов, но посмотрите на эти диагнозы. Рак!.. Ха-ха! Болезни этих пациентов лишь отдаленно напоминают рак. Шеф, уверяю, над нами нависла угроза эпидемии болезни, еще не описанной в медицинских справочниках.

— Да вы с ума сошли! — заорал главврач. — Новая болезнь? Совершенно невозможно.

— Убедитесь сами, — возразил Коул. Он схватил Миллера за руку и потащил его к двери. — Всех этих больных поместили в южное крыло.

Оба быстро прошли к лифту, который умчал их на этаж рентгеновских исследований. Добравшись оттуда до следующего этажа, врачи медленно прошли по огромной палате с высоким потолком и множеством кроватей. Зрелище, представшее их глазам, было почти невероятным. Пациенты лежали спокойно, не испытывая боли. Судя по картам, у всех были нормальная температура, пульс, давление... И все же они явно страшали от болезни, поскольку из абсолютно здоровых субъектов превратились в жалкие искривленные карикатуры на людей.

У одних вдруг выросли миниатюрные ножки на плече или дополнительные пальцы посреди ладоней. Другие стали циклопами с огромным глазом посреди лба. Тела некоторых пациентов опоясывали маленькие шаровидные наросты, превращая несчастных в живые тутовые ягоды.

Все искривилось и изменилось, как будто Природа вдруг решила добавить пару кусочков глины, лепя человеческое существо.

— Как давно это происходит? — прошептал Миллер. — Почему в газетах ни слова?

— Еще недели нет. Опухоли развиваются прямо на глазах. Будто человеческая плоть зажила независимой жизнью. — Коул нервно задымил сигаретой. — Да, насчет больных, которые взбесились... Первый по-

гиб — выпрыгнул с пятого этажа. Мы сделали вскрытие. — Молодой врач кивнул, заметив блеск в глазах собеседника. — Опять угадали, да? Именно, сошел с ума из-за опухоли мозга. Боже! Источник инфекции неизвестен. Неясно, кто и где пострадает в следующий раз. Эти опухоли чертовски быстро развиваются. Может, уже сейчас во мне или в вас растет жуткое новообразование... и вылезти оно может в любом месте, даже в мозгу. Все это очень быстро распространится. Из эпидемии перерастет в эндемию, потом в пандемию. Миллер, надо что-то делать, пока в городе не знают!

Город узнал. Медленно, но неизбежно новости просачивались с неумолимостью «Героической симфонии» Бетховена. В понедельник передовица «Таймс» ополчилась на порядки, царящие в окружном госпитале Квинс, где семнадцать сумасшедших пациентов буйствовали в течение трех часов. А на одной из последних страниц напечатали туманное сообщение о двухголовой змее, обнаруженной в Центральном парке.

Во вторник газеты сообщили о внезапно разразившейся серии жутких убийств — очевидно, деле рук новой банды, типа бывшей шайки «Корпорация «Убийство». Также в газетах появилось заявление профессора Хиглстона из Колумбийского университета, который утверждал, будто видел стаю птеродактилей, греющихся на карнизе Музея искусств.

Но когда наступило утро среды, и полгорода, придя на работу, обнаружило, что другая половина таинственным образом отсутствует, дело приняло совсем другой, серьезный оборот. Телефонная компания была вынуждена временно прекратить работу из-за того, что несметное количество телефонисток не явилось на рабочее место. Не пришли утренние газеты, не открылись многие магазины, замолчала половина линий связи. Полузадушенный город давился бездеятельностью.

Горожане сразу же отправились по домам, прильнули к радиоприемникам и стали ждать сообщений

в надежде услышать ключ к разгадке. А дома оказались один на один с чудовищной болезнью с единственным симптомом — жуткими искривлениями тел ее жертв, над которыми они насмехались еще пару дней назад. Радиосообщения почти ничего не разъясняли. Дикторы сообщали своим слушателям то, что им уже было известно: половина города поражена странной новой болезнью, превращающей человека в карикатуру на самого себя.

В окружном госпитале Квинс радио никто не слушал. Прибывало столько новых больных, что не было ни времени, ни смысла переводить их количество в проценты. Работал весь персонал. Нянечек и санитаров вдруг повысили до дипломированных медсестер, и они энергично бросились на борьбу с неконтролируемой стихией.

Один лишь доктор Коул держался немного в стороне, пытаясь понять, что же происходит. Он беспокойно бродил по палатам и временно оборудованным комнатам для больных в поисках какого-то ключа к разгадке, которая принесла бы облегчение пораженному городу.

— Это не рак, — бормотал он снова и снова, — по крайней мере, не известная нам форма рака. Диагноз значения не имеет. Но что является возбудителем инфекции? Бактерия? Простейший одноклеточный организм? Вирус? Что, черт возьми, это может быть?

Он направился к патологоанатомическому отделению и заглянул в дверь. Доктор Данн сидел один среди неразберихи у перевернутого вверх тормашками прибора.

— Ну? — спросил Коул.

Данн устало пожал плечами.

— Ничего, абсолютно ничего. Я сделал и изучил все срезы, любую мелочь, имеющую какое-то отношение к делу. Я работал долгие часы. — Он моргнул покрасневшими глазами. — И ничего. Боюсь, мне долго не выдержать. Может, уже и до меня добралось. Какие там первые симптомы?

— В том-то и чертовщина, — ответил Коул. — Просто никаких симптомов.

Он потрепал Данна по плечу и вышел из отделения. Сейчас, конечно, можно не ждать быстрых результатов. Лучше всего заняться изучением возможных путей инфекции. Что могло так быстро поразить целый город? Вода?

Коул торопливо прошел в административный корпус и переоделся. В машине почти не было бензина, и он остановился на заправке. Поскольку на настойчивый гудок никто не откликнулся, пришлось самому заправить машину из колонки. Потом он повернулся налево и быстро поехал в город — по пустынной дороге.

Коул заметил, что трава в кювете была гуще обычного — с мощными стеблями, переплетенными, как толстые трубочки спагетти. Вся местность из-за этого становилась бугорчатой, нелепой. На стволах деревьев наросли мутанты — горбы и выпуклости. Кусты превратились в бесцветные коралловые рифы.

А потом, с холодком, пробежавшим по спине, Коул начал замечать неуклюже передвигающиеся фигуры, прячущиеся где-то вдалеке. Создания, когда-то бывшие людьми и животными, теперь выглядели дикими чудовищами.

Коул в страхе нажал на акселератор и свободной рукой стал лихорадочно нащупывать револьвер в бардачке машины. Он почувствовал облегчение, лишь когда переложил оружие в свою куртку.

На улицах города все было еще страшнее, чем в пригороде. Опустевшие здания, в полумраке которых притаились жуткие фигуры; редко попадающиеся на встречу нормальные люди, бегущие, словно от чего-то спасаясь; повсюду груды разбитых машин. Только через час Коул добрался до департамента водоснабжения.

В здании остался лишь старик-клерк — непринужденно сидел в директорском кресле и приветствовал посетителя беззубой улыбкой.

— Стар я для этого, да, — прошамкал он, — чума прибирает молодых и нежных, как вы.

— Ладно, — зло бросил Коул. — Я из больницы Квинс. Мне надо узнать кое-что о водоснабжении.

— Что? — спросил клерк. — Спрашивайте меня. Теперь департамент — это я.

— Вам что-нибудь известно о заражении воды в городе?

— А никакого заражения нету. Все проверили — еще до того, как народ свалился, — и нету.

— Вы уверены?

— Ага.

Что делать дальше? Коул неуклюже повернулся, вышел и глубоко задумался. Продукты? Может, кто-нибудь остался в министерстве здравоохранения?

Он побежал по зловещим улицам, постоянно оглядываясь назад, и наконец добрался до нового здания министерства здравоохранения и санитарии. «Вот будет ирония судьбы, — подумал Коул, — если они все заразились». Он пробежал по длинным коридорам, и эхо ответило на его крик.

Заразились все. Но в кабинете инспектора нашелся отчет. Молоко совершенно безопасно. На шестидесяти общественных рынках по всему городу проверили основные продукты, и везде все чисто. В стоках ничего нет. В реках нет. Откуда же, ради Всевышнего, идет заражение? С неба? Возможно.

Коул поспешил обратно к машине, отчаянно размышляя. Может, это что-то типа заражения от космического луча? Новый вид солнечной радиации... Чего-то дикого. Како...

Он пошатнулся от неожиданного удара, упал и тут же поднял голову. От увиденного кровь у молодого врача застыла в жилах. Нечто с длинными руками, крокодильей кожей и блестящими когтевидными зубами бросилось на Коула, и он отступил назад, свирепо ударив это каблуком в грудь. Тварь хрюкнула, обдав свою жертву смрадным дыханием, и снова бросилась в атаку.

Коул ударил чудище ногой и свалил на мостовую. В следующую секунду он выхватил револьвер и выстрелил в упор от бедра. Кошмарное создание захрипело, ловя пастью воздух, и опять пошло на него. В ужасе Коул отпрянул и снова выстрелил, целясь в голову. На этот раз тварь дрогнула, медленно опустилась на колени и рухнула на землю — содрогающееся нечто, когда-то бывшее человеком.

Однако стрельба привлекла внимание других тварей. Коул услышал какие-то звуки и увидел, как на узких улочках у здания ратуши замаячили тени. В панике он рванулся к машине. Мотор скрежетал, но заводиться не хотел. Коул перегнулся и заблокировал замки на дверцах, затем еще раз нажал на стартер. Когда мотор, наконец, закашлял, кто-то уже царапал по кузову. Коул обернулся, мельком увидел странные жуткие лица; потом от удара кулака разбилось стекло, и в ту же секунду завелся двигатель. Коул врубил передачу, и автомобиль рванул с места в тот момент, когда кleşни добрались до горла молодого врача. Ускорение отшвырнуло нападавших прочь от борта машины. Он был спасен — пока спасен.

ГЛАВА 2

Первые ключи к разгадке

Коул направился к Бродвею, пытаясь успокоить истерзанные нервы. Кое-что он выяснил: этих тварей почти невозможно убить, придется как следует вооружаться.

Руины, мимо которых он проезжал, сводили с ума. В голову невольно лезла мысль: сколько еще удастся продержаться, прежде чем также пасть жертвой загадочной болезни. Впрочем, похоже, что у определенного процента населения врожденный иммунитет.

Коул включил радио — вдруг что-то скажут — как раз на сводке известий:

— ...эпидемия, которую знала Америка. Помощь уже направлена в Нью-Йорк, хотя правительство не сообщает, прибудет ли она вовремя. Последние двенадцать часов никакой связи с Нью-Йорком нет, и существует страшная вероятность, что в живых никого не осталось. Весь район площадью в тридцать квадратных миль закрыт на строгий карантин. Эта программа специально передается из Филадельфии на Нью-Йорк в надежде, что те, кто еще жив, узнают: помочь прибудет в течение восьми часов. Надо держаться!

Восемь часов!.. Коул свернулся на восток к Мэдисон-авеню, въехал в жилые кварталы и резко затормозил у здания «Аберкомб» — необходимо было позаим-

ствовать из отдела охоты более мощный револьвер и патроны. Выходя из магазина, он с удивлением обнаружил, что больше тридцати человек, совершенно нормальных и здоровых, живут в цокольном этаже. Они жили там с того времени, как разразившаяся чума приобрела опасную форму.

Проверяя шальную идею, Коул доехал до входа в метро на Сорок второй улице и заскочил внутрь. И здесь были сотни нормальных людей, выбравших метро своим убежищем. Они жили в бодрости и безопасности. Сбитый с толку, Коул завел машину и погнал обратно в госпиталь. Первая зацепка!.. Он еще не знал ни происхождения, ни характера болезни, но уже совершенно ясно, что живущие под землей находятся в безопасности. Почему? Должно же быть объяснение!

В госпитале Коул с ужасом обнаружил ворота открытыми, их никто не охранял. Медленно пересекая парковую зону, молодой врач озирался по сторонам. Нет охраны? Что-то не так... Он остановил машину и уже собирался вылезти, как вдруг прямо перед ним ударил фонтанчик грязи, из терапевтического корпуса донесся раскат выстрела.

Коул прищурился и увидел фигуры в белых халатах, подающие ему знаки из окна. Он быстро проехал через парк в маленький гараж за домом и помчался вверх по ступенькам. Дверь открылась, Коул с разбегу влетел в толпу взбудораженных врачей и сестер.

— В главном терапевтическом корпусе все поражены манией убийства, — послышались торопливые объяснения.

— Все? — выдохнул Коул.

Вперед протолкался маленький доктор Данн. Коул обрадовался, что патологоанатом здоров.

— Не все, — ответил он. — Около двадцати процентов.

— А остальные?

— Вид чудовищный... до смерти напуганы... раздражены, но опасны не более, чем обычная толпа.

— Не более! — Коул горько усмехнулся. — Вы знаете, что такое суд Линча? — Группа неловко заерзала, и молодой врач поспешил сменил тему. — По-

слушайте, кажется, я кое-что обнаружил, это может пригодиться. Где Миллер?

У Данна вытянулось лицо.

— Исчез, — промолвил патологоанатом. — Может, и до него добралось... или добрались. Не знаю.

— Ужасно!

Коул остановился, задумавшись. Потеря главврача — тяжелый удар. Затем он отрывисто произнес:

— Так или иначе, я обнаружил, что, если находится под землей, заражение не опасно. Кому-нибудь из вас это о чем-то говорит?

Никто не ответил, потом сзади раздался голос:

— Ах, гайморова пазуха, я ведь только врач!

Все засмеялись, напряжение несколько спало. Люди утомились насколько возможно и стали обсуждать новости.

— Мне нужны факты, — заявил Коул. — Если бы у меня было достаточно данных, может, я бы вывел эмпирическую теорию этого безумия. Нужно что-то предпринять до того, как сюда доберется подкрепление, иначе здесь просто устроят резню.

Все промолчали. Сказать было нечего.

— Симмонс? Кармайкл? Аллен? Что, никто ничего не знает?

— Э... доктор Коул, — робко произнесла пожилая няничка.

— Да? — откликнулся он рассеянно.

— Господину Миллеру направляли отчеты по всем стадиям эпидемии.

— Ну! — нетерпеливо сказал Коул.

— К сожалению, они, наверное, там, где я их видела — на его столе.

В первый раз за последнюю неделю, насыщенную бурными событиями, Коулу очень не хватало движущей силы и блестящих администраторских способностей Миллера. Миллер был организатором и лидером, от природы призванным создавать порядок из хаоса. Наконец Коул пожал плечами и огляделся.

— Что ж, значит, мне придется достать эти отчеты.

Он отмахнулся от протестов, проверил свой новый револьвер и приготовился идти. Приблизившийся к нему Данн взял товарища за руку.

— Послушай, Льюис, если уж нужно идти, почему бы не свести риск к минимуму? Вот что я знаю: безобидные особи вреда не причинят, если их не провоцировать, дикие же бросаются на все, хоть отдаленно напоминающее нормального человека. Давай тебя замаскируем.

Персонал разбежался по административному корпусу, выискивая что-нибудь пригодное. Симмонс признался, что неравнодушен к любительским спектаклям, и возглавил гримирование. Смешав муку с водой, на лицо Коула нанесли бугры и шишки, набили его одежду подушками, испещрили пятнами кожу. Когда Симмонс закончил работу, Коул, скрючившись, побрел к главному терапевтическому корпусу.

Он провел в кабинете Миллера душераздирающий час среди слоняющихся там чудовищ, буквально проходяясь к столу. Стол был перевернут, бумаги разбросаны по полу. Понимая меру риска, Коул просто сгреб охапки бумаг и запихал их себе за пазуху в надежде, что там окажутся и отчеты. Наконец он протолкался к выходу и побежал в административный корпус.

Пока он принимал душ и наскоро ел, пришлось рассказывать коллегам, что творится в госпитале. Потом все расселись в библиотеке и начали тщательно просматривать бумаги. В спешке Коул не мог отделить нужное от хлама: тут были счета, научная корреспонденция, переписка с хозяйственниками... свидетельства скучных рутинных дел, которые ежедневно решал Миллер. Потом Коул раскопал оплаченный счет за свежие говяжьи кости на шесть тысяч долларов. Он с любопытством постучал по нему пальцем, недоумевая, для чего подобные вещи могли понадобиться главврачу, а затем продолжил серьезную работу.

Отчеты были то ужасающими, то забавными. Некоторые изобиловали поэтическими образами и сообщали о марсианах и красной чуме. Другие были чересчур сжатыми, трагически короткими. Оставались сотни невыясненных вопросов, вопросов без ответа. На-

конец Коул посмотрел на жалкий листочек, выжатый из огромного количества бумаг, и поднялся.

— Ситуация безрадостная, — сказал он. — Я привнес кипы бумаг и фотографию — по ошибке. В общем то, что удалось сорвать, сводится к следующему. Первое: под землей люди не заражаются. Второе: несмотря на то, что опухоли поражают людей бессистемно, на растения они действуют, кажется, одинаково.

— Как это? — спросил кто-то.

— Под словом «одинаково», — объяснил Коул, — я имею в виду то, что во всех отчетах сообщается о поражении только одной стороны деревьев и кустов.

— Наподобие того, как мох растет с северной стороны?

— Похоже, — засмеялся Коул. — Еще одно открытие плюс к уже сказанному — может, оно имеет отношение к делу, а может, и нет. Когда я пробирался между оранжереями, я случайно заглянул внутрь. Там растения абсолютно нормальные!

Дани изумленно присвистнул.

— Но о чём это свидетельствует, я понятия не имею, — закончил Коул.

— Это пока неважно, — заявил Симмонс. — У меня есть предложение. Допустим, эта эпидемия — результат какого-то радиоактивного облучения, например, рентгеновскими лучами или чем-то подобным. Возникает естественный вопрос: где источник радиации?

— Может быть, где-то наверху? Космическая радиация, или...

— Но посмотрите на деревья, — возразил Симмонс.

— Правильно! — подхватил Коул. — Все поняли мысль? Пораженная сторона деревьев указывает на источник радиации.

— И что?

— А то, что мы проведем небольшое исследование. Скажем, используем принцип пеленга. Другими словами, давайте выйдем, разыщем точные компасы и составим схему наростов на деревьях на большом пространстве. К примеру, на востоке до Порта Джейфферсон, а на западе до Соммервилля или Хайбриджа.

Очень быстро нам не управиться, но, по-моему, потратить несколько часов стоит. На схеме отобразим направления. Источник радиации должен быть очень близко от точки пересечения этих линий.

ГЛАВА 3

Радиостанция «Смерть»

Было уже совсем темно, когда семеро из числа персонала госпиталя втиснулись в машину Коула. Они доехали до Нью-Йорка, раздобыли еще три автомобиля и вломились в магазин «Инструменты» — за необходимой аппаратурой. Наконец медики разделились для выполнения своего плана.

Коул и Данн, ответственные за сектор Нью-Йорка, ехали в молчании, осторожно наблюдая за дорогой. Судя по отдельным нормально выглядящим людям, которые спешили по боковым улочкам, заражение распространилось далеко не на все население. Это укрепило веру врачей в то, что и у них есть иммунитет. Размышая о странной загадочной природе иммунитета, Коул расспрашивал своего напарника.

— Ответа я не знаю, — сказал Данн. — Есть два фактора, возможно, влияющих на иммунитет. Во-первых, внешние и внутренние слои организма некоторых индивидуумов осуществляют механическую защиту от инфекции. Во-вторых, у невосприимчивых индивидуумов просто отсутствуют рецепторы для восприятия инфекции. То есть, нет органического субстрата, на котором может укрепиться инвазия.

— Мне кажется, — произнес Коул, — поскольку мы предполагаем лучевое заражение, наш иммунитет — как бы механическая защита кожи.

— Очень похоже, — кивнул Данн. — Возможно, у всех нас кожа обладает каким-то общим неизученным качеством. Может быть, разгадка в кожной пигментации. Но у нас недостаточно времени, чтобы это понять.

Повернув на север на Пятую авеню, машина проехала мимо памятника Шерману и полетела вдоль восточной стороны Центрального парка. Друзья содрогались при виде отвратительных кустарников и ковы-

ляющих среди обломанных веток жутких созданий. Спустя немного Данн подтолкнул Коула:

— Кстати, а кто был на фотографии, которую ты нашел у Миллера в кабинете?

— Миллер, — последовал ответ. — Миллер и еще человек по фамилии Гурвич. Обычный любительский снимок. Наверное, стоял у Миллера на столе. Странно, что я его раньше не замечал.

— Не тот ли самый Александр Гурвич?

— Именно. Миллер с ним вместе учился, а потом и работал три года. Наш главврач был чертовски хорошим зоологом до того, как взял в руки бразды правления.

— Не знал, — ответил Данн. — Но Гурвич — ботаник, причем лучший из лучших. Он творил настоящие чудеса, связанные с аномальным развитием растений.

— С аномальным развитием? — эхом отозвался Коул.

— Ага. Посмотри «Зоологический журнал» в нашей библиотеке, когда будет возможность.

Они спокойно проехали в северную часть Центрального парка и тщательно сняли десяток показаний компаса. Повернув снова на юг, друзья с ужасом заметили тусклое красное зарево над горизонтом — город был в огне.

В южной части парка носились толпы хрипло орующих, жестикулирующих созданий с горящими факелами в руках. Буйство возглавляли вожаки в причудливых белых полупрозрачных одеждах, с капюшоном на головах.

Встревоженный таким поворотом событий, Данн повернулся к госпиталю и быстро погнал машину к мосту. Но на Канальной улице Коул вдруг попросил товарища остановиться и, к изумлению последнего, выпрыгнул из машины и исчез в темноте. Послышался топот ног, крик и удар кулака о челюсть. Вскоре Коул вернулся с куском блестящей материи в руке.

— Встретил одного Мальчика в Белом, — объяснил он, — и захотел посмотреть на их форму. Что скажешь?

Данн взял полоску материала и задумчиво потрогал ее пальцем.

— На ощупь как желатин...

— И мне так показалось, — откликнулся Коул. — Но почему желатин? И почему униформа?

— Может, радио нам подскажет. Похоже, тихие Мальчики в Белом сознательно разжигают беспорядки. Наверное, славная маленькая организация!

Данн протянул руку и включил приемник:

— ...в это время хаоса. Жители Нью-Йорка, наши дома, наша страна, наша жизнь и жизни тех, кого мы любим, подвергаются смертельной опасности. Пришло время объявить чрезвычайное положение. Существующее правительство неспособно справиться с ситуацией. В этот критический момент, когда смертельная угроза нависла над всеми нашими городами, я обращаюсь к вам с призывом вступить в мою Армию Здоровья. Поддержите меня, и я ручаюсь, что будет восстановлена нормальная жизнь и страна исцелится. Обратитесь к любому человеку в белой форме, которого увидите, и скажите, что хотите помочь Целителю. Целитель — единственный, кто в состоянии спасти страну...

— Славно, правда? — Данн выключил радио и усмехнулся. — Самый умный способ установить диктатуру, о котором я только слышал. От исцеления страны один маленький шаг до ее захвата.

— Да, но почему желатиновая униформа? — настойчиво вопрошал Коул.

— Очень просто. Одним ударом — двух зайцев. Очевидно, Целитель-то все и затянул. Наверное, сделал и раздал своим людям форму заранее. Она защищает тех, кто ее носит, от заражения.

— Похоже, — задумчиво произнес Коул. Остаком пути он просидел молча.

Другие исследователи еще не вернулись к тому времени, когда друзья подъехали к административному корпусу. Коул побежал в библиотеку, взял несколько книг и закрылся в своем кабинете, отдав распоряжение позвать его, когда все приедут.

Долгиеочные часы тянулись бесконечно, а окруженные медики стояли на страже и прислушивались к

безумным звукам, доносящимся из помещений госпиталя. Наконец к дому подъехала машина, за ней вторая и чуть позже — третья. Возбужденные исследователи позвали Коула, и все собрались в гостиной на совещание.

— Пока Данн наносит на карту радиационные линии, — начал Коул, — позвольте рассказать вам, что мы узнали. Мы точно установили, что причина заражения — радиация. Из чего это следует? Из нескольких фактов.

Первое: я проверил практически все возможные механические пути заражения, и ни один не при чем. Второе: важнейшие признаки заражения деревьев и кустов. Думаю, никто не станет отрицать: они указывают на то, что излучение идет из определенного места...

Коул остановился и посмотрел вокруг. Симмонс, ухмыляясь, подошел и сунул ему в руку карту.

— Более того, — продолжал молодой врач, — есть еще данные. Почему растения в оранжереях не подверглись заражению? Почему не задело людей, живущих под землей? Очевидно, они защищены от вредного воздействия.

— Что же это за таинственное воздействие? — раздалось множество голосов.

— Я не знаю, — ответил Коул, — но могу рассказать вам одну простую историю, которая многое прояснит. В Москве во Всесоюзном институте экспериментальной медицины биологи проводили эксперименты по изучению скорости размножения живой ткани. Они заметили, что деление клетки часто происходит в определенном ритме, и пришли к заключению, что ритм задают соседние клетки.

Провели эксперимент: взяли молодые тонкие корешки и разместили их так, что кончик одного прямо указывал в бок второго. Первый назвали биологической пушкой, второй — индикатором. Ученые оставили оба корешка в таком положении на три часа. Потом индикатор разрезали и подсчитали количество поделившихся клеток с обеих сторон корня. На участке, подвергшемся воздействию, поделившихся клеток

было обнаружено на четверть больше — очевидно, эффект воздействия биологической пушки.

Эксперимент повторили более сотни раз — с тем же результатом. Его провели, вставив между корнями тонкий кварцевый лист, — и опять те же результаты. Но когда использовали тонкое стекло или покрывали кварц желатином, эффект исчезал. Всем вам известно, что кварц пропускает ультрафиолетовые лучи, тогда как стекло и желатин — нет...

Коул сделал многозначительную паузу. Остальные медики изумленно зашумели и уставились на молодого ученого.

— Из всего этого был сделан вывод, что воздействие оказывает ультрафиолетовое излучение клеток пушки. Поскольку следствием излучения являлось ускорение митоза, лучи назвали митогенетическими. Господа, я считаю, что наш город атакует какой-то новый и чрезвычайно мощный вид таких лучей!

— А оранжереи? — спросил Денн.

— Оранжереи госпиталя из обычного стекла. Обычное стекло, как и желатин, не пропускает митогенетические лучи... Агенты человека, который называет себя Целителем, носят желатиновую форму — очевидно, чтобы защититься от этого излучения. И последнее. Наше маленькое расследование показывает, что лучи исходят из общей точки. — Коул развернул карту. — Эта точка — на Черной вершине, в двадцати милях от Нью-Йорка, на Гудзоне. Я не знаю, что Целитель использует для своей смертоносной деятельности, но ясно одно: мы обязаны добраться туда и уничтожить источник излучения!

В следующие сумбурные полчаса отбирали тех, кто пойдет, раздавали скромные запасы оружия и патронов. Наконец все шестнадцать человек собрались перед выступлением в гостиной.

— Мы должны прорваться, — обратился к ним Коул. — Целитель несет смерть и разрушение с Черной вершиной. Если нам удастся уничтожить его, его планы рухнут. Помните: мы добьемся большего, если будем осторожны. Остановитесь в Нью-Йорке и возьмите оружие. Если представится возможность отнять у кого-нибудь такую форму, сделайте это.

— Почему бы нам самим не изготовить подобную одежду? — спросил Симmons.

— Во-первых, у нас недостаточно времени. Во-вторых, материя пропитана желатином каким-то особым способом, и, чтобы создать такую же, уйдет слишком много сил.

— Но зачем вообще эти костюмы?

— Мы с Данном пришли к заключению, что наш иммунитет — результат неизвестного свойства кожи, обеспечивающего механическую защиту от митогенетических лучей. Однако по мере приближения к источнику сила излучения будет возрастать, и, возможно, естественной кожной защиты окажется недостаточно. Так рисковать нельзя. Ну да ладно! Хватит дискуссий. Ежайте по любой дороге на север... но будьте в Чансвилле прямо под Черной вершиной к пяти часам!

ГЛАВА 4

Люди в белом

Было четыре тридцать, когда Коул доехал до Чансвилля. На шоссе уже ждали две другие машины. Чем ближе они подъезжали к источнику излучения, тем страшнее становились уродства встречающихся людей и растений.

— Эй, посмотрите на Вершину!

Данн взвужденно показывал на маячивший вдалеке черный пик. Вокруг остряя нимбом переливалось слабое, почти незаметное сияние, сияние легких пастельных тонов. Оно мерцало и колебалось, будто танцующие языки пламени. Медики долго смотрели на них, завороженные. Наконец Коул щелкнул пальцами.

— Пять часов, — сказал он. — Больше мы ждать не можем. Давайте подниматься.

Двенадцать человек гуськом бесшумно двинулись по дороге. В сотне ярдов от машин они повернули и вскоре увидели дома приближающегося городка. Достаточно быстро светало, и было необходимо миновать городок до того, как их станет видно.

Они почти достигли ратуши, когда из-за угла вышли трое одетых в белое часовых — и остолбенели

при виде незваных гостей всего в нескольких футов от себя. Один охранник крикнул: «Стой!» и стал нащупывать кобуру. Другие рванулись вперед.

Коул вскинул ружье, которое держал в руках, и с силой ударили прикладом в голову первого часового. Тот рухнул с кашляющим звуком и покатился в ноги второму. Оставшийся испуганно взывал и вслепую выпалил из револьвера, однако выстрел из-за спины Коула подкосил его на месте.

Но в эту секунду из бараков вылилась тонкая струйка одетых в форму людей, которые начали окружать их.

— Сюда! — заорал Коул. Он повернулся и припустил по узкой улочке между домами. Остальные побежали за ним. Сзади раздавались удары и шум борьбы. Потом Коул оказался за домом в саду. Он с легкостью перепрыгнул через высокий дощатый забор и упал на землю. За ним последовала еще одна фигура в белом — Dann.

— Где остальные?

Dann мотнул головой назад.

Друзья побежали, припадая к земле, пока не выбрались из города, а потом выпрямились и пошли по крутой дороге, ведущей на вершину горы. Полутьма утренней зари быстро рассеивалась, и высоко над ними торчала Черная вершина. Сквозь деревья блестел металл, пропадали очертания гигантской конструкции, установленной на острие пика. Медики поднимались по зубчатой, изогнутой горе, пока наконец не увидели высокий забор, оплетенный колючей проволокой.

Забор был плотно сбитый, тяжелый, более десяти футов высотой; его подпирали мощные стальные столбы, укрепленные в бетонных подушках. В ста ярдах над забором, укрытый дикими кустами, стоял каменный особняк с высокой башней, похожей на средневековую обсерваторию. А на самой вершине ее красовалась чересчур современная орудийная башня. В заборе были только одни ворота, впереди на дороге, и те охранял отряд из десяти человек.

— Как, черт возьми, нам туда попасть? — пробормотал Коул.

— Я могу сделать так, чтобы ты туда пробрался, — ответил Данн. — Вот смотри...

Они шепотом посовещались, потом Данн взял ружье и, крадучись, зашел в придорожный лес. Через несколько минут прозвучал выстрел: патологоанатом начал мини-войну с охранниками у ворот. Воспользовавшись этим, Коул рванулся к забору — словно бы свой. Он выслушал возбужденные сообщения стражи, стал вглядываться в направлении неизвестного противника, потом кивнул и побежал по склону к башне, будто за помощью. Молодой врач рывком открыл тяжелую дубовую дверь и резко захлопнул ее за собой, глубоко вздохнув с притворным облегчением.

Очутившись в маленькой передней, Коул оглянулся по сторонам. Потом раздались шаги. Из-за отдернутой занавеси в помещение вошел офицер.

— Что там, черт возьми, творится? — гаркнул он.

— Нападение на башню, сэр.

Офицер вздрогнул и повернулся, чтобы прорычать команду страже в дальней комнате. Коул быстро шагнул вперед и ткнул дулом револьвера ему в спину.

— Теперь, — сказал он лаконично, — прикажите им отойти к стене.

Офицер замешкался, почувствовал, как револьвер深深地 ввинтился в спину, и отдал команду. Пихая пленника перед собой, Коул быстро прошел через комнату охраны к закрытой двери в дальнем углу. Он оттолкнул офицера, дотянулся до ручки и чуть-чуть приоткрыл дверь. Потом резко распахнул ее, скользнул внутрь и с шумом захлопнул дверь за собой.

Справа от себя Коул увидел пролет каменных ступенек и побежал вверх. Сзади раздался выстрел: за ним в погоню ринулся офицер. Коул добежал до поворота ступенек и бросился еще выше, пока не достиг первой лестничной площадки. Он, спотыкаясь, уже преодолел оставшийся пролет на второй этаж, когда остальные добежали до поворота.

Снизу раздался еще один выстрел и послышались крики, но Коул вскочил в первую попавшуюся комнату и захлопнул за собой дверь. Ключа в замке не было. Он обернулся и увидел, как изумленный человек в

форме поднимается из-за пульта радиоконтроля и срывает с головы наушники.

— Беда! — хрюкло крикнул Коул, кивнув в сторону двери. — Тебе нужно хоть немного задержать их. Я поднимусь и доложу о случившемся.

Радиооператор кивнул и показал на выход. Коул бросился к узкому винтообразному пролету извишающихся железных ступенек. Снизу до него доносились глухие звуки расщепляющегося дерева и дикие крики. Потом меж стальными балками засвистели пули.

Коул думал, что его сердце сейчас разорвется от напряжения — такие крутые были ступеньки. На маленькой площадке виднелись две занавешенные двери. Он на секунду остановился в нерешительности, размышая, проникнуть ли внутрь или бежать по извишающейся лестнице на вершину башни. Но по металлу грохотало слишком много ног — его наверняка настигнут на полдороги.

Коул повернулся вправо и впрыгнул в большую комнату с окнами только с одной стороны. Он подбежал к окну — далеко-далеко внизу была земля; огляделся — что-то вроде биологической лаборатории, нигде не спрятаться.

Коул прошел дальше еще через две комнаты и очутился в другой лаборатории. На длинных столах стояли микроскопы, на ярком утреннем солнце сверкал огромный конденсатор. Спереди и сзади беглеца нарастал шум преследования, пока звук, похоже, не окружил его со всех сторон. Дверь в дальнем конце лаборатории была заперта. Коул осторожно повернул ключ, выглянул наружу — и внутри у него словно все оборвалось. Конечно же, башня была круглой. Он промчался по окружности и вернулся к той же железной площадке!

На всех ступеньках толпились охранники, разговаривая и жестикулируя. Все новые люди поднимались снизу по узким ступенькам, задавали вопросы, рассказывали о перестрелке на улице, выслушивали сообщения о каком-то безумце внутри башни. Коул услышал, как сзади него в лабораторию ворвались преследователи. Он глубоко вдохнул, плавно открыл дверь и выскользнул на площадку, все еще сжимая в

руке ключ. Потом прижался спиной к двери и стал отчаянно нащупывать скважину, чтобы всунуть и повернуть ключ. Через минуту ему это удалось. И тут же дверь задрожала под градом ударов изнутри.

— Сэр, она заперта, — крикнул Коул.

— Знаю, чертов придурок! — раздался голос офицера.

Остальные стражники столпились за спиной Коула и слушали. Он снова вытащил ключ и спрятал его в руках.

— Что делать, сэр? Здесь ключа нет.

— Ладно, — нетерпеливо огрызнулся офицер. — Несколько человек — бегом сюда, искать. Он должен быть здесь. Остальные следите за лестницей.

Коул обернулся и посмотрел на охранников. Те пожали плечами и лениво побрали в открытую дверь.

— Эй, — раздался голос — знакомый голос. — Не глянуть ли нам наверх, а?

Коул осталбенел, чуть не упав в обморок от потрясения.

— Правильно, идем! — сумел выдавить он.

Двое протолкались сквозь толпу и двинулись вверх по спиральной лестнице.

— Ради всего святого, — прошептал Коул углом рта, — как ты это сделал?

— Очень просто, — ответил Данн. — Я тоже притворился одним из местных защитников, немного посыпал сам по себе, а потом вернулся к воротам. Затем мы все узнали, что внутри тревога, и я поднялся сюда. Вот что хорошего в форме — если она на тебе, заклятый враг тебя не узнает.

— Как я рад тебя видеть! — с жаром прошептал Коул. — Пошли, проберемся наверх. Времени у нас не много.

Друзья осторожно поднимались, пятясь, преодолевая по одной ступеньке, пока их не скрыла железная решетка. Потом они повернулись и быстро побежали до конца лестницы, где перед тяжелым металлическим щитом стоял охранник.

— Смена караула, — сказал Коул.

Часовой отдал честь и пошел вниз. Они подождали, пока он исчезнет из виду, а потом взялись за щит.

Тот тяжело поддался, скользнул вбок. Друзья прошли внутрь, поставили на место крышку люка и оказались на широкой открытой площадке из полированного стекла, на которой стоял аппарат.

— Ага! — воскликнул Данн. — Вот он, источник чумы!

ГЛАВА 5

Целитель

Вдруг раздался громоподобный гул. Вершину башни, почти двадцатифутовую в диаметре, занимало что-то вроде гигантской пушки или электрода. Агрегат высился над полом из груды мелких механических приспособлений, катушек и проводов, словно механическая копия доисторического мастодонта. Изолированные каменные опоры выглядели как огромные бедра, машамина контактов, переключателей и пусковых реле напоминала бочкообразное тело, а овальная стальная голова переходила в отвратительное короткое дуло.

Агрегат был направлен на юг, он трясясь и дрожал от гудящего рева собственной мощи. Стреляли и свелись сомкнутые ряды трубок Кулиджа, трещали электрические разряды, чувствовался давящий запах ионизации.

— О Боже! — выдохнул Коул, — что за штука!

Он инстинктивно сделал шаг вперед, Данн двинулся следом, и вдруг голос за их спинами прокричал:

— Стоять, безмозглые идиоты!

За ними под маленькой аркой стоял огромный мужчина в форме.

— Сколько раз вас предупреждать? — со злостью продолжал он. — Если не хотите изжариться, не смейте подходить к излучателю ближе, чем на десять футов. И вообще, какого дьявола вы здесь делаете?

— Не могу ответить в этом шуме, сэр, — крикнул Коул.

— Хорошо, зайдем в лабораторию.

Мужчина шагнул в сторону — массивная фигура в мешковатой форме с капюшоном, — и они прошли в

маленьку лабораторию. Там незнакомец с шумом захлопнул тяжелую дверь и уставился на них.

— Ну, чего вам надо? Я же распорядился меня не беспокоить!

Коул стоял молча, его пальцы дрожали на рукоятке револьвера. Потом молодой врач сделал громкий вздох и поднял глаза.

— Ах,уважаемый Целитель, — произнес он с горечью, — я пришел к вам с дурными вестями. По зре-
лому размышлению, мистер Миллер, вы бы сняли ма-
ску!

Казалось, мир остановился. Слышно было, как сквозь тяжелую дверь грохочет излучатель и как Миллер несколько раз втянул в себя воздух. Потом главврач начал действовать с яростью вулканического извержения. Он выбросил вперед руки, схватил маленького Данна и почти бросил его на Коула, а сам тем временем повернулся и распахнул тяжелую дверь лаборатории. Он уже наполовину прошел в нее, когда Коулу удалось подняться и прыгнуть вдогонку.

Он ударился плечом об икры Миллера, и тот с гро-
хотом упал. Коул подполз к нему на четвереньках, они сцепились и, царапаясь и молотя друг друга, стали подниматься. Противники прочно стояли на ногах, яростно обмениваясь ударами, почти минуту. Потом рядом с Коулом вспыхнуло что-то белое, Миллер вскрикнул и отпрянул назад. Излучатель неожиданно взревел, а тело Миллера вдруг неестественно изогну-
лось.

Послышался треск разрядов, вокруг Миллера за-
плясала фиолетовая тень, его конечности танцевали и дергались в безумной джиге. Он стал медленно тем-
неть, затем рухнул на пол. Комната наполнилась смра-
дом горящей плоти.

Медиков затошнило, они повернулись и вбежали обратно в лабораторию.

— Что ты сделал? — наконец спросил Коул.

— То, что следовало сделать. — Данн помотал го-
ловой. — Пока ты с ним драился, я подошел сзади и ружьем размозжил ему череп.

Коул присел.

— Откуда ты узнал, что это Миллер? — через какое-то время спросил Данн.

— Потом расскажу. — Коул взял себя в руки. — Сейчас нам нужно полностью вывести из строя эту машину. Иначе через несколько часов ее снова запустят. — Он прошелся по лаборатории, отчаянно размышляя, взял в руки несколько бутылок с реактивами, прочел этикетки и медленно улыбнулся. — Ты знаешь, меня чуть не вышвырнули из университета за...

— За что?

— Неважно. — Коул с новой энергией взялся обыскивать помещение. — Данн, у меня для тебя сложное задание. Спустись вниз и приведи сюда охранника. Если не сможешь, добудь хотя бы форму. Еще один комплект формы, ладно?

Данн мгновенно выскочил из лаборатории и бросился вниз, в отверстие люка. Он плавно отодвинул в сторону внешний щит и стал всматриваться в ступеньки, ведущие вниз. Сквозь решетку ему удалось разглядеть одинокого часового, стоящего на нижней площадке, где все еще шли поиски чужака. Очевидно, большинство охранников отправили вниз.

Данн на цыпочках спустился, остановившись в нескольких ярдах от часового, потом перегнулся через балюстраду, держа ружье за ствол, сильно согнул руку и с размаху толкнул вперед тяжелый маятник. Часовой рухнул на ступеньки. Данн перескочил последние несколько ярдов, взвалил на плечо неподвижное тело, поднял ружье и заковылял обратно вверх по ступенькам.

В люке Данн бросил часового, который до сих пор не пришел в себя, на пол и содрал с него форму. Потом вышвырнул тело за щит, захлопнул дверь и ринулся обратно в лабораторию, неся ружье и сложенную тяжелую студенистую ткань.

— Оторви молнии и кнопки, — попросил Коул, колдующий над колбами, — и размочи мне материал, ладно?

Через несколько минут все было готово. Коул окунул тяжелую материю в большую мензурку и осторожно нагревал, пока содержимое не стало жидким. Потом поставил мензурку охлаждаться и вернулся к

прежнему занятию: осторожно влиять бесцветную жидкость в маленький бак с дымящимся мутным веществом. Данн учゅял едкий запах азотной кислоты.

Когда Коул уже переливал в мензурку содержимое бака, на лестнице послышался звук шагов.

— Это стражи, — тихо произнес Данн. — Долго еще, Льюис? У нас мало времени.

— Мне нужно десять минут.

Негнущимися пальцами Коул вытряс из ремня патроны, с трудом извлек из них пули и высыпал порох. Данн принялся ему помогать, и вскоре они вдвоем насыпали на гладком стекловидном полу пороховую дорожку, идущую вдоль стен башни.

Когда друзья вернулись в лабораторию, масса в мензурке превратилась в огромный кусок желтоватого желатина.

— Теперь осторожно!

Коул, затаив дыхание, вынес мензурку наружу и поставил на пол, расположив ее горлышком к концу пороховой дорожки.

— Давай гремучую ртуть, — повернулся он к Данну. — Порошок в стекле от часов, на столе.

Гремучая ртуть была ссыпана в кучку рядом с желатином.

— Пора!

Коул наклонился и поднес спичку к дальнему концу пороховой дорожки. Та вспыхнула, вдоль стены башни побежал огонек. Данн сгреб ружья, и друзья бросились в люк, наружу, на лестницу. Они понеслись вниз, перепрыгивая сразу по три ступеньки, — и сумели промчаться мимо в первый момент растерявшихся охранников, сгрудившихся на лестничной клетке! Вслед беглецам прозвучал залп — промах.

Высоко в башне продолжалась стрельба, а ученые уже ворвались в радиорубку. Коул выскочил вперед, размахнулся ружьем и впечатал оператора в пульт управления. Друзья, задыхаясь, добежали до начала широкой лестницы — и там Данн подвернул ногу. Он рухнул, как тряпичная кукла, покатился вниз по ступеням.

Когда Коул добежал до товарища, тот был почти без сознания. Маленький патологоанатом попытался встать и упал снова.

— Вперед, Льюис, — криво улыбнулся он. — Ничего, не страшно!

Коул выругался, поднял легкое тело Данна и осторожно взвалил его себе на плечи. Сзади на лестнице слышался топот ног, когда он изо всех сил дернул дверь в комнату охраны и врезался в удивленную группу слонявшихся там людей.

— Ему плохо! Надо быстрее доставить беднягу вниз.

Коул пересек комнату и был таков раньше, чем они могли ему ответить. Нужно торопиться, время дорого! Пороховая дорожка не такая уж длинная, в любую секунду могло рвануть.

Вот и массивная внешняя дверь... Коул очутился на улице и, пошатываясь, побежал через кусты, хватая воздух измученными легкими. Забор был в ста ярдах впереди. Доберется ли он туда до того, как... Сто ярдов! Казалось, будто это сто миль. За спиной обессилевшего беглеца раздавались крики, впереди у ворот замаячили часовые с ружьями наготове...

И в этот момент башня взлетела на воздух. Казалось, она вырвалась из Черной вершины и распылилась в ясном утреннем небе. Прозвучал титанический взрыв, ужасный фонтан огня отколол кусок каменной кладки. На том месте, где секунду назад были мощные кирпичи, обнажилась пустота. Затем толчок швырнул всех на землю, вокруг засвистели сыпавшиеся сверху осколки.

Казалось, будто прошли долгие часы, прежде чем Коул встал с земли и огляделся. Башня была полностью разрушена, только несколько обломков фундамента еще держались на месте. Весь пик вершины был забросан разбитыми камнями; среди них поднимались на ноги ошеломленные охранники в разорванной форме. Но, что любопытно, взрывы продолжались!.. Коул завороженно наблюдал, как на вершине появляются новые воронки.

— Дай мне руку, Льюис.

Пораженный Коул увидел, что Данн определенно цел и невредим, хотя его левое плечо все в крови. Молодой врач осторожно поднял товарища, потом оба они поползли обратно, недоумевая, отчего продолжаются взрывы. Наконец, Данн щелкнул пальцами.

— Национальная Гвардия! — сказал он и попытался усмехнуться. — Как это типично — вечно опаздывать... Вершину обстреливают из минометов.

Коул кивнул, и друзья поспешили по дороге вниз, прочь от разрушения. Через сто ярдов они остановились, чтобы сорвать с себя желатиновую форму, и посмотрели вниз на городок. Видны были суетливые передвижения людей в коричневой форме и блеск штыков.

Некоторое время ученые шли молча. Наконец Данн хмыкнул и спросил:

— Как ты это сделал, Льюис?

— Взрывчатый желатин, — ответил Коул. — За это меня чуть не вышвырнули из университета. Я всегда увлекался взрывами.

— Ясно. — Данн вздохнул и попытался чуть-чуть привести в порядок разбитое плечо. — Скажи мне, Льюис, как ты догадался, что это Миллер?

— А!.. Ну, ты сам мне подсказал. Помнишь снимок Миллера и Гурвича? Ты тогда упомянул, что Гурвич проводил замечательные эксперименты по аномальному развитию растений, и посоветовал мне почитать «Зоологический журнал». Я так и сделал. Именно Гурвич работал в московском институте на первом этапе изучения митогенетических лучей.

— Только потому, что Миллер с ним учился... — начал Данн.

— Конечно, это не было решающим доводом, — прервал его Коул. — Но есть еще один факт, который расставил все по местам. Среди бумаг Миллера в госпитале я нашел одну весьма любопытную: счет на шесть тысяч долларов за свежие говяжьи кости. Знаешь, что делают из костей? Желатин!.. Миллер долгие годы готовил этот переворот. Создал собственную секретную желатиновую фабрику специально для производства формы и организовал все так, что не подкопаешься. Вероятно, задумал это еще в Москве.

Очевидно, он изучал там не только биологию. Миллер очень хотел командовать и управлять, стремился к власти и господству.

— Ясно, — пробормотал Данн. Он смотрел вокруг, на прохладное утро, с каким-то облегчением на измученном лице. — Думаю, теперь все позади.

— Не совсем, — медленно произнес Коул. — Мы уничтожили излучатель и его изобретателя, а военные займутся Мальчиками в Белом, но... — Он обвел глазами пораженные земли и показал на искривленные фигуры. — Нет, дружище, наша с тобой работа только начинается. Мы должны восстановить здоровье и здравомыслие.

Вдруг Коул осознал, что до сих пор сжимает в кулаке револьвер. С нескрываемым облегчением он швырнул железяку в кусты.

— Слава Богу, мне это больше не понадобится. Я врач, а не разрушитель.

БЕШЕННАЯ МОЛЕКУЛА

Уж если искать виноватого, я думаю, все случилось из-за дождетворца — ведь он привел меня в бешенство, да так, что долго после этого я был не в состоянии соображать.

Я остановился в нескольких милях от Йорка перекусить. Рядом с киоском стоял древний потрепанный домишко, а на крыльце, раскачиваясь в ужасно старом кресле, сидел древний потрепанный старик. Я посмотрел на него, он — на меня, и я вновь принялся жевать. Потом что-то в его поведении словно подтолкнуло меня взглянуть на него повнимательней, и я увидел, что старик смеется сухим сдавленным смешком.

— Приехал меня изучать? — прохрипел он.

Я вытаращил глаза и перестал жевать.

— Хочешь мою лабораторию изучить? — продолжал он. Это почему-то поразило его как нечто мучительно смешное. Он прямо согнулся в приступе иссущенного веселья.

— О чём, черт побери, вы говорите? — спросил я.

— Не думал, что кто-то тебя здесь знает?.. Фотку я твою видел в газете, док Граут. Мне все про тебя известно. Научный консультант и исследователь, разоб-

THE MAD MOLECULE, 1941

© Перевод, Е. Ходос, 1994.

лачаешь мошенников и всяких таких... Приехал меня разоблачать?

— Да кто вы такой, черт возьми?

Старик еще что-то прохрипел и показал вверх. Я поднял голову и увидел над крыльцом маленькую вывеску:

ДОЖДЕТВОРЕЦ ДЖЕЙБС ДЖЕКСОН

Если что-то и может разозлить меня до смерти, так это шарлатаны от науки. Я их не перевариваю. Многие слышали о моей работе. Хотя, строго говоря, я — научный консультант, свою репутацию и известность я приобрел, в основном, разоблачая шарлатанов. В области науки я все равно что Гудини для лжемедиумов.

Я свирепо смотрел то на вывеску, то на этого явного мошенника Джексона и ужасно жалел, что через полчаса у меня встречал в Йорке. Уж очень хотелось поглядеть, на что этот Джексон способен.

— Что случилось, док? — поинтересовался дождетворец. — Не веришь, что у меня все по науке?

Я выкинул остаток бутерброда и в ярости шагнул к машине. Уже тронувшись с места, я высунулся из окошка и зыркнул на Джейбса Джексона, дождетворца:

— Послушай, ты, старый мумбо-юмбо! Я буду возвращаться по этой дороге в пять. И дам тебе пятьдесят долларов, если ты пригонишь хоть облачко.

Сигналя изо всех сил, чтобы привлечь внимание, я жарил по шоссе, уже не такой разъяренный, но все же был еще очень зол, когда добрался до дома Ларри Мэнсона. Я с силой вдавил палец в кнопку звонка и, ворвавшись в дом, едва не опрокинул дворецкого.

Ларри ждал меня в библиотеке.

— Привет! — воскликнул он. — Выглядишь, как сам гнев Господень. Рад тебя видеть, Граут.

— Привет, Ларри! — Я пожал ему руку и попытался успокоиться.

— Неприятности на дороге?

— Ерунда, — промычал я. — Давай не будем об этом, ладно? Теперь говори, в чем дело. Послал мне

таинственную телеграмму, если не сказать больше. На этот раз тебе нужен совет или разоблачение?

— Восхищение, в основном, — осклабился Мэнсон. — Ты сыт? Чудесно. Пойдем сразу в лабораторию. Граут, у меня есть кое-что, от чего ты просто обалдеешь.

Я застонал и позволил протащить себя через весь дом. Мэнсон — неплохой парень. Мы с ним вместе учились. Тогда он по-настоящему увлекался наукой и, может, остался бы в ней, если бы не страдал от наличия больших денег. Но поскольку его мучили эти деньги, он сидел дома и большую часть времени доводил меня своими безумными идеями. Знаете, как это бывает. Когда получаешь деньги из университетского бюджета, не можешь позволить себе их тратить на дурацкие эксперименты. Сначала надо все рассчитать на бумаге.

К Ларри Мэнсону это не относится. Он слишком нетерпелив и пытается осуществить проекты, когда они еще находятся на стадии расплывчатой идеи.

— Это по-настоящему классно! — вопил он.

Ларри втолкнул меня в свою лабораторию и запер дверь. Я оглядел привычную свалку из дорогих приборов и с горечью подумал: то, что Мэнсон бесцельно портит, могло долгие годы служить в настоящем исследовательском центре.

— Ну хорошо, что на этот раз?

— Атомы, — гордо объявил он.

— Атомы — вот бред! — отпарировал я. — Прежде всего тебе, Ларри, если это очередная сумасбродная затея, я выставлю тебе умопомрачительный счет.

— Ничего не сумасбродная. Смотри сюда.

Он прошел по захламленной лаборатории и остановился у громадного возвышения — кучи электрических приборов, окружающих маленький стальной бак. Кое-какие инструменты были мне знакомы: два насоса для паров ртути Гольвека и один из самых больших измерителей индукции поля Рэдли, который мне доводилось видеть.

— Идея такова, — начал Мэнсон.

Он повернул переключатель, тут же зашипели и всхлипнули насосы. Меня кольнуло жуткое подозрение, и я медленно попятился.

— Мэнсон, — рявкнул я, — ты когда-нибудь раньше проводил этот опыт?

Чистой воды самоубийство — присутствовать при некоторых его лабораторных дебютах.

— Нет, — ответил Ларри и вцепился мне в руку, чтобы я не успел убежать. — Не волнуйся, приятель. Клянусь, это совершенно безопасно. Я хочу, чтобы ты посмотрел все в действии, пока я буду объяснять.

Насосы весело урчали, а он взял в руку кучу небрежно исписанных листочеков и помахал ими у меня перед носом.

— Послушай, если бы ты взял плотно набитый персом турецкий барабан и его потряс, что бы ты услышал?

— Ничего.

— Правильно! А если вынуть весь песок, кроме нескольких крупиц, и потом потрясти — тогда что?

— Ну, было бы слышно, как гремят песчинки, ударяясь о кожу барабана, — ответил я.

— Вот это я и делаю! — восторженно заорал Мэнсон. — Я выделяю несколько атомов водорода внутри этого бака. Но мне не нужно трясти бак, чтобы услышать, как они гремят, — частички газа находятся в движении.

— Ты кретин! — крикнул я. — И машина твоя — кретинская!

— Нет, Граут. Посмотри чертежи. — Он сунул их мне в руки. — Я пропускаю сильный ток через стенки бака. Когда в баке останется всего несколько атомов водорода, будет слышно, как они ударяются об энергетическое поле. Как щелчок статического заряда!

Я взглянул на смятые бумажки и попытался остановить Мэнсона, тыкающего в них грязным указательным пальцем. С неохотой мне пришлось признать, что задумка выглядела осуществимой — если только создать ток необходимой силы.

Эти два насоса создадут в баке практически вакуум, как если бы из барабана удалили все, кроме нескольких песчинок. Мощное электрическое поле, ко-

торое он пропустит через бак, послужит чем-то вроде кожи барабана, так что каждый раз, когда о нем будет ударяться атом, с помощью усилителя мы услышим щелчок, подобный щелчку статического заряда.

Насосы начали яростно стучать, удаляя из бака атмосферу, и я взглянул на манометр. Давление было низким — пользуясь той же аналогией, можно сказать, что песок быстро высасывался. Мэнсон нетерпеливо ждал, кусая ногти, пока наконец насосы не застопорили, взревели и выключились. Судя по показаниям манометра, бак был пуст настолько, что вряд ли в нем оставалось больше нескольких атомов.

Мэнсон нервно хихикнул и повернулся ко мне.

— Ну, что скажешь? Хочешь услышать атом?

— Минуточку, — ответил я.

Я снова уставился в схему проводки — мне казалось, что что-то здесь упущено. Однако времени на проверку у меня не было, потому что Мэнсон шмыгнул мимо меня и включил электрическое поле, которое должно было сыграть роль барабана.

Стальная сфера загорелась чем-то вроде огня святого Эльма, когда ее накрыло энергетическое поле колоссальной силы. Бак испускал дымный фосфоресцирующий свет и, казалось, менял форму под давлением. Лаборатория наполнилась самым жутким гудением, которое когда-либо слышали человеческие уши.

Я с тревогой взглянул на вольтметр — стальная игла скользнула по шкале и остановилась на опасной отметке 100 — 1000. Установленные на стенах батареи жужжали и трещали, а в дальнем конце лаборатории завыли две динамомашины. Мэнсон быстро что-то подкрутил, и, наконец, жужжание перешло в шорох.

— Это великое мгновение для нас обоих, — сказал он. — Музыка сфер и все такое. Боже мой, как я ждал этой минуты!.. Послушай, Граут. Я включаю усилитель.

Ларри включил систему; я вместе с ним уставился на огромный звукоусилитель, висящий над головой. Мэнсон стал медленно крутить диск, пока наконец мы не услышали неясный звук, слабый, как далекий прибой. Мы напряженно замерли в ожидании сигнальной песни атомов — ждали и слушали.

Потом они послышались — слабые щелчки, как градины, бьющие в оконное стекло. Мэнсон вздохнул и улыбнулся мне.

— Ну как, старина? Я безумен, да?

Я не ответил, потому что слушал этот удивительный звук, слушал слабый рокот энергии, танцующей внутри горящего шара. Я слышал, как слабый стук перешел в треск, потом в сильный стук, а потом — в глухой грохот, который колотил в уши с силой огромного барабана. Все громче и громче, оглушительно, громоподобно. Чудовищный турецкий барабан, в который бьют гигантскими палочками с огромной скоростью.

— Ради Бога, — завизжал я, — приглуши звукоусилитель!

Мэнсон прыгнул к нему и крутанул диск. Гром заполнил комнату так, что все тряслось и скрипело. Потом Ларри повернулся — бледный, испуганный.

— Что случилось? — крикнул я.

— Не знаю. — Он беспомощно показывал на аппарат. — Я все выключил. Совсем. А оно все работает.

Я тупо уставился на помост и вдруг понял, что громоподобный стук исходит из самого бака. Я увидел, что стальной шар сильно вибрирует, постепенно высвобождаясь из удерживающих его приборов, и вот уже он ползет по столу, как баскетбольный мяч в пляске святого Витта.

— Что случилось? — повторил я.

Ларри посмотрел, как громыхающая штука ползет по столу, и беспомощно покачал головой.

— Не знаю, — ответил он. — Слава Богу, ты здесь!

Потом сквозь гром и треск ломающихся приборов мы услышали пронзительный, бешеный визг и звук разлетающегося вдребезги металла. Через мгновение звук прекратился, и в ту же секунду нас обоих закружило и отбросило назад потоком расплавленного металла и вспышкой ослепительной яркости.

Нам удалось на четвереньках доползти до дальнего конца лаборатории, но, когда мы обернулись и попытались увидеть, что там крутится и сверкает на помосте, нам это не удалось. Будто мы пытались широко раскрытыми глазами заглянуть в самое ядро полуцен-

ного солнца. Потом Мэнсон дернул меня за локоть и мотнул головой, и я пополз за ним в примыкающий к лаборатории крошечный кабинет.

— Быстро! — выдохнул он. — Нужно что-то предпринять! Через минуту здесь все загорится... Что это, Граут?

Я помотал головой и вцепился в его диаграммы и уравнения, все еще зажатые у меня в кулаке, отчаянно выискивая то самое недостающее звено, которое я смутно почувствовал раньше.

Через закрытую дверь до нас доносился глухой вой, и в щель между дверью и косяком лучилось бело-голубое сияние. Ларри Мэнсон неуклюже порылся в ящиках стола и через мгновение достал пару затемненных очков. Он поспешил разломил их и протянул мне темное стеклышко.

Мне пришлось бросать беглые взгляды через расколотые очки, настолько ярким был свет. Удалось рассмотреть крошечный сияющий шар, вертящийся на помосте — он крутился и сверкал, как маленькая звезда. Я даже смог заметить, что он тихо перемещается к стене, и понял, что как только шар дотронется до нее, цемент превратится в поток лавы.

Вернувшись к смятым схемам, я попытался проанализировать вторую половину опыта. Грубо говоря, Ларри создал поле внутри толстой оболочки из микротали, окружающей несколько оставшихся атомов водорода. План проводки вроде бы казался правильным, но... У меня кружилась голова, я моргал и тщетно силялся сосредоточиться.

Мэнсон подошел к двери, быстро взглянул еще раз и в раздражении вернулся.

— Не знаю, сгорим мы или нас убьет током, — пробормотал он. — Если от жара с батареек слезет изоляция...

И тут я понял.

— Идиот! Ты забыл про изоляцию. Ты направил миллиарды вольт на этот бак, миллионы эргов энергии — в эти несколько атомов водорода. Они перекомбинировались и сформировали молекулярный шар, а ты накачал его энергией так, что он раздулся, словно губка.

— А свет? И жар?

— Это энергия разложения. Она высвобождается в виде излучения, когда атомы перекомбинируются в молекулу.

Послышался сухой, леденящий душу звук чего-то льющегося. Мы бросились обратно в лабораторию и увидели, что в стене дымится отверстие, из него что-то капает, а горящая молекула медленно перемещается наружу, под полуденное солнце, которое на ее фоне казалось блеклым.

Мы недолго попрыгали вокруг нее, пока не застыл поток расплавленного цемента. Тут я быстро принял решение.

— Закопти две пары мощных защитных очков, — приказал я. — Потом пусть кто-нибудь быстро доставит сюда дюжину асбестовых листов величиной с занавес и полдюжины огнеупорных костюмов. Пришли сюда всех, кого можно. Нужно снять с подставки твой измеритель Рэдли и погрузить вместе с аккумуляторами и прочим на грузовик.

Мэнсон умчался, и через пару минут мы с четырьмя ошарашенными людьми уже носили в грузовик оборудование. На капот спешно прикрепили тяжелый магнит и наполнили машину тяжелыми батареями.

Работая вместе с нами, люди, полуослепленные молекулой, которая двигалась по полям, в изумлении смотрели на ослепительный шарик, освещавший окрестности сверхъестественным сиянием. Даже я смотрел, как катится безумная молекула, внутренне содрогаясь: я не был уверен, что нам удастся подобраться достаточно близко, чтобы втянуть шар внутрь поля Рэдли или отвезти его для разрядки в лабораторию Массачусетского политехнического института.

У нас болели глаза, когда мы впрыгнули в машину и Мэнсон взялся за руль. Мы надвинули на глаза защитные очки и стали нетерпеливо вглядываться в яркое пятно, пересекающее почти в миle от нас поля Новой Англии. Грузовик медленно громыхал, преследуя молекулу; мне были видны толпы испуганных фермеров — те собирались группками, заслоняли лицо от ослепительного света и что-то выкрикивали, размахивая руками.

Даже несмотря на то, что очки были почти совсем темными, на сбежавшую молекулу было невозможно смотреть прямо. Грузовик Мэнсона грохотал вдоль полосы сожженной, почерневшей, дымящейся пшеницы и маиса. А я уныло размышлял о том, что мы будем делать, когда доедем. Если бы мы могли хотя бы удержать молекулу над Рэдли на несколько часов, пока подоспеет помошь...

Вдруг Ларри хмыкнул и пихнул меня в бок.

— Я смотрю краем глаза... — воскликнул он, — ведь она растет?

Я кивнул.

— Она сдурела! Идиотская, сумасшедшая молекула. Как она могла так вырасти? В нее больше наливается энергия...

— Закон Кулона не работает, — объяснил я устало. — Чувствуешь, как пахнет озоном? Это ионизационная дорожка, которая тянется за чертовой штукой — как и эта выжженная пшеница. Каждый атом любой молекулы воздуха, с которым она соприкасается, разбивается энергией этой молекулы. Протоны атомных ядер, не подчиняясь закону разноименных полюсов, присоединяются к безумной массе. Да, она постепенно набирает массу и энергию, причем в геометрической прогрессии: четыре — восемь — шестнадцать и так далее.

— И что потом? — Мэнсон уставился на меня, освещенный странным светом.

— Да, вы угадали, господин ученый. Сначала она будет расти медленно, но завтра или послезавтра... — Я пожал плечами. — Через несколько световых тысячелетий астрономы на другом краю галактики будут наблюдать величественную Новую звезду на месте бывшей Солнечной системы.

— Неужели мы совсем ничего не можем сделать? — всхлипнул Мэнсон.

— Вероятно, сейчас можем, пока она сравнительно невелика. Но именно сейчас. Потом во всей Вселенной не хватит сил для нейтрализации такого количества лучистой энергии. Ох, Ларри, ну почему я был так расстроен сегодня, ведь я бы мог...

Потом мы подобрались ближе и тут начали задыхаться от страшного жара. Мэнсон повел машину поч-

ти ползком; мы осторожно следовали за молекулой. Наконец, когда мы были так близко, как только можно, я включил Рэдли и стал молиться. Если бы нам повезло — очень повезло — мы могли бы отвезти сумасшедшую молекулу в университетскую лабораторию и там уничтожить.

Рэдли жужжал и гудел, и Мэнсон медленно подвел грузовик еще ближе, пока от страшного жара не треснуло лобовое стекло. Я почувствовал, что через секунду мое лицо покроется волдырями или просто страшно расколется, а Ларри все двигался вперед, и механизм дрожал, и позади нас опасно трещали батарейки.

— Ближе не могу, — задыхался он.

Потом я хрюплю застонал и показал вперед. Сверкающая масса остановилась и стала медленно двигаться к грузовику, к вертикальным полюсам Рэдли.

— Побежали! — завизжал я, когда она увеличила скорость.

Мы вскочили и, спотыкаясь, помчались через поле. Мы остутились, упали и перекатились на спину, чтобы наблюдать. Молекула зависла над полюсом и стала опускаться все ниже и ниже, а я раздумывал, сколько времени нужно для переброски в Йорк асбестовых листов и костюмов. Маленькое солнце спланировало, коснулось полюса и наконец успокоилось. Мэнсон перекатился на живот и сильно треснул меня по ушибленной спине.

— Все, покончили! — заорал он.

Я с сомнением кивнул, продолжая следить за грузовиком, потому что помнил бетонную стену его лаборатории, которая растаяла как масло.

— Пошли, — продолжал Мэнсон. Он начал подниматься. — Что теперь будем делать?

Я вцепился ему в руку, рывком возвращая товарища обратно, и сам бросился на землю лицом вниз. Раздался громоподобный взрыв, и через секунду нас настигли тысячи острых осколков и миллионы капелек едкой серной кислоты. Грузовик взлетел на воздух.

Мы вскочили и стали срывать с себя жгущую, обрызганную кислотой одежду. Мэнсон почти терял сознание и монотонно стонал; помогая ему, я уголком

глаза заметил, как сверкающая, искрящаяся молекула, чуть увеличившаяся в размерах, снова ускользает.

— Нужно звонить, просить о помощи, — хрипло прошептал я. — Нам с этим справиться не под силу.

Я тащил Мэнсона за собой, и оба мы, почти голые, задыхаясь, ползли обратно по полям. Спиной я чувствовал жар бушующего пламени, а кожей — сотни ожогов. Когда мы наконец увидели дом, я был почти в бреду, и мне казалось, что я чувствую, как новые капли кислоты разъедают кожу.

Они падали все сильней и быстрее, пока пелена чего-то холодного и едкого не ударила на бегу прямо мне в лицо. Задыхаясь, я стал озираться и, наконец, сдернул черные защитные очки, все еще закрывающие глаза. За моей спиной прогремел гром. Поддерживая одной рукой Мэнсона, я вытянул шею и увидел, что все небо черно от летней бури, а нижняя часть туч освещена каким-то диким свечением.

Вдруг тьму пронзил ослепительный удар молнии, под ногами задрожала земля, и нас снова яростно отбросило вниз. Моя голова чуть не раскололась от ревущего громового раската, похожего на войну миров. Я лежал ничком, рядом со мной — Мэнсон, а над нами пронеслась циклоническая волна обжигающего, удушилого воздуха.

Следующие несколько часов сплелись в памяти в какой-то хаос. Я смутно помню, как мы с Мэнсоном мучительно ползли сквозь мокрый папоротник, как нас, наконец, нашли и, стонущих, отвезли домой, как мы тупо лежали в кроватях, слыша, как другие с любопытством обсуждают странный метеор, проплывший над полями и потом взорвавшийся, бурю и необычный ураган. Потом, когда я достаточно оправился, чтобы встать и поехать к себе, мы с Мэнсоном доковыляли до разрушенной лаборатории и несколько минут молча смотрели друг на друга.

— Слава Богу, все думают, что это был природный катаклизм, — пробормотал Мэнсон. — Я бы оплачивал убытки на сумму больше государственного долга.

Я кивнул и продолжал обвиняющее смотреть на него.

— Ну, Граут, — молвил он, неловко вздыхая, — наверное, я займусь огородом.

— Спасибо, — ответил я и был при этом искренен.

— Но...

— Никаких «но»! — поспешил сказать я. — Забудь о науке на время... навсегда. Я объясню, что произошло, но не желаю больше слышать, как ты даже упоминаешь это слово. Ты — разрушитель мира, ты...

Он кивнул и заискивающе улыбнулся.

— Все получилось просто и удачно, — продолжил я, взявшись за руки. — Молния сделала то, что я сам собирался сделать. Разряд молнии может иметь напряжение до двухсот тысяч вольт и заряд больше тридцати кулонов. Этот разряд был особенно сильным, он-то все и сделал. Ты знаешь, как физики расщепляют атом? Молекулярная энергия рассеялась в волне почти вулканического жара, накрывшей нас после удара грома. Эту волну и называют ураганом.

Ларри снова кивнул и проводил меня до машины. Он преданно пожал мне руку и сказал что-то насчет проверки завтра утром. Я уселился за руль и поехал по дороге. Но, должно быть, жара повредила покрышки, потому что случайно перед тем самым киоском с гамбургерами, где я останавливался на пути к Мэнсону, у меня лопнула шина.

Нетерпеливо бродя там в ожидании конца ремонта, я увидел Джейбса Джексона, дождетворца, который спустился со своего крыльца и подошел ко мне с хитрым видом.

Моим первым импульсом было убежать, потом я решил с ним помириться.

— Привет! — прокудахтал старик. — Здорово, док. Слыхал, как ты тут за падающими звездами охотился при сильном ветре.

— Уж не хотите ли вы заявить, что это ваших рук дело, — сказал я.

Он лукаво посмотрел на меня.

— Нет, док, — ответил старик, протягивая руку. — Только дождь, это вот моя работа.

Я молча отдал ему деньги — из благодарности то ли к нему, то ли к Провидению. Сам точно не знаю, кому.

АДАМ БЕЗ ЕВЫ

Крэйн знал, что это берег моря. Ему подсказывал инстинкт — но не только, а еще и те обрывки знаний, за которые цеплялся изношенный мозг, звезды, ночью проглядывавшие сквозь редкие просветы в тучах, и компас, все еще указывавший на север дрожащей стрелкой. Это самое странное, думал Крэйн. На искалеченной Земле сохранилась полярность.

В сущности, это уже не было берегом — не осталось никаких морей. Только на север и на юг в бесконечное пространство тянулась еле различимая полоска того, что некогда называли скалистым формированием. Линия серого пепла — такого же пепла и золы, что оставались позади и простирались перед ним... Вязкий ил по колено при каждом движении поднимался, грозя удушьем; ночью дикие ветры приносили густые тучи пепла; и постоянно шел дождь, от которого темная пыль сбивалась в грязь.

Небо блестело чернотой. В вышине плыли тяжелые тучи, их порой проныкали лучи солнечного света. Там где свет попадал в пепельную бурю, он наполнялся потоками танцующих, мерцающих частиц. Если солнечный луч резвился в дожде, то порождал ма-

ADAM AND NO EVE, 1941
© Перевод, Е. Ходос, 1994.

ленькие радуги. Лился дождь, дули пепельные бури, пробивался свет — все вместе, попеременно, постоянно, в черно-белом неистовстве. И так уже многие месяцы, на каждом клочке огромной планеты.

Крэйн преодолел хребет пепельных скал и пополз вниз по гладкому склону бывшего морского дна. Он полз уже так долго, что сросся со своей болью. Он ставил вперед локти и подтягивался всем телом. Потом подбирал под себя правое колено и снова выставлял локти. Локти, колено, локти, колено... Он уж и забыл, как это — ходить.

Жизнь, думал Крэйн изумленно, удивительная штука. Приспособляешься ко всему. Ползать, так ползать; на коленях и локтях нарастают мозоли. Укрепляются шея и плечи. Ноздри привыкают перед вздохом отдувать золу.

Вот только раненая нога пухнет и нагнаивается. Она одеревенела, скоро скниет и отвалится.

— Прошу прощения? — сказал Крэйн. — Я не совсем расслышал...

Он вглядывается в стоящего перед ним человека, пытается разобрать слова. Это Холмиер. На нем запачканный лабораторный халат, его седая шевелюра взъерошена. Холмиер стоит на золе; непонятно, однако, почему сквозь него видно, как несутся по небу серые тучи.

— Как тебе твой мир, Стивен? — спрашивает Холмиер.

Крэйн горестно мотает головой.

— Не очень-то хорош, да? Оглянись вокруг. Пыль, и все. Пыль и зола. Ползи, Стивен, ползи. Ты не увидишь ничего, кроме пыли и золы...

Холмиер достает из ниоткуда кубок с водой. Вода прозрачная и холодная. Крэйну видна дымка на ее поверхности, и он вдруг чувствует во рту песок.

— Холмиер! — кричит он.

Потом пробует встать и дотянуться до кубка, но резкая боль в правой ноге не пускает его. Крэйн снова падает. Холмиер набирает в рот воду и плюет ему в лицо. Вода теплая.

— Ползи, ползи, — резко говорит Холмиер. — Ползи вокруг Земли. Не найдешь ничего, кроме пыли и

золы. — Он выливает воду на землю перед Крэйном. — Ползи. Сколько? Сам решишь. Диаметр, умноженный на Пи. Диаметр около восьми тысяч...

Он исчез вместе с халатом и кубком.

Крэйн понял, что снова идет дождь — вжался лицом в теплую пепельную грязь, открыл рот и попытался глотнуть жижу. Потом опять пополз.

Его вел вперед инстинкт. Ему нужно было куда-то попасть. Он знал, это как-то связано с морем, с берегом моря. Там, на берегу, что-то его поджидало. Это «что-то» поможет понять все происходящее. Нужно к морю — если оно еще существует.

Грохочущий дождь будто тяжелой доской бил по спине. Крэйн остановился, рывком перекинул рюкзак на бок и исследовал его одной рукой. В нем было ровно три вещи: пистолет, плитка шоколада и банка консервированных персиков. Все, что осталось от двухмесячных запасов. Шоколад совсем раскис. Лучше съесть его до того, как пропадут питательные свойства. Но в следующий раз может не хватить сил, чтобы открыть персики.

Крэйн вытащил банку и набросился на нее с консервным ножом. К тому времени, как он проткнул ее и с трудом снял крышку, дождь прошел.

Жуя персики и потягивая маленькими глотками сок, он смотрел, как дождевая пелена спускается перед ним по склону морского дна. Сквозь грязь хлынули водяные потоки. Уже прорезались маленькие каналы, которые в один прекрасный день станут новыми реками — в тот день, который он никогда не увидит, и никто другой тоже. Смахнув в сторону пустую банку, Крэйн подумал: последнее живое существо на Земле обедает в последний раз. Последний акт метаболизма.

За дождем налетит ветер. Крэйн уже изучил это за бесконечные недели в пути. Через несколько минут задует и будет сечь его облаками пепла и золы. Он пополз вперед, мутными глазами выискивая убежище на серой бесконечной плоскости.

Эвелин тронула его за плечо. Крэйн знал, что это она, еще до того, как повернул голову, — свежая и на-

рядная в своем ярком платье, вот только ее прекрасное лицо омрачено тревогой.

— Стивен, — говорит она, — ты должен спешить!

Он любуется тем, как ее гладкие волосы волнами струятся по плечам.

— Ах, любимый, — восклицает Эвелин, — ты ранен!

Она быстрыми нежными движениями дотрагивается до его ног и спины. Крэйн кивает.

— Это во время спуска, — отвечает он. — Я не очень хорошо умею пользоваться парашютом. Мне всегда казалось, что спускаются плавно — будто ныряют в постель. Но земля наскачила на меня, как жесткий кулак. А Юмб вырывался у меня из рук. Я ведь не мог его выпустить.

— Конечно же нет, дорогой, — соглашается Эвелин.

— Поэтому я просто держал его и пытался поджать ноги, — рассказывает Крэйн. — А потом что-то ударило меня по ногам и в бок...

Он замолкает в нерешительности, размышляя, знает ли она, что произошло на самом деле. Ему не хочется ее пугать.

— Эвелин, любимая, — зовет он, пытаясь поднять руки.

— Нет, милый, — говорит она, испуганно обернувшись. — Тебе нужно торопиться. Берегись того, что сзади!

— Пепельные бури? — Он поморщился. — Я с ними уже отлично знаком.

— Не бури! — кричит Эвелин. — Что-то другое. Ах, Стивен...

Она исчезла, но Крэйн понимает ее правоту. Что-то находится позади и его преследует. Подсознательно он чувствовал угрозу, окружившую его, как саван.

Крэйн помотал головой. Вообще-то, это невозможно. Он — последнее живое существо на Земле. Откуда тогда угроза?

За спиной взревел ветер, и через мгновение налетели тяжелые тучи пепла и золы. Они хлестали его, разъедая кожу. Тускнеющими глазами он увидел, как они накрыли грязь тонкой сухой коркой. Крэйн подтя-

нул под себя колени и закрыл голову руками — сунув под нее рюкзак как подушку, приготовился пережидать бурю. Она пройдет так же быстро, как и дождь.

Буря создала страшную путаницу в его больной голове. Он, как ребенок, хватался за обрывки воспоминаний, пытаясь сложить их воедино. Почему Холмиер так злится на него? Ведь не из-за того спора?

Какого спора? Ну, до того, как все случилось.

Ах этого!..

Крэйн стоял и восхищался гладкими обводами корпуса своего корабля. Крышу с ангара сняли, и поднятый нос ракеты покоялся на раме, нацеленный в небо. Рабочий аккуратно чистил внутренности двигателей.

Из корабля донеслась приглушенная ругань, потом что-то загремело. Крэйн забрался по короткой железной лестнице наверх и заглянул внутрь ракеты. Внизу, в нескольких футах от него, два человека устанавливали большие баки с раствором железа.

— Полегче там, — крикнул Крэйн. — Вы что, хотите расколошматить корабль?

Один из рабочих поднял голову и ухмыльнулся. Крэйн понял, о чем он думает: корабль сам разорвется на куски. Так говорили все. Все, кроме Эвелин. Она в него верила. Холмиер тоже этого не говорил, но считал Крэйна безумцем по другой причине.

Спустившись, Крэйн увидел, что в ангар вошел Холмиер в халате нараспашку.

— Вспомнишь черта, и он появится, — пробормотал Крэйн.

Заметив Крэйна, Холмиер сразу заорал:

— Послушай...

— Опять снова здорово, — вздохнул Крэйн.

Холмиер выудил из кармана пачку бумаг и помахал ею перед носом товарища.

— Я полночи не спал, снова в этом копался. Говорю тебе, я прав! Абсолютно прав.

Крэйн посмотрел на уравнения, написанные сжатым почерком, потом на покрасневшие глаза Холмиера. Тот был еле жив от страха.

— В последний раз повторяю, — продолжал Холмиер. — Ты используешь свой новый катализатор на растворе железа. Хорошо. Я допускаю, что это удивительное открытие. Отдаю тебе должное.

Удивительное — не то слово. Крэйн отдавал себе в этом отчет, потому что не был тщеславен и знал, что сделал открытие случайно. Только случайно можно наткнуться на катализатор, который вызывает расщепление атомов железа и производит десять в одиннадцатой степени эргов энергии на каждый грамм топлива. Никто бы не мог до такого додуматься.

— Ты считаешь, у меня ничего не выйдет?

— Долететь до Луны? Вокруг Луны? Возможно. Шансов пятьдесят на пятьдесят. — Холмиер провел рукой по гладким волосам. — Но Стивен, пойми ради Бога, я волнуюсь не за тебя. Хочешь погибнуть, дело твое. Я боюсь за Землю.

— Чушь собачья. Иди проспись.

— Вот смотри... — Холмиер трясущейся рукой ткнул в бумажки. — Какую бы ты ни разработал систему подачи и смешивания топлива, стопроцентной эффективности не добиться.

— Из-за этого и шансов пятьдесят на пятьдесят, — сказал Крэйн. — Ну и что тебе не нравится?

— Катализатор, который улетучится через сопла ракеты. Ты понимаешь, что будет, если хоть одна капля упадет на Землю? Она запустит цепную реакцию распада на всей планете! Она захватит все атомы железа — а оно повсюду. Тебе будет некуда вернуться.

— Послушай, — устало произнес Крэйн. — Мы все это уже много раз пережевывали.

Он подвел Холмиера к основанию рамы, на которой стояла ракета. Внизу железный каркас корабля заканчивался двухсотфутовым углублением шириной в пятьдесят футов, выложенным огнеупорным кирпичом.

— Вот эта штука — для начального выхода пламени. Если какие-то частицы катализатора просочатся сюда, они нейтрализуются вторичными реакциями в ловушке. Ну, теперь доволен?

— Но во время полета ты будешь угрожать планете до тех пор, пока не преодолеешь предел Роше, —

упорствовал Холмиер. — Капля неактивированного катализатора в конце концов упадет на Землю, и тогда...

— Все, объясняю последний раз, — перебил Крэйн. — Есть пламя выхода — оно задержит любые случайные частицы и разрушит их. Теперь выметайся. Мне надо работать.

Крэйн вытолкал Холмиера за дверь, а тот визжал и размахивал руками.

— Я не позволю тебе сделать это! — твердил он. — Не допущу, чтобы ты рисковал такими вещами...

Какое это упоение — работа! Корабль красив изысканной красотой удачно сделанной вещи: элегантностью отполированной брони, начищенного эфеса, рапиры, пары дуэльных пистолетов. Крэйн не думал ни об опасности, ни о смерти. Последние штрихи, и он вытер руки.

Она стояла на опоре, готовая пронзить небеса. Пятьдесят футов изящной стали; головки заклепок блестят, как драгоценные камни. Тридцать футов отдано под горючее и катализатор. Большую часть носового отсека занимало сконструированное Крэйном кресло-амортизатор. На носу корабля — иллюминатор из природного хрустала, который смотрит в небо, как глаз циклопа.

Крэйн подумал о том, что корабль погибнет после путешествия — вернется на Землю и разрушится в огне и громе, потому что пока еще не придумали мягкой посадки для космических кораблей. Но игра стоит свеч. Он совершил свой единственный великий полет, а это то, к чему должен стремиться каждый из нас. Один грандиозный, прекрасный полет в неизведанное...

Закрыв дверь мастерской, Крэйн услышал, как его зовет Холмиер — у домика за полем. Сквозь вечернюю полутьму было видно, что тот отчаянно машет ему рукой. Он заспешил по хрустящей скошенной соломе, глубоко вдыхая морозный воздух, благодарный Богу за то, что живет.

— Звонит Эвелин, — сказал Холмиер.

Крэйн уставился на него. Тот отвел глаза.

— Зачем? Мы же договорились, что она не должна звонить... не должна общаться со мной, пока я не буду готов к полету? Это ты вбиваешь ей в голову всякую чушь? Так ты пытаешься мне помешать!

— Нет. — Холмиер старательно изучал темнеющий горизонт.

Крэйн вошел в домик и взял трубку.

— Послушай, любимая, — произнес он без предисловий, — не стоит так волноваться. Я же все точно объяснил. Перед тем, как корабль разрушится, я спрыгну с парашютом. Я тебя очень люблю, и мы увидимся в среду перед стартом. Ну, до встречи...

— До свидания, милый, — произнес чистый голосок Эвелин. — Ты мне звонил, чтобы это сказать?

— Я звонил?!

Коричневая туша вскочила с коврика на сильные лапы. Юмб, большой мастиф, фыркнул и навострил уши. Потом завыл.

— Ты говоришь, я тебе позвонил? — повторил Крэйн.

Вдруг из глотки Юмба вырвался рев. Он одним прыжком подскочил к хозяину, посмотрел ему в лицо и одновременно заревел и заскулил.

— Заткнись, ты, чудище! — сказал ему Крэйн и ногой оттолкнул собаку.

— Стукни его от меня, — рассмеялась Эвелин. — Да, дорогой. Кто-то позвонил и сказал, что ты хочешь со мной поговорить.

— Вот как? Слушай, любимая, я тебе перезвоню.

Крэйн повесил трубку. Он в недоумении встал, наблюдая за неуклюжими движениями Юмба. Закат за окном разбрасывал оранжевый дрожащий свет. Юмб посмотрел на него, фыркнул и снова завыл. Внезапно Крэйн бросился к окну, пораженный.

С другой стороны поля в воздухе полыхал огненный столб, в котором горели и рушились стены мастерской. В пламени отражалось несколько бегущих прочь людей.

Крэйн вылетел из домика и помчался к ангару, Юмб за ним. На бегу было видно, что грациозный нос корабля внутри огненного столба пока еще не задет пламенем. Если бы только удалось добежать до него прежде, чем огонь расплавит металл и примется разъедать швы!..

К нему подскочили покрытые сажей, задыхающиеся рабочие. Крэйн бросил на них взгляд, полный ярости и изумления.

— Холмиер! — заорал он. — Холмиер!

Тот уже пробирался сквозь толпу. Его глаза светились торжеством.

— Плохо дело, — сказал он. — Стивен, мне очень жаль...

— Ах ты подлец! — вскричал Крэйн. Он схватил Холмиера за лацканы и сильно встрихнул. Потом выпустил его и побежал в ангар.

Холмиер что-то приказал рабочим. Через мгновение кто-то бросился Крэйну под ноги и свалил его на землю. Крэйн тут же вскочил, размахивая кулаками. Юмб стоял рядом, рычанием заглушая рев пламени. Его хозяин с силой стукнул нападавшего по лицу, и тот упал — назад на второго. Крэйн в ярости ударил последнего рабочего коленом в пах так, что бедняга, скорчившись, рухнул на землю. Победитель быстро наклонился и нырнул в мастерскую.

Сначала Крэйн не чувствовал ожогов, но, добравшись до лестницы и карабкаясь наверх, он уже кричал от боли. Юмб стоял внизу и выл, и Крэйн понял, что собака погибнет при взлете ракеты, поэтому спустился и затащил пса на корабль.

У него кружилась голова, когда он закрывал и защуривал люки. Ему едва удалось добраться до кресла-амортизатора. Потом, повинуясь лишь инстинкту, руки будто сами нащупали пульт управления — инстинкту и яростному отказу отдать прекрасный корабль на растерзание пламени. Да, он проиграет. Но — в попытке победить.

Пальцы бегали по кнопкам на пульте. Махина тряслась и ревела. И на него опустилась темнота.

Сколько он был без сознания?

Крэйн очнулся, когда что-то холодное прижалось к его лицу и телу, испуганно визжа. Он посмотрел вверх и увидел Юмба, запутавшегося в веревках и ремнях кресла.

Его первым импульсом было рассмеяться, потом он вдруг осознал: он смотрит вверх. Кресло вверху!

Крэйн, скрючившись, лежал в отсеке хрустально-го носа ракеты. Корабль поднялся высоко — может быть, почти до предела Роше, где заканчивается зем-ное притяжение, но потом без управления не смог продолжать полет, повернулся и теперь падал обратно на Землю. Пилот посмотрел наружу сквозь хрусталь, и у него перехватило дыхание.

Под ним был планета размером в три луны. Но это была не его Земля, а огненный шар в черных тучах. В самой северной точке виднелось маленько белое пят-но, и прямо у него на глазах оно вдруг окрасилось красным, алым и малиновым цветом.

Холмиер оказался прав.

Крэйн застыл в носовом отсеке падающего кораб-ля, наблюдая, как постепенно умирает пламя, не ос-тавляя ничего, кроме толстого черного покрывала вок-руг Земли. Он оцепенел от ужаса и не мог ни сосчи-тать, сколько погибло людей, ни понять, что прекрас-ная зеленая планета стала пеплом и золой. Исчезло все, что он любил и чем дорожил. Он был не в состоя-нии подумать об Эвелин.

Свистящий за бортом воздух что-то пробудил в нем. Оставшиеся капли рассудка подсказывали, что нужно остаться на корабле и забыть обо всем в грохо-те и разрушении, но инстинкт самосохранения застав-лял действовать.

Крэйн добрался до склада и стал собираться. Па-рашют, маленький баллон с кислородом, рюкзак с про-дуктами... Лишь отчасти сознавая, что делает, он оделся, пристегнул парашют и открыл люк. Юмб жа-лобно заскулил; хозяин взял тяжелого пса на руки и шагнул наружу.

В верхних слоях атмосферы и раньше было трудно дышать. Но из-за большой разреженности воздуха, а не из-за того, что его загрязняет пепел.

Каждый вдох — полные легкие земли, или пепла, или золы...

Много-много времени прошло с тех пор, как его погребло в золе. Когда именно — он не помнил: неде-ли, дни или месяцы назад. Крэйн стал руками расчи-

щать себе путь наверх из пепельной горы, которую насыпал ветер, и вскоре снова вылез на свет. Ветер стих. Пора опять ползти к морю.

Яркие воспоминания рассеялись; впереди открывались зловещие перспективы. Крэйн нахмурился. Он смутно надеялся, что, если все тщательно вспомнить, можно изменить хотя бы частицу содеянного, какую-то мелочь, и тогда все это окажется неправдой. Он думал: если все вспомнят и пожелают чего-то одновременно... Но никаких «всех» нет. Я один-единственный. Последняя память на Земле. Последняя жизнь.

Он ползет. Локти, колено, локти, колено... Рядом с ним ползет Холмиер и очень веселится — хихикает и ныряет в серые хлопья, как счастливый морской лев.

— А зачем нам нужно к морю? — спрашивает Крэйн.

Холмиер отдувает пепельную пену.

— У нее спроси, — говорит он, вытягивая руку.

С другой стороны рядом с Крэйном ползет Эвелин — серьезно, решительно, подражая каждому его движению.

— Потому что там наш домик. Любимый, помнишь наш домик? На высокой скале. Мы поселимся там навсегда. Я находилась именно там, когда ты улетел. Теперь ты возвратишься в домик на берегу моря. Твой прекрасный полет закончен, мой дорогой, и ты вернулся ко мне. Мы будем жить вместе, вдвоем, как Адам и Ева...

— Здорово, — говорит Крэйн.

Потом Эвелин оборачивается и кричит:

— Ах, Стивен! Осторожно!

И он чувствует, как его вновь окружает опасность. Он ползет, при этом оборачивается назад на широкие серые пепельные поля — и ничего не видит. Когда он снова смотрит на Эвелин, то замечает только собственную четкую черную тень. Потом и она бледнеет: по Земле проходит световой луч.

Но ужас остался. Эвелин дважды предупредила его, а она никогда не ошибалась. Крэйн остановился, обернулся и устроился так, чтобы наблюдать. Если его действительно преследуют, он увидит, кто или что крадется сзади.

Наступила болезненная минута просветления. «Я сошел с ума, — пробилось сквозь жар и сумбур в голове. — Разложение в ноге перекинулось на мозг. Нет ни Эвенин, ни Холмиера, ни угрозы. На всем этом пространстве ни одной живой души, кроме меня; наверное, даже привидения и духи преисподней погибли в аду, окружившем планету. Нет, ничего кроме меня и моей болезни не существует. Я умираю — и когда это случится, погибнет все. Останутся только кучи безжизненного пепла».

Но он почувствовал какое-то движение. Снова по-винуясь инстинкту, Крэйн опустил голову и затаился. Он смотрел на серые равнины сквозь распухшие веки и думал, не смерть ли играет с его глазами дурную шутку. Надвигалась новая дождевая стена, и он надеялся проверить сомнения до того, как все исчезнет в дожде.

Да. Вон там. Позади, в четверти мили от него, по серой поверхности легко передвигалось что-то серокоричневое. Сквозь далекий гул дождя был слышен шорох пепла и видны вздывающиеся маленькие облака. Крэйн украдкой нашупал в рюкзаке револьвер, а его мозг, объятый ужасом, искал объяснение происходящему.

Нечто подобралось ближе, и Крэйн, прищурившись, вдруг все понял. Он вспомнил, как при посадке на покрытую золой Землю Юмб бился и вырывался от страха из рук.

— Ну конечно, это Юмб, — пробормотал Крэйн и встал. Собака остановилась. — Сюда, малыш, сюда! — радостно прохрипел хозяин.

Он был безумно рад — его давило одиночество, жуткое чувство, что ты один в пустоте. Теперь одиночество кончилось, кроме него есть еще кто-то. Друг, который будет его любить, общаться с ним. Снова вспыхнул огонек надежды.

— Сюда, малыш. Давай же...

Мастиф пятился от него, обнажив клыки, высунув язык. Собака отощала; ее глаза в темноте светились красным. Крэйн позвал ее еще раз, и пес зарычал. Из его ноздрей вылетели клубы пепла.

«Голодный, бедняга», — подумал Крэйн. Он сунул руку в рюкзак, и пес опять зарычал. Его хозяин вытащил плитку шоколада, с трудом снял обертку и фольгу, потом слабой рукой кинул шоколадку Юмбу. Она упала, не долетев до него. Минутное замешательство; затем собака медленно подошла и схватила пищу. Ее морда была будто посыпана пеплом. Животное непрерывно облизывалось и продолжало приближаться к Крэйну.

Он вдруг запаниковал. Внутренний голос настаивал: «Это не друг. Он не будет тебя любить и общаться с тобой. Любовь и общение исчезли с лица Земли вместе с жизнью. Не осталось ничего, кроме голода».

— Нет, — прошептал Крэйн. — Это несправедливо, что нам нужно вцепиться друг в друга и сожрать...

Но Юмб подкрадывался все ближе, обнажив острые белые клыки. Когда Крэйн в упор посмотрел на пса, тот зарычал и сделал молниеносный прыжок.

Крэйн рукой стукнул собаку в морду, но повалился назад под тяжестью такого груза. Он закричал от страшной боли в распухшей ноге, которую пес придавил своим весом. Свободной рукой он продолжал наносить слабые удары, едва чувствуя, как зубы размалывают его левую руку. Потом он наткнулся на что-то металлическое и понял, что лежит на выпавшем револьвере. Крэйн нашупал оружие и теперь молился, чтобы оно не оказалось забито пеплом. Когда Юмб отпустил руку и рванул его за горло, Крэйн поднял револьвер и вслепую ткнул дулом в тело собаки. Он все нажимал на курок, пока не стих шум выстрелов, и были слышны лишь щелчки. Перед ним в золе содрогалася Юмб, почти разорванный пополам. Серое обагрилось темно-алым.

Эвелин и Холмиер грустно смотрят на убитое животное. Эвелин плачет, а Холмиер своим привычным жестом нервно запускает пальцы в волосы.

— Это конец, Стивен, — говорит он. — Ты убил часть самого себя. О да, ты будешь жить дальше, но не весь. Похорони тело, Стивен. Это труп твоей души.

— Не могу. Ветер развеет пепел.

— Тогда сожги его, — приказывает Холмиер.

Казалось, они помогли ему засунуть мертвую собаку в рюкзак. С их помощью он снял одежду, разложил ее под рюкзаком. Они ладонями прикрывали горящие спички, пока огонь не перекинулся на одежду, и поначалу слабое пламя затрещало и разгорелось сильнее. Крэйн ползал вокруг, охраняя костер.

Потом он повернулся и снова пополз вниз по дну моря. Теперь он был голый. Не осталось ничего из того, что было раньше, кроме трепета его маленькой жизни.

Горе было слишком велико, чтобы он мог почувствовать, как дождь яростно бьет его, или ощутить жуткую боль, опалившую почерневшую ногу до самого бедра. Он полз. Локти, колено, локти, колено... Безжизненно, механически, безразлично ко всему — к решетчатым небесам, к мрачным пепельным равнинам и даже к тусклому блеску далекой воды впереди.

Он знал, что это море — то, что осталось от старого, или новое в процессе рождения. Но это пустое, мертвое море, которое когда-нибудь выплеснется на сухой, безжизненный берег. Это будет планета камней и пыли, железа, снега, льда и воды — а жизни больше не будет. От него одного нет толку. Он — Адам, но нет Евы.

Эвелин радостно машет ему с берега. Она стоит у белого домика, ветер раздувает платье, облегающее ее стройную фигурку. Крэйн подходит ближе, девушка бежит к нему на помощь. Она не говорит ни слова — только протягивает руки и помогает приподнять его тяжелое, угнетенное болью тело. Наконец он добрался до моря.

Оно настоящее. Даже когда Эвелин и домик исчезли, Крэйн продолжал ощущать холодную воду на своем лице. «Вот море, — думал он, — и я здесь. Адам без Евы. Надежды нет».

Крэйн скатился еще дальше в воду. Его, истерзанного, омывали волны. Он лежал лицом вверх, глядел на высокие грозные небеса, и горечь прихлынула к горлу.

— Это неправильно! — крикнул он. — Несправедливо, что все должно погибнуть. Жизнь так красива и не должна сгинуть от сумасшествия одного безумца...

Воды тихо омывали его. Тихо... Спокойно... Море мягко укачивало, и даже смерть, подступившая к сердцу, казалась просто рукой в перчатке.

Вдруг небеса раскололись — впервые за все эти месяцы, — и Крэйн увидел звезды. Тогда он понял.

Жизнь не кончается. Она никогда не может кончиться. В его теле, в гниющих частях организма, которые качает море, — источник многих миллионов жизней. Клетки, ткани, бактерии, амебы... Бесчисленное множество жизней, которые снова зародятся в воде и будут существовать долго, когда его уже не будет.

Они будут жить на его останках. Будут кормиться друг другом. Приспособятся к новым условиям и начнут питаться минералами и кусками осадочных пород, которые смоет в новое море. Будут расти, крепнуть, развиваться. Жизнь опять выйдет на сушу. Вновь вернется старый, неизменный круговорот, который, наверное, начался с гниющих останков последнего уцелевшего после межзвездного перелета. В грядущих веках это будет повторяться снова и снова.

И Крэйн понял, что привело его к морю. Не нужно ни Адама, ни Евы. Должно быть только море — великое, дающее жизнь. Море позвало его обратно в свои глубины для того, чтобы вскоре вновь могла возникнуть жизнь, и он был доволен.

Вода мягко баюкало его. Тихо... Спокойно... Мать укачивала последнее дитя старого круговорота, которое перейдет в первого ребенка нового круга.

И Стивен Крэйн тускнеющими глазами улыбался звездам, равномерно разбросанным в небе. Звездам, еще не собравшимся в знакомые созвездия; они не сберутся еще сотню миллионов лет

СНЕЖНЫЙ КОМ

Думаю, уже давно пора собрать все эти истории в кучу и сжечь. Вы знаете, о чем я: X — сумасшедший ученый, стремится поставить мир с ног на голову; Y — безжалостный диктатор, стремится подчинить себе весь мир; Z — пришельцы с другой планеты, стремятся наш мир уничтожить.

Я расскажу вам другую историю. Целый мир стремился подчинить себе волю одного человека — планета людей охотилась на одного-единственного человека, чтобы изменить его жизнь, да-да, а если надо, и уничтожить его. Схема вроде бы старая — один человек против всего мира, — только стороны поменялись местами.

Есть в Манхэттене одно местечко, его мало кто знает. В том смысле, что насчет ядра атома в свое время тоже мало знали, пока ученые не разобрались, что к чему. Так вот, это местечко — такое же ядро, но его не открыли и по сей день. Это стержень, вокруг которого крутится наша Вселенная. Все мировые потрясения рождаются здесь. И как ни странно, рождаются они знаете для чего? Чтобы предотвратить уж вовсе немыслимые страсти.

THE PUSH OF A FINGER, 1942.

Перевод М. Загота.

Не задавайте никаких вопросов. По ходу во всем разберетесь.

Рядовому обывателю об этом ядре ничего не известно. По простой причине — узнай он о нем, он бы в момент спятил! Наши чиновники следят, чтобы никто о ядре, не дай бог, не пронюхал, тут они, я думаю, правы. Хотя, конечно, от общественности ничего скрывать нельзя, и, если факт сокрытия раскопают, поднимется скандал на весь мир.

Это обычное здание, десятиэтажный белый прямоугольник, смахивает на бывшую больницу. К девяти утра сюда съезжаются десятка два-три обычного вида служащих, в конце дня некоторые из них едут по домам. Некоторые, но не все. Кое-кто остается работать сверхурочно, до самого рассвета, а то прихватывает и еще пару денечков. Окна тщательно задрапированы — вдруг какой-нибудь сознательный гражданин увидит вечером свет и помчится докладывать Контролеру, что кто-то, дескать, трудится сверхурочно и подрывает устои Стабильности? Впрочем, у этих парней есть разрешение.

Да, работенка у них важная — важнее некуда. Помнить только — им разрешено нарушать самый главный, незыблемый закон. Они имеют право работать сверхурочно. Да эти парни, если разобраться, могут делать все, что вздумается, и никакая Стабильность им не помеха, потому что поддерживать Стабильность — это и есть их работа. Как это так, спрашиваете? Не торопитесь.

Времени у нас много — все своим чередом. Здание это называется «Прог», и здесь регулярно пасутся газетчики — так же как пару сотен лет назад они толились возле судов или полицейских участков. К трем часам каждая газета подсыпает сюда своего представителя. Газетчики поболтаются немного, почешут языки, потом выходит какой-нибудь крупный босс и дает интервью — насчет политики, экономики, что творится в мире, чего можно ждать в ближайшем будущем. Обычно на таких конференциях стоит скука смертная, но время от времени выплывает что-то действительно стоящее, например, там мы узнали, что решено высушить Средиземное море. Тогда...

Что? Никогда об этом не слышали? Эй, ребята, это что за чудо такое? Шутник вы, право! Всю жизнь просидели на Луне? И никогда не видали Землю-матушку? И не слыхали толком, что на ней делается? Здорово! Настоящий космический провинциал! Раз так, приятель, не серчай, приношу извинения. Я-то думал, такие, как ты, вывелись еще до моего рождения. Ну, ладно, если чего не ясно, сразу спрашивай и не стесняйся — сердце у меня доброе.

Короче, в три часа я всегда торчал в «Проге», а в тот день, помню, меня принесло чуть пораньше. Из «Триба» должен был явиться новый газетчик, какой-то Хейли Хоган, я о нем ничего не слышал. Ну, и хотел с ним покалывать, выяснить, чем он дышит. Для отшельника с Луны объясняю, что все городские газеты обязаны выступать с разными мнениями и точками зрения. Повторов и совпадений быть не должно.

Для вас это новость? Странно. Да нет, какие шутки? Все так и есть. Для чего нужна Стабильность? Охранять цивилизацию. В мире все должно быть стабильно. Но ведь Стабильность не есть неподвижность, застой. Она достигается за счет взаимодействия различных сил, которые уравновешивают друг друга. Газеты призваны уравновешивать силы общественного мнения, стало быть, точек зрения должно быть как можно больше. Мы, газетчики, прежде чем давать материал, всегда устраиваем летучку, чтобы каждый выступал с разным мнением. Ну, это вам ясно: один напишет, что то-то и то-то — жуть в полосочку, другой — что конфетка, а третий — что ни рыба ни мясо, и так далее. Я тогда работал в «Таймсе», и нашим основным конкурентом и оппозицией был «Триб».

Газетчикам в «Проге» отвели комнату рядом с кабинетами начальства, около вестибюля. Это большущая комната, низкий потолок и стены обиты планками из синтетического дерева. В центре стоял круглый стол со стульями, но мы всегда убирали их к стене и подтаскивали к столу глубокие кожаные кресла. Заби-

рались в них, а ноги клали на стол, так что на нем против каждого кресла выточились бороздки. Наш неписанный закон гласил — пока все бороздки не заняты, никакой журналисткой болтовни.

Так вот, пришел я и поразился — почти все уже в сборе. Скользнул в свое кресло, ноги на стол и осматриваюсь. Все подметки на месте, кроме пары напротив меня. Раз такое дело, я откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Не было как раз моей оппозиции, парня из «Триба»: чего же я буду сотрясать воздух, если некому возразить в ответ?

— Как делишки, Кармайкл?

Я пробурчал что-то невнятное.

А «Пост» не унимается:

— Не спи, детка, не спи, проспишь сенсацию.

— Заглохни, — перебил его «Леджер», — правил, что ли, не знаешь? — И он указал на незанятую бороздку.

— Точно, — говорю, — закон джунглей.

Тут вступил «Рекорд», оппозиция «Леджера»:

— Старина Боббус слинял. Не выдержал нашего общества.

— Как так?

— Подписал контракт с фирмой «Стерео». Будет кропать сценарии для комедий.

Да, думаю, снова мне бороться. Есть у нас такой ритуал: когда возникает новая пара газетчиков-«оппозиционеров», они должны провести символическую борцовскую схватку. Но одной схваткой дело обычно не обходится, завязывается общая потасовка, и все счастливы до небес. А вслух говорю:

— Наверное, этот Хоган — салага, еще пороха не нюхал. Но я на всякий случай потренируюсь. Кто-нибудь его видел? Крепкий малый?

Все отрицательно затрясли головами — никто не видел.

— Ладно, раз так, потреплемся без него.

— Ваш корреспондент, — начал «Пост», — считает, что дело пахнет керосином. Сюда, — и он ткнул большим пальцем в сторону кабинетов, — сбежались все городские тузы.

Мы все посмотрели на дверь, а я по привычке попытался вышибить ее взглядом. Представляете, мы приходили в «Прог» каждый божий день, но что в этом здании делается, понятия не имели. Да, не удивляйтесь. Мы просто приходили, садились, выслушивали, что нам наплетут боссы, и убирались восвояси. Как какие-то бедные родственники. Нас всех это задевало, но меня в особенности.

Я даже во сне пытался разгадать тайну «Прога». Как-то раз мне приснилось, что там живет чудо-человек, но дышит он почему-то хлором и обитает в огромных баках. В другой раз привиделось еще хлеще — там держат мумии всех великих покойников, и каждый день, ровно в полдень, их реанимируют и задают вопросы. А однажды пригрезилась корова, которая вся состояла из мозгов, и ее научили мекать специальным шифром. Иногда мне казалось, что я лопну от горечи, если не проникну внутрь «Прога».

— Думаешь, они снова собирались залить воду в Средиземное море? — спросил я.

«Леджер» расхохотался, потом сказал:

— Ходят слухи, что они хотят поменять местами полюса. Северный будет южным, а южный — северным.

— Неужто пойдут на такое? — изумился «Рекорд».

— А что? — «Леджер» пожал плечами. — По мне, так за ради бога — вдруг, глядишь, в бридж начнет везти.

— Будет вам сплетни мусолить! — вмешался я. — Сейчас послушаем, что они нам напоют.

— Между прочим, — заговорил «Джорнал», — здесь вся шатия. Контролер, Вице-Контролер и Зам Вице-Контролера. Но это еще не все — прибыл сам Главный Стабилиссимус!

— Врешь!

Он кивнул, остальные тоже утвердительно закивали головами.

— Все точно. ГС собственной персоной. Прилетел на пневматической ракете из Вашингтона.

— Батюшки светы! — воскликнул я. — Ставлю один к двум, что теперь они решили подкопаться под Атлантический океан!

«Рекорд» покачал головой:

— Какой там подкоп! По виду ГСа, тут дело серьезнее.

В эту минуту дверь кабинета распахнулась, и оттуда, меча громы и молний, вывалился ГС. Я не преувеличиваю. Старина Гротинг здорово смахивал на Моисея — борода и все такое, — и, когда он хмурился, так и жди, что из глаз у него посыплются молнии. Сейчас он хмурился. Он пронесся мимо стола, за долю секунды испепелил нас своими голубыми кварцевыми глазами — мы враз скинули ноги на пол. Не успели прийти в себя, как его уже не было в комнате — только со свитом рассекла воздух его репсовая туника.

За ним гусиным косяком появились Контролер, Вице-Контролер и Зам Вице-Контролера. Лица у них тоже были хмурые, и они тоже спешили, будто на пожар. Мы вскочили с мест и поймали Зама Вице-Контролера у самого выхода. Это был толстенький коротышка, и озабоченность никак не вязалась с его пухлым лицом. Оно слегка перекосилось.

— Только не сейчас, джентльмены, — сказал он.

— Минуточку, мистер Клэнг, — начал я. — Помоему, вы поступаете с прессой несправедливо.

— Знаю, — согласился Зам, — и прошу меня извинить, но сейчас действительно нет времени.

— Что ж, — произнес я, — придется сообщить пятнадцати миллионам читателей, что время в наши дни стало слишком дорогим...

Он с ненавистью взглянул на меня, только я и сам насупился — должен же я выудить из него этот проклятый материал!

— Не будьте так безжалостны. Если что-то поколебало Стабильность Главного Стабилиссимуса, вы должны раскрыть нам глаза!

Тут он забеспокоился, как я и ожидал. Пятнадцать миллионов будут в легкой панике, если прочтут, что ГС метался, как тигр в клетке.

— Слушайте, — наседал на него я. — В чем все-таки дело? Что вы там такое обсуждали?

— Хорошо, — сказал он. — Идемте все в мой кабинет. Там подготовим выпуск для прессы.

Но я не пошел вместе со всеми. Терзая Клэнга, я заметил: они вылетели из кабинета столь стремительно, что забыли запереть за собой дверь. На моей памяти такое случалось впервые, и я понял — сейчас или никогда. Потому я и нажал на Зама, чтобы дал сводку для прессы. А я тем временем прорвусь внутрь «Прога» — все играло мне на руку. Во-первых, открытая дверь, во-вторых, не было моей оппозиции из «Триба».

При чем здесь оппозиция? Как же вы не понимаете? Оппозиционные газеты всегда работают на пару. «Леджер» уходит писать с «Рекордом», «Джорнал» — с «Ньюсом» и так далее. Значит, я был свободен, никто меня не хватится, не заметит, что я смылся. Я немножко потолкался вместе со всеми, пока они тянулись за Замом, всех пропустил и остался в комнате последним. Я сделал вид, что зацепился за порог, подождал секунду — и стрелой к приоткрытой двери кабинета. Захлопнул ее за собой, перевел дыхание и проромотал: «Ну, чудо-человек, держись!»

Я стоял в небольшом зале, на стенах из синтетического материала висели светящиеся картины. Зал был без дверей и кончался у подножия белой лестницы. Я мог идти только вперед. Дверь за моей спиной была заперта, и я чувствовал себя в относительной безопасности — но только в относительной, друзья мои, не более. Рано или поздно кто-то спросит меня, как я сюда попал.

Ступеньки поражали красотой — белые, ровненькие, они поднимались по кривой, слегка на конус. Я перебирал пальцами по гладким каменным перилам и не спеша двигался наверх, ожидая, что сейчас на меня бросится кобра или какой-нибудь робот-охранник. Поджилки тряслись от страха.

Я ступил на квадратную лестничную площадку и тут только обратил внимание на вибрацию. Сначала-то подумал, что это сердце выколачивает под ребрами, бывает так, бам-бам-бам, дыхание перехватит, а под желудком растекается холод. Потом смотрю, нет,

пульсация исходит из самого здания. Я взбежал по оставшимся ступенькам и очутился перед раздвижной дверью. Ну, думаю, на самый худой конец из меня сделают чучело и положат под стекло — взялся за ручку и толкнул дверь.

И здесь, братишки, находилось оно самое — ядро, о котором я говорил вначале. Ничего подобного я в жизни не видел, а повидать мне довелось немало. Попробую вам его описать. Шириной эта комната во все здание, высотой — не меньше двух этажей. Я будто очутился внутри огромных часов. Буквально все пространство заполняли какие-то кулачки и шестеренки, они вращались и при этом сияли, будто капля воды перед падением. Все эти тысячи колесиков вертелись в гнездах из драгоценного камня — как в часах, только масштаб другой, — а красные, желтые, зеленые и голубые точки ярко искрились, точь-в-точь как на картинах одного давно отдавшего богу душу француза. По фамилии Сера.

Стены были испещрены расчетными интеграфами — я даже различил суммарные кривые, выстроенные на фотоэлектрических пластинах. Датчики для интеграфов находились на уровне глаз и перемещались по всей окружности комнаты, словно цепь из белых циферблатов. Это все, что я мог более или менее различить. Остальное было жутко сложным.

А из самого центра комнаты — бам-бам-бам, которое я поначалу принял за стук своего сердца. Между двумя вертикальными осями, снизу и сверху, был закреплен кристаллический восьмигранник. Он медленно, с небольшими рывками, двигался, а вибрация исходила от вращающих его двигателей. Сверху восьмигранник освещался прожекторами. Лучи света отражались от медленно поворачивающихся граней и плясали по всей комнате. Вот это, братва, было зрелище!

Не успел я сделать два шага, откуда ни возьмись какой-то старый хрен в белом халате — увидел меня, кивнул и потопал назад. Но через секунду обернулся — и снова ко мне, на этот раз очень медленно.

— Я не совсем... — начало было он, но тут же с сомнением осекся. Взгляд у него был потухший, отсутствующий, словно он всю жизнь пытался вспомнить, зачем живет на белом свете.

— Я Кармайкл, — объявил я.

— Ах, да! — Лицо его чуть просветлело, но в тот же миг на нем снова появилось сомнение.

Тут я показал, что я — парень не промах.

— Я со Стабилиссимусом Гротингом.

— Вы его секретарь?

— Да.

— Вы знаете, мистер Митчелл, — заговорил старикан, — хоть перспективы и мрачные, мне кажется, светлые места тоже есть. Ведь скоро наша система обработки данных позволит прогнозировать и ближайшее будущее... — И он с надеждой посмотрел на меня — такой взгляд бывает у собаки, когда она, сидя на задних лапах, ждет похвалы хозяина.

— Неужели? — удивился я.

— Все говорит за то. Ведь если наш метод позволяет заглядывать в абсолютное будущее, значит, со временем мы научимся давать точный прогноз хоть на завтра — потребуется лишь небольшая модификация.

— Пожалуй, вы правы, — согласился я, а сам думал: что он такое несет? Испуг прошел, и я ощутил легкое разочарование. Я ведь думал, что сейчас увижу чудо-человека, который выдает нашим боссам все тайны бытия, а тут нате вам — часовой механизм.

Старикан довольно заулыбался.

— Вы так считаете? — робко спросил он.

— Именно так.

— Может, вам будет нетрудно сказать об этом мистеру Гротингу. Вдруг ваша подсказка подействует...

Тут я снова показал себя молодцом.

— Сказать по правде, сэр, — говорю, — Главный Стабилиссимус послал меня к вам для небольшой беседы. Я у него работаю недавно и, к несчастью, задержался в Вашингтоне.

— Ах, извините, пожалуйста, — забормотал он. —

Проходите сюда, мистер... мистер...

И он повел меня через лабиринт из движущихся деталей к пульту в другом конце комнаты. Там стояло полдюжины кресел, в одно он уселся сам, другое предложил мне. На плоской поверхности пульта гнездилось множество переключателей и кнопок. Он нажал какой-то тумблер, и освещение погасло. Нажал еще один — и бам-бам-бам участилось до монотонного гудения. Восьмигранник завертелся так быстро, что под светом прожекторов превратился в туманную дымку.

— Вы, наверное, знаете, — самодовольно начал просвещать меня этот старый хрен, — что сейчас мы впервые смогли применить наш аналитический метод к абсолютному будущему. Спасибо Уиггонсу, что разработал систему самопроверки данных, без нее мы бы еще корпели и корпели.

— Молодец ваш Уиггонс, — говорю, а сам ну хоть бы что-нибудь понял. Такое состояние бывает, когда только что проснулся и не можешь вспомнить, что видел во сне. Это знакомо каждому — нужная мысль бродит где-то совсем рядом, а ухватить ее не можешь. Вот и у меня тогда роились в голове сотни разных ассоциаций, звонили тысячи колокольчиков — а состыковать ничего не удавалось. Но я чувствовал — рыбина тут большая.

По кристаллу начали метаться тени. Появились несфокусированные изображения, вспышки цвета. Чудной старик что-то пошептал про себя, и его пальцы прошлись по клавишам пульта, будто он играл фугу. Наконец он сказал «Есть!», откинулся в кресле и принял следить за кристаллом. И я вместе с ним.

Передо мной возникло окно в пространство, через это окно я видел одинокую звезду, ярко горевшую в темноте. Свет был острый, холодный и до рези в глазах сильный. Сразу же за окном, на переднем плане, я увидел космический корабль. Нет, не в форме сигары или яйцевидного сфера, ничего подобного. Такой космический корабль увидишь разве что во сне. Огромное чудовище с какими-то немыслимыми крыльями и башенками, натыканными без всякой системы окнами. Будто его никто и не собирался запускать в космос, а сделали баловства ради.

— Смотрите внимательно, мистер Маггинс, — предупредил старый хрен. — При такой скорости все происходит очень быстро.

Быстро? Это не то слово. На корабле вдруг поднялась суматоха. Башенки поднимались и опускались, люди, похожие в скафандрах на клопов, сновали взад и вперед; к кораблю подлетела маленькая ракета в форме утолщенной иглы, немного повисела рядом и улетела. Напряженная секунда ожидания — и вдруг звезда померкла. А следом за ней — и космический корабль. Кристалл потух.

Мой экскурсовод, трехнутый профессор, переключил несколько тумблеров, и перед нами открылся дальний, глубокий план. Четко и ярко возникли звезды, мириады звезд. Постепенно верхняя часть кристалла начала темнеть. Раз, два — и все звезды погасли. Представляете? Погасли. Были и нету. Я вдруг вспомнил школьные годы, как в каплю под микроскопом мы добавляли тушь и смотрели, как гибнут бедные амебы.

Старикан с бешеною скоростью принялся нажимать разные кнопки, и перед нами возникали все новые и новые картины Вселенной, но черное облако каждый раз расползалось и поглощало все вокруг. Скоро звезд вообще не осталось. Не осталось ничего, кроме черноты. Не скажу, что все это выглядело эффектнее приличного стереофильма, но нервишки слегка пощекотало. Я не без жалости задумался над судьбой амеб.

Зажегся свет, я снова оказался внутри часового механизма. Профессор повернулся ко мне и спросил:

— Ну, что вы об этом думаете?

— Думаю, что это шикарно.

На лице его появилось разочарование. Он промямлил:

— Нет, нет, я не о том. Как вы это объясняете? Вы согласны с остальными?

— Со Стабилиссимусом Гротингом?

Он кивнул.

— Мне надо немного подумать, — ушел я от ответа. — Все это несколько... неожиданно.

— Разумеется, разумеется, — запричитал он, провожая меня к двери. — Подумайте как следует. Хотя, — рука его застыла на дверной ручке, — я не вполне согласен с вашим «неожиданно». В конце концов мы всегда этого ждали. Вселенная обречена, а каким будет конец, не так важно.

Недурно, а? Пока я шел вниз, чувствовал, как у меня извилины шевелятся. Никак не мог понять, чем уж это черное облако так огорчило Стабилиссимуса. Я поплелся к выходу из «Прога» и на ходу принял решение — поеду-ка сейчас прямо к Контролеру и устрою у него еще один спектакль. На углу я поймал пневматическую капсулу и набрал на диске нужный адрес. Через три с половиной минуты я был на месте.

Не успел я выбраться из капсулы, как меня окружила вся наша газетная шайка.

— Где ты пропадал, старина? — спрашивает «Леджер». — Нам твои мозги были вот как нужны.

— Никак Хогана не найду, — отвечаю. — Пока с ним не встречусь, не знаю, что писать. А чего это вам вдруг мозги понадобились?

— Да не мозги вообще, а твои мозги.

Я вылез наконец-то из капсулы и показал им пустые карманы.

— Думаешь, мы тебя хотим расколоть? — удивился «Леджер». — Да нет же, просто не хватало человека, который умеет интерполировать.

— Чего?

— Это чучело хотело сказать «интерпретировать», — поправил «Рекорд». — Нам сегодня опять выдали официальную сводку. Слов много, а смысла никакого.

— Братцы, — сказал я, — вам нужен человек, который умеет фантазировать. Сегодня я от этой роли отказываюсь. А то, чего доброго, нафантализирую на свою голову.

В общем, притопал я по дорожке к главному входу, иду к кабинету Зама Вице-Контролера, а сам думаю: «Вопрос у меня не шутейный, чего я буду размениваться на всяких замов?» Разворачиваю лыжи — и в приемную самого Контролера. А до него добраться не просто — у него делопроизводители живые, не какие-

то там роботы-пустобрехи. Да еще четыре секретарши. Красотки как на подбор, но чтут дисциплину.

Первая меня даже не заметила. Я пронесся мимо нее и был уже во второй прихожей, а она только начинала стрекотать: «Простите, что вы хотели?» Вторую всплоснул стук двери, и она успела схватить меня за руку. В общем, повисли на мне обе, но я знал себе рвусь вперед. Тут третья, и как ко мне прижмется! Понял я — заслон не прорвать. Но здесь меня уже мог услышать Контролер, поэтому я как заору:

— Долой Стабильность!

Да, да. Именно так и заорал. И еще:

— Стабильность никуда не годится! Даешь Хаос!

Да здравствует Хаос!

И еще что-то в этом роде. Секретарши порядком струхнули, одна включила сигнал тревоги, тут же ввалились двое ребятишек и уже собирались считать мне ребра. Но я продолжал хулить Стабильность и прорываться в святая святых, наслаждаясь при этом жизнью — ведь на мне висели три первосортные красотки, а в ноздри лез запах «Изобилия № 5». Наконец, на шум вышел сам Контролер.

Меня тут же отпустили, и Контролер спросил:

— Из-за чего такой шум?.. Ах, это вы.

— Не сердитесь, пожалуйста, — говорю.

— Я смотрю, вы любитель пошутить, Кармайкл.

— Нет, сэр, просто у меня не было другого способа быстро добраться до вас.

— Извините, Кармайкл, но вы явно перестарались.

— Подождите минутку, сэр.

— Простите, я очень занят. — Вид у него был обеспокоенный и нетерпеливый.

— Мне нужно сказать вам два слова наедине, — настаивал я.

— Исключено. Поговорите с моим делопроизводителем. — И он повернулся к своему кабинету.

— Прошу вас, сэр...

Но он, махнув рукой, уже входил в кабинет. Я кинулся к нему и поймал за локоть. Он что-то сердито зашипел, но я повернул его к себе, обхватил руками и,

когда мой рот оказался рядом с его ухом, с жаром прошептал:

— Я был наверху в «Проге». Я все знаю!

Его нижняя челюсть отвисла. Он сделал каких-то два неясных жеста и кивком головы позвал меня за собой. Я ввалился в его кабинет, а там... Я чуть не умер на месте. Там был Главный Стабилиссимус. Да, да, старый громоверхец Гротинг. Он стоял у окна, и для полноты картины ему не хватало в руках по молнии.

Тут, доложу вам, братцы, я сразу отрезвел, вся спесь с меня вмиг слетела — при виде Стабилиссимуса любой отрезвеет, неважно, какой козырь у него в кармане. Я вежливо кивнул и подождал, пока Контролер закроет дверь. Эх, думаю, по ту сторону двери было бы уютнее. И чего я полез в этот «Прог»?

— Мистер Гротинг, — сказал Контролер, — это Джон Кармайкл, репортер из «Таймса».

Мы сказали друг другу: «Здравствуйте», но слышно было только Гротинга. Я едва пошевелил губами.

— Итак, Кармайкл, — продолжал Контролер, — что вы хотели сказать насчет «Прога»?

— Я был наверху, сэр.

— Что-о?

— Б-был наверху.

Тут в глазах ГСа действительно сверкнули молнии.

— Извините, если доставил вам неприятности. Я годами мечтал о том, чтобы подняться туда... и, когда сегодня представилась возможность, я не удержался... — И я рассказал им, как мне удалось прорваться наверх и что я там увидел.

Контролер был вне себя от ярости, и я понял — не спрашивайте почему, понял все, — что надо успеть выговориться, иначе ко мне примут самые крутые меры. Но к этому времени я уже кое-что скумекал. Поворачиваюсь прямо к ГСу и говорю:

— Сэр, скажите, «Прог» означает «прогнозирование»?

Ответом было молчание. Потом Гротинг медленно кивнул.

— Наверху стоит машина, которая предсказывает будущее, — продолжил я. — Каждый день вы подни-

маетесь туда и получаете прогноз. Потом выдаете эти сведения газетчикам, но так, будто до всего вы дошли сами. Правильно?

Контролер гневно забулькал, но Гротинг снова кивнул.

— Сегодня, — сказал я, — был предсказан конец света.

Снова наступила тишина. Наконец Гротинг устало вздохнул и произнес:

— Похоже, мистер Кармайкл действительно знает слишком много.

— Я здесь ни при чем, — взорвался Контролер. — Я всегда настаивал на солидной охране. Выставь мы охранников...

— Охранники, — перебил Гротинг, — только нарушили бы существующую Стабильность. Люди могли заподозрить что-то неладное. Поэтому нам пришлось положиться на судьбу в надежде, что ничего не произойдет. Сейчас это «что-то» произошло, и нужно искать выход из создавшегося положения.

— Простите, сэр, — вступил я, — но я пришел сюда вовсе не потому, что хотел похвастаться. Без хвастовства я мог бы и обойтись. Меня тревожит другое: почему так встревожены вы?

Гротинг пристально посмотрел на меня, потом принялся ходить по комнате. Гнева на его лице я не видел, он просто ходил по большой комнате и думал, хладнокровно размышлял, как со мной поступить. Меня бросило в дрожь.

— Обещаю вам, — начал я, — что буду держать язык за зубами, если все дело в этом.

Он даже не повернул головы — знай себе ходит. Что со мной могут сотворить? На ум пришли разные ужасы. Упекут на всю жизнь в одиночку. Вышлют на край Вселенной, якобы для проведения исследований. Сотрут все, что накопилось в моей памяти, а это значит, что мои двадцать восемь лет — коту под хвост.

Я здорово струхнул и давай кричать:

— Вы ничего не сможете мне сделать. Сейчас Стабильность! — И я начал цитировать Кредо, затараторил, что помнил: — Статус кво следует поддерживать любой ценой. Каждый член общества является

существенным и неотъемлемым элементом статуса кво. Удар по Стабильности любого члена общества означает удар по Стабильности самого общества. Стабильность, которая поддерживается за счет ущерба, причиняемого отдельной личности, равнозначна Хаосу...

— Спасибо, мистер Кармайкл, — перебил меня ГС. — Я пока еще помню Кредо.

Он подошел к пульту на столе Контролера и быстро нажал несколько клавиш. Через несколько минут томительного ожидания телетайп отстучал ответ. Гротинг прочитал текст, довольно кивнул и подозывал меня. Подхожу к нему, ребята, а сам думаю — каким чудом меня еще ноги держат?

— Мистер Кармайкл, — объявил Гротинг. — Рад сообщить, что вы назначены конфиденциальным представителем прессы при аппарате по поддержанию Стабильности — на время настоящего кризиса.

Я только ойкнул.

— Таким образом, — пояснил Главный Стабилиссимус, — Стабильность остается незыблевой, и есть полная гарантия того, что вы будете молчать. Общество не терпит изменений, но безобидные дополнения оно приветствует. Был создан новый пост, и его займете вы.

— С-спасибо, — вымолвил я.

— Разумеется, ваш кредит существенно возрастет. Работать будете со мной лично. Все сообщения — строго конфиденциальные. Если вы раскроете вверенную вам тайну, общество накажет вас за злоупотребление служебным положением. Процитировать соответствующий параграф Кредо?

— Нет, сэр! — воскликнул я, потому что прекрасно знал этот параграф. Ловко он загнал меня в угол, ничего не скажешь! — А что будет с моей работой в «Таймсе»?

— В «Таймсе»? — переспросил Гротинг. — Продолжайте работать, как обычно. Представляйте официальные сводки, словно вы не имеете понятия о том, что в действительности происходит. Времени на то, чтобы появляться в своей газете, у вас будет достаточно. Перегружать вас не собираюсь.

Он вдруг улыбнулся, и на душе у меня сразу полегчало. Я понял, что он не такой уж злодей, — наоборот, он сделал все возможное, чтобы вытащить меня из этой ямы, в которую я угодил из-за своего любопытства. Я ухмыльнулся и на радостях протянул ему руку. Он крепко пожал ее. Гроза как будто миновала.

— Итак, мистер Кармайкл, теперь, когда мы с вами коллеги, перейдем прямо к делу, — продолжал ГС. — «Прог», как вы догадались, действительно Центр прогнозирования. С помощью совершенной системы обработки данных и сложного сочетания интеграфов нам удается... пользуясь вашей терминологией, предсказывать будущее.

— Честно говоря, сэр, — признался я, — я шпарил наобум. Неужели все так и есть?

— Именно так, — улыбнулся Гротинг. — В пророчестве нет ничего мистического. Это очень логичная наука, выстроенная на экспериментальных факторах. Солнечное затмение предсказывают с точностью до секунды, до градуса долготы, и обывателя это приводит в изумление. Ученые же знают, что здесь всего лишь точный математический расчет на основе точных данных.

— Разумеется, — начал я, — но...

Гротинг поднял руку.

— Предсказание будущего, — продолжал он, — по сути дела та же самая задача, но тут есть своя сложность — трудно получить точные данные и в требуемом объеме. Вот пример: имеется яблочный сад. Велика ли вероятность кражи яблок?

— Кто его знает. Наверное, это зависит от того, много ли ребятишек живет по соседству.

— Правильно, — согласился Гротинг. — Вот вам уже дополнительные данные. Значит, имеются сад и ребятишки. Велика ли вероятность кражи яблок?

— Даже очень.

— Вот вам еще дополнительные сведения: в районе свирепствует саранча.

— Вероятность меньше.

— Еще: Министерство сельского хозяйства сообщило о новом эффективном разбрызгивателе против саранчи.

— Теперь больше.

— Есть и другие данные: в прошлые годы мальчишки украли яблоки и было крепко за это наказаны. Какова вероятность теперь?

— Наверно, чуть поменьше.

— К экспериментальным факторам добавьте анализ поведения мальчишек. Это сорви-головы, и наказание на них не действует. Сюда же приплюсуйте прогноз погоды на лето, местоположение сада. А как к кражам относится владелец? Теперь суммируйте: сад плюс мальчишки плюс кражи плюс наказание плюс характер владельца плюс саранча плюс опыление плюс...

— О боже! — вырвалось у меня.

— Вас поражает объем и задачи, — улыбнулся Гротинг, — но не отсутствие логики. Обработав все имеющиеся сведения по данному саду, мы точно скажем, совершился ли кражи, мало того, определим ее время и место. Перенесите этот пример на Вселенную, и вам станут ясны масштабы работы, которая ведется в здании «Прога». Анализаторы данных размещаются на восьми этажах. Отобранные сведения подаются в интеграторы, и оп-ля — получите предсказание!

— Оп-ля, бедная моя головушка!

— Ничего, со временем привыкнете.

— А изображения? — спросил я.

— Решение математической задачи можно выразить по-разному, — стал объяснять Гротинг. — Для «Прога», естественно, мы выбрали визуальный показ прогнозируемых событий. Все крупные правительственные решения перед проведением в жизнь облекаются в форму данных и подаются в интегратор. Мы узнаем, как тот или иной шаг отразится на обстановке в мире. Если налицо выгоды, мы делаем этот шаг. В противном случае мы от него отказываемся и ищем другие пути...

— А как насчет изображения, которое я видел сегодня? — поинтересовался я.

Улыбка сбежала с лица Гротинга. Он сказал:

— Вплоть до сегодняшнего дня, мистер Кармайкл, мы могли приблизиться к настоящему в лучшем случае на неделю, а углубиться в будущее — максимум на неделю.

симум на несколько сот лет. Новый метод Уиггонса позволил заглянуть в будущее вплоть до конца нашей цивилизации, и конец этот, как выяснилось, устрашающе близок. Гибель Вселенной, которую вы наблюдали, произойдет менее чем через тысячу лет. И меры должны быть приняты немедленно.

— К чему пороть горячку? Впереди еще десять веков, за это время наверняка произойдет какое-нибудь событие, которое не позволит Вселенной погибнуть.

— Какое событие? — Гротинг покачал головой. — Вы плохо представляете себе, как обстоит дело. С одной стороны, имеется теория нашего общества. Стабильность. Вы сами недавно цитировали Кредо. Если обществу приходится поддерживать Стабильность ценой нестабильности, возникает Хаос. Обратите на это внимание. С другой стороны, мы не можем ждать, когда наше общество быстро покатится к самоуничтожению. Чем ближе оно будет к этой точке, тем более решительные изменения потребуются для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Маленький снежок, катящийся с вершины горы, на пути превращается в огромный снежный ком и, в конце концов, сносит здоровенный домище у основания горы. Наверху достаточно чуть щелкнуть пальцем — и направление будущей лавины изменится. Щелкнуть пальцем — и будет спасен целый дом. Но если упустить момент и опомниться, когда снежный ком наберет мощь, потребуются огромные усилия, чтобы отвести в сторону грозную лавину.

— Сегодняшние изображения как раз были снежным комом, падающим в наш дом. И вы хотите щелкнуть пальцем сейчас...

Гротинг кивнул.

— Нам предстоит просеять миллиарды факторов, имеющихся в «Проге», и найти этот маленький снежок.

Контролер, все это время пребывавший в состоянии оцепенения, словно очнулся от сна.

— Говорю же вам, мистер Гротинг, это невозможно. Как вы хотите откопать один нужный фактор среди миллиардов?

— Тем не менее, другого пути нет.

— Есть! — возмутился Контролер. — И я все время о нем говорю. Давайте действовать методом проб и ошибок. Мы вызовем серию изменений сейчас и посмотрим, изменится ли линия будущего. Рано или поздно мы наткнемся на то, что ищем.

— Исключено, — сказал Гротинг. — Это значит расстаться со Стабильностью. Если цивилизация покупает спасение ценой своих принципов, она не достойна спасения.

— Сэр, — вмешался я. — У меня есть предложение.

Они посмотрели на меня. ГС одобрительно кивнул.

— По-моему, вы оба — на неверном пути. Вы ищете фактор в настоящем. А поиски надо начинать из будущего.

— То есть?

— Вот, допустим, я говорю: за то, что выросло много клевера, надо благодарить старых дев. И вы начинаете поиски с этих самых дев. А надо начинать с клевера и двигаться в обратном направлении.

— Постарайтесь говорить яснее, мистер Кармайл!

— Я говорю о логическом построении от конца к началу. Вы знаете, сэр, что в свое время старичок по фамилии Дарвин пытался объяснить равновесие, царящее в природе, вывести причинно-следственную взаимосвязь. Он, в частности, сказал, что от числа старых дев в городе зависит урожай клевера, да, так и сказал; но, если вы хотите разобраться, что он имел в виду, нужно идти от конца к началу. От следствия к причине. Вот так: для опыления клевера требуются шмели. Чем больше шмелей, тем больше клевера. Полевые мыши разоряют шмелиные гнезда, значит, больше полевых мышей, меньше клевера. Дальше — коты едят мышей. Чем больше котов, тем больше клевера. Котов держат старые девы. Следовательно, чем больше старых дев, тем больше клевера, что и требовалось доказать.

— Так-так, — засмеялся Гротинг, — а теперь выводы.

— По-моему, вы должны начать с момента катастрофы и тянуть причинную цепочку, звено за звеном, пока не доберетесь до первопричины. Запустите Прогнозатор в обратном направлении, и найдете точку, с которой началось движение нашего снежка.

Наступила долгая тишина — они обдумывали мое предложение. Контролер выглядел слегка ошарашенным, он все бормотал про себя: «кошки — клевер — старые девы», но ГСа моя мысль явно зацепила. Он подошел к окну и стоял там, глядя в пространство, недвижимый, словно статуя.

Казалось, все происходит во сне — страстные переживания из-за события, которое произойдет через тысячу лет. Но уж такова Стабильность. Обязательно надо смотреть вперед. У моего приятеля из «Морнинг глоб» над столом висит табличка: «Думай о завтрашнем дне, сегодняшний сам о себе подумает».

Наконец Гротинг произнес:

— Мистер Кармайл, думаю, вам лучше вернуться в «Прог»...

Меня, естественно, распирало от гордости. Мы шли через зал к пневматическим капсулам, а я думал: «Я подал шикарную идею Главному Стабилиссимусу! Он принял мое предложение!» Секретарши, увидев, что мы выходим, сразу кинулись вперед через зал. У выхода уже стояли три капсулы. Мало того, ГС и Контролер ждали, пока я звонил к себе в редакцию и давал официальную сводку. Редактор был недоволен, что я куда-то смылся, но у меня было прекрасное алиби. Я искал Хогана. Искал, друзья мои, еще как искал!

Мы быстро миновали кабинеты «Прога» и поднялись по конусообразной лестнице. По дороге ГС сказал, что Ярру, старому хрену, которого я околпачил, правду говорить не стоит. Пусть считает, что я на самом деле конфиденциальный секретарь.

Мы снова оказались внутри этих поразительных часов. Крутились мириады колесиков и кулачков, медленно вращался кристалл, раздавалось гипнотическое «бам-бам» двигателей. Ярр встретил нас у дверей и с рассеянным подобострастием проводил к смотровому

столу. В комнате снова стало темно, и мы еще раз увидели, как черное облако расползается по поверхности Вселенной. Сейчас я воспринял это зрелище совершенно иначе — у меня мурашки побежали по коже.

Гротинг повернулся ко мне и спросил:

— Есть какие-нибудь предложения, мистер Кармайл?

— Прежде всего, — сказал я, — надо узнать, какое отношение к черному облаку имеет космический корабль... вы согласны?

— Ну-да, вполне. — Гротинг сказал Ярру: — Дайте нам крупным планом космический корабль и включите звук. Интеграцию, пожалуйста, с нормальной скоростью.

— Чтобы просмотреть весь кусок в таком темпе, потребуется неделя, — заявил Ярр. — Может, вам нужно что-то конкретное?

У меня мелькнула идея.

— Покажите нам место, когда прилетает ракета.

Ярр вернулся к пульту управления. Мы увидели крупным планом большое круглое отверстие. Заработал звуковой механизм на высокой скорости, стал слышен клекот писклявых голосов. Неожиданно появилась ракета. Ярр дал замедление до нормальной скорости.

Ракета — толстая игла — носом вошла в отверстие, раздалось какое-то шипение — производиласьстыковка методом всасывания. Внезапно картинка изменилась, и мы увидели шлюз между двумя кораблями. Голые по пояс мужчины в промасленных рабочих штанах, потные, перетаскивали в большой корабль тяжелое, обвязанное мешковиной оборудование. В сторонке два типа средних лет быстро разговаривали:

— У вас все нормально?

— Если бы нормально. Славу богу, это последняя партия.

— А как насчет кредитов?

— Все выгребли.

— Серьезно?

— Еще как.

— Не понимаю. У нас осталось больше двух миллионов.

— А у нас все вылетело на косвенные закупки и на...

— На что?

— На взятки, если вам так надо знать.

— На взятки?

— Эх, дорогой мой, стоит заказать циклотроны, и на тебя сразу начинают подозрительно коситься. А уж если заикнешься об атоме, считай, на тебя уже завели дело.

— Раз так, значит, дело заведено на любого из нас.

— От этого никому не легче.

— До чего несправедливо — предавать анафеме ценнейшую частицу самого нашего существования.

— Вы имеете в виду...

— Атом, разумеется.

Говоривший задумчиво уставился перед собой, потом вздохнул и скрылся в темных глубинах корабля.

— Хватит, достаточно, — велел я. — Теперь найдите момент прямо перед началом затмнения. Внутри корабля.

Обороты интегратора возросли, со звуковой дорожки снова понесся писк. На кристалле, быстро меняясь, мелькали изображения внутри корабля. Перед нами несколько раз проплыла камера управления с прозрачным куполом, в ней метались фигурки людей. Наконец изображение сфокусировалось на камере и словно застыло, превратилось в фотографию — несколько полуобнаженных мужчин склонились над панелью управления и чуть откинули назад головы, чтобы видеть сквозь купол.

— Смотрите внимательно, — предупредил Ярр. — Тут недолго.

— Поехали, — скомандовал я.

Сцена чуть смазалась — и тут же ожила.

— ...защитные экраны готовы?

— Готовы, сэр.

— Питание в порядке?

— В порядке, сэр.

— Все в состоянии готовности. Время?

— Еще две минуты.

— Хорошо.

Седобородый мужчина принялся ходить по камере, сцепив руки за спиной, будто капитан на капитанском мостике. Шаги его гулко стучали на фоне равномерного урчания двигателей.

— Время?

— Минута сорок.

— Друзья! В эти короткие мгновенья мне хочется поблагодарить вас за вашу чудесную помощь. Я имею в виду не техническую сторону — тут работа говорит сама за себя, — а ваше страстное желание идти со мной до конца, даже если от этого страдает ваша репутация... Время?

— Минута двадцать пять.

— Мы надеемся, что наша работа принесет Вселенной неслыханные, ни с чем не сравнимые блага, и очень грустно, что проводить эту работу нам пришлось в обстановке полной секретности. Безграничные энергетические возможности — понятие настолько обширное, что даже я затрудняюсь определить будущее наших миров. Через несколько минут мы станем героями, известными во всех уголках Вселенной. Сейчас, когда работа еще не окончена, я хочу сказать вам — для меня вы уже герои... Время?

— Пятьдесят секунд.

— До сегодняшнего дня математика и другие точные науки были лишь подспорьем для человеческих деяний. Об этом говорил Фицджен на своей первой лекции, и сейчас мы докажем, что в основе всего — человек. Энергомеханика развивается не по пути расширения и усложнения энергокомплексов, она упрощается, вся энергия сосредоточивается внутри самого человека... Время?

— Двадцать секунд.

— Мужайтесь, друзья мои. Сейчас наступит момент, ради которого мы работали все десять лет. В обстановке полной секретности. Как преступники. Что ж, такой всегда была участь людей, приносивших человечеству самые ценные дары.

— Десять секунд.

— Полная готовность.

— Есть полная готовность.

Последние секунды превратились в мучительную пытку. При счете «ноль» все на корабле пришло в бурное движение. Уследить за действиями людей или поять их я не мог, но по четкости и взаимодействию было ясно, что работает слаженный коллектив. Для нас это зрелище было исполнено трагедии — ведь мы знали, чем все кончится.

Внезапно все остановились и устремили взгляды вверх, сквозь кристально прозрачный купол. Далеко-далеко, на фоне густой черноты, сияла одинокая звезда. Вот она мигнула в последний раз и погасла.

Раздались крики, все показывали наверх. Седобородый воскликнул:

- Это невозможно!
- Что, сэр?
- Я...

В эту секунду изображение потонуло в черноте.

— Хватит, — сказал я.

Ярр зажег свет, остальные повернулись ко мне. Я подумал немного, лениво разглядывая блестящие кулачки и колесики. Потом заговорил:

— Что ж, начало неплохое, кажется, я знаю, почему вас все это слегка озадачило. Вы — люди занятые, на глупости времени нет. Я же занят меньше вас, валять дурака могу целыми днями, поэтому люблю читать детективы. Так вот, это у нас тоже детектив, только наоборот.

— Допустим, — откликнулся Гротинг. — Продолжайте.

— Кое-какие исходные данные у нас есть. Во-первых, Вселенная погибла при попытке наполнить ее энергией из гиперпространства. Во-вторых, попытка не удалась по причинам, которые нам пока неизвестны. В-третьих, попытка предпринималась втайне. Почему?

— А что тут особенного? — возразил Контролер. — Ученые — народ такой...

— Я говорю о другой тайне. Ведь эти люди были вне закона, они проводили запрещенный эксперимент. Вот что надо выяснить — почему эксперименты с атомной энергией были запрещены. Тогда, возмож-

но, нам удастся приблизиться на несколько десятилетий к настоящему.

— Но как это сделать?

— Прежде всего проследить, откуда летела ракета. Выясним, какое оборудование они покупали, — и область поисков заметно сузится. Справитесь, доктор Ярр?

— Потребуется много времени.

— Ничего, у нас впереди тысяча лет.

Доктор Ярр уложился в два дня. Я тем временем узнал много интересного о Прогнозаторе. Сработан он был на славу, ничего не скажешь. Будущее целиком и полностью складывается из вероятностей. И интегратор мог подключить любую такую вероятность, подключить и проверить — что получится? Если данная вероятность крайне мала, изображение будет не в фокусе. Если будущее событие более или менее возможно, его уже можно разглядеть, но все равно резкость будет невелика. А вот если какое-то событие произойдет наверняка — исходя из имеющихся на сегодняшний день сведений, — изображение будет четким и резким.

Когда через два дня мы вернулись в «Прог», Ярр готов был прыгать от радости.

— Похоже, я поймал то, что вы ищете, — сказал он.

— Что же это?

— Я засек момент подкупа. Увидите, там есть интересная информация, она наведет вас на след.

Мы уселись позади пульта управления, Ярр принялся крутить ручки. Он держал листок бумаги, заглядывал с него и, что-то бурча под нос, подбирал нужные координаты. Поначалу мелькали какие-то тени, потом в комнату хлынул звук — будто сразу включили сотню стереопроигрывателей. И тут же изображение на кристалле стало резким.

Мы увидели гигантский литейный цех, в уши бил невыносимый лязг и скрежет. Вдоль обеих стен цеха тянулись мощные стальные фермы, они уходили далеко в глубь изображения и напоминали колонны в каком-то жутком католическом соборе. Мостовые краны с изяществом перетаскивали огромные куски металла.

Черный и белый дым, освещаемый вспышками пламени из печей, вихрился вокруг крошечных человеческих фигурок.

Перед гигантской отливкой стояли двое. Литейщик в засаленном комбинезоне что-то быстро измерял и выкрикивал цифры, а второй человек тщательно сверял их с чертежом на синьке. На фоне грохота литейного цеха мы услышали краткий и сжатый диалог:

- Сто три и семь.
- Есть.
- Короткая ось. Пятьдесят два и пять.
- Есть.
- Тангенс овального диаметра. Три градуса ноль пятьдесят два.
- Есть.
- Параметры внешнего изгиба?
- У равен косинусу X .
- Тогда X равен минус половине P .
- Есть.

Литейщик вылез из отливки, сложил трехмерный измерительный калибр. Какой-то ветошью вытер пот с лица и с любопытством посмотрел на инженера, а тот неторопливо скатал синьку и сунул ее в узенький рулон из других чертежей.

— Вроде бы неплохо поработали, — сказал литейщик.

Инженер согласно кивнул.

— Но за каким чертом вам это нужно? В жизни не видел такой отливки.

— Могу объяснить, но, боюсь, вы не поймете. Очень уж сложно.

— Слишком вы, теоретики, любите заноситься, — вспыхнул литейщик. — Думаете, раз я умею лить металл, в уравнении мне не разобраться?

— Нет, почему же? Но не будем об этом. А отливку я готов забрать сейчас же.

Инженер повернулся и двинулся было к выходу, нервно похлопывая себя свернутыми чертежами по лодыжке, как вдруг над его головой зависла огромная железная чушка, выплывшая из глубин изображения. Литейщик вскрикнул, бросился вперед, схватил инже-

нера за плечо и толкнул на бетонный пол. Чертежи рассыпались.

Пораженный инженер смотрел, как многотонная железяка чинно проплывает мимо. Литейщик тут же помог ему подняться, потом подобрал с пола чертежи и начал их аккуратно складывать. Но вот он замер и пристально вглядился в один из них. Начал было рассматривать другие, но инженер уже выхватил их.

— Для чего нужна эта отливка? — спросил литейщик.

Быстрыми, энергичными движениями инженер скатал чертежи в трубку.

— Не лезьте не в свое дело, — бросил он.

— Я и без вас знаю. Это четверть циклотрона. А остальные части вам отольют в других местах, верно?

Инженер не ответил.

— Вы, наверное, забыли 930-е Правило Стабилизации?

— Ничего я не забыл. С ума вы сошли, что ли?

— Хотите, чтобы я созвал официальную проверку?

Инженер вздохнул, потом пожал плечами.

— Идемте, — сказал он. — Я покажу вам чертежи с общим видом, тогда поймете, что ошибаетесь...

Они вышли из литейного цеха и не спеша направились к широкому бетонному полю, на котором лежала толстая игла-ракета. По приставной лестнице они поднялись к боковой дверце и забрались внутрь. Там инженер вдруг закричал:

— Сюда, ребята! Нас снова накрыли!

Дверь за их спиной захлопнулась. Из всех близлежащих отсеков появились космонавты. Вид у них был суровый и отрешенный, а в руках поблескивали тупоносые парализаторы. Литейщик обвел космонавтов долгим взглядом. Наконец сказал:

— Вот, значит, как обстоит дело?

— Именно так. Мне очень жаль.

— Ну, ничего, может, когда-нибудь вы встретитесь с моими дружками...

— Может быть.

— У них с вами будет меньше хлопот, чем у вас со мной! — Он сжал кулаки и изготовился к бою.

— Эй! — воскликнул инженер. — Погодите минутку! Не надо терять голову. Вы мне здорово подсobili. Я не хочу оставаться в долгу. Тут у меня как раз есть лишние кредиты.

Литейщик озадаченно посмотрел на инженера. Потом слегка успокоился и стал будто в раздумье тереть подбородок.

— Похоже, вы не такие уж и плохие ребята, — сказал он. — По крайней мере, я тут у вас почти освободился...

Инженер довольно ухмыльнулся.

— Стоп, достаточно, — закричал я, и изображение тут же исчезло.

— Ну, что? — взволнованно спросил Ярр.

— Мы явно напали на след, — подытожил я. — Давайте пойдем еще дальше назад и выясним, как проходило обсуждение Правила 930. — Я повернулся к ГСу. — Сэр, какое у вас последнее Правило на сегодняшний день?

— Семьсот пятнадцатое, — ответил Гротинг.

Контролер уже что-то высчитывал. Потом сказал:

— Если считать, что новые законы будут появляться через те же интервалы, что и сейчас, Правило 930 введут примерно через шесть веков. Так, мистер Гротинг?

Тот согласно кивнул, и Ярр вернулся к панели управления. Нам пришлось проглядеть много всякой чепухи, так что не буду утомлять вас подробностями. Для отшельника с Луны могу добавить, что большую часть времени мы околачивались в библиотеке, ждали, когда Ярр набредет на год, в котором ввели Правило 930. Потом мы быстро нашли то, что хотели, — дебаты при принятии этого правила.

Его ввели по поразительным, с одной стороны, причинам, но, с другой стороны, по вполне объяснимым. За предшествующие сто пятьдесят лет почти в каждом крупном университете земного шара произошел взрыв, вызванный экспериментами с ядерной энергией. Взрывы — это было поразительно, Правило —

объяснимо. Расскажу подробнее, как шли дебаты, — кое-что из увиденного здорово запало мне в душу.

Интегратор выбрал прохладный, радующий глаз вестибюль в административном здании в Вашингтоне. Мраморный пол напоминал скованную льдом молочную реку с золотыми вкраплениями. Одна стена являла собой огромное квадратное окно, состоящее из тысячи круглых стеклянных плиточек, они преломляли яркий солнечный свет в теплые разноцветные струи. В глубине изображения можно было видеть огромные двери из синтетического дуба. Перед ними оживленно беседовала молодая пара — красивый парень с папкой под мышкой и поразительной красоты девушка. Знаете такой тип: гладкие волосы коротко подстрижены, а лицо ясное, свежее, словно умытое самой природой.

— Интересно, — воскликнул Контролер, — это же вестибюль перед залом для заседаний! За шестьсот лет ничуть не изменился.

— Стабильность! — заметил Гротинг и удовлетворенно хмыкнул.

— Внутри идет обсуждение, — сказал Ярр. — Сейчас я найду...

— Подождите, — остановил его я. — Давайте немного посмотрим это.

Сам не знаю, почему я так сказал, наверно, только потому, что при виде девушки пульс у меня вдруг забился быстрее и я не мог оторвать от нее глаз.

Она едва не плакала.

— Умоляю тебя, не делай этого — ну хотя бы ради меня.

— Ради тебя? — Парень немного смутился.

— Да, — кивнула она. — Ты уничтожишь дело всей его жизни несколькими фразами.

— Это дело моей жизни тоже.

— Неужели ты не видишь разницы? Мы с тобой молоды. А молодость всегда любит ниспровергать прежних идолов. Она пиреет на обломках старого. Уничтожает прошлые идеи и прокладывает путь своим собственным. Но ведь он-то уже не молод. Он жи-

вет только своей прошлой работой. И если ты развенчаешь ее, его ждет одно — горькое разочарование. Я останусь со сломленным стариком на руках, который сведет в могилу себя и меня. Дорогой, я не говорю, что ты не прав, но прошу тебя — подожди немного.

Из глаз ее полились слезы. Парень взял ее за руку и подвел к мозаичному окну. Девушка отвернула лицо от света, от его лица. Парень сказал:

— Он был моим учителем. Я боготворю его. То, что я хочу сделать, может, и похоже на предательство, но лишь по отношению к его преклонным годам. Я остаюсь верен человеку, каким он был тридцать лет назад. Тогда он поступил бы со своим учителем точно так же.

— А обо мне ты подумал? — воскликнула девушка. — Тебе вся радость разрушения, а убирать обломки придется мне! Что будет с моей жизнью? Мне все годы придется нести этот крест — нянчиться с ним, утешать его, делать все, чтобы он забыл о твоем безумном поступке!

— Мы будем жить вместе, Барбара. Я от тебя не отказываюсь.

— Как у тебя все просто! — Она горько засмеялась. — Мы будем жить вместе — этой короткой фразой ты — р-раз! — она прищелкнула пальцами, — беспечно отбрасываешь все. А где будет жить он? Один? Или с нами? Ну, где?

— Что-нибудь придумаем.

— Тебе приятно мнить себя настоящим правдолюбцем, но при этом ты упрям и слеп! Стивен... в последний раз... пожалуйста. Подожди, дай ему умереть своей смертью. Всего несколько лет. Оставь его в покое. Его и нас.

Он решительно покачал головой и направился к дубовым дверям.

— Ждать несколько лет, чтобы ублажить гордость старика? За эти несколько лет произойдет еще несколько катастроф, погибнут еще тысячи людей — это слишком большая цена.

Она бессильно прислонилась к окну, ее силуэт четко обозначился на красочном цветном фоне. Парень шел через вестибюль. У нее не осталось сил даже

для слез. Она так ослабела, что в любую секунду могла упасть на пол. И вдруг я увидел, как она вся подтянулась, напряглась, — в вестибюле появился еще один человек и бросился к парню. Это был изрядно поживший на свете лысый старик, лицо его, утратившее признаки возраста, было словно выточено из слоновой кости. Он был высок и тощ. Глубоко в подглазьях тлели тусклые угольки.

— Стивен! — крикнул он.

Парень остановился и обернулся.

— Стивен, я хочу поговорить с тобой!

— Это ничего не даст, сэр.

— Ты очень нетерпелив, Стивен. Несколько лет исследований — и ты хочешь перечеркнуть работу, которую я делал всю жизнь. Раньше я уважал тебя. Я считал, что ты примешь от меня эстафетную палочку, как в свое время это сделал я — принял эстафету от поколений, шедших до меня.

— А теперь вы так не считаете?

— Нет. — Старик вцепился в туннику молодого человека и с жаром заговорил: — Ты хочешь предать всех нас, хочешь закрыть дорогу исследованиям, которые обещают спасти человечество. За пять минут ты уничтожишь работу, которая велась пять веков. Неужели ты можешь допустить, чтобы труд и пот шедших впереди нас пропал впустую?

— Я не могу также допустить, — сказал парень, — чтобы люди продолжали бессмысленно умирать.

— Ты слишком много думаешь о смерти и слишком мало о жизни. Пусть погибнет тысяча человек, десять тысяч — все равно эта игра будет стоить свеч!

— Такая игра никогда не будет стоить свеч! Потому что у этой игры нет конца. Ваша теория неверна, она основана на ложных посылках.

— Ты глупец! — вскричал старик. — Самодовольный, неоперившийся зеленый глупец! Ты не пойдешь туда!

— Пойду, сэр.

— Я не пущу тебя.

Парень высвободил свою руку и потянулся к двери. Старик снова вцепился в него. Парень на мгновение

ние потерял равновесие, что-то сердито пробурчал и, подобравшись, оттолкнул старика. В ту же секунду девушка вскрикнула, вихрем подлетела к спорящим и оказалась между ними. Потом еще раз вскрикнула и отступила в сторону.

Парень мягко осел на пол, рот его широко раскрылся от удивления. Он пытался что-то сказать, но словно передумал. Девушка упала на колени рядом с ним, хотела приподнять его голову. Но вдруг отпрянула.

Все было кончено. Ни выстрела, ни звука. В руке старика, склонившегося над телом убитого, блестел металлический ствол.

— Я только хотел... — запричитал старик. — Я только... — и он разрыдался.

Девушка повернула голову с огромным трудом, словно она весила тонну, и посмотрела на отца. Лицо ее окаменело. Ледяным тоном она произнесла:

— Уходи, отец.

— Я только... — выдавил из себя старик. Губы его дрожали.

Девушка подняла с пола папку и встала. Не глядя больше на отца, она открыла двери, шагнула внутрь и мягко прикрыла их за собой. При ее появлении голоса смолкли.

Она подошла к центру стола, положила на него папку, открыла ее и вытащила кипу машинописных листов. Затем перевела взгляд на сидевших за столом мужчин, недоуменно вззрившихся на нее.

— Мне очень жаль, но я должна довести до ваше-го сведения, что мистер Стивен Уайлдер по не завися-щим от него причинам выступить перед вами не мо-жет. Как его невеста и помощница, я беру на себя его миссию и предлагаю вниманию комитета собранные им материалы. — Она смолкла и выпрямилась, стараясь сохранить самообладание.

— Спасибо, — сказал один из мужчин. — Мы го-тобы выслушать вас, мисс... мисс?

— Барбара Лидс.

— Спасибо, мисс Лидс. Итак?

Загробным голосом она продолжала:

— Мы полностью поддерживаем 930-е Правило Стабилизации, которое запрещает любые эксперименты в атомной энергодинамике. Все подобные эксперименты были основаны на аксиомах и математических формулах Фицджона. Унесшие столько жизней взрывы объясняются тем, что неверна первоначальная посылка этой теории. Мы можем доказать, что ошибочным является даже базовое уравнение Фицджона. Я говорю об

$$i = (d/u) b^2 i N/a (ze - j/a) \dots$$

Она взглянула в записи, поколебалась мгновение, затем добавила:

— Ошибки Фицджона легко обнаружить, если рассмотреть производные Лидса с трансконечными величинами...

Полным трагизма голосом она продолжала свою монотонную обвинительную речь.

— С-стоп, — сказал я.

Воцарилась тишина. Нам было как-то не по себе, мороз слегка продирал по коже. Я тогда подумал: могу гордиться тем, что я — человек. Не потому, что мыслю, что вообще существую, а потому, что умею чувствовать. Потому что человечество может протянуть к нам руку через века — неважно, из прошлого или будущего, с реальностью или вымыслом, — и разбередить в нас какие-то струны, тронуть нас до глубины души. Наконец я сказал:

— Что ж, мы явно на верном пути.

Ответа не было.

— Надо полагать, — не смутился я, — что секретный эксперимент, который уничтожил Вселенную, был основан на ошибочной теории Фицджона?

— Что? — очнулся ГС. — Ах, да, Кармайкл, вы абсолютно правы.

Чуть слышно Контролер произнес:

— Как жаль, что такое произошло. Этот Уайлдер... до чего был симпатичный молодой человек... давал большие надежды...

— Сэр, — воскликнул я, — успокойтесь, ведь в наших силах помешать этому, для того мы здесь и

пыхтим. Если найдем начало этой истории и чуть его изменим, парень с девушкой, возможно, поженятся и счастливо проживут свою жизнь.

— Вы правы. — Контролер смутился. — Я об этом не подумал...

— Надо копать дальше, — заключил я, — пока не доберемся до Фицджона. Кажется, в нашей головоломке он — ключевая фигура.

Господи, как мы искали! Ребята, скажу вам, мы словно собирали из кусочков пирамидку, которая имеет четыре измерения, и четвертым измерением было время. Мы отыскали сотню университетов, в которых специальные кафедры и отделения занимались исключительно разработкой теорий и математических формул Фицджона. Мы проскочили еще один век в направлении к настоящему и обнаружили уже только пятьдесят таких университетов, и в них учились студенты, чьи ученики возглавили кафедры век спустя.

Мы приблизились к настоящему еще на сто лет — теория Фицджона изучалась только в десяти университетах. Сторонники и последователи Фицджона с пеною у рта защищали его на страницах научных журналов, вели кровопролитные битвы с его противниками. Мы перепахали груду библиотечных материалов, сфотографировали скоростным методом множество уравнений, которые нам предлагал вращающийся восьмигранник, — вдруг пригодится на будущее? Наконец, мы добрались-таки до колледжа, в котором преподавал сам Фицджон, в котором он сделал свое революционное открытие и приобрел первых сторонников. Мы приближались к цели.

Фицджон оказался незаурядным человеком. Его рост, телосложение, цвет лица соответствовали средним величинам, но он обладал редким физическим даром — абсолютным чувством равновесия. Что бы он ни делал: стоял, сидел, двигался — он всегда сохранял королевскую осанку. Видимо, скульпторы именно так представляли себе человеческое совершенство.

Фицджон никогда не улыбался. Лицо его было словно высечено из грубого песчаника. Голос у Фиц-

джона был низкий, небогатый в смысле тембра, но запоминающийся, — он произносил слова необычайно ясно и четко. В общем, Фицджон был загадочной личностью.

Загадочным его можно было назвать и по другой причине: всю его сорокалетнюю карьеру в колледже мы излазили вдоль и поперек, проследили пути сотен его учеников, многие из которых потом стали его злейшими противниками, — но нам никак не удавалось докопаться до юности или даже молодости Фицджона. Мы знали о нем все с того момента, как он впервые появился на кафедре физики в колледже. Дальше след пропадал. Можно было подумать, что до колледжа Фицджон зачем-то скрывался.

Ярр метал громы и молнии.

— Это совершенно немыслимо, — кипятился он. — Мы провели всю цепочку, осталось каких-то пятьдесят лет до наших дней, и вдруг такая загвоздка... — Он поднял трубку небольшого настольного телефона и позвонил в хранилище информационных данных. — Каллен? Мне нужно все, что у вас есть о фамилии Фицджон. И побыстрее.

— Можно подумать, — заметил я, — что Фицджон хотел скрыть от людей свое происхождение.

— Хотел или нет, — с обидой в голосе произнес Ярр, — ничего у него не выйдет. Если потребуется, я прослежу всю его жизнь с точностью до секунды!

— Но на это потребуется уйма времени, верно? — поинтересовался я.

— Верно.

— Может быть, года два?

— Может, и так. Но какая разница? Вы же сами сказали, что у нас в запасе целая тысяча лет.

— Не думал, что вы поймете мои слова буквально, доктор Ярр.

Маленькое пневматическое устройство на столе доктора Ярра заурчало, раздался щелчок. Выскочила кассета. Ярр открыл ее и извлек список цифр. Цифры были устрашающие; оказалось, что только на Земле проживает двести тысяч Фицджонов. Если проверять всех с помощью интеграторов, уйдет не меньше десяти

лет. Ярр с отвращением отшвырнул листок и повернулся к нам.

— Что будем делать? — спросил он.

— Похоже, проследить жизнь Фицджона с точностью до секунды нам не удастся, — откликнулся я. — За десять лет мы можем проверить все Фицджонов и без интегратора.

— Вы хотите что-то предложить?

— Когда мы ворошили карьеру Фицджона, — сказал я, — там два раза попалось нечто любопытное. Да и после его смерти об этом заходила речь.

— Что-то не припоминаю... — начал ГС.

— Я говорю о лекции, сэр, — пояснил я. — Первая большая публичная лекция Фицджона, в которой он дал отпор всем своим критикам. Давайте-ка отыщем ее и пройдемся по ней мелким гребешком. Думаю, что-то важное обязательно выплынет.

— Попробуем.

В поисках нужного куска Ярр взялся за ручки настройки, кристалл снова начал вращаться, по нему побежали мутные изображения. Обрывочно мелькнули разрушенные здания Манхэттена, огромные крабоподобные существа давили несчастных и беспомощных людей, зловеще поблескивала ярко-красная крабья чешуя. Замелькали другие изображения, совсем затуманенные. Вот город из одного огромного ступенчатого здания, оно уходит в небо, словно Вавилонская башня; гигантский пожар захлестнул все атлантическое побережье Америки; а вот какая-то цивилизация странных обнаженных существ, с одного гигантского цветка они перелетают на другой. Все эти изображения были настолько не в фокусе, что у меня заболела голова. А звук просто никуда не годился.

Гротинг наклонился ко мне и прошептал:

— Ступень вероятности самая минимальная...

Я кивнул и снова сосредоточился на кристалле — изображение стало ясным и четким. Перед нами простирался амфитеатр. Он был явно смоделирован с греческого, имел форму лошадиной подковы, сверкающие галереи из белого камня спускались к небольшой

квадратной белой кафедре. За кафедрой и вокруг верхнего яруса была видна простая колоннада. Здание было незамысловатым и в то же время очень изящным.

— Что же это такое? — удивился Контролер. — Не узнаю.

— Архитекторы скоро сдадут чертежи, — ответил Гротинг. — Строительство планируют закончить через тридцать лет. Хотим воздвигнуть это здание в северной части Центрального парка...

Я с трудом их слышал, потому что комнату наполнил рев многоголосой толпы из амфитеатра. От самого низа до галерки он был заполнен непоседливой и снующей молодежью. Парни и девушки перебирались с одной галереи на другую, проталкивались вверх и вниз по широким проходам, вставали на сиденья и размахивали руками. Но главным образом они кричали. Раскатистые звуки, подобно волнам, перекатывались по амфитеатру, сквозь общий хаос пробивался какой-то слабый ритм.

Из-за колонн появился человек, спокойно поднялся на кафедру и начал раскладывать на маленьком столике бумаги. Это был Фицджон, холодный и непрступный, величавый в своей белой тунике. Стоя рядом со столом, он тщательно разбирал свои записи, не обращая ни малейшего внимания на шум, который с его появлением удвоился. На фоне беспорядочного ора, вдруг прорезались бульварные стишки — их четко скандировала какая-то особо буйная группа:

— Неон — криpton — наэлектризованный — Фицджон! — Неон — криpton — наэлектризованный — Фицджон!

Покончив с записями, Фицджон выпрямился, чуть оперся пальцами правой руки на крышку стола и посмотрел прямо в грохочущий зал; ни один мускул на его лице не шевельнулся. Рев, казалось, достиг апогея. Скандирование продолжалось, на верхних ярусах появились какие-то ряженые и начали пробираться по проходам к кафедре. Эти студенты напялили на себя каркасы из металлических трубок, изображавшие геометрические фигуры. Кубы, шары, ромбы и тессеракты. Ряженые скакали и дико отплясывали.

Со спрятанного за колоннадой барабана два парня начали раскручивать длинный транспарант. На белом шелке было отпечатано бесконечное уравнение:

$$eia = 1 + ia - a2! + a3! - a4!..$$

и так далее, и так снова и снова. Смысла я не уловил, но понял, что это — искаженная ссылка на одно из уравнений Фицджона.

Представление продолжалось, номера, одни странные, другие просто непонятные, следовали друг за другом. Гуттаперчевые акробаты, схватившись руками за лодыжки, покатились по проходам. Откуда ни возьмись появились девицы, одетые в черную сеть, и начали откальывать какие-то балетные коленца. В воздух запустили шары, соединенные друг с другом в некую загадочную конструкцию.

Они совсем обезумели, и это было отвратительно — смотреть, как взбесившиеся студентки и студенты превращали лекцию Фицджона в карнавальное шествие. Эти молодые дикари, наверное, не смогли бы объяснить свое отношение к Фицджону, а точнее, не свое, а своих преподавателей. Я смутно вспомнил, что подобное уже случалось в прошлом, — например, тысяча гарвардских студентов устроила такой же прием Оскару Уайльду. А сами-то небось ничего не читали, кроме «Полицейских новостей».

Так вот, гомон, рев и крик продолжался, а Фицджон стоял неподвижно, чуть касаясь пальцами стола, стоял и ждал, когда этот балаган кончится. Я почувствовал, что восхищаюсь его выдержкой. Потом вдруг понял: на моих глазах проходит захватывающая дуэль. Я не мог оторвать глаз от недвижной фигуры, ждал, когда же Фицджон пошевелится, — но он не шевелился.

Что? Ничего особенного, говорите вы? Ну-ка, кто-нибудь, давайте попробуйте. Встаньте около стола и слегка обопрitezьтесь пальцами на стол — не твердо, не перекладывая на пальцы вес своего тела, а так, только прикоснитесь. Знаю, вам кажется, что это очень просто. А вы попробуйте. Ни один из вас не простоят в такой позе

хотя бы минуту — готов спорить на что угодно. Ну, есть желающие? То-то. Теперь понимаете?

Публика в амфитеатре тоже начала понимать смысл происходящего. Свистопляска вдруг утихла, будто от стыда.

Конечно, какая же радость — делать из себя идиотов, если зритель и бровью не ведет? Потом студенты начали снова, уже из чувства протesta, но их хватило ненадолго. Утихло скандирование, девчонки перестали плясать, и вот вся многотысячная аудитория замолкла и с чувством неловкости взирала на Фицджона. А он продолжал стоять в той же позе.

И тут студенты неожиданно сдались. На нескольких ярусах сразу раздались аплодисменты. Их немедленно подхватил весь зал, и вот уже неистово рукоплескали тысячи ладоней. Только молодежь способна так быстро оценить настоящий поступок. Казалось, аплодисментам не будет конца. Фицджон, однако, дождался тишины, взял со стола одну из своих карточек и без всякого предисловия, будто ничего не произошло, начал лекцию.

«Леди и джентльмены, меня обвиняют в том, что мою теорию энергодинамики и математики я создал из ничего, и критиканы утверждают: «Из ничего ничего и не получится». Позвольте напомнить вам, что человек ничего не создает на пустом месте. Неверно думать, будто он изобретает нечто, не существовавшее ранее. Человек только открывает. И все наши изобретения, даже самые новые, самые революционные, — это всего лишь открытия. Явления давно существуют, они просто ждут нас.

Более того, не могу сказать, что мою теорию я открыл в одиночку. Ученый — это не одинокий странник, натыкающийся на золотые россыпи без постоянной помощи. Его путь всегда вымощен теми, кто шел раньше нас, и мы, делающие открытие за открытием, на самом деле лишь вносим свой вклад в имеющуюся копилку знаний.

Чтобы показать, насколько невелик мой собственный вклад и как много я унаследовал из прошлого, могу добавить, что основное управление моей теории, по

суги дела, принадлежит не мне. Оно было открыто пятьдесят лет тому назад — примерно за десять лет до моего появления на свет.

Представьте себе, вечером 9 февраля 2909 года, в Центральном парке, рядом с этим самым амфитеатром, моему отцу пришла в голову мысль, и он поделился ею с моей матерью. Это и было уравнение

$$i = (d/u) b^2 i N/a (ze - j/a),$$

вдохновившее меня на создание теории. Так что сами видите, мой вклад в «изобретение» уравнений энергодинамики поистине невелик...

Фицジョン взглянул на первую карточку и продолжал:

«Давайте теперь рассмотрим возможные перемещения фактора $j/a...$ »

— Стоп! — заорал я. — Достаточно!

Но не успел я открыть рот, как Контролер и ГС тоже кричали во весь голос. Ярр вырубил кристалл и зажег свет. Мы все вскочили на ноги и возбужденно смотрели друг на друга. Бедняга Ярр прямо-таки вылетел из кресла, оно даже опрокинулось.

Откуда такая паника, спрашиваете? Потому что тот день и был 9 февраля 2909 года, а до вечера оставалось не больше двух часов.

— Мы можем найти этих Фицジョンов? — спросил Контролер.

— За два часа? Не говорите глупостей. К тому же вполне вероятно, что сегодня многие из них и не Фицджоны вовсе.

— Это еще почему?

— Потому что они могли изменить фамилию — это сейчас модно. Допустим, кто-то хочет скрыть свое прошлое. Да мало ли причин...

— Все равно, мы должны до них добраться, кем бы они ни были!

— Держите себя в руках, — осадил его ГС. — Может, вы предлагаете развести одиннадцать миллионов супружеских пар? Ведь сейчас Стабильность!

— Черт с ней, со Стабильностью! Мы не можем позволить, чтобы этот разговор состоялся... а если он

все-таки состоится, нельзя допустить, чтобы у них потом родился сын!

Гротинг по-настоящему рассердился.

— Лучше отправляйтесь домой и как следует почитайте Кредо. Даже если речь идет о спасении Всемленной, я не имею права расторгнуть брак. А уж тем более причинить вред ребенку.

— Так что же делать?

— Сохранять спокойствие. Что-нибудь придумаем.

— Простите, сэр, — вмешался я. — Кажется, у меня есть идея.

— Нашли время для идей, — взревел Контролер. — Нам нужны действия.

— Вот я и предлагаю действовать.

— Говорите, Кармайкл, — разрешил ГС.

— По-моему, самое главное для нас — сделать так, чтобы ни одна супружеская пара не попала сегодня вечером в северную часть Центрального парка. Давайте срочно вызовем специальное полицейское подразделение. Потом прочешем парк и всех оттуда просим. Устроим что-то вроде карантина — выставим вокруг парка кордон на всю ночь.

— А если наш Фицджон — это один из полицейских? — возразил Контролер.

— Хорошо, давайте возьмем только неженатых. И отдадим категорический приказ — женщин и близко не подпускать.

— Что ж, — с сомнением произнес ГС, — может, и повезет. Мы обязаны предотвратить этот разговор.

— Простите, сэр, — обратился к нему я, — а вы случайно не женаты?

— Моя жена в Вашингтоне, — усмехнулся он. — Я позвоню ей, чтобы никуда не уезжала.

— А что скажет Контролер?

— Жена остается дома, — ответил тот. — Как насчет вас?

— Насчет меня? Я один, как перст.

— Вам не позавидуешь, — засмеялся Гротинг, — но на сегодня этот вариант подходит. Что ж, за дело, у нас мало времени.

В пневматической капсule мы живо перенеслись в административное здание, и как тут все завертелось — закружилось! Через десять минут три роты были готовы к выполнению задания. Контролер, казалось, был доволен, а я — нет. Я сказал:

— Три роты — это мало. Нам нужно пять.

— Пятьсот человек? Вы с ума сошли!

— Будь моя воля, я бы вызвал пять тысяч! Мы переворошили целое тысячелетие, чуть головы себе не сломали. И теперь, когда истина у нас в руках, я не хочу, чтобы мы угробили наш единственный шанс.

— Вызовите еще две роты, — распорядился ГС.

— Не уверен, что в нашей полиции найдется столько холостяков.

— Тогда пусть будет сколько есть. И чтобы кордон был густым, не то какая-нибудь заблудшая парочка обязательно просочится. Поймите, это же не охота на преступника, который скрывается от полиции. Мы ищем мужчину и женщину, не виноватых ни в чем, и наша задача — не допустить, чтобы они случайно прошли сквозь кордон. Мы пытаемся предотвратить несчастный случай, а не раскрыть преступление.

Всего в полиции набралось четыреста десять холостяков. Этот маленький полк выстроился перед административным зданием, и ГС наплел им насчет какого-то преступника и возможного преступления, еще какую-то белиберду, сейчас уж и не помню. Естественно, насчет «Прога» он не сказал ничего — надеюсь, не нужно объяснять почему?

Что, нужно? Ну, так и быть, для отшельника с Луны скажу. Стабильность Стабильностью, но ведь человек всегда был и остается человеком. Прознай народ о «Проге» — и вокруг каждый день собиралась бы миллионная толпа, жаждущая узнать свою судьбу и результаты завтрашних скачек. А самое важное — это вопрос о смерти. Нельзя, чтобы человек знал, когда и как его настигнет смерть. Нельзя, и все тут.

От газетчиков, решили мы, скрываться не стоит — каждый, кто окажется около Центрального парка, поймет, что заваривается какая-то каша. Пока ГС инструктировал полицию, я скользнул в телефонную буд-

ку и взвывал всю нашу газетную братию. Когда они появились на разных секторах экрана, я воскликнул:

— Общий привет всей шайке-лейке!

Они все негодующе загаддали, потому что три дня назад я будто в воду канул.

— Все, братцы-кролики, тишина. Слушайте Кармайкла. Ноги в руки, и чтобы через час все были у Северного входа в Центральный парк. Будет на что посмотреть!

— Это ты за три дня такие новости нагреб? — спросил «Джорнал».

— Точно.

— Не свисти, Кармайкл, — высказался «Пост». — Когда в прошлый раз ты послал нас на север, рухнул южный участок парка Бэттери.

— Нет, сейчас все железно. Никакого подвоха. Чистая сенсация. Четыре сотни полицейских маршируют туда под барабаны. Так что шевелитесь, не то пропустите шикарный спектакль.

«Ньюс» с хитрой ухмылкой посмотрел на меня и сказал:

— Ну, гляди, братишка, дай бог, чтобы ты не шутил, — а то я для тебя тоже маленькую сенсацию привнес.

— Это, «Ньюси», споешь кому-нибудь другому. Я тороплюсь. — И я отключился.

В феврале, сами понимаете, темнеет быстро. Чёрнота собирается в небе, словно скомканный плащ. Потом кто-то его отпускает, и он быстро окутывает вас черными складками. Когда мы подъехали к парку, сумеречные складки уже расползались по небу. Полицейские высыпали из гелиостатов, и через полминуты сотни две уже прочесывали парк и выпроваживали посетителей за его пределы. А остальные формировали костяк кордона.

Мы проверяли целый час и наконец убедились: в парке не осталось ни одного человека. Как тут не проверять? Ведь если граждане получают какое-то указание, двадцать из ста почти наверняка его не выполнят,

не потому, что они против, а так — из принципа, из любопытства или просто чтобы повалить дурака.

Сигнал о том, что парк пуст, поступил в шесть часов, когда на город уже опускалась темнота. Контролер, ГС и я стояли перед высокими железными воротами. Влево и вправо от нас убегали длинные светящиеся цепочки полицейских фонарей. Яркие точки мерцающим жемчужным ожерельем опоясали всю северную часть парка.

Тишина была томительной, ожидание — невыносимым. Вдруг я сказал:

— Простите, сэр, а насчет репортеров вы капитан предупредили?

— Предупредил, Кармайкл, — ответил ГС, и на этом разговор закончился. Я-то надеялся поговорить немножко, это всегда снимает напряжение.

И снова то же — холодная тишина и ожидание. Звезды над головой были прекрасны — словно кусочки радия, я даже подумал: жаль, что они не конфеты, так и хочется их съесть. Я попробовал было представить, как они гаснут и постепенно исчезают, но у меня ничего не вышло. Представить себе, как уничтожается что-то прекрасное, — это всегда трудно. Потом я попробовал посчитать полицейские фонари — сколько их во всем парке? Но бросил это занятие, досчитав до двадцати.

Наконец я сказал:

— Сэр, а что, если мы зайдем в парк и прогуляемся немножко?

— Не возражаю, — ответил ГС.

Мы прошли через ворота, но не сделали и трех шагов по территории парка, как услышали сзади окрик и топот бегущих ног. Но это был всего лишь Япп, а с ним — двое полицейских. Полы его пальто развевались, огромный шарф срывался с шеи — он был похож на привидение. Старикан запыхался и ловил ртом воздух, а ГС тем временем объяснил полицейским, что все в порядке.

— Я... я... — пытался выдохнуть Япп.

— Не волнуйтесь, Япп, пока все спокойно.

Ярр сделал мощнейших вдох, задержал на мгновение воздух, потом со свистом его выдохнул. Более или менее нормальным тоном он сказал:

— Хотел попросить вас не отпускать эту парочку, если вы ее задержите. Я бы потом проверил их на Прогнозаторе.

Как можно мягче ГС объяснил:

— Мы не собираемся ловить их, доктор Ярр. Мы не знаем, кто они, и, возможно, никогда не узнаем. Нас сейчас волнует одно — сделать так, чтобы их разговор не состоялся.

В общем, в парк мы уже не пошли, вернулись к воротам, а здесь все то же: холод, тишина, томительное ожидание. Я стиснул ладони, но от холода и волнения показалось, что между ладонями у меня — ледяная вода. Небо быстро прочертила красная полоса — выхлоп ракетных двигателей лунной капсулы, а через десять секунд я услышал грохот — капсула совершила взлет с Губернаторского острова и с жужжанием полетела к Луне. Но капсула дано уже улетела, а жужжение все продолжается, и какое-то оно странное, то-ниосенькое...

Я озадаченно посмотрел в небо и увидел, что над парком в центре сада с декоративными скалами лениво кружит гелиостат. Его силуэт четко вырисовывался на фоне звездного неба, я хорошо видел яркие квадраты окошек кабины. Вдруг я понял, что в середине сада есть лужайка и гелиостат вполне может на нее сесть. А там, глядишь, из него выпорхнет парочка, чтобы размять ноги и прогуляться по травке.

Я постарался не паниковать и просто сказал:

— По-моему, надо идти туда и выгнать этот гелиостат из сада.

Мы прошли в ворота и быстро зашагали в сторону сада, вместе с нами — двое полицейских. Шагов десять я прошел спокойно, потом не выдержал. Ноги сами понесли меня вперед, за мной побежали все остальные — Контролер, ГС, Ярр и полицейские. Мы пронеслись по усыпанной гравием аллейке, обогнули

не работавший фонтан и взбежали через три ступеньки по лестнице.

Когда я подбежал к краю лужайки, гелиостат приземлялся. «Улетайте! Улетайте отсюда!» — завопил я и кинулся к гелиостату по подмерзшему газону. Шаги мои громыхали в тишине, впрочем, сердце под ребрами громыхало с неменьшей силой. Наверное, в шестером мы производили шума больше, чем стадо буйволов. Мне оставалось до гелиостата еще метров пятьдесят, но оттуда уже начали появляться темные фигуры. Я заорал:

— Вы что, оглохли? Улетайте живо из парка!

И тут слышу голос «Поста»:

— Это ты, Кармайкл? В чем дело?

Естественно — это были братья-газетчики. Я тут же остановился, а вместе со мной — и остальные. Я сказал ГСу:

— Извините, сэр, ложная тревога. Что будем делать с газетчиками — прогоним или пусть остаются? Они думают, что здесь отлавливают преступника.

Гротинг чуть запыхался.

— Пусть остаются, Кармайкл, — ответил он, — они помогут нам найти доктора Ярра. Похоже, он заблудился где-то в зарослях.

— Хорошо, сэр, — согласился я и пошел к гелиостату.

Дверь кабины была открыта, и оттуда в темноту струился теплый янтарный свет. Все парни уже выбрались наружу и теперь толились около гелиостата и вели обычный газетный треп. Когда я подошел, «Пост» заявил:

— Мы привезли твою оппозицию, Кармайкл, — Хоган из «Триба».

— Как насчет матча по борьбе, а? — спросил «Ньюс». — Момент вполне подходящий. Ты сейчас в форме, Кармайкл?

В голосе его слышалась издевательская насмешка, и я подумал про себя: «Ого, наверное, этот Хоган — верзила под сто кило и мигом впечатает меня в газон; ну да ладно, пусть дорогой коллега из «Ньюса» порадуется».

Тут они выпихнули этого Хогана вперед. Смотрю, никакой он не верзила. Но я не стал об этом думать, а

решил: сейчас не время для церемоний, надо все кончить побыстрее. Я прыгнул вперед в темноте, схватил этого Хогана поперек груди и кинул его на землю.

— Вот и порядок, оппозиция, — бодро заявил я. — Будем считать...

Тут вдруг я понял, что этот Хоган — какой-то мягкий. Крепкий, жесткий — но мягкий, понимаете? Девушка! Я в смущении посмотрел на нее сверху вниз, она на меня с негодованием — снизу вверх, а вся наша толпа зашлась от хохота.

Тогда я сказал:

— И дубина же я...

И тут, друзья мои, я попал в эпицентр всех мировых катаклизмов, катастроф, извергающихся вулканов и бешеных ураганов. Начал кричать ГС, за ним — Контролер, а через секунду — и полицейские. Они накинулись на меня и устроили на мне настоящую кучу ма-лу. Откуда ни возьмись объявился Ярр, завопил на Гротинга, тот что-то проорал в ответ, и Ярр, стиснув маленькие кулачки, принялся махать ими около моей головы. Потом, на глазах у изумленных репортеров и этой девушки, Хейли Хоган, меня вернули в вертикальное положение и увеличили. Не могу вам точно сказать, что было дальше — споры, обсуждения, неизбежные шум и ярость — потому что почти все это время я просидел под замком. Скажу одно — им оказался я. Да, я. Человеком, которого мы пытались остановить, оказался я. Сумасшедший ученый X, безжалостный диктатор Y, планета пришельцев Z — все эти гадости сплелись воедино во мне. Человеком, остановить которого хотела вся Земля, оказался я.

Почему, спрашиваете? А вот почему: напишите чуть-чуть по-другому «и дубина же я», и получите уравнение Фицджона:

$$i = (d/u) b^2 i N/a (ze - j/a).$$

Уж не знаю, как мой сын догадается, что это — математическая формула. Наверное, это будет еще один случай, когда легенда с годами обрастает все но-

выми подробностями и в конце концов ее и не узнать. Так бывает — ребенок что-нибудь гугукнет в колыбельке, а послушать его отца, он изрек что-то гениальное, вроде преамбулы к Кредо.

Что? Нет, я не женат — пока не женат. Поэтому меня и засунули сюда, на этот богом забытый астероид, редактировать двухстраничный еженедельник. Старик Гротинг знает, как это называет? Повышение в целях безопасности. Конечно, это неплохая работа, лучше, чем бегать репортером. ГС сказал, что расторгать брак они бы не стали, но, коли мы не женаты... в общем, будут держать нас подальше друг от друга, пока не выжмут из Прогнозатора что-нибудь путное.

Нет, с тех пор, как я кинул ее на газон, мы больше не встречались. А хочется, и даже очень. Я видел ее только мельком, но она напомнила мне Барбару Лидс, ту, из будущего, через шестьсот лет после нас. Тот же тип красоты: гладкие волосы и ясное, свежее лицо, словно умытое самой природой...

Я все время думаю о ней. Думаю, что не так уж и сложно рвануть отсюда на Землю — на какой-нибудь грузовой ракете, — а там, глядишь, сменю фамилию, устроюсь на другую работу. К черту Гротинга, к черту Стабильность. Я хочу ее видеть — и как можно скорее.

И все время думаю о новой встрече.

ОДДИ И ИД¹

Это история о чудовище.

Его называли Одиссей Голем в честь папиного любимого героя и вопреки маминым отчаянным возражениям; однако, с тех пор, как ему исполнился год, все звали его Одди.

Первый год жизни есть эгоистическое стремление к теплу и надежности. Однако, когда Одди родился, он вряд ли мог на это рассчитывать, потому что папина контора по продаже недвижимости обанкротилась, и мама стала размышлять о разводе. Неожиданное решение Объединенной Радиационной Компании построить в городе завод сделало папу богатым, и мама снова влюбилась в него. Так что Одди все-таки получил свою долю тепла и надежности.

Второй год жизни был годом робкого исследования мира. Одди ползал и изучал. Когда он добрался до

¹ Ид — подсознание, часть психики, относящейся к бессознательному, являющейся источником инстинктивной энергии. Его импульсы, которые стремятся к удовлетворению в соответствии с принципом удовольствия, определяются эго и суперэго еще до того, как они получают открытое выражение.

ODDI AND ID, 1950.

© Перевод, В. Гольдич и И. Оганесова, 1994.

пунцовых витков электрокамина, неожиданное короткое замыкание спасло его от ожога. Когда Одди вывалился из окна третьего этажа, он упал в заполненный травой кузов Механического Садовника. Когда он дразнил кошку, она поскользнулась, собравшись прыгнуть на него, и ее белые клыки сомкнулись над ухом Одди, не причинив ему никакого вреда.

— Животные любят Одди, — сказала мама. — Они только делают вид, что кусают его.

Одди хотел быть любимым — поэтому все его любили. Пока Одди не пришло время идти в школу, все ласкали и баловали его. Продавцы магазинов задаривали мальчишку сластями, знакомые вечно приносили ему что-нибудь в подарок. Одди получал столько пирожных, лимонада, пирожков, леденцов, мороженого и других съестных припасов, что их хватило бы на целый детский сад. Он никогда не болел.

— Пошел в отца, — говорил папа. — У нас хорошая порода.

Росли и множились семейные легенды о везении Одди... Рассказывали, что совершенно чужой человек спутал его с собственным сыном как раз в тот момент, когда Одди собирался зайти в Электронный Цирк, и задержал его настолько, что Одди не стал одной из жертв того ужасного взрыва, что произошел в 98-м году... А забытая в библиотеке книга спасла Одди от Упавшей Ракеты в 99-м году...

Разнообразные мелкие случайности избавляли его от всяческих катастроф. Тогда никто не понимал, что он — чудовище.

В восемнадцать лет Одди был симпатичным юношем с гладкими каштановыми волосами, теплыми карими глазами и широкой улыбкой, которая обнажала ровные белые зубы. У него была спокойная, открытая манера общения и море обаяния. Он был счастлив. Пока его чудовищное зло успело проявиться и оказать влияние только на маленький городок, в котором он родился и вырос.

Закончив среднюю школу, Одди поступил в Гарвард. Однажды один из множества его новых друзей заглянул в спальню и сказал:

— Эй, Одди, пойдем на стадион, погоняем мяч.

— А я не умею, Бен, — ответил Одди.

— Не умеешь? — Бен засунул мяч под мышку и потащил Одди за собой. — Ты откуда такой взялся, приятель?

— Там, где я вырос, не очень интересуются футболом, — ухмыльнувшись, ответил Одди. — Говорят, что футбол устарел. Мы были фанатами Хаксли.

— Хаксли! Это для яйцеголовых, — заявил Бен. — Футбол — просто замечательная игра. Хочешь стать знаменитым? Каждую субботу тебя будут показывать на футбольном поле по телеку.

— Да, я уже заметил, Бен. Покажи мне, как играть.

Бен показывал Одди, терпеливо и старательно. А Одди учился с отменным прилежанием. Когда он ударили по мячу всего в третий раз, неожиданный порыв ветра подхватил мяч, и тот, пролетев семьдесят ярдов, влетел в окно третьего этажа, где находился кабинет инспектора Чарли Стюарта (по прозвищу Доходное Место). Стюарт посмотрел на окно, а через полчаса они с Одди уже были на стадионе военной базы. Через три субботы заголовки газет гласили: «ОДДИ ГОЛЬ — 57, АРМИЯ — 0».

— Тысяча задумчивых чертей! — возмущался тренер Хиг Клейтон. — И как только у него это получается? В парнишке нет ничего необычного. Середнячок да и только. Но стоит ему побежать, как его преследователи начинают падать. Когда он бьет по мячу, защитники спотыкаются. А когда они спотыкаются, он перехватывает мяч.

— Он словно ждет, когда противник сделает ошибку, — отозвался Доходное Место, — а уж потом использует ее по максимуму.

Они оба ошибались. Одди Голь был чудовищем.

В поисках подходящей девушки Одди Голь пришел один, без подружки, на студенческий бал, устроенный в обсерватории и по ошибке забрел в темную комнату, где обнаружил освещенную уродливым зеленым светом девушку, которая склонилась над подносами. У нее были коротко подстриженные черные волосы, глаза — словно две голубые льдинки и соблазнительная мальчишеская фигура. Девушка немедлен-

но предложила ему убраться, а Одди влюбился в нее... на время.

Его друзья чуть не надорвали животы от смеха, когда он рассказал им об этом.

— Тебе что, снятся лавры Пигмалиона, Одди, разве ты ничего про нее не слышал? Эта девица фригидна, словно статуя! Она ненавидит мужчин. Ты зря теряешь время.

Однако благодаря искусству психоаналитика, уже через неделю девушка сумела справиться со своими невротическими проблемами и по уши влюбилась в Одди Голя. Два месяца продолжался их необычный, всепоглощающий роман. А потом, как раз в тот момент, как Одди почувствовал охлаждение, у девушки случился рецидив прежней болезни, и их отношения перешли на иной, весьма для него удобный, дружеский уровень.

До сих пор лишь незначительные события являлись результатом невероятного везения Одди, но реакция на них стала более заметной.

В сентябре, перейдя на выпускной курс, Одди принял участие в конкурсе на получение Медали по политической экономии — его работа была озаглавлена: «Причины Заговоров». Поразительное сходство его тезисов с Астрайским¹ заговором, который был раскрыт в тот день, когда был опубликован труд студента, дало ему возможность получить первый приз.

В октябре Одди внес двадцать долларов в общий фонд, организованный одним его сумасшедшим приятелем для спекуляции на бирже в соответствии с «Тенденциями в изменении рынка ценных бумаг» — один из устаревших предрассудков. Расчеты безумного пророка были просто анекдотичными, но разразившаяся паника чуть не разорила биржу и учтетверила стоимость акций фонда. Одди заработал сто долларов.

Так оно и шло — все хуже и хуже. Чудовище.

Теперь, начав заниматься созерцательной философией, которая гласит, что первопричины всего кроются в истории, а Настоящее посвящает все свои усилия

¹ Астрея (миф.) — божество справедливости в греческой мифологии.

статистическому анализу Прошлого, чудовище могло получить гораздо больше; но живые науки подобны бульдогу, сомкнувшему зубы на феномене Настоящего. Поэтому именно Джесс Мигг, физиолог и спектральный физик, был первым, кто сумел поймать чудовище... Только вот он думал, что нашел ангела.

Старина Джесс был одной из местных Достопримечательностей. Во-первых, достаточно молод — ему еще не исполнилось и сорока. Ядовитый и острый на язык альбинос, розовые глазки, лысый, востроносый, блестящий ум. Джесс носил одежду двадцатого века и предавался его порокам — табаку и алкоголю. Он никогда не говорил — он выплевывал слова. Никогда не прогуливался — бегал. Вот так, бегая однажды по коридорам Лаборатории № 1 (Обзор пространственной механики — курс для студентов, изучающих Общие Искусства), Мигг выследил чудовище.

Одной из первых лабораторных работ на курсе было изучение ЭМС и электролиза. Элементарная вещь. У-образная трубка проходила между полюсами электромагнита. После того, как через витки катушки было пропущено достаточное напряжение, на концах трубки образовывались углекислый газ и кислород в отношении два к одному, а потом полученные результаты нужно было соотнести с величиной напряжения и магнитного поля.

Одди тщательно проделал эксперимент, получил правильные результаты, записал их в свою лабораторную тетрадь и стал ждать, когда их проверит преподаватель. Крошка Мигг пробежал по проходу, подскочил к Одди и выплюнул:

— Ты закончил?

— Да, сэр.

Мигг проверил записи в журнале, бросил взгляд на индикаторы на концах трубки и, мрачно усмехнувшись, выпроводил Одди из лаборатории. Только после того, как Одди ушел, он заметил, что электромагнит был очевидным образом закорочен. Провода сплавились. Электромагнитное поле, которое должно было осуществить электролиз, просто отсутствовало.

— Дьявол и преисподня! — взорвался Мигг (он также отдавал предпочтение ругательствам, приня-

тым в двадцатом веке). Потом он свернул неровную сигарету и перебрал в своей голове, подобной счетной машине, всевозможные варианты.

1. Голь обманул его.
2. Если это так, то тогда при помощи какого прибора ему удалось выделить углекислый газ и кислород?
3. Где он взял чистые газы?
4. Зачем он это сделал? Честный путь гораздо проще.
5. Он не обманул.
6. Как ему удалось получить правильные результаты?
7. Как ему вообще удалось получить какие-то результаты?

Старина Джесс вылил воду из трубки, а потом заново наполнил ее, после чего сам проделал эксперимент. Он тоже получил правильный результат без участия электромагнита.

— Иисус Христос на плоту! — выругался он.

Чудо не произвело на него никакого впечатления, зато тот факт, что он не мог найти подходящего объяснения, вызвал у преподавателя ярость. Мигг метался по лаборатории, точно голодная летучая мышь. Через четыре часа он обнаружил, что стальные ножки столов собирают электрический заряд от катушек Гриссома, находящихся в подвале, в результате чего возникает электромагнитное поле, достаточное для успешного проведения эксперимента.

— Совпадение, — выплюнул Мигг. Но он не был удовлетворен.

Две недели спустя во время занятий по анализу распада элементарных частиц, Одди закончил свою вечернюю работу, аккуратно записав изотопы, полученные из селена и лантана.

Однако Мигг заметил, что в результате ошибки Одди не получил уран 235 для нейтронной бомбардировки. Ему были выдано то, что осталось после демонстрации абсолютно черного тела Стефана-Больцмана.

— Силы небесные! — возопил Мигг и все перепроверил, а потом, сомневаясь в полученных результатах, проверил свои выкладки еще раз. Когда он нашел ответ — удивительное совпадение — плохо вычи-

щенный прибор и неисправная камера Вильсона, он разразился потоком ругательств, за которыми последовал набор изысканных проклятий, популярных в двадцатом веке. После этого Мигг как следует все обдумал.

— Существует люди, с которыми вечно что-то случается, — Он оскалился на свое отражение в зеркале самоанализа. — А как насчет людей, которым вечно везет? Дерьмо собачье!

Джесс Мигг, словно бульдог, вцепился зубами в это явление и занялся Одди Голем. Он торчал у Одди за спиной в лаборатории, злобно хихикая, если Одди, пользуясь неисправным оборудованием, успешно завершал один эксперимент за другим. Когда Одди удачно провел классический эксперимент Резерфорда — получил редкий изотоп кислорода — после того, как подверг азот бомбардировке альфа-частицами, только в его случае не было ни азота, ни альфа-частиц — Мигг в восторге сильно треснул его по спине. А потом, внимательно изучив обстоятельства, обнаружил логическую, хотя и совершенно невероятную цепь совпадений, которая объясняла происшедшее.

Он посвятил все свое свободное время тому, чтобы проверить, как складывалась жизнь Одди в Гарварде. Потратил целых два часа на разговор с психоаналитиком женского отделения факультета астрономии, и десять минут на беседу с Хигом Клейтоном и со Стюартом Доходное Место. Джесс узнал про биржевой фонд, Медаль по политической экономии и о нескольких других случаях, наполнивших его душу злобным ликованием. После этого он на время расстался с горячо любимыми аксессуарами двадцатого века, облачился в формальную тунику и впервые за этот год направился в Клуб факультета.

В Диатермическом Алькове игралась шахматная партия на прозрачной тороидной доске для четверых. Она продолжалась с тех самых пор, как Мигг начал работать на факультете, и, скорее всего, не будет завершена до конца столетия. Более того, Юхансен, играющий красными, уже начал учить своего сына, чтобы тот заменил его в том весьма вероятном случае, если он умрет до окончания партии.

В своей обычной резкой манере Мигг стремительно подошел к блестящей доске, на которой яркими пятнами выделялись разноцветные фигуры, и выпалил:

— Что вам известно о случайностях?

— Что? — переспросил Белланби, отошедший от дел профессор философии. — Добрый вечер, Мигг. Вы имеете в виду сущностные случайности или материальные? С другой стороны, если вы хотите своим вопросом намекнуть...

— Нет, нет, — нетерпеливо прервал его Мигг. — Приношу свои извинения, Белланби. Разрешите мне перефразировать вопрос. Существует ли принудительная вероятность?

Хрдникисч сделал свой ход и, наконец, обратил внимание на Мигга, как это уже сделали Юхансен и Белланби. Вилсон продолжал напряженно изучать доску. Учитывая, что он имел право затратить на размышления целый час и наверняка этим правом воспользуется, Мигг знал, что у них вполне достаточно времени для дискуссии.

— Навязанная вероятность? — прошепелявил Хрдникисч. — Ну, это не новая концепция, Мигг. Я припоминаю обжор тежишов «Интеограф» том LVIII, раждел 9. Там есть рашшоты, если я не ошибаюсь...

— Нет, — снова прервал его Мигг. — Мое почтение, Зигноид. Меня не интересуют математические вероятности, да и философские тоже. Позвольте сформулировать вопрос так. Понятие человека, подверженного несчастным случаям, было принято в среде психоаналитиков. С этим связана теорема Патона о Наименьшей Невротической Норме. Мне удалось обнаружить противоположное явление — человека, подверженного счастливым случаям.

— Да? — Юхансен захихикал. — Это, должно быть, шутка. Подожди немного, и ты сам в этом убедишься, Зигноид.

— Нет, — ответил Мигг. — Я совершенно серьезен. Я действительно нашел человека, которому всегда и во всем везет.

— Он выигрывает в карты?

— Он выигрывает во все. Примите это как аксиому, во всяком случае пока... Я представлю документальное подтверждение своих слов позднее... Существует человек, которому постоянно все удается. Он подвержен счастливым случаям. Стоит ему чего-нибудь захотеть, он это получает. Если же его желание очевидным образом выходит за рамки его возможностей, тогда срабатывают самые разнообразные факторы — случайности, совпадения, стечение обстоятельств... — и он получает желаемое.

— Нет. — Белланби покачал головой. — Слишком притянуто за уши.

— Я проверил свои идеи эмпирически, — продолжал Мигг. — Происходит дело примерно так. Будущее есть выбор из взаимоисключающих возможностей, одна из которых должна быть реализована с точки зрения предпочтительности того или иного события...

— Да, да — прервал его Юхансен. — Чем больше число предпочтительных возможностей, тем выше вероятность свершения события. Это же элементарно, Мигг. Продолжай.

— Я продолжаю, — мрачно проворчал Мигг. — Когда мы обсуждаем вероятность, бросая кости, предсказать результат достаточно просто. Существует только шесть взаимоисключающих возможностей выпадения одного числа. Вероятность легко вычислить. Случайность сводится к простым вероятностным расчетам. Но когда мы обсуждаем вероятность в рамках Вселенной, мы не можем собрать достаточное количество данных, чтобы сделать предсказание. Слишком много факторов. Мы не в силах рассчитать благоприятное стечение обстоятельств.

— Вше это верно, — заявил Хрдниккисч, — А как нашшет вашего подверженного шашливым шлучаям?

— Я не знаю, как он это делает... Ему стоит достаточно сильно захотеть чего-нибудь, и он создает благоприятную вероятность желаемого исхода. Одним своим желанием он может превратить возможность в вероятность, а вероятность — в определенность.

— Смешно, — резко возразил Белланби. — Вы утверждаете, что на свете существует человек, способный выполнять подобные трюки?

— Ничего подобного. Он и сам не знает, что делает. Он просто думает, что ему везет, если вообще задумывается над тем, что с ним происходит. Давайте представим себе, что он хочет... ну... Назовите что-нибудь.

— Героин, — предложил Белланби.

— А это еще что такое? — поинтересовался Юхансен.

— Производное морфия, — объяснил Хрдникисч. — Ранее производилось и продавалось наркоманам.

— Героин, — повторил Мигг. — Великолепно. Скажем, мой человек возжелал героина, античного наркотика, не существующего в наше время. Очень хорошо. Его желание приведет к возникновению такой последовательности возможных, но совершенно невероятных событий: химик в Австралии, занимаясь новым видом органического синтеза, совершенно случайно, сам того не желая, приготовит шесть унций героина. Четыре унции будут выброшены на помойку, а две вследствие какой-нибудь ошибки сохранены. Затем, в результате случайного совпадения, эти две унции прибудут в нашу страну и в город — упакованные в пластиковый шарик, как это принято делать с сахарной пудрой; потом наш герой придет в ресторан, где он никогда до сих пор не бывал, и там ему подадут героин в пластиковой упаковке...

— Ла-ла-ла! — сказал Хрдникисч. — Какая ловкая иштория. Какая чудесная швяжь шлучайношти и вероятношти! Вше получаетша только потому, что он этого жахотел, ничего об этом не жная?

— Вот именно, — прорычал Мигг. — Я не знаю, как у него это получается, только он умудряется превратить вероятность в определенность. А поскольку практически все на свете возможно, он в состоянии добиться всего, чего захочет. Он божественен, но он не Бог, так как делает все это бессознательно. Он ангел.

— Ну и кто же он, этот ваш ангел? — спросил Юхансен.

Тут Мигг рассказал им все, что ему было известно про Одди Голя.

— Как он это делает? — поинтересовался Белланби. — Как у него получается?

— Я не знаю, — снова повторил Мигг. — Расскажите мне, как все получается у эсперов.

— Что! — воскликнул Белланби. — Вы что, собираетесь отрицать существование телепатического способа передачи мыслей? Неужели вы...

— Я ничего подобного не утверждал. Я просто проиллюстрировал единственно возможное объяснение. Человек создает события. Грязящую нам Войну Ресурсов можно считать результатом естественного истощения природных богатств земли. Мы знаем, что это не так, просто человек в течение многих веков бездарно их разбазаривал. Природные явления теперь гораздо реже рождаются природой и гораздо чаще являются следствием деятельности человека.

— Ну и?

— Кто знает? Голь создает новое явление. Возможно, он подсознательно телепатически передает свои желания — и получает результаты. Он желает героин. Сообщение послано...

— Но эсперы могут выйти на телепатическую связь только на расстоянии прямой видимости. Они не могут пробиться даже через массивные объекты. Например, здание или...

— Я вовсе не утверждаю, что все это происходит на уровне эсперов! — вскричал Мигг. — Я пытаюсь представить нечто большее, нечто грандиозное. Он хочет героин. Это сообщение направлено в мир. Все люди бессознательно начинают делать то, что произведет для него героин так быстро, как это только возможно. Тот австрийский химик...

— Нет. Австралийский.

— Тот австралийский химик может стоять перед выбором из полдюжины различных синтезов. Пять из них ни при каких условиях не приведут к созданию героина; но импульс, полученный им от Голя, заставит его выбрать шестой.

— А если он все-таки его не выберет?

— Кто знает какие параллельные цепочки событий могут быть задействованы? Мальчишка из Монреаля, играющий в Робин Гуда, заберется в заброшенный коттедж, где он найдет наркотик, который тысячелетие назад был спрятан там контрабандистами. Женщина, живущая в Калифорнии, собирает старые бутылочки от лекарств; она найдет фунт героина. Ребенок в Берлине, играющий с дефектным набором детских химиков, произведет героин... Назовите любую, самую невероятную последовательность событий, и Голь сможет вызвать их, превратив эту последовательность возможностей в логическую неизбежность. Я же говорю вам: этот парень — ангел!

Мигг представил друзьям документальное подтверждение своих слов и сумел их убедить.

Именно тогда четверо ученых, обладавших различными, но сильными интеллектами, назначили себя исполнительным комитетом Судьбы и прибрали к рукам Одди Голя.

Чтобы понять, что они собирались сделать, вам необходимо сначала узнать, какой была ситуация в мире в тот момент.

Всем известно, что основой любой войны являются экономические противоречия, или, если сформулировать это иначе, к оружию принято прибегать, когда уже не осталось других средств победить в экономической войне. В дохристианские времена Пунические войны стали результатом финансовой борьбы между Римом и Карфагеном за экономический контроль в Средиземном море. Три тысячи лет спустя надвигающаяся Война Ресурсов должна была стать финалом противостояния двух Независимых Государств Всеобщего Благосостояния, контролировавших большую часть экономики мира.

В двадцатом веке была нефть; теперь же, в тридцатом, все пользовались РЯР (так называли руду, способную к ядерному распаду); сложилась ситуация, напоминающая кризис на полуострове Малая Азия, который тысячу лет назад положил конец существованию Организации Объединенных Наций. На отсталом полуварварском Тритоне, на который раньше никто

не обращал никакого внимания, неожиданно обнаружили огромные запасы РЯР. Поскольку Тритон не имел ни средств, ни достаточно развитой технологической базы для того, чтобы развиваться самостоятельно, он продавал концессии обоим Независимым Государствам.

Разница между Государством Всеобщего Благосостояния и Великодушным Деспотом была едва различима. В трудные времена и то, и другое государство, имея самые благородные побуждения, может поступать самым гнусным образом. Как Сообщество Наций (которых *Der Realpolitik aus Terra* с горечью прозвали «жуликами») так и *Der Realpolitik aus Terra* (язвительно прозванные Сообществом Наций «крысами») отчаянно нуждались в природных ресурсах — имеется в виду, конечно же, РЯР. Они истерически повышали ставки, чтобы переплюнуть друг друга, и самым бессовестным образом устраивали пограничные стычки, чтобы потеснить противника в борьбе за влияние. Единственной их заботой была защита своих граждан. Они готовы были перерезать друг другу глотку из самых лучших побуждений.

Если бы эту проблему надо было решать только гражданам обоих Независимых Государств, вполне можно было бы найти какое-нибудь компромиссное решение; но Тритон, у которого, словно у школьника, закружила голова от неожиданно свалившейся на него власти и влияния, внес сумятицу в международные отношения, заговорив на языке религии и объявив Священную Войну — о существовании которой все уже давно успели забыть. Участие в их Священной Войне (включая уничтожение безвредной и совершенно незначительной секты, называвшейся квакеры) было одним из условий торговых сделок. Оба государства в принципе были готовы принять это условие, но, естественно, о нем не должны были узнать их граждане. Поэтому, прикрываясь пунктами Прав Религиозных Меньшинств, Прав Первопроходцев, Свободы Вероисповедания, Историческим Правом Владения Тритоном и тому подобными документами, оба Государства делали ложные выпады, отбивали неожиданные удары и нано-

сили удары в ответ, медленно сближаясь со своим противником, — словно фехтовальщики, готовящиеся к решающему выпаду, который неминуемо должен был означать смертельный исход для обоих.

Четверо ученых обсуждали все это в течение трех долгих встреч.

— Послушайте, — взмолился Мигг, когда их третья встреча подходила к концу. — Вы, теоретики, уже превратили девять человекочасов в углекислый газ и дурацкие разногласия...

— Вот именно, я всегда это говорил, Мигг, — кивнув, улыбнулся Белланби. — Каждый человек втайне верит, что, если бы он был Богом, он мог бы устроить все гораздо лучше. Лишь теперь мы начинаем понимать, как это трудно.

— Не Богом, — сказал Хрдниккисч, — его Премьер Миништром. Богом будет Голь.

— Не нравятся мне эти разговоры, — поморщился Юхансен. — Я верующий человек.

— Вы? — удивленно воскликнул Белланби. — Коллоидный терапевт?

— Я верующий человек, — упрямо повторил Юхансен.

— Мальчишка обладает шпашобноштью творить чудеса, — сказал Хрдниккисч. — Когда ему объяснят, что он может, Голь станет Богом.

— Все это бессмысленные разговоры, — выкрикнул Мигг. — Вот уже три встречи мы провели в бесплодных спорах. Я выслушал три совершенно противоположных мнения по поводу мистера Одиссея Голя. И хотя мы все согласились, что необходимо воспользоваться им, как инструментом, мы никак не можем договориться о том, какую работу должен выполнить этот инструмент. Белланби лопочет что-то про Идеальную Интеллектуальную Анархию, Юхансен проповедует Совет Бога, а Хрдниккисч потратил целых два часа постулируя и разрушая свои собственные теоремы...

— Ну, знаете, Мигг... — начал Хрдниккисч. Но Мигг только махнул на него рукой.

— Позвольте мне свести это обсуждение до уровня младшего школьного возраста. Давайте расставим

вопросы в соответствии с их значением, джентльмены. Прежде чем пытаться принять вселенские решения, мы должны убедиться в том, что Вселенная останется на своем прежнем месте. Я имею в виду грозящую нам всем войну...

— Наш план, как он мне видится, — продолжал Мигг, — должен быть простым и эффективным. Речь идет о том, чтобы дать Богу образование — или, если Юхансен возражает против подобной формулировки, ангелу. К счастью, Голь — достойный молодой человек с добрым сердцем и честными намерениями. Я со-длагаюсь при мысли о том, что Голь мог бы сделать, если бы ему была присуща врожденная порочность.

— Или на что он был бы способен, если бы узнал о своих возможностях, — пробормотал Белланби.

— Именно. Мы должны начать тщательное и серьезное этическое образование мальчика, несмотря на то, что у нас очень мало времени. Мы не можем сначала закончить его образование, и только потом, когда это будет вполне безопасно, рассказать ему всю правду. Мы должны предотвратить войну и выбрать для этого кратчайший путь.

— Ладно, — со вздохом согласился Юхансен. — Что вы предлагаете?

— Ослепление, — выплюнул Мигг. — Очарование.

— Очарование? — захихикал Хрдниккисч. — Что это, новая наука, Мигг?

— А вам не приходило в голову задать себе вопрос — почему я посвятил в свой секрет именно вас троих? — фыркнул Мигг. — За ваш интеллект? Чушь! Я умнее, чем вы все вместе взятые. Нет, джентльмены, я выбрал вас за ваше обаяние.

— Это оскорблениe, — усмехнулся Белланби. — И все же я польщен.

— Голю девятнадцать, — продолжал Мигг. — Он находится в таком возрасте, когда выпускники наиболее склонны боготворить какую-нибудь замечательную личность. Я хочу, чтобы вы, джентльмены, охмурили его. Вы, несомненно, не являетесь самыми величими умами нашего Университета, но вы — его главные герои.

— Я тоже ошкорблен и польщен, — сказал Хрдниккисч.

— Я хочу, чтобы вы очаровали Одди... нет, ослепили, чтобы он был преисполнен любви и благоговения... ведь каждый из вас уже сотни раз проделывал этот фокус с другими нашими выпускниками.

— Ага! — воскликнул Юхансен. — Пилюля в шоколадной оболочке.

— Точно. Когда же он будет в достаточной степени вами очарован, вы должны заставить Голя захотеть остановить войну... а затем скажете ему, как это сделать. Это даст нам возможность продолжить его образование. К тому времени, когда он перерастет свое восхищение перед вами, мы уложим надежный этический фундамент, на котором можно будет возвести солидное здание. Голь не будет представлять никакой опасности для мира.

— А вы, Мигг? — поинтересовался Белланби. — Какая роль отводится вам?

— Сейчас? Никакой, — оскалился Мигг. — Я не способен никого очаровать, джентльмены. Я вступлю в игру позже, когда он начнет перерастать свое восхищение перед вами — тогда возрастет уважение Голя ко мне.

Ужасно хитрые рассуждения, но время показало, что они были абсолютно верными.

По мере того, как события неотвратимо приближались к окончательной развязке, Одди Голь был быстро и основательно очарован. Белланби приглашал его в двадцатифутовую хрустальную сферу, венчающую его дом... знаменитый курятник, в который попадали только избранные. Там Одди Голь загорал и восхищался великолепным телосложением философа, которому уже исполнилось семьдесят три года. Как и ожидалось, восхищаясь мышцами Белланби, он не мог не восхищаться его идеями. Голь часто приходил сюда загорать, благоговеть перед великим человеком и, заодно, поглощать этические концепции.

Хрдниккисч, тем временем, занимал вечера Одди. С математиком, который пыхтел и шепелявил, словно сошел со страниц произведений Рабле, Одди

уносился к ослепительным высотам *haute cuisine*¹ и другим прелестям язычества. Они вместе ели удивительные блюда и пробовали чудесные напитки, встречались с самыми невероятными женщинами — в общем, Одди возвращался поздно ночью в свою комнату, опьяненный волшебством чувств и великолепным многообразием замечательных идей Хррдниккисча.

А иногда — не очень часто — оказывалось, что его ждет папаша Юхансен, и тогда они вели длинные серьезные разговоры, так необходимые молодому человеку, ищущему гармонию в жизни и жаждущему понимания вечности. Одди хотелось быть похожим именно на Юхансена — сияющее воплощение Духовного Добра, живой пример Веры в Бога и Этического Благоразумия.

Кризис разразился тринадцатого марта. Мартовские Иды — они должны были почувствовать символичность этой даты. После обеда в Клубе факультета три великих человека увели Одди в фотолабораторию, где к ним, будто совершенно случайно, присоединился Джесс Мигг. Прошло несколько напряженных минут, а потом Мигг сделал знак, и Белланби заговорил:

— Одди, — спросил он, — тебе когда-нибудь снилось, что ты проснулся и оказалось, что ты стал королем?

Одди покраснел.

— Вижу, что снилось. Знаешь, к каждому человеку когда-нибудь приходил такой сон. Это называется комплексом Миньона. Обычно все происходит так: тебе становится известно, что на самом деле твои родители тебя усыновили и ты являешься законным королем... ну, скажем...

— Руритании, — помог ему Хррдниккисч, который занимался изучением художественной литературы Каменного Века.

— Да, сэр, — пробормотал Одди. — Мне снился такой сон.

— Ну так вот, — тихо сказал Белланби, — твой сон сбылся. Ты король.

¹ *haute cuisine* (фр.) — изысканная кулинария.

Одди не сводил с них потрясенных глаз, пока они объясняли, объясняли и объясняли. Сначала, будучи студентом, он испытал настороженную подозрительность, опасаясь розыгрыша. Затем, поскольку он поклонялся людям, говорившим с ним, он почти им поверил. И, наконец, являясь человеческим существом, он был охвачен восторженным ощущением безопасности. Ни власть, ни слава, ни богатство не вызывали в нем такой восхитительной радости, как чувство безопасности. Позже ему, возможно, станет доставлять удовольствие все, что связано с его положением, но сейчас он расстался со страхом. Ему больше никогда не надо будет ни о чем беспокоиться.

— Да, — воскликнул Одди. — Да, да, да! Я понимаю. Я понимаю, чего вы от меня хотите.

Он взволновано вскочил со стула и, дрожа от радости, забегал от одной освещенной стены к другой. Потом Одди остановился и повернулся к своим учителям.

— Я благодарен, — проговорил он, — благодарен вам всем за то, что вы пытались сделать. Было бы просто ужасно, если бы я был эгоистичным... или порочным... Попытался бы воспользоваться своими способностями ради собственной выгоды. Однако вы указали мне путь. Я должен служить добру. Всегда.

Счастливый Юхансен только кивал головой.

— Я буду всегда слушаться вас, — продолжал Одди. — Я не хочу совершать ошибки. — Он замолчал и снова покраснел. — Тот сон — про короля — он мне снился, когда я был ребенком, но здесь, в Университете, мне в голову приходили другие мысли. Я раздумывал о том, что было бы, если бы я был тем единственным человеком, который управляет всем миром. Мне снились добрые, великодушные поступки, которые я хотел бы совершить...

— Да, — сказал Белланби. — Мы знаем, Одди. Нам тоже снились такие сны. Они снятся всем.

— Только теперь это уже не сон, — рассмеялся Одди. — Это реальность. Все случится, как я захочу.

— Начни с войны, — ядовито посоветовал Мигг.

— Конечно, — поспешно согласился Одди. — Именно с войны; но мы пойдем дальше, правда? Я сде-

лаю все, чтобы война не началась, а после этого мы совершим... великие преобразования! Только мы пятеро. Про нас никто не узнает. Мы будем оставаться самыми обычными людьми, но благодаря нам жизнь всех остальных людей станет чудесной. Если я ангел... как вы говорите... тогда я создам рай везде, где только смогу.

— Но начни с войны, — повторил Мигг.

— Война — самая страшная катастрофа, которая должна быть предотвращена, — сказал Белланби. — Если ты не хочешь, чтобы эта катастрофа разразилась, то этого никогда не случится.

— Ты ведь хочешь предотвратить трагедию? — сказал Юхансен.

— Да, — ответил Одди. — Очень хочу.

Война началась двадцатого марта. Сообщество Наций и *Der Realpolitik aus Terra* мобилизовали свои силы и нанесли удар. Сокрушительные удары следовали один за другим, а в это время Одди Голь был призван младшим офицером в войска связи, однако уже 3 мая его перевели в разведку. 24 июня он был назначен адъютантом при совете Объединенных Сил, проводившем свои заседания среди развалин, которые когда-то были Австралией. 11 июля он получил очередное повышение, возглавив потрепанные ВВС, перепрыгнув сразу через 1789 чинов в офицерской иерархии. 19 сентября он принял верховное командование в Сражении Парсек и одержал победу, которая положила конец чудовищному уничтожению Солнечной системы, названному Шестимесячной Войной.

23 сентября Одди Голь сделал поразительное Мирное Предложение, которое было принято остатками двух Государств Всеобщего Благосостояния. Для этого потребовалось соединить две антагонистические экономические теории, что привело к полнейшему отказу от всех экономических теорий вообще и слиянию обоих Государств в единое Солнечное Сообщество.

1 января Одди Голь по анонимному представлению был навечно избран Солоном Солнечного Сообщества.

И сегодня все еще молодой, полный сил, красивый, искренний, идеалистичный, щедрый, добрый и умеющий сопереживать, он живет в Солнечном Дворце. Он не женат, но известно, что он прекрасный любовник; раскованный и очаровательный хозяин, преданный друг; демократичный, но жесткий лидер обанкротившейся Семьи Планет, страдающих от бездарных правительств, угнетения, нищеты и бесконечных беспорядков, что, впрочем, не мешает им петь благодарственные осанны Славному Одди Голю.

В последний момент просветления Джесс Мигг сообщил о том, как он понимает сложившуюся ситуацию своим друзьям в Клубе факультета. Это было недолго до того, как они отправились к Одди во дворец, чтобы стать его доверенными и самыми верными советниками.

— Мы были настоящими дураками, — с горечью сказал Мигг. — Нам следовало его убить. Он вовсе не ангел. Он чудовище. Цивилизация и культура... философия и этика... все это были всего лишь маски, которыми Одди прикрывал свое истинное лицо; эти маски прятали примитивные стремления его подсознания.

— Ты хочешь сказать, что Одди был неискренен? — грустно спросил Юхансен. — Он хотел этого разрушения... этого ужаса?

— Конечно же, он говорил искренне... сознательно. Он и сейчас продолжает быть искренним. Он думает, что не хочет для человечества ничего иного, кроме добра. Голь честен, великодушен и благороден... но только на уровне сознания.

— А! Ид! — выдохнул Хрдниккисч так, словно его ударили в живот.

— Вы понимаете, Зигноид? Вижу, что понимаете. Джентльмены, мы были самыми настоящими кретинами. Мы ошибочно считали, что Одди сможет сознательно контролировать свою способность. Это не так. Контроль существует, но не на смысловом уровне. Способностью Одди руководит его Ид... глубокий подсознательный резервуар, в котором хранится первоначальный эгоизм, присущий каждому человеку.

— Значит он хотел этой войны, — сказал Белланби.

— Его Ид хотел войны, Белланби. Это был кратчайший путь к тому, чего желает Ид Одди — стать Повелителем Вселенной и быть любимым Вселенной. Его Ид контролирует силу Одди. У всех есть эгоистичный, эгоцентричный Ид, живущий в подсознании; он постоянно стремится получить удовлетворение, он бессмертен, существует вне времени, не знает ни логики, ни этических ценностей, не отличает добро от зла, ему не знакомо понятие морали. Именно Ид и контролирует Одди. Он всегда будет получать желаемое — не то, что его учили желать, а то, к чему стремится его Ид. Судьба нашей системы, возможно, зависит от этого неизбежного конфликта.

— Но ведь мы будем рядом с ним, чтобы давать ему советы... направлять его... удерживать... — запротестовал Белланби. — Он же сам пригласил нас.

— Он будет прислушиваться к нашим советам, точно послушный ребенок, каким он, на самом деле, и является, — ответил Мигг. — Он будет с нами соглашаться, станет пытаться подарить всем райскую жизнь, а в это время его Ид очень медленно и постепенно ввергнет всех нас в Преисподнюю. Одди не уникален. Мы все являемся жертвами такого же конфликта... только у Одди есть его замечательная способность.

— Что мы можем сделать? — простонал Юхансен. — Что мы можем сделать?

— Не знаю, — Мигг прикусил губу, а потом кивнул Папаше Юхансену, словно хотел извиниться перед ним. — Юхансен, вы были правы. Обязательно должен быть Бог, хотя бы только затем, чтобы противостоять Одди Голю, которого, вне всякого сомнения, породил Сатана.

Это были последние разумные слова Джесса Мигга. Сейчас, естественно, он обожает Голя Ослепительного, Голя Великого, Голя Вечного Бога, который добился того первобытного, эгоистичного удовлетворения, о котором все мы подсознательно мечтаем с самого рождения, но которое оказалось доступно только Одди Голю.

О ВРЕМЕНИ И ТРЕТЬЕЙ АВЕНЮ

Мэйси раздражало то, что незнакомец скрипел.

Может быть, скрипели туфли, но Мэйси подозревал, что скрипела одежда. Он глаз не спускал с этого незнакомца, усевшегося в отдельной комнате его кабинка под плакатом, вопрошающим: «Кто боится говорить о битве при Бойне?»

Незнакомец был высокого роста и худощав, несмотря на молодость, почти лыс — его голову покрывал только редкий пушок. Такой же пушок заменял ему брови. Но вот незнакомец полез в карман пиджака за бумажником, и сомнения Мэйси рассеялись. Скрипела действительно одежда!

— Мистер Мэйси! — пролаял незнакомец. — Очень хорошо! За наем этого заднего помещения, учитывая исключительную его полезность, на один хронос...

— Какой нос? — нервно спросил Мэйси.

— Хронос. Неправильное слово? Ах да, извините меня. Один час.

— Вы иностранец? — спросил Мэйси.

OF TIME AND THIRD AVENUE, 1951.

Перевод А. Молчанова.

— Нет, не иностранец, — ответил незнакомец. Его глаза быстро обшарили помещение. — Величайте мою личность Бойн.

— Бойн?! — недоверчиво переспросил Мэйси.

— М. К. Бойн. — Мистер Бойн открыл бумажник, сделанный в виде гармошки, перебрал разноцветные бумажки и монеты и вытащил стодолларовую банкноту. Он ткнул ею в Мэйси и сказал: — Арендная плата за один час. Не впускайте сюда никого, кроме... Сто долларов. Берите и идите.

Под взглядом колючих глаз Бойна Мэйси взял деньги и побрел к бару. Через плечо он неуверенно спросил:

— Что будете пить?

— Пить? Алкоголь? Фу! — ответил Бойн.

Он резко поднялся и устремился к телефонной будке. Пошарив рукой под телефоном-автоматом, нащупал провод и прикрепил к нему маленькую блестящую коробочку, которую достал из бокового кармана. Потом он снял трубку.

— Координаты. Долгота: 73 — 58 — 15, широта: 40 — 45 — 20. Расформировать сигму. Я вас плохо слышу... — После паузы мистер Бойн продолжал: — Стэт! Стэт! Помех нет. Засеките Найта. Оливер Уилсон Найт. Вероятность с точностью до четырех значимых цифр. У вас есть мои координаты... 99,9807? Будьте готовы к приему...

Бойн высунул голову из будки и стал наблюдать за входной дверью. Он ждал до тех пор, пока в кабачок не вошел молодой человек с хорошенькой девушкой. Тогда Бойн вновь нырнул в телефонную будку.

— Вероятность подтвердилась, — сказал он в трубку. — Оливер Уилсон Найт здесь. Пожелайте мне удачи. Пора...

Он повесил трубку и, когда пара направилась к отдельной кабинке, уже сидел под плакатом «Кто боится говорить о битве при Бойне?», на прежнем месте.

Молодому человеку было лет двадцать шесть — среднего роста, склонный к полноте. Его костюм был помят, темно-каштановые блестящие волосы слегка взъерошены, а дружелюбное лицо покрыто сетью добродушных морщинок. У девушки были черные воло-

сы, мягкие голубые глаза и тонкая, ей одной присущая улыбка.

На их пути вырос Мэйси.

— Простите, мистер Найт, — сказал Мэйси. — Я не могу посадить вас сегодня на обычное место. Кабинка арендована.

Лица молодого человека и девушки вытянулись. Тогда Бойн крикнул:

— Все в порядке, мистер Мэйси! Все правильно! Я буду рад принять мистера Найта с подругой как своих гостей.

Найт и девушка нерешительно повернулись к Бойну. Бойн улыбнулся и похлопал по соседнему креслу.

— Садитесь, — сказал он. — Мне будет очень приятно, уверяю вас.

Девушка неуверенно произнесла:

— Мы не хотим вам мешать, но это единственное место в городе, где есть настояще имбирное пиво.

— Уже осведомлен об этом, мисс Клинтон. — Бойн повернулся к Мэйси. — Принесите пива и ступайте. Больше никаких гостей. Я ждал только мистера Найта и мисс Клинтон.

Медленно опускаясь на свои места, Найт и его подруга с изумлением смотрели на Бойна. Найт положил на стол сверток с книгами. Девушка набрала в грудь воздуха и спросила:

— Вы меня знаете... мистер... мистер...

— Бойн. Да, конечно! Вы — мисс Джейн Клинтон. А ваш спутник — мистер Оливер Уилсон Найт. Я снял это помещение преимущественно для того, чтобы встретиться здесь с вами.

— Это что, шутка? — спросил Найт. На его щеках заиграл слабый румянец.

— Пиво, — галантно ответил Бойн, когда появившийся Мэйси расставил бутылки и стаканы и поспешил удалился.

— Вы никак не могли знать, что мы сюда приедем, — возразила Джейн. — Мы и сами не знали... вплоть до последних минут.

— Простите, мисс Клинтон, — улыбнулся Бойн, — но вероятность вашего прибытия на долготу 73 — 58 — 15, широту 40 — 45 — 20 равнялась 99,9807 процента.

Никто не в состоянии избежать четырех значимых цифр.

— Послушайте, — сердито начал Найт, — если вы считаете, что это...

— Пожалуйста, принимайтесь за пиво и послушайте, что я скажу, мистер Найт. — Бойн перегнулся через стол. — Эта встреча была организована с большими трудностями и обошлась в немалую сумму. Кому? Неважно! Вы поставили нас в чрезвычайно опасное положение. Меня прислали сюда, чтобы разрешить проблему.

— Какую проблему? — спросил Найт.

Джейн попыталась встать.

— Д-думаю, нам лучше уйти...

Бойн жестом велел ей сесть. Найту он сказал:

— Сегодня днем вы были в магазине Дж. Д. Крейга, торговца печатными изданиями. Вы приобрели путем передачи ему денег четыре книги. Три не имеют значения, но четвертая... — Он многозначительно постучал по свертку. — Она и есть причина нашей встречи.

— О чём это вы, черт возьми?! — возмутился Найт.

— О переплетном томе, содержащем собрание фактов и статистических данных.

— Альманах?

— Да, Альманах.

— Ну, и что в нем такого?

— Вы собирались приобрести Альманах 1960 года.

— Я и купил Альманах 1960 года.

— В том-то и дело, что нет! — воскликнул Бойн.

Вы купили Альманах на 1990 год.

— Что?!

— В этом свертке, — отчетливо произнес Бойн, — находится Мировой Альманах на 1990 год. Не спрашивайте, каким образом! Была допущена небрежность, за которую виновные уже понесли наказание. Теперь необходимо исправить ошибку. Вот почему я здесь, и вот почему была организована эта встреча. Вам все понятно?

Найт засмеялся и потянулся к свертку. Бойн перегнулся через стол и схватил его за запястье.

— Вы не должны открывать его, мистер Найт!

— Ну хорошо! — Найт откинулся в кресле. Он подмигнул Джейн и пригубил пиво. — Каков будет финал этой шутки?

— Я должен получить книгу, мистер Найт! Я специально прибыл из будущего за ней.

— Ах, вы должны?

— Да.

— Получить Альманах 1990 года?

— Да.

— Если бы, — сказал Найт, — такая штука, как Альманах 1990 года, существовала в действительности и если бы она была в том свертке, у меня бы ее и kleщами не вырвали. Почему? Взгляд в будущее... Биржевые сводки... Бега... Политика. Чистые денежки. Я был бы богат!

— Да, действительно, — резко кивнул Бойн. — Больше, чем богат! Всемогущ! Ограниченный ум использовал бы Альманах будущего только для мелочей. Заключал бы пари о результатах игр и выборов. И так далее. Но человек с недюжинным интеллектом... вашим интеллектом... не остановился бы на этом.

— Ну-ка, ну-ка, расскажите мне, — ухмыльнулся Найт.

— Дедукция. Индукция. Умозаключения. — Бойн загибал пальцы. — Каждый факт поведал бы вам целую историю. Например, в какую недвижимость следует вкладывать капитал. Какие земли покупать, а какие продавать. Об этом вам расскажут данные переписи населения и миграции. Транспортные перевозки. Списки затонувших кораблей и перечень крушений на железных дорогах предсказали бы вам, заменили ли ракеты, поезда и пароходы.

— Ну как, заменили? — ухмыльнулся Найт.

— Данные полетов сказали бы вам, акции какой компании покупать. Списки лауреатов Нобелевской премии надоумил бы вас, за какими учеными и какими новыми изобретениями следить. Судя по величине бюджетов, вы бы знали, какие предприятия и какие отрасли промышленности контролировать. Валютные курсы, биржевые сводки, банкротства банков и индек-

сы страхования жизни дали бы вам надежную защиту от любого несчастья.

— Это мысль, — согласился Найт. — Это по мне.

— Вы действительно так думаете?

— Не думаю, а знаю! Деньги были бы у меня в кармане. Да что деньги, весь мир был бы у меня в кармане!

— Прошу извинить, — резко заметил Бойн, — но вы мыслите, как мальчишка. Вы хотите богатства? Безусловно! Но радость вам принесет только богатство, добытое упорным трудом... своим трудом. Успех, доставшийся даром, не приносит удовлетворения. Лишь угрызения совести и горе. Вы и сами это знаете.

— Я не согласен, — запротестовал Найт.

— Да? Тогда зачем вы работаете? Почему не воруете? Не взламываете сейфы?

— Но... — начал Найт и замолчал.

— Я попал в самую точку, не так ли? — Бойн нетерпеливо махнул рукой. — Нет, мистер Найт. Вы слишком честолюбивы, чтобы желать нечестного успеха.

— Тогда я просто хотел бы знать, добьюсь ли я успеха.

— А, вот что! Вы хотели бы полистать страницы Альманаха в поисках своего имени? Но зачем? Разве вы не верите в себя? Вы — перспективный молодой юрист. Да, я это знаю! Или, может быть, мисс Клинтон не верит в вас?

— Нет, — громко сказала Джейн. — Нет! В книгу заглядывать не обязательно.

— Что же еще, мистер Найт?

Найт замялся. Наконец он ответил:

— Уверенность в будущем.

— Такой вещи не существует! Жизнь — это опасность. Твердо верить можно только в смерть.

— Я не это имею в виду, — пробормотал Найт. — Уверенность в том, стоит ли вообще строить планы на будущее. Ведь существует атомная бомба...

Бойн быстро кивнул:

— Правильно! Это конец всему. С другой стороны, я здесь. Мир будет продолжать жить. Я, человек из будущего, тому порукой.

— Если я вам поверю...

— Наконец-то я вас понял! — взорвался Бойн. — Вам действительно не хватает мужества, и вы не верите в себя, в свои силы и способности! — Он пронзил молодых людей презрительным взглядом. — А ведь вы живете в стране, где бережно хранят легенду о предках-пионерах, от которых вы, по-видимому, должны были унаследовать мужество перед лицом неизвестности. Где же ваше мужество? Ха! Неизвестность страшит вас. Она заставляет вас хныкать и искать подтверждений в книге! Так?

С минуту они молчали, не глядя друг на друга. Потом Бойн спросил:

— Вы мошенничаете, когда играете в солхэнд?

— Солхэнд?

— Прошу прощения! — Бойн стал перебирать в уме слова, нетерпеливо щелкая пальцами. — Это игра с небольшими раскрашенными листами бумаги... Я забыл ваше...

— О! — лицо Джейн прояснилось. — Карты.

— Совершенно верно. Карты! Благодарю вас, мисс Клинтон. — Бойн перевел свои колючие глаза на Найта. — Вы мошенничаете, играя в карты?

— Редко, и только чтобы подшутить над партнером.

— Это неинтересно, да? Это скучно! Конечно, гораздо интереснее выиграть честно.

— Пожалуй.

— Если вы загляните в Альманах, это будет нечестной игрой. На протяжении всех оставшихся вам лет вы будете жалеть, что не вели с жизнью честную игру. Вам будет стыдно самого себя. Вы раскаетесь. Мистер Найт, не ведите нечестной игры! Я заклинаю вас отдать мне Альманах.

— А почему вы не заберете его у меня силой? — спросил Найт.

— Это должно быть сделано добровольно. Мы не имеем права ничего у вас отнимать. Как ничего не можем вам давать.

— Ложь! — воскликнул молодой человек. — Вы заплатили Мэйси за аренду этой комнаты.

— Это дело другое. Мэйси действительно заплачено, и тем не менее ему я ничего не дал. Он, конечно, решит, что его обманули, но вы позаботитесь о том, чтобы он так не думал. Все должно быть урегулировано без нарушений порядка вещей.

— Минутку...

— Все тщательно спланировано. Я рассчитываю на ваш здравый смысл, мистер Найт. Позвольте мне взять Альманах. Я растворюсь... реориентируюсь... И вы никогда меня больше не увидите. Я унесусь в вихре времени, и вам будет о чем рассказывать друзьям. Дайте мне Альманах!

— Постойте, — произнес Найт. — Все это, конечно, шутка. По-моему, мы зашли слишком далеко...

— Шутка? — перебил его Бойн. — Шутка? Взглядите на меня.

Почти минуту молодой человек и девушка пристально смотрели на бескровное, белое как мел лицо с пылающими, словно уголья, глазами. Полуулыбка сошла с губ Найта, а Джейн невольно содрогнулась. В задней комнате кабачка повеяло холодом и тревогой.

— Боже мой! — Найт беспомощно взглянул на Джейн. — Это невероятно. Он убедил меня. А тебя?

Джейн судорожно кивнула.

— Что же нам делать? Если все, что он говорит, правда, мы можем отказаться и жить дальше припеваючи.

— Нет, — сдавленно ответила Джейн. — В этой книге, возможно, деньги и успех, но в ней есть также разводы и смерть. Отдай ему Альманах.

— Берите, — тихо сказал Найт.

Бойн моментально встал. Он взял со стола сверток и скрылся в телефонной будке. Когда он вышел, то три книги держал в одной руке, а в другой — четвертую. Он положил книги на стол и некоторое время стоял молча, держа в руке завернутый Альманах и улыбаясь молодой паре.

— Примите мою признательность, — сказал он наконец. — Вы предотвратили опасную ситуацию. Будет справедливо, если вы получите что-нибудь взамен. Нам запрещено переносить во времени какие-либо предметы, которые могли бы изменить соотноше-

ния существующих явлений, но, по крайней мере, я могу оставить вам символический знак будущего.

Он отступил назад, смешно поклонился и со словами «Мое почтение» повернулся и направился к выходу.

— Эй! — крикнул ему вслед Найт. — А символ?

— Он у мистера Мэйси, — ответил Бойн и исчез.

Несколько минут за столом царило оцепенение. Молодой человек и девушка словно бы медленно пробуждались от сна. Затем, когда Найт и Джейн окончательно вернулись к действительности, они пристально взглянули друг на друга и расхохотались.

— Этот тип и впрямь напугал меня, — сказала Джейн сквозь смех.

— Какой-нибудь мошенник, каких много на Третьей авеню. Какой спектакль! Но что он с этого имел?

— Ну... твой Альманах.

Найт снова начал смеяться.

— И все ради Альманаха! Вся эта болтовня о том, что он заплатил Мэйси и в то же время ничего ему не дал. И что я должен позаботиться о том, чтобы Мэйси не был в накладе. И этот таинственный символ будущего...

Входная дверь с грохотом распахнулась, и Мэйси стрелой пронесся через весь кабачок в заднюю комнату.

— Где он? — вскричал хозяин. — Где этот вор? Он назывался Бойном. Скорее его зовут ублюдком!

— Что с вами, мистер Мэйси?! — воскликнула Джейн. — Что случилось?

— Где он? Ну, попадись он сейчас мне!

— Он ушел, — сказал Найт. — Он ушел как раз перед вашим приходом.

— А вы тоже хороши, мистер Найт! — Мэйси ткнул пальцем в грудь молодого юриста. — Вы — и общаитесь с грабителем и мошенником. Стыд и срам!

— В чем дело? — удивился Найт.

— Он заплатил мне сотню долларов за аренду этой комнаты! — с болью в голосе закричал Мэйси. — Сотню! Я, как осторожный человек, отнес бумажку

Берни-ростовщику, и тот обнаружил, что это подделка. Фальшивка!

— Правда? — рассмеялась Джейн. — Значит, в этом спектакле участвовала и фальшивка!

— Взгляните сами! — завопил Мэйси, шлепая банкноту об стол.

Найт внимательно рассмотрел ее. Внезапно он побледнел, с его лица сошла улыбка. Он полез во внутренний карман пиджака, достал чековую книжку и дрожащей рукой принялся выписывать чек.

— Ради бога, что ты делаешь? — изумилась Джейн.

— Забочусь о том, чтобы Мэйси не остался в на-
кладе, — ответил Найт. — Вы получите свои сто дол-
ларов, мистер Мэйси.

— Оливер! Ты сошел с ума. Бросаться сотней дол-
ларов...

— Я ничего не теряю, — сказал Найт. — Все дол-
жно быть урегулировано без нарушений порядка ве-
щей!

— Я не понимаю.

— Посмотри на банкноту, — проговорил Найт не-
твёрдым голосом. — Посмотри внимательнее.

На банкноте был обычный рисунок, и внешне она ничем не отличалась от настоящего. На Найта и Джейн, как живой, благосклонно взирал Бенджамин Франклин. Но в правом нижнем углу было напечатано: «Серия 1980 Д». А еще ниже стояла подпись: «Оливер Уилсон Найт, министр финансов».

ВЫБОР

Эта история — предупреждение пустым фантазерам, подобным вам, мне или Адьеру.

Не можно ли вы потратить на одна чашка кофе, достопочтенный сэр? Я есть несчастный голодающий организм.

Днем Адьер был статистиком. Он занимался средними величинами и распределениями, гомогенными группами и случайными отборами. Ночью же Адьер погружался в сложные и тщательно продуманные фантазии. Либо он переносился на сотню лет назад, не забыв, разумеется, прихватить энциклопедии, бестселлеры и таблицы с результатами скачек; либо воображал себя в Золотом Веке совершенства далекого будущего. Пока вы, и я, и Адьер очень похожи.

Не можно ли пожертвовать одна чашка кофе, дрожащая мадам? Для благославенная щедрость. Я признателен.

HOBSON'S CHOICE, 1952.

Перевод В. Баканова.

В понедельник Адьеर ворвался в кабинет своего шефа, размахивая кипой бумаг.

— Глядите, мистер Гранд! Я открыл нечто!..

— О, черт, — отозвался Гранд. — Какие могут быть открытия во время войны?

— Я поднимал материалы Внутреннего департамента... Вам известно, что численность нашего населения увеличилась? На 3,0915 процента.

— Это невозможно. Мы потеряли столько, что... Должно быть, где-то вкрадась ошибка, — пробормотал Гранд, пролистав бумаги. — Проверьте.

— Есть, сэр, — затараторил Адьеर, покидая кабинет. — Я знал, что вы заинтересуетесь, сэр. Вы образцовый статистик, сэр.

Во вторник Адьеर обнаружил отсутствие связи между отношением «рождаемость-смертность» и ростом населения. Адьеर представил данные шефу, заработал похлопывание по спине и отправился домой к новым фантазиям: проснуться через миллион лет, узнать разгадку тайны и остаться там, в будущем, припав к лону земли и всяким другим, не менее прекрасным лонам.

В среду Адьеर выяснил, что в окрестностях Вашингтона численность населения упала на 0,0029 процента. Это было неприятно, и ему пришлось искать прибежища в мечтах о Золотом веке королевы Виктории, в котором он изумил и покорил мир потоком романов, пьес и стихов, позаимствованных у Шоу, Голсуорси и Уайльда.

Одна чашка кофе, благородный сэр?! Я есть бедная личность, нуждающаяся в жалости.

В четверг Адьеर проверил Филадельфию. Прирост на 0,0959 процента! Так!.. Литл-Рок — 1,1329. Сент-Луис — 2,092. И это несмотря на полное уничтожение района Джейфферсона, произшедшее из-за досадной ошибки военного компьютера.

— Боже мой! — воскликнул Адьеր, дрожа от возбуждения. Чем ближе к центру страны, тем больше прирост численности. Но ведь именно центр пострадал сильнее всего! В чем же дело?

Этой ночью он лихорадочно метался между прошлым и будущим, а следующим днем по имеющимся данным начертил на карте останков США концентрические окружности, цветами обозначая плотность населения. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и синий круги образовали идеальную мишень, в центре которой оказался Канзас.

— Мистер Гранд! — вскричал Адьер в высокой статистической страсти. — Ответ таится в Канзасе!

— Поезжайте туда и добудьте этот ответ, — велел Гранд, и Адьер удалился.

Можно ли уделить цена один кофе, почтенная мисс? Я есть изголодный организм, требующий к себе питания.

Поездки в те дни, надо вам сказать, были связаны с немалыми трудностями. Корабль, шедший в Чарлстон (в северных штатах железных дорог не осталось), налетел на мину. Семнадцать часов Адьер держался в ледяной воде, бормоча сквозь зубы:

— Если бы я только родился на сто лет раньше!

Очевидно, эта форма молитвы оказалась действенной. Его подобрал тральщик и доставил в Чарлстон. Там Адьер получил почти смертельную дозу радиоактивного облучения в результате рейда, не повредившего, по счастью, железнодорожного полотно. Он лежал весь путь: Бирмингем (бубонная чума) Мэмфис (отравленная вода), Литл-Рок (карантин) и, наконец, Лайонесс, штат Канзас.

Выплески лавы из шрамов на земле; выжженные дороги; тучи сажи и нейтрализующих веществ; радиоактивное свечение в темноте.

После беспокойной ночи в гостинице Адьер направился в местный Статистический центр, вооруженный до зубов всякого рода документами. Увы, центр не был вооружен данными. Снова досадная ошибка военных. Центра просто не существовало.

Весьма раздраженный, Адьер направил стопы в Медицинское Бюро, предполагая получить сведения о рождаемости у практикующих врачей. Бюро было на месте, и был даже акушер, который и сообщил Адье-

ру, что последнего врача забрали в армию восемь месяцев назад. Возможно, в тайну посвящены повивальные бабки, но их списков не имеется. Придетсяходить от двери к двери, интересуясь у каждой дамы, не практикует ли она это древнее занятие.

Адьер вернулся в гостиницу и на клочке оберточной бумаги написал: «*Столкнулся с дефицитом информации. Ждите дальнейших сообщений.*». Он засунул послание в алюминиевую капсулу, прикрепил ее к единственному выжившему почтовому голубю и с молитвой выпустил его. Потом сел у окна и загрустил.

Его внимание привлекло странное зрелище. На площадь внизу только что прибыл автобус из Канзаса. Эта старая колымага со скрежетом затормозила, с большим трудом открылись двери, и вышел одногодий мужчина с забинтованным обожженным лицом — очевидно, состоятельный фермер, который мог позволить себе приехать в поисках медицинского обслуживания. Автобус развернулся для обратного пути в Канзас и дал гудок. Тут-то, собственно, и началось странное.

Из ниоткуда... абсолютно ниоткуда... появилась толпа людей. Они выходили из переулков, из-за развалин... они заполнили всю площадь. Здоровые, веселые, счастливые, они болтали и смеялись, забираясь в автобус. Они походили на туристов — с сумками и рюкзаками, ящиками, картонками и даже с детьми. Через две минуты автобус был полон. Когда он тронулся, из салона грянула песня, и эхо ее еще долго блуждало среди разрушенных зданий и груд камней.

— Будь я проклят, — пробормотал Адьер.

Он не видел беззаботной улыбки больше двух лет. Он не слышал веселого пения больше трех лет. Это было жутко. Это было невообразимо.

— Эти люди не знают, что идет война? — спросил он себя.

И чуть погодя:

— Они выглядят здоровыми. Почему они не на службе?

И наконец:

— Кто они?

Ночью Адьер спал без сновидений.

Не может ли добрейший сэр потратить одна чашка кофе? Я и нороден и слаб голодом.

Ранним утром Адьер за непомерную плату нанял машину, выяснил, что бензин нельзя купить ни за какие деньги и раздобыл хромую лошадь. Увы, опросы населения ничего не дали. Он вернулся как раз к отходу автобуса в Канзас.

Снова орда веселых людей заполнила площадь. Снова старенький автобус затрясся по разбитой дороге. Снова тишину разорвало громкое пение.

— Будь я трижды проклят, — тяжело прохрипел Адьер. — Шпионы?

В ту ночь он был секретным агентом Линкольна, предвосхищающим каждое движение Ли, перехитряющим Джексона и Джонсона.

На следующий день автобус увез очередную партию таинственных весельчаков.

И на следующий.

И на следующий.

— Четыреста человек за пять дней, — подсчитал Адьер. — Район кишит шпионами!

Он начал бродить по улицам, стараясь выследить беззаботных туристов. Это было трудно. Местные жители ничего о них не знали и ими не интересовались. В те дни думали лишь о том, как выжить.

— Все сходится. Лайонесс покидает восемьдесят человек в день. Пятьсот в неделю. Двадцать пять тысяч в год. Возможно, это и есть ключ к тайне роста населения.

Адьер потратил двадцать пять долларов на телеграмму шефу. Телеграмма гласила:

«Э ВРИКА, Я НАШЕЛ»

Не можно потратить на одна одинокая чашка кофе, бесценная мадам? Я есть не бродяга, но лишенный человек.

Счастливый шанс представился на следующий день. Как обычно, подъехал автобус, но на этот раз толпа собралась слишком большая. Трое не влезли. Всё не обескураженные, они отошли, замахали ру-

ками, выкрикивая напутствия отъезжающим, затем повернулись и пошли по улице.

Адьер стрелой выскочил из номера и следовал за ними через весь город, на окраину, по пыльной проселочной дороге, пока они не свернули и не скрылись в старом амбаре.

— Ага! — сказал Адьер.

Он сошел на обочину и присел на неразорвавшийся снаряд. Ага — что? Ясно только, где искать ответ.

Сумерки сгостились в кромешную тьму, и Адьер осторожно двинулся вперед. В этот момент его схватили за руки, к лицу прижали что-то мягкое...

Одна одинокая чашка кофе для бедный несчастливец, достойный сэр. Щедрость благословит.

Адьер пришел в себя на койке в маленькой комнате. Рядом за столом сидел и деловито писал седовласый джентльмен с резкими чертами лица. На краю стола находился радиоприемник.

— П-послушайте, — слабо начал Адьер.

— Одну минутку, мистер Адьер, — вежливо сказал джентльмен и что-то сделал с радиоприемником. В центре комнаты над круглой медной плитой возникло сияние, сгустившееся в девушку — нагую и очаровательную. Она подскочила к столу, засмеялась и затараторила:

— Вд-ни-тк-ик-тл-нк.

Джентльмен улыбнулся и указал на дверь.

— Пойдите разрядитесь.

Девушка моментально выбежала.

— Вы шпионы! — обвинил Адьер. — Она говорила по-китайски!

— Едва ли. Скорее, это старофранцузский. Середина XV века. Простите.

Он снова включил радио. Теперь свечение породило голого мужчину, заговорившего с отчаянной медлительностью:

— Мууу, фууу, блууу, уауу, хаууу, пууу.

Джентльмен указал на дверь; мужчина вышел, еле переставляя ноги.

— Мне кажется, — дружелюбно продолжил седовласый джентльмен, — что это влияние потока времени. Двигаясь вперед, вместе с ним, они ускоряются; идя против его течения назад — тормозятся. Разумеется, этот эффект через несколько минут исчезает.

— Что?! — выдохнул Адьер. — Путешествие во времени?

— Ну да... Вот ведь интересно. Люди привыкли рассуждать о путешествии во времени. Как оно будет использовано в археологии, истории и т. д. И никто не видел истинного его назначения... Терапия.

— Терапия? Медицина?

— Да. Психологическое лечение для тех неприспособленных, которым не помогают другие средства. Мы позволяем им эмигрировать. Бежать. Наши станции расположены через каждые четверть века.

— Не понимаю...

— Вы попали в иммиграционное бюро.

— О, господи! — Адьер подскочил на койке. — Ответ к загадке! Сюда прибывают тысячи... Откуда?

— Из будущего, разумеется. Перемещение во времени стало возможным лишь с... э, скажем, с 2505 года.

— Но те, замедленные... Вы говорили, что они идут из прошлого.

— Да, однако первоначально-то они из будущего. Просто решили, что зашли слишком далеко. — Седовласый джентльмен задумчиво покачал головой. — Удивительно, какие ошибки совершают люди. Абсолютно утрачивают контакт с реальностью. Знал я одного... его не устраивало ничто другое, кроме времен королевы Елизаветы. «Шекспир, — говорил он, — испанская армада. Дрейк и Рэли. Самый мужественный период истории. Золотой Век». Я не смог его образумить, и вот... Выпил стакан воды и умер. Тиф.

— Можно ведь сделать прививки...

— Все было сделано. Но болезни тоже меняются. Старые штаммы исчезают, новые появляются... Извините.

Из свечения вышел мужчина, что-то протараторил и выскочил за дверь, чуть не столкнувшись с об-

наженной девушкой, которая заглянула в комнату, улыбнулась и произнесла со странным акцентом:

— Простите, мистер Джеллинг, кто этот только что вышедший джентльмен?

— Питерс.

— Из Афин?

— Совершенно верно.

— Что, не понравилось?

— Трудно без водопровода.

— Да, через некоторое время начинаешь скучать по современной ванной... Где мне взять одежду? Или здесь уже ходят нагими?

— Подойдите к моей жене. Она вам что-нибудь подберет.

В комнату вошел «замедленный» мужчина. Они с девушкой взглянули друг на друга, засмеялись, поцеловались и, обнявшись, ушли.

— Да, — произнес Джеллинг. — Выясняется, что жизнь — это сумма удобств. Казалось бы, что такое водопровод по сравнению с древнегреческими философами? Но потом вам надоедает натыкаться на великих мудрецов и слушать, как они распространяются про избитые истины. Вы начинаете скучать по удобствам и обычаям, которых раньше не замечали.

— Это поверхностный подход, — возразил Адьер.

— Вот как? А попробуйте жить при свечах, без центрального отопления, без холодильника, без самых простых лекарств... Или, наоборот, проживите в будущем, в колоссальном его темпе.

— Вы преувеличиваете, — сказал Адьер. — Готов поспорить, что существуют времена, где я мог бы быть счастлив. Я...

— Ха! — фыркнул Джеллинг. — Великое заблуждение. Назовите такое время.

— Американская революция.

— Э-ээ! Никакой санитарии. Никакой медицины. Холера в Филадельфии, малярия в Нью-Йорке. Обезболивания не существует. Смертная казнь за сотни малейших проступков и нарушений. Ни одной любимой книги или мелодии.

— Викторианская эпоха.

— У вас все в порядке с зубами и зрением? Очков мы с вами не пошлем. Как вы относитесь к классовым различиям? Ваше вероисповедание? Не дай вам бог принадлежать к меньшинству. Ваши политические взгляды? Если сегодня вы считаетесь реакционером, те же убеждения сделают вас опасным радикалом сотню лет назад. Вряд ли вы будете счастливы.

— Я буду в безопасности.

— Только если будете богаты, а деньги мы с вами послать не можем. Нет, Адьер, бедняки умирали в среднем в сорок лет в те дни... уставшие, измощденные. Выживали только привилегированные, а вы будете не из их числа.

— С моими-то знаниями?

Джеллинг кивнул.

— Ну вот, добрались до этого. Какие знания? Смутные представления о науке? Не будьте дураком, Адьер. Вы пользуетесь ее плодами, ни капли не представляя сущности.

— Я мог бы специально подготовиться и изобрести... радио, например. Я сделал бы состояние на одном радио!

Джеллинг улыбнулся.

— Нельзя изобрести радио, пока не сделаны сотни сопутствующих открытий. Вам придется создавать целый мир. Нужно изобрести и научиться изготавливать вакуумные диоды, гетеродинные цепи и т.д. Вам придется для начала получить электрический ток, построить электростанции, обеспечить передачу тока, получить переменный ток. Вам... Но зачем продолжать? Все очевидно. Сможете вы изобрести двигатель внутреннего сгорания, когда еще не имеют представления о переработке нефти?

— Боже мой! — простонал Адьер. — Я и не думал... А книги? Я мог бы запомнить...

— И что? Опередить автора? Но публику вы тоже опередите. Книга не станет великой, пока читатель не готов понять ее. Она не станет доходной, если ее не будут покупать.

— А если отправиться в будущее?

— Я же объяснил вам. Те же проблемы, только наоборот. Мог бы древний человек выжить в двадца-

том веке? Остаться в живых, переходя улицу? Водить автомобиль? Разговаривать на ином языке? Думать на этом языке? Приспособиться к иным темпу и идеям? Никогда. Сможете вы приспособиться к тридцатому веку? Никогда.

— Интересно, — сердито сказал Адьер, — если прошлое и будущее настолько неприемлемы, зачем же путешествуют эти люди?

— Они не путешествуют, — ответил Джеллинг. — Они бегут.

— От кого?

— От своего времени.

— Почему?

— Оно им не нравится.

— Куда же они направляются?

— Куда угодно. Все ищут свой Золотой Век. Бродяги!.. Вечно недовольны, вечно в пути... Половина попрошаек, которых вы видели, наверняка лодыри, застрявшие в чужом времени.

— Значит, те, кто специально приезжают сюда... думают, что попали в Золотой Век?!

— Да.

— Но это безумие! — вскричал Адьер. — Неужели они не видят: руины? радиация? война? истерия? Самый ужасный период в истории!

Джеллинг поднял руку.

— Так кажется вам. Представители каждого поколения твердят, что их время — самое тяжелое. Но поверьте моему слову: когда бы и как бы вы ни жили, где-то обязательно найдутся люди, уверенные, что вы живете в Золотом Веке.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Джеллинг пристально посмотрел на него.

— Будете, — мрачно сказал он. — У меня для вас плохие новости, Адьер. Мы не можем позволить вам остаться здесь — надо хранить тайну.

— Я могу говорить везде.

— Да, но в чужом времени никто не обратит на вас внимания. Вы будете иностранцем, чудаком...

— А если я вернусь?

— Вы не можете вернуться без визы, а я вам ее не дам. Если вас это утешит, то знайте, что вы не первый, кого мы так высылаем. Был, помню, один японец...

— Значит, вы отправите меня...

— Да. Поверьте, мне очень жаль.

— В прошлое или в будущее?

— Куда хотите. Выбирайте.

— Почему такая скорбь? — напряженно спросил Адьер. — Это же грандиозное приключение! Мечта моей жизни!

— Верно. Все будет чудесно.

— Я могу отказаться, — нервно сказал Адьер.

Джеллинг покачал головой.

— В таком случае вас придется усыпить. Так что лучше выбирайте сами.

— Я счастлив сделать такой выбор!

— Разумеется. У вас правильное настроение, Адьер.

— Мне говорили, что я родился на сто лет раньше.

— Всем обычно это говорят... или на сто лет позже.

— Мне говорили и это.

— Что ж, подумайте. Что вы предпочитаете — прекрасное будущее или поэтическое прошлое?

Адьер начал раздеваться, раздеваться медленно, как делал каждую ночь перед тем, как предаться фантазиям. Но сейчас фантазии предстояло воплотиться, и момент выбора страшил его. Еле переставляя ноги, он взошел на медный диск, на вопрос Джеллинга пробормотал свое решение и исчез из этого времени навсегда.

Куда? Вы знаете. Я знаю. Адьер знает. Он ушел в Землю Наших Дорогих Мечтаний. Он скрылся в приблизище Наших Снов. И почти тут же понял, что покинул единственное подходящее для себя место.

Сквозь дымку лет все времена, кроме своего собственного, кажутся золотыми и величественными. Мы жаждем будущего, мы томимся по прошлому и не осознаем, что выбора нет. Что день сегодняшний, плохой или хороший, горький, тяжелый или приятный, спокойный или тревожный, — единственный день для нас. Ночные мечты — предатели, и мы все — соучастники собственного предательства.

Не можно потратить цена одна чашка кофе, достойный сэр? Нет, сэр, я не есть попрошайная личность. Я есть изголодный японский странник оказаться в этот ужасный год. Почетный сэр! Ради вся святая милость! Один билет в город Лайонесс. Я хочу на колени молить виза. Я хочу в Хиросима, назад, в 1945-й. Я хочу домой.

ЗВЕЗДОЧКА СВЕТЛАЯ, ЗВЕЗДОЧКА РАННЯЯ

Мужчине, сидевшему за рулем, было тридцать восемь лет. В его коротко остриженных волосах блестела преждевременная седина. Высокий, худощавый, слабосильный, он обладал двумя сомнительными преимуществами: образованностью и чувством юмора. Он был одержим какой-то идеей. Вооружен телефонной книгой. И обречен.

Свернув на Пост-авеню, он остановил машину у дома № 17. Заглянул в телефонную книгу, потом вылез из машины и вошел в подъезд. Окинув взглядом почтовые ящики, он взбежал по лестнице к квартире 2-ф. Нажал на кнопку звонка и в ожидании, пока ему откроют, вынул черный блокнотик и великолепный серебряный карандаш с четырьмя цветными грифелями.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер! Миссис Бьюкенен, если не ошибаюсь? — обратился он к dame средних лет с ничем не примечательной наружностью.

Дама кивнула.

STAR LIGHT, STAR BRIGHT, 1953.
Перевод Е. Коротковой.

— Моя фамилия Фостер. Я из научно-исследовательского института. Мы занимаемся проверкой слухов относительно летающих блюдец. Я вас не задержу.

Мистер Фостер протиснулся в прихожую. Он побывал уже в стольких квартирах, что почти машинально двигался в нужном направлении.

Быстро пройдя по прихожей, он вошел в гостиную, с улыбкой повернулся к миссис Бьюкенен, раскрыл блокнотик на чистой странице и нацелился карандашом.

— Вы видели когда-нибудь летающее блюдце, миссис Бьюкенен?

— Нет. И вообще это чушь. Мне...

— А ваши дети видели их? У вас ведь есть дети?

— Есть. Но...

— Сколько?

— Двое. Только никаких летающих блюдец...

— Они посещают школу?

— Что?!

— Школу, — нетерпеливо повторил мистер Фостер. — Ходят они в школу?

— Моему сыну двадцать восемь лет, — ответила миссис Бьюкенен. — А дочери — двадцать четыре. Они окончили школу задолго до...

— Понятно. Сын, очевидно, уже женат, а дочь замужем?

— Нет. Еще нет. А вот насчет летающих блюдец вам, ученым, следовало бы...

— Мы так и делаем, — перебил ее мистер Фостер. Он что-то поспешно нацарапал в блокноте, затем захлопнулся и сунул вместе с карандашом в карман.

— Очень вам благодарен, миссис Бьюкенен, — проговорил он и повернулся к выходу.

На улице мистер Фостер снова вошел в машину, открыл телефонную книгу и, отыскав там нужную фамилию, вычеркнул ее. Затем он занялся следующей по списку фамилией и, хорошенъко запомнив адрес, двинулся в путь. На сей раз он отправился на Форт-Джордж авеню и оставил машину против дома № 800. Он вошел в дом и поднялся на лифте на четвертый этаж. Нажал на кнопку звонка у квартиры 4-г и в ожи-

дании, пока ему откроют, вытащил из кармана черный блокнотик и великолепный карандаш.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер! Мистер Бьюкенен, если не ошибаюсь? — обратился Фостер к мужчине свирепого вида.

— А вам-то что? — ответствовал тот.

— Моя фамилия Дэвис, — представился мистер Фостер. — Я из союза радиовещательных корпораций. Мы составляем сейчас список людей, удостоившихся премии. Вы разрешите мне войти? Я вас не задержу...

Мистер Фостер Дэвис протиснулся в прихожую и через несколько мгновений уже беседовал в гостиной с мистером Бьюкененом и его рыжеволосой женой.

— Вы когда-нибудь получали премии на радио или телевидении?

— Никогда! — запальчиво ответил мистер Бьюкенен. — Такой возможности нам ни разу не представилось. Кому угодно, только не нам.

— Все эти холодильники и деньги, — заговорила миссис Бьюкенен. — И поездки в Париж на самолете и...

— Именно поэтому мы и составляем данный список, — перебил ее мистер Фостер-Дэвис. — А из ваших родственников тоже никто не получал премий?

— Да разве их возможно получить? Там ведь все заранее...

— А ваши дети?

— У нас нет детей.

— Понятно. Большое спасибо.

Мистер Фостер-Дэвис совершил уже известную нам манипуляцию с карандашом и блокнотом и спрятал их в карман. Ловко отдавшись от разгневанных Бьюкененов, он вернулся к своей машине, вычеркнул еще одну фамилию, внимательно прочел адрес, стоящий возле следующей, и отправился в путь.

Он подъехал к дому № 1215 по улице Ист-68. Это был красивый особняк, сложенный из темного песчаника. Дверь отворила горничная в накрахмаленном переднике и наколке.

— Добрый вечер, — поздоровался он. — Мистер Бьюкенен дома?

— А кто его спрашивает?

— Моя фамилия Хук, — ответил мистер Фостер-Дэвис. — Я веду опрос по поручению Бюро Усовершенствования Деловых Взаимоотношений.

Горничная скрылась, затем вновь возникла и проводила Фостера-Дэвиса-Хука в маленькую библиотеку, где стоял, держа в руках чашку и блюдечко из лиможского фарфора, решительного вида джентльмен в смокинге. На полках поблескивали корешками дорогие книги. В камине пыпал настоящий огонь.

— Мистер Хук?

— Да, сэр, — ответил обреченный. На сей раз он обошелся без блокнотика. — Я вас не задержу, мистер Бьюкенен... Всего несколько вопросов.

— Я возлагаю огромные надежды на Бюро Усовершенствования, — провозгласил мистер Бьюкенен. — Наш главный оплот против вторжения...

— Благодарю вас, сэр, — прервал его мистер Фостер-Дэвис-Хук. — Случалось ли вам когда-нибудь терпеть материальный ущерб в результате мошеннических проделок какого-либо бизнесмена?

— Такие попытки предпринимались, но безуспешно.

— А ваши дети?.. У вас ведь есть дети?

— Мой сын еще, пожалуй, слишком юн, чтобы стать жертвой подобных покушений.

— Сколько же ему лет, мистер Бьюкенен?

— Десять.

— Может быть, в школе, сэр? Ведь существуют жулики, специализирующиеся по школам.

— В школе, где учится мой сын, это исключено.

— А какую школу он посещает, сэр?

— Заведение Германсона.

— Одна из лучших наших школ. Посещал он когда-нибудь обычную городскую?

— Никогда.

Обреченный вытащил карандаш и блокнотик. Сейчас ему и в самом деле надо было кое-что записать.

— А других детей у вас нет, мистер Бьюкенен?

— Дочь семнадцати лет.

Мистер Фостер-Дэвид-Хук задумался, начал было писать, но передумал и закрыл блокнот. Вежливо поблагодарив хозяина, он удалился, прежде чем тот успел спросить у него удостоверение личности. Горничная выпустила его из дома, он торопливо сбежал с крыльца, открыл дверцу автомобиля... И в ту же секунду сокрушительный удар по голове сбил его с ног.

Когда обреченный пришел в себя, ему показалось, что он с похмелья. Он уже собирался было потащиться в ванную, когда осознал, что валяется на стуле, словно костюм, приготовленный для чистки. Он раскрыл глаза, и у него возникло ощущение, что он попал в подводный грот. Тогда у он отчаянно заморгал, и вода схлынула.

Он находился в маленькой адвокатской конторе. Прямо перед ним стоял плечистый человек, похожий на расстригу Санта-Клауса. В стороне, на краешке стола, сидел, беспечно болтая ногами, тощий юноша со впалыми щеками и близко посаженными глазами.

— Вы меня слышите? — осведомился плечистый. Обреченный промычал нечто утвердительное.

— А говорить вы можете?

Он снова замычал.

— А ну-ка полотенце, Джо! — весело произнес плечистый.

Тощий юноша слез со стола и, подойдя к стоявшему в углу умывальнику, намочил в воде полотенце. Потом встряхнул его, неторопливо подошел к стулу и вдруг, словно охваченный звериной яростью, наотмашь хлестнул по лицу избитого человека.

— Бога ради! — вскрикнул мистер Фостер-Дэвис-Хук.

— Вот так-то лучше, — — сказал здоровяк. — Моя фамилия Герод. Уолтер Герод, адвокат. — Он подошел к столу, на котором лежали вещи, вынутые из карманов обреченного, взял в руки бумажник и показал его владельцу. — Ваша фамилия Варбек. Марион Перкин Варбек. Верно?

Тот уставился на бумажник, потом на Уолтера Герода, адвоката, и только после этого ответил на вопрос:

— Вы правы, моя фамилия Варбек. Впрочем, посторонним людям я никогда не представляюсь как Марион.

Новый удар мокрым полотенцем по лицу, и мистер Варбек навзничь рухнул на стул.

— Довольно, Джо, — проговорил Герод. — Прошу не повторять до особого распоряжения. — Затем он обратился к Варбеку: — Что это вас так заинтересовали Бьюкенены? — Он подождал ответа и приветливо продолжал: — Джо вас выслеживал. Вы обрабатывали в среднем по пять Бьюкененов за вечер. Всего тридцать. Куда вы целите?

— Да что за дьявольщина наконец? — возмутился Варбек. — Какое право вы имеете похищать меня и допрашивать таким образом? Если вы полагаете, что можно...

— Джо, — светским тоном прервал его Герод, — еще разок, пожалуйста.

Новый удар обрушился на Варбека. И тут от боли и бессильной ярости несчастный разрыдался.

Герод небрежно вертел в руках бумажник.

— Судя по документам, вы учитель, директор школы. До сих пор я считал, что учителя чтят законы. Каким образом вы ввязались в этот рэкет с наследством?

— В какой рэкет? — слабым голосом спросил Варбек.

— С наследством, — терпеливо повторил Герод. — Дело наследников Бьюкенена. Как действовали? Вели переговоры лично?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — воскликнул Варбек. Он выпрямился на стуле и указал на тощего юнца: — И прекратите, пожалуйста, ваши штучки с полотенцем.

— Я попрошу меня не учить, — злобно отрезал Герод. — Я буду делать все, что мне заблагорассудится. Я не потерплю, чтобы кто-то наступал мне на пятки. Это дело дает мне семьдесят пять тысяч в год, и в нахлебниках я не нуждаюсь.

Наступило долгое, напряженное молчание, но обреченный не понимал, чего от него ждут. Наконец он заговорил.

— Я человек образованный, — произнес он, медленно подбирая слова, — но в моем образовании есть пробелы. Спроси вы меня о Галилее или хоть о поэтах-роялистах, и я бы не ударил в грязь лицом. Однако то, что вас интересует, явно относится к пробелам. Здесь я бессилен. Слишком много неизвестных.

— Мою фамилию вы уже знаете, — ответил Герод. — А это Джо Давенпорт, — добавил он, указывая на тощего юношу.

Варбек покачал головой.

— Неизвестных в математическом смысле. Величина «икс». Система уравнений. Не забывайте, я человек образованный.

— О господи! — испуганно выдохнул Джо. — Он, кажется, и вправду чтит законы?

Герод пытливо вглядывался в обреченного.

— Сейчас я вам выложу все по порядку, — сказал он. — История эта очень давнишняя. В общем дело обстоит так: ходят слухи, что Джеймс Бьюкенен...

— Пятнадцатый президент Соединенных Штатов?

— Он самый. Ходят слухи, что он умер, не оставив завещания, а наследники так и не объявились. Было это в 1868 году. Сейчас благодаря начислениям сложных процентов его состояние стоит уже миллионы. Улавливаете?

Варбек кивнул.

— Я человек образованный, — пробормотал он.

— Каждый, кто носит фамилию Бьюкенен, мог бы претендовать на этот куш. Я разослал великое множество писем. Сообщил, что есть надежда оказаться в числе наследников. Желательно ли им, чтобы я навел справки и отстаивал их права на долю в наследстве? Все, что от них потребуется в настоящее время, это выплачивать мне ежегодно небольшую сумму. Большинство клюнуло. Шлют мне деньги со всех концов страны. И вдруг вы...

— Одну минутку! — перебил его Варбек. — Я уже догадался. Вы обнаружили, что я посещаю людей, носящих это имя, и решили, что я тоже хочу ввязаться в ваш рэкт? Примазаться... как это говорится?.. примазаться к тому же куску?

— Ну да, — сердито сказал Герод, — а что, разве не так?

— Великий боже! — вскричал Варбек. — Мог ли я ожидать чего-либо подобного? Я!.. Благодарю тебя, о господи! Благодарю. И никогда не устану благодарить. — Сияя от удовольствия, он повернулся к Джо.

— Дайте-ка полотенце, Джо, — сказал он, — Нет, просто перебросьте. Мне надо вытереть лицо.

Он поймал на лету полотенце и с блаженной улыбкой принялся обтирать свое вспотевшее лицо.

— Ну, так как же, — снова заговорил Герод, — угадал?..

— Нет, не угадали. У меня нет намерения прима-зываться к вашему куску. Но я вам очень благодарен за ошибку. Можете не сомневаться. Вы и не представ-ляете себе, как лестно для учителя быть принятим за вора.

Он поднялся с кресла и направился к столу, где лежал его бумажник и остальное имущество.

— Минутку! — рявкнул Герод.

Тощий юноша ринулся к Варбеку и схватил его за руку, словно клещами.

— Да бросьте вы, — вспылил обреченный, — вы ведь сами видите, что все это — дурацкая ошибка.

— Вот я вам покажу сейчас ошибку, вот я вам по-кажу сейчас дурацкую, — угрожающе заговорил Ге-род. — Делайте то, что вам велят.

— Ах, так! — Варбек высвободил руку и хлестнул Джо полотенцем по глазам. Затем прошмыгнул к сто-лу, схватил пресс-папье и запустил его в оконное стекло. Зазвенели осколки.

— Джо! — взвизгнул Герод.

Не теряя времени, Варбек сгреб телефон и набрал номер полицейского отделения. Одновременно он из-влек зажигалку, высек огонь и бросил ее в мусорную корзину. В телефонной трубке послышался голос де-журного.

— Пришлите сюда полисмена! — крикнул Варбек и ударом ноги отшвырнул пылающую корзину в сере-дину комнаты.

— Джо! — надрывался Герод, затаптывая горя-щую бумагу.

Варбек усмехался. Он поставил телефон на место. Из трубы неслись пронзительный крики. Варбек прикрыл ее рукой.

— Договоримся? — осведомился он.

— Сукин ты сын! — рявкнул Джо и, отняв, наконец, кулаки от глаз, ринулся к Варбеку.

— Отставить! — крикнул Герод. — Этот псих вызвал фараонов. Оказывается, он все же чтит законы. — И, обращаясь к Варбеку, жалобно добавил: — Ну, будет вам. Пожалуйста. Мы на все согласны. Только, боже ради, отмените вызов.

Обреченный поднес к губам трубку.

— Говорит М.П. Варбек, — сказал он. — Я только что консультировался со своим адвокатом, как вдруг какой-то идиот с гипертрофированным чувством юмора влетел в контору и позвонил вам по этому телефону. Вы можете позвонить сюда и убедиться, что это так.

Он положил трубку, рассовал по карманам свое имущество и подмигнул Героду. Зазвонил телефон. Варбек взял трубку, уверил дежурного, что все в порядке, и снова положил ее. Затем, выйдя из-за стола, он протянул Джо ключи от своего автомобиля.

— Ступайте к машине — я уж не знаю, куда вы там ее загнали. Откройте отделение для перчаток, достаньте оттуда конверт и принесите сюда.

— Пошел ты к черту! — огрызнулся Джо. Глаза его все еще слезились.

— Делайте то, что вам велено, — властно сказал Варбек.

— Погодите-ка, Варбек, — вмешался Герод. — Что это вы еще затеяли? Я обещал вам, что мы сделаем по-вашему, но все же...

— Я собираюсь объяснить, почему я заинтересовался Бьюкененами, — ответил Варбек. — И я намерен заключить с вами союз. Вы и Джо — очень подходящие партнеры для того, чтобы помочь мне разыскать этого единственного Бьюкенена, которого ищу я. Мое му Бьюкенену всего десять лет, но он стоит сотни ваших вымышленных капиталов.

Герод вытаращил на него глаза.

Варбек вложил ключи в руку Джо.

— Ступайте, Джо, и принесите нам конверт, — сказал он, — а заодно распорядитесь, чтобы послали за стекольщиком.

Обреченный положил конверт на колено и бережно его разгладил.

— Директор школы, — начал он свой рассказ, — должен следить за всеми классами. Он наблюдает за процессом учебы, отмечает успехи, выявляет наболевшие вопросы и так далее. При этом он действует совершенно наугад. Точнее, объектом наблюдения служат школьники, взятые на выборку. У меня в школе девяносто учеников. Не могу же я наблюдать каждого в отдельности.

Город кивнул. Физиономия Джо выражала полнейшее недоумение.

— В прошлом месяце, просматривая работы учеников пятого класса, — продолжал Варбек, — я наткнулся на поразительный документ. — Он открыл конверт и извлек из него несколько листиков линованной бумаги, исписанных каракулями и усеянных кляксами. — Это сочинение написал ученик пятого класса Стюарт Бьюкенен. Ему сейчас лет десять или около того. Сочинение называется «Мои каникулы». Прочтите его, и вы сразу поймете, почему я разыскиваю Стюарта Бьюкенена.

Он перебросил сочинение Героду. Тот вытащил очки в роговой оправе и укрепил их на своем пухлом носу. Джо Давенпорт встал сзади патрона, заглядывая ему через плечо.

МОИ КОНИКУЛЫ Стюарта Бьюкенена

Этим летам я навистил своих друзей. У меня четверо друзей и все они очень хорошие. Впервых Томми, который жевет в деревне и занимается астрономией. Томми сам построил себе телескоп из стекла шереной в 6 дюймов и сам поставил его. Он смотрит на звезды каждую ночь и давал мне смотреть даже когда шел проливной дож...

— Что это за дьявольщина? — возмутился Герод.

— Читайте дальше, — ответил Варбек.

*...гощ. Мы видели звезды потому что Томми пр-
делал к концу телескопа одну штуку, которая вы со-
вутся как пражектар, такшто видно чириз дощ и все.*

— Кончили уже об астрономе? — спросил Вар-
бек.

— До меня что-то не доходит...

— Сейчас объясню. Томми не нравилось, что при-
ходится дожидаться безоблачных ночей. Тогда он
изобрел нечто способное проникать через облака и ат-
мосферу... что-то вроде вакуумной трубы и может те-
перь пользоваться своим телескопом в любую погоду.
Рассеивающий луч — вот что он изобрел.

— Чушь несусветная!

— В том-то и дело, что не чушь. Но читайте
дальше.

*Патом я поехал к Анне Марии и жил у нее целую
ниделю. Там было очень весело такак Анна Мария
зделала бабоминялку, марков и шпенат она тоже бе-
рет...*

— Ничего не пойму, что это еще за «бабоминялка»?

— Бобоменялка — от слова «бобы». Стюарт не си-
лен в правописании. «Марков» — это «морковь», а
«шпенат» — «шпинат».

*...шпенат и марков она тоже берет. Когда ее ма-
ма заставляет нас есть их, Анна Мария нажемает
накнопку и с наруже они вточности какбыли, а в
нутри привращаются в перог. Вишневый и зимли-
ничный. Я спросил Анну Марию как, и она сказала,
что припомощи Енхве.*

— Ничего не понимаю...

— А ведь все очень просто. Анна Мария не любит
овощей. Но так как она не менее изобретательная, чем
астроном Томми, то изготовила «бобоминялку». И
превращает себе бобы в «перог». «Вишневый и зим-
линичный». Пироги она любит. Так же, как Стюарт.

— Вы с ума сошли.

— Вовсе нет. Все дело в детях. Они гениальны. Впрочем, что я говорю: гении — кретины по сравнению с ними. Для таких детей и слова-то не подберешь.

— Выдумки это, и больше ничего. Ваш Стюарт Бьюкенен фантазер, каких свет не видывал.

— Вы находите? Тогда объясните мне, что такое Енхве, при помощи которого Анна Мария производит трансформацию вещества. Мне пришлось поломать голову, но я все же докопался. Квантовое уравнение Планка $E = nhv$. Однако продолжайте, продолжайте. Самое главное еще впереди. Вы не добрались до ленивой Этель.

Мой друг Джорш делает маделли аиропланов очень хорошие и маленькие. Руки у Джорша неуклюжие, поэтому он делает из плателина человечков и велит им, чтоб строили аиропланы...

— А это еще как понять?

— Насчет самолетостроителя Джорджа?

— Да.

— Очень просто. Джордж создает крошечных роботов, и они строят за него самолеты. Толковый мальчик Джордж, но почитайте о его сестре, ленивой Этель.

Ево сестра Этель самая ленивая девочка, которую я видел. Она высокая и толстая и нелюбит ходить пешком. Когда мама посыпает ее в магазин, Этель мысленно идет в магазин, потом мысленно несет домой пакупки и прячется в комнате у Джорша, что бы мама незаметила, что слишком быстро. Мы с Джоршем дразним ее, за то что она толстая и ленивая, но она ходит в кино бес платно и видела «Хопалонг Кэси» шестнадцать раз. Конец.

Герод в недоумении уставился на Варбека.

— Молодчина Этель, — сказал Варбек. — Лениится ходить пешком и прибегает к телетранспортировке. Правда, потом ей приходится прятаться, чтобы мама

не заметила, что она вернулась слишком быстро, а Джордж и Стюарт дразнят ее.

— Телетранспортировка?

— Разумеется. Этель проделывает весь свой путь мысленно.

— Да разве этакое возможно? — возмутился Джо.

— Было невозможно, пока не появилась ленивая Этель.

— Не верю я, — проговорил Герод. — Ни одному слову не верю.

— Вы считаете, что Стюарт попросту все выдумал?

— Разумеется.

— А как же тогда уравнение Планка $E = nhv$?

— Совпадение. Он и это придумал.

— Полно, возможны ли такие совпадения?

— Ну, значит, где-то вычитал.

— Десятилетний мальчик? Чушь!

— Говорю вам, не верю, и все! — заорал Герод. — Дайте мне сюда вашего мальчишку, и я за пять минут докажу вам, кто прав.

— Легко сказать — дайте... Мальчик ведь исчез.

— Как так?

— Словно в воду канул. Вот почему мне приходится навещать всех Бьюкененов в городе. В тот самый день, когда я прочел сочинения и велел вызвать ко мне для беседы ученика пятого класса Стюарта Бьюкенена, мальчик исчез. И с тех пор его никто не видел.

— А его семья?

— Семья тоже исчезла.

Варбек нагнулся к собеседнику и горячо заговорил:

— Нет, вы представьте себе только. Исчезли все следы и мальчугана, и его родных. Все до единого. Об их семье помнит всего несколько человек, да и то смутно. Она исчезла.

— О господи! — воскликнул Джо. — Смылись, да?

— Вот именно. Вы очень точно выразились. Благодарю вас, Джо. — Варбек подмигнул Героду. — Ничего себе ситуация? Существует мальчик, все друзья которого — гениальные дети. Причем именно и прежде всего дети. Ведь все свои невероятные открытия они совершили из самых ребяческих побуждений.

Этель телетранспортирует себя, так как ей леньходить по маминым поручениям. Джордж создает роботов для того, чтобы они строили ему игрушечные самолетики. Анна Мария прибегает к трансформации вещества, потому что терпеть не может бобов. А мы еще не знаем, что вытворяют другие приятели Стюарта! Быть может, существует какой-нибудь Мэтью, который изобрел машину времени, когда не успевал приготовить к сроку домашнее задание.

Герод в изнеможении замахал руками.

— Да откуда столько гениев? Что такое стряслось?

— Не знаю. Выпадение атомных осадков? Фтористые соединения, которые мы глотаем с водой? Антибиотики? Витамины? Мы так напичкали свои организмы химией, что и сами не понимаем, что с нами творится. Я хотел было разобраться толком, но, как видите, не сумел. Стюарт Бьюкенен сперва проболтался, как ребенок, а когда я стал выяснять, что и как, струсил и сбежал.

— А вы считаете, что он тоже гений?

— Очень возможно. Ребята обычно выбирают себе подходящих друзей и по способностям, и по интересам.

— И что же он за гений? В чем его талант?

— Не имею ни малейшего представления. Он скрылся, вот и все, что я знаю. Замел за собой следы, уничтожил все документы, которые могли бы помочь мне определить его местопребывание, и развеялся, словно дым.

— Как он попал в вашу школу?

— Не знаю.

— Может, он какой-нибудь жулик? — предположил Джо.

— Гений бандитизма? — недоверчиво усмехнулся Герод. — Супермен? Десятилетний Мориарти?

— Что ж, возможно, что он гениальный вор, — проговорил обреченный, — хотя не следует придавать слишком большое значение его побегу. Обычная реакция застигнутого врасплох ребенка. В таких случаях они или хотят, «чтобы ничего этого не случилось», или мечтают перенестись куда-нибудь за миллион

миль. Однако если Стюарт Бьюкенен даже и в самом деле находится сейчас за миллион миль, мы все равно должны его найти.

— Чтобы узнать, способный он или нет? — спросил Джо.

— Нет, чтобы разыскать его друзей. Да неужели вам до сих пор не ясно? Ведь за обладание рассеивающим лучом наше командование никаких денег не пожалеет. А скажите на милость, возможно ли переоценить значение преобразователя материи? А как мы стали бы богаты, умей мы создавать живых роботов! И как могущественны стали бы мы, если бы овладели секретом телетранспортировки!

Наступила томительная пауза, затем Герод встал.

— Мистер Варбек, — сказал он. — Мы с Джо сопляки против вас. Спасибо вам, что берете нас в долю. Мы в долгу не останемся. Мы найдет парнишку.

Никто не может исчезнуть бесследно — даже предполагаемый гениальный преступник. Однако напасть на след порою очень не легко — даже специалисту по расследованию внезапных исчезновений. Существуют, впрочем, профессиональный приемы, о которых не подозревают дилетанты.

— Ну, кто так делает? — деликатно выговаривал Герод обреченному. — Зачем вам было обходить всех Бьюкененов? Бежать вдогонку за беглецом — это не метод. В таких случаях лучше поглядеть, не оставил ли он каких следов.

— Гений не может делать промахов.

— Допустим даже, что ваш парнишка гений. Неустановленного профиля. Все что угодно. Но ведь ребенок всегда остается ребенком. Уж что-нибудь да забудет. А мы это обнаружим.

В течение трех дней Варбек познакомился с удивительнейшими методами слежки. Сперва они навели справку в почтовом отделении района по поводу семьи Бьюкенен, проживавшей прежде в этой местности. Оставлена ли карточка с их новым адресом? Нет, карточка оставлена не была.

Затем они посетили избирательную комиссию. Каждый избиратель в городе прикреплен к какому-нибудь участку, и переезд его в другой район, как пра-

вило, должен быть зарегистрирован. Однако перемена места жительства семьею Бьюкенен в избирательной комиссии зарегистрирована не была.

Побывали они и в конторах газовой и электрической компаний. Клиенты этих компаний обязаны сообщать о перемене адреса. А в тех случаях, когда они покидают город, они обычно требуют вернуть им залог. Зарегистрирована ли подобная просьба клиентов по фамилии Бьюкенен? Нет, не зарегистрирована.

Существует закон, который обязывает всех водителей в случае переезда на новое место жительства уведомлять об этом Бюро Автотранспорта. Нарушение этого закона карается штрафом, тюремным заключением и еще более строгими мерами наказания. Получено ли такое уведомление от семейства Бьюкенен? Нет, не получено.

Они делали запрос и в корпорации недвижимости (владельцы многоквартирного здания на Вашингтон-Хайтс), в которой жильцы по фамилии Бьюкенен арендовали четырехкомнатную квартиру. Как и большинство подобных объединений, корпорация требовала от своих съемщиков, чтобы в договор об аренде были занесены фамилии и адреса двух поручителей. Можно ли узнать, кто поручался за квартиросъемщиков Бьюкенен? Нет, их арендный договор не сохранился в архиве.

— Возможно, Джо был прав, — жалобно говорил Варбек, сидя в конторе Герода, — мальчик, очевидно, и в самом деле гениальный преступник. Как смог он все предусмотреть? Каким образом добрался до каждой бумажки и уничтожил их? Как он действовал? Подкупом? Шантажом? Воровством?

— Узнаем, когда он попадет к нам в руки, — угрюмо ответил Герод. — Ну, а пока... Пока что он обставил нас по всем статьям. Чисто сработал. Но одну штучку я все же приберег про запас. Давайте сходим к управляющему домом.

— Я уже был у него, — возразил Варбек. — Он смутно помнит, что такая семья жила в доме, и ничего больше. Куда они переехали, он не знает.

— Он знает кое-что другое, до чего мальчишка, может быть, и не додумался. Давайте-ка выясним это.

Они подъехали к дому на Вашингтон-Хайтс и на-грянули к мистеру Джекобу Рюсдейлу, который обе-дал в своей полуподвалной квартире. Мистеру Рюс-дейлу очень не понравилось, что его отвлекают от пе-ченки под луковым соусом, но пять долларов оказа-лись веским аргументом.

— Мы насчет семьи Бьюкенен, — начал Герод.

— Я ведь уже все рассказал ему, — перебил его Рюсдейл, указывая на Варбека.

— Так-то оно так. Но он забыл спросить у вас од-ну вещь. Можно мне спросить ее сейчас?

Рюсдейл возвился на пятидолларовую бумажку и кивнул головой.

— Дело в том, что когда жильцы въезжают в дом или покидают его, управляющий домом обычно запи-сывает название грузовой компании, которая осуще-ствляет перевозку. Делается это для того, чтобы мож-но было подать жалобу, в случае если помещение буд-дет попорчено во время перевозки имущества. Я адв-окат и сталкивался с подобными вещами. Верно я говорю?

Рюсдейл подошел к заваленной бумагами полке, вытащил растрепанный журнал и, с шумом раскрыв его, принялся перелистывать страницы своими влаж-ными пальцами.

— Ну вот, — сказал он. — Грузовая компания Эвон. Грузовик № Г-4.

Никаких записей о переезде семьи Бьюкенен с квартиры на Вашингтон-Хайтс грузовая компания Эвон не сохранила.

— Мальчишка позаботился и об этом, — буркнул Герод.

Зато известны были имена рабочих, обслуживаю-щих в день переезда грузовик № Г-4. И когда после окончания работы они зашли в контору, Герод подроб-но расспросил их о поездке. Они припоминали ее смутно. Помнили только, что на перевоз вещей с Ва-шингтон-Хайтс ушел весь день, так как ехать при-шлось к черту на рога, куда-то в Бруклин.

— Бог ты мой! В Бруклин! — пробормотал Герод. — А куда именно в Бруклин?

Где-то на Мэпл-парк-роу. Номер? Номер они не помнят.

— Купите карту, Джо.

Они обследовали карту Бруклина и разыскали на ней Мэпл-парк-роу. Она и в самом деле была у черта на рогах, на самых задворках цивилизации, и занимала двенадцать кварталов.

— Бруклинские кварталы, — хмыкнул Джо. — В два раза длиннее любых других. Уж я-то знаю.

Герод пожал плечами.

— Мы почти у цели. Все, что нам остается, это поработать ногами. По четыре квартала на брата. Надо обойти каждый дом, каждую квартиру. Составить список всех мальчишек этого возраста. И если окажется, что он живет под вымышленным именем, Варбеку придется проверить весь список.

— Да ведь в Бруклине на каждый квадратный дюйм приходится по миллиону мальчишек, — возразил Джо.

— А нам с тобой придется по миллиону долларов на каждый потраченный день, если мы его разыщем. А ну пошли!

Мэпл-парк-роу — длинная извилистая улица, на которой громоздятся детские коляски и старушки, восседающие на складных стульях. А на обочинах тротуаров громоздятся автомашины. А в сточной канаве громоздятся кучи известки, имеющие форму продолговатых бриллиантов, и детвора играет там по целям дням. И в каждой щелке кто-нибудь да живет.

— Совсем как в Бронксе, — заметил Джо, внезапно ощущив приступ тоски по дому. — Я уже десять лет, как не был у себя в Бронксе.

Он уныло побрел к своему сектору, с бессознательной ловкостью прирожденного горожанина проходяая себе путь среди играющих мальчишек. Эта картина так и осталась в памяти у Варбека, ибо Джо не суждено было вернуться.

В первый день они с Геродом решили, что Джо напал на след. Они воспрянули духом. Однако на второй день они поняли, что каким бы горячим ни был этот след, он все же не мог подогревать энтузиазм Джо в течение сорока восьми часов. Тогда они приуныли. На

третий день уже невозможно было скрывать от себя истину.

— Он мертв, — уныло сказал Герод. — Мальчишка отделался от него.

— Но каким образом?

— Просто убил.

— Десятилетний мальчуган? Ребенок?

— Вам хотелось узнать, в чем гениальность Стюарта Бьюкенена? Вот я и говорю вам, в чем его гениальность.

— Не верю.

— А куда девался Джо?

— Сбежал.

— Он и за миллион долларов не сбежит.

— В таком случае где труп?

— Спросите мальчишку. Он ведь гений. Небось изобрел такие штучки, которые и Дика Треси поставили бы в тупик.

— Но как он его убил?

— Спросите мальчишку. Он же гений.

— Герод, я боюсь.

— Я тоже. Хотите выйти из игры?

— Это уже невозможно. Если мальчик опасен, мы обязаны его найти.

— Гражданский долг, так, что ли?

— Называйте как хотите.

— Ну что ж, а я по-прежнему подумываю о деньгах.

И они вернулись на Мэпл-парк-роу, в четырехквартальный сектор Джо Давенпорта.

Передвигаясь осторожно, чуть ли не крадучись, они разошлись в разные концы сектора и принялись обходить дом за домом, постепенно приближаясь к середине. Этаж за этажом, квартира за квартирой, до самой крыши, затем вниз и в следующий дом. Это была медленная, кропотливая работа. Изредка они попадались на глаза друг другу, когда переходили из одного угрюмого здания в другое. Вот еще раз в дальнем конце улицы смутно промелькнула фигура Уолтера Герода, и больше Варбек его уже не видел.

Сидя в машине, он ждал. Его била дрожь.

— Я пойду в полицию. — шептал он, отлично зная, что никуда не пойдет. — У мальчика есть оружие. Он изобрел нечто столь же дурацкое, как то, что выдумали его друзья. Какой-то особенный луч, который позволяет ему по ночам играть в мраморные шарики, но заодно может уничтожать людей. Шашечная машина, обладающая гипнотической силой. Целая шайка роботов, которых он создал, чтобы играть в полицейских и разбойников, а теперь напустил на Герода и Джо. Десятилетний гений. Безжалостный. Опасный. Что же мне делать? Что мне делать?

Обреченный вышел из машины и побрел по направлению к тому кварталу, где в последний раз видел Герода.

— А что же будет, когда Стюарт Бьюкенен станет взрослым? — спрашивал он себя. — Что будет, когда они все повырастают? Томми, и Джордж, и Анна Мария, и ленивая Этель?.. Зачем я здесь? Почему не бегу отсюда?

На Мэпл-парк-роу спустились сумерки. Старушки сложили шезлонги и удалились с ними, как кочевники. Остались лишь машины, стоящие у тротуаров. Игры в сточной канаве прекратились, но под слепящими уличными фонарями затевались другие. Там появились пробки от бутылок, карты, стершиеся от частого употребления монеты. Багровый туман над городом начал темнеть, и сквозь него сверкала над самым горизонтом яркая искорка Венеры.

— Он, конечно, знает свою силу, — яростно шептал Варбек. — Он знает, как опасен. Поэтому он и сбежал, что совесть нечиста. И поэтому он уничтожает нас сейчас друг за другом, усмехаясь про себя, коварное и злобное дитя, гений убийства...

Варбек стал посредине мостовой.

— Бьюкенен! — крикнул он. — Стюарт Бьюкенен!

Игравшие неподалеку мальчики прекратили игру и уставились на него.

— Стюарт Бьюкенен! — истерически взвизгнул Варбек. — Ты слышишь меня?

Его неистовые крики разносились далеко по улице. Вот приостановились еще несколько игр.

— Бьюкенен! — неистовствовал Варбек. — Стюарт Бьюкенен! Выходи! Я все равно тебя найду.

Мир замер.

В туличке между домами 217 и 219 по Мэпл-парк-роу Стюарт Бьюкенен, который спрятался за мусорными баками, вдруг услышал свое имя и пригнулся еще ниже. Ему было десять лет, он носил свитер, джинсы и тапки. Он решил, он твердо решил «не даваться им» на этот раз. Он решил прятаться до тех пор, пока не сможет благополучно прошмыгнуть домой. И, уютно расположившись среди мусорных бачков, он вдруг заметил Венеру, мерцавшую у западного горизонта.

— Звездочка светлая, звездочка ранняя, — зашептал он, не ведая, что творит. — Сделай, чтобы сбылись мои желания. Звездочка яркая, первая зоренька, пусть все исполнится скоренько, скоренько. — Он помолчал и подумал. Потом попросил: — Благослови, господи, маму и папу, и меня, и всех моих друзей, и пусть я стану хорошим мальчиком, и пусть я всегда буду счастлив, и пускай все, кто ко мне пристает, уверутся куда-нибудь... далеко-далеко... и навсегда оставят меня в покое.

Марион Перкин Варбек, стоявший посредине мостовой на Мэпл-парк-роу, набрал полную грудь воздуха, чтобы издать еще один истерический вопль. И вдруг он очутился совсем в другом месте, где-то очень далеко, и шагал по дороге, по белой прямой дороге, которая рассекала тьму и вела все вперед и вперед. Унылая, пустынная, бесконечная дорога, уходившая все дальше и дальше в вечность.

Ошеломленный окружавшей его бесконечностью, Варбек, как заведенный, тащился по дороге, не в силах заговорить, не в силах остановиться, не в силах думать. Он все шагал и шагал, совершая свой дальний путь, и не мог повернуть назад. Впереди виднелись какие-то крохотные силуэты, пленники дороги, ведущей в вечность. Вон то маленькое пятнышко, наверное, Герод. А крапинка еще дальше впереди — Джо Давенпорт. А перед ним протянулась все уменьшающаяся цепочка чуть видных точек. Один раз судорожным усилием ему удалось обернуться. Сзади смутно вид-

нелась бредущая по дороге фигура, а за ней внезапно возникла еще одна... и еще одна... и еще...

А в это время Стюарт Бьюкенен настороженно ждал, притаившись за мусорными бачками. Он не знал, что уже избавился от Варбека. Он не знал, что избавился от Герода, Джо Давенпорта и от десятков других. Не знал он и того, что заставил своих родителей бежать с квартиры на Вашингтон-Хайтс, не знал, что уничтожил договоры, документы, воспоминания и множество людей в своем невинном стремлении быть оставленным в покое. Он не знал, что он — гений.

Гений желания.

ВРЕМЯ — ПРЕДАТЕЛЬ

Прошлого не вернуть, как не остановить время, и счастливые концовки всегда имеют горький привкус.

Жил-был человек по имени Джон Стрэпп. Самый влиятельный, самый легендарный человек из семнадцати сотен миллиардов людей на семи сотнях планет. И ценили его лишь за одно качество — он мог принимать Решения. Отметьте заглавное «Р». Он был способен принимать Основные Решения в ситуациях невообразимой сложности, и его Решения были на восемьдесят семь процентов верны. Их покупали за огромные деньги.

Существовала корпорация, ну, скажем, «Бракстон», с заводами на Альфе Денеба, Мизаре-3, Земле и с главной конторой на Алькоре-4. Годовой доход корпорации равнялся двумстам семидесяти миллиардам кредиток. Торговыми и промышленными операциями руководили сотни управленцев, каждый — узкий специалист в крошечном кусочке громадной картины. Никто не мог охватить ее целиком.

TIME IS THE TRAITOR, 1953.

Перевод В. Баканова.

«Бракстону» требовалось принять Основное Решение. Один исследователь, некий Э. Т. А. Голанд, трудясь в денебских лабораториях, открыл новый катализатор биосинтеза: эмбриологический гармон, превращавший ядра молекул в податливую массу, из которой можно лепить все что угодно. Вопрос: следует ли сохранить старую технологию или взять на вооружение новые методы? Решение должно учитывать несметное количество взаимосвязанных факторов: цены, трудозатраты, снабжение, спрос, патенты, переобучение персонала и т. д. Ответ был только один: узнать у Стрэппа.

Переговоры быстро завершились. Менеджеры Стрэппа потребовали сто тысяч кредиток и один процент акций корпорации «Бракстон». Хотите — соглашайтесь, хотите — нет. Корпорация с радостью согласилась.

Следующий шаг оказался более сложным. Спрос на Джона Стрэппа был крайне велик. Все его Решения — по два в неделю — были расписаны заранее до конца года. Мог ли «Бракстон» ждать так долго? Нет, не мог. «Бракстон» подкупал, молил, шантажировал и наконец договорился. Джон Стрэпп прибудет на Алькор в понедельник, 29 июня, ровно в полдень.

Тут начинается тайна. В девять утра упомянутого понедельника в кабинет Старого Бракстона вошел Элдоу Фишер — очень энергичный представитель Стрэппа. После их короткой беседы по заводскому радио было передано следующее сообщение: «Внимание! Внимание! Всем мужчинам, носящим фамилию Крюгер, немедленно явиться в управление. Повторяю. Всем мужчинам...»

Сорок семь Крюгеров явились в управление и были отосланы домой со строжайшим приказом оставаться там до особого уведомления. Под руководством Фишера заводская полиция предприняла срочную проверку всех работников, до которых была в состоянии добраться. Ни одного Крюгера не должно оставаться на заводе!.. Но невозможно перебрать три тысячи человек за три часа. Фишер шипел и дымился, как азотная кислота.

К одиннадцати тридцати вся корпорация дрожала, будто в лихорадке. Зачем отправляют домой Крюгеров? Какая тут связь с легендарным Джоном Стрэппом? Что он за человек? Как выглядит? Стрэпп зарабатывает десять миллионов в год. Ему принадлежит один процент всего мира. В глазах работников корпорации он так близко стоял к Богу, что все ожидали увидеть ангелов с золотыми трубами и великолепное бородатое создание, преисполненное мудрости и доброты.

В одиннадцать сорок прибыли личные телохранители Стрэппа — десять мужчин в штатском, мгновенно, с ледяной четкостью проверившие все входы и выходы. Слышались короткие приказы: убрать, запереть, переставить. Все было немедленно исполнено. С Джоном Стрэппом не спорят. Охрана заняла свои места и стала ждать. Корпорация «Бракстон» затаила дыхание.

Наступил полдень, и в небе появилась серебряная мушка. Она приблизилась с пронзительным свистом и опустилась прямо у главных ворот. Люк корабля распахнулся. В проходе возникли двое плотных мужчин — глаза настороже. Начальник охраны подал знак. Из корабля вышли две секретарши — брюнетка и рыжеволосая, — стройные, холодные, деловитые. За ними последовал худой клерк средних лет в роговых очках, его карманы раздулись от бумаг. А потом вышло великолепное создание — высокое, представительное, гладко выбритое, но преисполненное мудрости и доброты.

Плотные мужчины сомкнулись сзади, и процесия прошествовала через главный вход. Корпорация «Бракстон» облегченно вздохнула. Джон Стрэпп никого не разочаровал. Какое счастье, что один процент тебя принадлежит такому человеку!

Посетители прошли в кабинет Старого Бракстона. Бракстон ждал их, восседая за своим столом. Теперь он вскочил и бросился навстречу прибывшим. Он возбужденно сжал руку великолепному созданию и восхликал:

— Мистер Стрэпп, сэр, от имени всех сотрудников корпорации я приветствую вас!

Клерк закрыл дверь и сказал:

— Стрэпп — это я. — Он кивнул великолепному созданию, и оно тихонько уселось в уголок. — Где данные?

Старый Бракстон указал на стол. Стрэпп сел, схватил толстые папки и принялся читать. Худой. Средних лет. Прямые черные волосы. Голубые глаза. Нормальный рот. Нормальные кости под кожей. Полное отсутствие смущения. Но когда он говорил, в его голосе слышалась какая-то затаенная истерия, что-то недоброе и отчаянное глубоко внутри.

После двух часов напряженного чтения и коротких реплик, брошенным секретаршам, Стрэпп произнес:

- Я желаю увидеть завод.
- Зачем? — спросил Бракстон.
- Чтобы почувствовать его, — ответил Стрэпп. —

Для принятия Решения важны нюансы.

Они покинули кабинет, и начался парад: секретарши, охрана, «клерк», энергичный Фишер и великолепная декорация. Они прошли повсюду. Они видели все. «Клерк» делал грязную работу для «Стрэппа». Он беседовал с рабочими и техниками. Он знакомился и заводил разговоры о семье, планах, условиях труда. Он копался, выискивал и принюхивался.

Через четыре часа изнурительной работы они вернулись в кабинет Бракстона. «Клерк» закрыл дверь. Декорация отступила в сторону.

- Ну? — спросил Бракстон. — Да или Нет?
- Подождите.

Стрэпп взглянул на пометки секретарш, закрыл глаза и замер посреди комнаты, как человек, прислушивающийся к далекому шепоту.

— Да, — Решил он и стал богаче на сто тысяч кредиток и один процент акций корпорации «Бракстон». А Бракстон взамен получил восьмидесятисемипроцентную уверенность в правильности решения.

Стрэпп отворил дверь, и процессия двинулась к выходу. Служащие использовали последний шанс лицезреть великого человека. «Клерк» улыбался и шутил. Шум голосов и смех усиливалось по мере приближения к кораблю.

Затем случилось невероятное.

— Ты! — внезапно закричал «клерк». — Подлец! Гнусный убийца! Я ждал этого. Я ждал десять лет!

Он выхватил из внутреннего кармана пистолет и выстрелил в лоб стоявшему рядом человеку.

Время остановилось. Потребовались часы, чтобы мозги и кровь выплеснулись из черепа и тело упало.

Тут начала действовать команда Стрэппа. Его втолкнули в корабль. За ним поспешили секретарши и декорация. Двое плотных мужчин впрыгнули последними и захлопнули люк. Корабль взмыл и растворился в небе с затихающим свистом. Охрана в штатском тихо исчезла. Лишь Фишер, агент Стрэппа, остался рядом с убитым посреди пораженной толпы.

— Кто он? — прорычал Фишер.

Кто-то достал бумажник покойного и раскрыл.

— Вильям Б. Крюгер, биомеханик.

— Идиот! — яростно произнес Фишер. — Мы предупреждали его. Мы предупреждали всех Крюгеров!.. Ну, хорошо. Вызывайте полицию.

Это было шестое убийство на счету Джона Стрэппа. Оно обошлось ровно в пятьсот тысяч кредиток. Как и пять предыдущих. Половина суммы обычно шла безумцу, согласному выступить в роли преступника и разыграть временное помешательство. Другая половина шла наследникам усопшего.

Штат Стрэппа мрачно совещался.

— Шестеро за шесть лет, — горько произнес Элдоу Фишер. — Мы не можем долго держать это втайне. Рано или поздно кто-нибудь заинтересуется, почему Джон Стрэпп всегда нанимает сумасшедших клерков.

— Уладим, — сказала рыжеволосая секретарша. — Стрэпп может себе это позволить.

— Он может позволить себе одно убийство в месяц, — пробормотала великолепная декорация.

— Нет. — Фишер резко качнул головой. — Нельзя тянуть до бесконечности. Мы достигли критической точки.

— Но что с ним творится? — спросил один из плотных мужчин.

— Кто знает? — в отчаянии воскликнул Фишер. — У него крюгерофобия. Он встречает мужчину по фамилии Крюгер. Он кричит. Он ругается. Он убивает. И не спрашивайте, почему. Что-то скрыто в его прошлом.

— Вы не пытались выведать у него причину?

— Невозможно. Это как приступ болезни. Он и не подозревает о случившемся.

— Сводите его к психоаналитику, — предложила декорация.

— Исключено.

— Почему?

— Вы новенький. Вы не понимаете.

— Объясните.

— Я приведу аналогию. Скажем, в XIX веке люди играли в карточные игры с 52 картами в колоде. Особых трудностей не возникало. Сегодня все неизмеримо сложнее. Мы играем колодой из 52 сотен карт. Вы поняли?

— Продолжайте.

— За 52 картами легко уследить. При таком количестве информации решения принимать можно. Но никто не в состоянии охватить 52 сотни карт — никто, кроме Стрэппа.

— У нас есть компьютеры.

— Они хороши, если иметь дело только с картами. Но когда надо принимать во внимание и 52 сотни игроков, их вкусы, привязанности и прочее — то, что Стрэпп называет нюансами, — любая машина беспомощна. Стрэпп уникален.

— Почему?

— Это происходит у него подсознательно. Он не знает, как все получается. Возможно, процесс принятия решения как-то связан с ненормальностью, заставляющей убивать Крюгеров. Избавившись от одного, мы уничтожим другое. Рисковать нельзя.

— Мне кажется, ему нужен друг, — сказала брюнетка.

— Зачем?

— Мы сможем узнать, что его беспокоит, без помощи психоаналитика. Люди делятся со своими друзьями.

— Его друзья — мы.
— Нет, мы его партнеры.
— Он делился с вами?
— Нет.
— С вами? — выстрелил Фишер в рыжеволосую. Та покачала головой.
— По-моему, он постоянно что-то ищет.
— Что?
— Женщину, мне кажется. Особенную женщину.
— Женщину по фамилии Крюгер?
— Не знаю.
— Черт побери, в этом нет никакого смысла! —

Фишер на миг задумался. — Ладно. Мы найдем ему друга и сделаем график менее напряженным, чтобы у него оставалось время поговорить. Отныне мы урезаем программу до одного Решения в неделю.

— Господи! — выдохнула брюнетка. — Пять миллионов в год!

— Это необходимо, — мрачно сказал Фишер. — Либо урезать сейчас, либо все потерять позже.

— А где взять друга? — спросила великолепная декорация.

— Я сказал — найдем. Самого лучшего. Свяжитесь с Землей. Попросите установить, где находится Фрэнк Альчесте, и срочно его вызовите.

— Фрэнки! — мечтательно воскликнула рыжеволосая.

— О-о! Фрэнки! — отозвалась брюнетка.

— Вы имеете в виду Несокрушимого Фрэнка Альчесте? Чемпиона в тяжелом весе? — изумленно спросил плотный мужчина. — Я видел его бой с Лонзо Джорданом. Это настоящий герой!

— Сейчас он актер, — сообщила декорация. — Я однажды с ним работал. Он поет, он танцует, он...

— Он неотразим, — перебил Фишер. — Мы его найдем. Подготовьте контракт. Он станет другом Стрэппа. Как только Стрэпп его встретит...

— Кого встретит? — Зевая и потягиваясь, на пороге своей спальни появился Стрэпп. Он всегда крепко спал после очередного приступа. — Кого это я встречу?

Он огляделся — худой, стройный, но, несомненно, одержимый.

— Человека по имени Фрэнк Альчесте, — сказал Фишер. — Он давно просит его представить.

— Фрэнк Альчесте?.. — пробормотал Стрэпп. — Никогда о таком не слышал.

Стрэпп мог принимать Решения; Альчесте умел сходиться с людьми. Это был сильный мужчина в расцвете лет, светловолосый, с веснушчатым лицом, глубоко посаженными серыми глазами, с высоким и мягким голосом. Он двигался с ленивой легкостью атлета, с почти женской грацией и очаровывал людей, не замечая и даже не желая этого. Он очаровал Стрэппа, но и Стрэпп очаровал его. Они стали друзьями.

— Нет, мы действительно друзья, — сказал Альчесте Фишеру, возвращая чек. — Денег у меня хватает, а Джонни я нужен. Забудьте, что когда-то наняли меня. Порвите контракт. Я сам постараюсь помочь Джонни.

Альчесте повернулся к выходу из роскошных апартаментов ригелианского отеля «Сплендида» и прошел мимо большеглазых секретарш.

— Если бы я не был так занят, — пробормотал он, — с удовольствием поухаживал бы за вами.

— За мной, Фрэнки! — выпалила брюнетка.

Рыжеволосая едва не лишилась чувств.

Штат Стрэппа медленно курсировал из города в город и от планеты к планете, принимая одно Решение в неделю. Альчесте и Стрэпп наслаждались обществом друг друга, а великолепная декорация давала интервью и позировала фотографам. Случались перерывы, когда Фрэнку нужно было вернуться на Землю и сняться в фильме, но все остальное время они играли в гольф и теннис, ставили на лошадей и собак, ходили на приемы и кулачные бои. Посещали они иочные увеселительные заведения, и однажды Альчесте сообщил поразительную новость.

— Не знаю уж, как вы следите за Джонни, — сказал он Фишеру, — но если вы думаете, что по ночам он спит, то сильно ошибаетесь.

— То есть? — поразился Фишер.

— Он разгуливает по городу.

— Откуда вы знаете?

— По его репутации, — печально произнес Альчесте. — Стрэпп известен повсюду, в каждом бистро от Денеба до Ориона. И с самой плохой стороны.

— Известен по имени?!

— По прозвищу. Его зовут Опустошитель.

— Опустошитель?!

— Угу. Он набрасывается на женщин, как лесной пожар. Вы не знали этого?

Фишер покачал головой.

— Видимо, расплачивается из собственного кармана, — проговорил Альчесте и удалился.

Что-то ненормальное, дикое было в том, как Стрэпп обращался с женщинами. Он входил с Альчесте в клуб, садился, пил. Затем вставал и холодно осматривал помещение, столик за столиком, женщину за женщиной. Иногда мужчины злились и лезли в драку. Стрэпп расправлялся с ними хладнокровно и жестоко, вызывая профессиональное восхищение Альчесте. Фрэнки никогда не дрался: ни один профессионал не тронет любителя. Он стремился сохранить мир, но если это не удавалось, следил, чтобы война не затягивалась.

Оглядев всех посетительниц, Стрэпп усаживался и спокойно ждал представления, расслабленный, смеющийся. С появлением на эстраде девушек им вновь овладевала темная сила, и он изучал шеренгу пристально и бесстрастно. Очень редко находилась девушка, привлекающая его внимание, всегда одного и того же типа: со смоляными волосами, черными глазами и чистой шелковистой кожей. Тогда начиналось безумие.

После представления Стрэпп отправлялся за сцену. Подкупом, уговорами, силой прокладывал путь в раздевалку, возникал перед ошеломленной девушкой, молча осматривал ее, потом просил что-нибудь сказать. Он прислушивался к звучанию голоса и вдруг тигром кидался на нее. Иногда следовали крики, иногда тихое сопротивление, иногда согласие. И ни разу Стрэпп не был удовлетворен. Он грубо отбрасывал де-

вушку, платил, как джентльмен, и так следовал из бара в бар вплоть до утра.

Если внимание Стрэппа привлекала посетительница, он немедленно избавлялся от ее компании или, если это не удавалось, провожал домой и там начинал атаку. И опять бросал девушку, щедро расплачиваясь и устремлялся дальше, куда гнала его страсть.

— Послушайте, я был рядом, и меня это напугало, — признавался Альчесте Фишеру. — Никогда не видел такого торопливого мужчину... Да большинство женщин согласились бы, сбавь он чуть-чуть темп! Но он не может. Он одержим.

— Чем?

— Не знаю. Как будто время играет против него, и он старается успеть.

Когда Стрэпп и Альчесте сошлись ближе, Стрэпп позволил другу сопровождать себя в дневных похождениях, оказавшихся еще более неожиданными. В каждом городе Стрэпп посещал справочное бюро, подкупал клерка и вручал листок:

Рост	168
Вес	55
Волосы	черные
Глаза	черные
Бюст	86
Талия	66
Бедра	90

— Мне нужны имена и адреса всех девушек старше двадцати одного года, подходящих под это описание, — говорил Стрэпп. — Я буду платить десять кредиток за штуку.

Через сутки приходил список, и начиналось дикое, ни с чем не сравнимое преследование. От нескончаемого потока высоких, черноволосых, черноглазых, стройных девушек у Альчесте кружилась голова.

— У него идея-фикс, — сказал он Фишеру в отеле «Сплендида» на Альфе Лебедя. — Он ищет вполне определенную девушку и никак не может найти.

- Девушку по фамилии Крюгер?
- Не уверен, что здесь замешано дело Крюгеров.
- Его трудно удовлетворить?

— Как вам сказать... На некоторых девушек — умопомрачительной красоты, с моей точки зрения, — он и не смотрит. Другие — страшнее войны, а он набрасывается на них, как ураган... По-моему, это что-то вроде испытания. Он хочет заставить девушку реагировать мгновенно и естественно. У нашего Опустошителя не страсть. Это хладнокровный трюк.

- Кого же он ищет?

— Пока не знаю, — ответил Альчесте. — Однако скоро все прояснится. Придется пойти на риск, но Джонни стоит того.

Это произошло, когда Стрэпп и Альчесте отправились смотреть обезьяний бой. Оба решили, что такое омерзительное зрелище — не лучший из плодов цивилизации, и с отвращением удалились. В пустом коридоре им повстречался какой-то сморщеный человечек. По сигналу Альчесте он бросился к ним, как пес на дичь.

— Фрэнки! — вскричал человечек. — Дружище! Ты помнишь меня? Я — Блупер Дэвис. Мы же росли вместе! Неужели ты забыл Блупера Дэвиса?!

— Блупер! — Альчесте просиял. — Конечно! Только тогда ты был Блупер Давыдофф.

Человечек засмеялся:

- Но и ты был тогда Крюгером.

— Крюгер! — вскричал Стрэпп высоким голосом.

— Да, — сказал Фрэнки. — Крюгер. Я сменил фамилию, когда начал выступать.

Он резко кивнул сморщенному человечку, тот попятился и исчез.

— Подлец! — закричал Стрэпп. Его лицо побелело и перекосилось. — Ненавистный гнусный убийца! Я ждал этого. Я ждал этого десять лет!

Он выхватил из внутреннего кармана пистолет и выстрелил. Альчесте вовремя отступил, и пуля ударила в стену. Стрэпп выстрелил снова, и пламя обожгло щеку Альчесте. Фрэнки перехватил руку Стрэппа, пи-

столет выпал. Стрэпп задыхался. Его глаза закатились. Издалека доносился дикий рев толпы.

— Хорошо, я Крюгер, — прохрипел Альчесте. — Моя фамилия Крюгер, мистер Стрэпп. Ну и что?

— Сволочь! — завизжал Стрэпп. — Убийца! Убийца! Я вышибу из тебя дух!

— Почему? При чем тут Крюгер?

Напрягая все силы, Альчесте подтащил Стрэппа к стене и втолкнул в неглубокую нишу, закрыв своим большим телом. И прежде чем Стрэпп потерял сознание, Френки узнал всю историю, поведанную в исторических всхлипываниях.

Уложив Стрэппа в постель, Альчесте отправился в индиановский «Сплендиid».

— Джонни любил девушку по имени Сима Морган, — начал он. — Она любила его. Они собирались пожениться. Симу Морган убил человек по фамилии Крюгер.

— Крюгер! Так вот в чем дело... Почему?

— Крюгер — отпрыск богатых родителей. Его лишили прав за неоднократное вождение в пьяном виде, но это его не остановило. Однажды он врезался на своем самолетике в верхний этаж школы и убил тридцать детей и учительницу... Это было на Земле, в Берлине. Его не поймали. Он до сих пор летает с планеты на планету, живя на деньги, высыпаемые семьей. Полиция не может его схватить.

После долгой паузы Фишер спросил:

— Давно это было?

— Насколько я понял, десять лет и восемь месяцев назад.

Фишер вспоминал.

— А десять лет и три месяца назад Стрэпп впервые проявил способность принимать Решения. До тех пор он был никем. Произошла трагедия, с ней пришли истерия и талант. Не говорите мне, что одно не породило другое.

— Я не спорю.

— И вот он убивает Крюгеров, — холодно подытожил Фишер. — Правильно. У него идея-фикс — отомстить. Но при чем тут девушки?

Альчесте печально улыбнулся.

— Вы никогда не слышали выражения «одна из миллиона»?

— Ну и что?

— Если ваша девушка — одна из миллиона, значит, в городе с десятимиллионным населением должно быть еще девять таких.

— Не обязательно.

— Верно, не обязательно. Однако шанс есть — и это все, что нужно Джонни. Он надеется найти копию Симы Морган.

— Нелепо!

— Но это единственное, что заставляет его жить, — безумная вера в то, что рано или поздно он попадет туда, откуда сорвала его смерть невесты десять лет назад.

— Чушь!

— Не для Джонни. Он все еще любит.

— Невозможно.

— Если бы вы могли понять... — грустно произнес Альчесте. — Он ищет... ищет. Он встречает девушку за девушкой. Надеется, заговаривает, испытывает. Копия Симы должна повести себя так, как Сима, какой она была, а вернее, какой он помнит ее. «Сима?» — спрашивает себя Джонни. «Нет», — отвечает он и уходит. Мне очень больно за него. Мы обязаны ему помочь.

— Ни в коем случае, — отрезал Фишер.

— Мы должны помочь ему найти свою Симу. Мы должны заставить Джонни поверить, что это его девушка. Помочь ему снова полюбить.

— Ни в коем случае, — повторил Фишер.

— Почему?!

— Потому что, найдя свою девушку, он излечится. Исчезнет великий Джон Стрэпп, принимающий Решения. Он вновь превратиться в ничтожество — в простого влюбленного.

— Вы думаете, ему хочется быть великим? Ему хочется быть счастливым.

— Все хотят быть счастливыми, — прорычал Фишер. — Одного желания мало. Стрэппу живется не хуже любого другого; но он гораздо богаче. Мы будем поддерживать статус quo.

— Вы хотите сказать, вы гораздо богаче?

— Мы будем поддерживать статус quo, — отчеканил Фишер. Его глаза холодно изучали Альчесте. — Я думаю, контракт мы расторгнем. Ваши услуги больше не требуются.

— Мы расторгли контракт, когда я вернул чек. Сейчас вы разговариваете с другом Джонни.

— Мне очень жаль, мистер Альчесте, но у Стрэппа впредь не будет времени на друзей. Я дам вам знать, когда он освободится в следующем году.

— Вы ничего не добьетесь. Я буду встречаться с Джонни, когда и где пожелаю.

— Хотите, чтобы он оставался вашим другом? — Фишер неприятно улыбнулся. — Тогда извольте встречаться с ним, когда и где пожелаю я. Иначе Стрэппу попадется на глаза наш контракт. Я вовсе не порвал его — я вообще ничего не выбрасываю. Как вы думаете, долго ли после этого Стрэпп будет верить в вашу дружбу?

Альчесте сжал кулаки, Фишер задержал дыхание. На миг их взгляды встретились. Затем Альчесте отвернулся.

— Бедный Джонни, — пробормотал он. — Я прощаюсь с ним. Известите меня, когда, наконец, вы позволите нам встретиться.

Он прошел в спальню, где Стрэпп только что очнулся от припадка, как всегда ничего не помня. Альчесте присел на край постели.

— Привет, старина Джонни.

— Привет, Фрэнки. — Стрэпп улыбнулся. — Что случилось после обезьяньих боев? Я был слегка под градусом.

— Ха, да ты просто набрался! — Альчесте хлопнул Стрэппа по плечу. — Старина, мне надо вернуться к работе. Ты же знаешь, у меня контракт — три фильма в год. Я вылетаю сегодня.

— Слушай, пошли ты к черту эти съемки. Становись моим партнером. Я велю Фишеру подготовить соглашение.

— Может быть, позже, Джонни. Сейчас я связан контрактом. Держи нос кверху, скоро увидимся!

— Держу, — тоскливо отозвался Стрэпп.

За порогом спальни, как сторожевой пес, ждал Фишер. Альчесте с отвращением посмотрел на него.

— В спорте я твердо усвоил одно правило, — медленно произнес он. — Все определяет последний раунд. Этот я вам проиграл, но он не последний.

И уже на выходе Альчесте сказал очень тихо, обращаясь к себе:

— Я хочу, чтобы он был счастлив. Я хочу, чтобы все были счастливы. По-моему, каждый человек может быть счастлив, стоит только протянуть ему руку.

Вот почему у Фрэнка Альчесте было много друзей.

Итак, штат Стрэппа вернулся к своему занятию, увеличив нагрузку до двух Решений в неделю. Они знали, почему надо следить за Стрэппом. Они знали, почему надо сторониться Крюгеров. Их подопечный был несчастным, истеричным, почти сумасшедшим — пустяки! Сходная цена за один процент всего мира.

Но Фрэнк Альчесте придерживался иного мнения. Он посетил денебские лаборатории корпорации «Бракстон» и там имел беседу с неким Э. Т. А. Голандом, гением, открывшим новый метод создания жизни. Эрнст Теодор Амадей Голанд был невысоким, толстеньким и очень бодрым человеком.

— Ну да, конечно! — вскричал он, когда наконец понял, чего от него хотят. — Прекрасная и правильная идея! Как я сам не догадался?.. Не вижу никаких трудностей. — Биохимик задумался. — Кроме денег.

— Вы можете воссоздать девушку, умершую десять лет назад?

— Нет ничего проще — если будут деньги.

— И она будет так же выглядеть? Так же поступать? Будет такой же?

— Да.

— Как вы это сделаете?

— А? Очень просто. Мы имеем два источника. Первый — Главный архив на Центавре. По запросу с приложением чека они высыпают психическую матрицу. Я дам запрос.

— А я приложу чек. Второй?

— Второй: современная погребальная процедура... Девушка не кремирована?

— Нет.

— Ну и отлично. Из ее останков и психической матрицы мы воссоздаем личность по формуле: сигма равняется квадратному корню из минус... Словом, не вижу никаких трудностей, кроме денег.

— Я даю деньги, — сказал Фрэнк Альчесте. — Вы делаете остальное.

Во имя друга Альчесте собрал баснословную сумму и отправил запрос на полную психическую матрицу покойной Симы Морган. Когда матрица прибыла, Альчесте вернулся на Землю, в город под названием Берлин, и подкупил некоего Эйгенбика, который разрыл могилу, вытащил гроб, где, казалось, спала черноволосая девушка, и передал его Альчесте. Самыми хитроумными путями и способами Альчесте доставил гроб через четыре таможенных барьера на Денеб.

Характерной чертой путешествия, ускользнувшей от его внимания, но переполошившей различные политические органы, была череда катастроф, следовавших за ним по пятам. Взрыв авиалайнера, уничтоживший корабль и ангары через полчаса после выгрузки пассажиров и багажа. Пожар в отеле через десять минут после выезда Альчесте. Авария пневмопоезда, на котором Альчесте в последний момент решил не ехать. Несмотря на все это он сумел доставить гроб к биохимику Голанду.

— Ах! — воскликнул Эрнст Теодор Амадей. — Прекрасное создание. Осталась сущая ерунда, если не считать денег.

Во имя друга Альчесте устроил отпуск Голанду, купил ему лабораторию и финансировал невероятно дорогую серию экспериментов. Во имя друга Альчесте тратил последние деньги и терпение, пока, наконец, через восемь месяцев не вышло из реанимационной камеры черноволосое, черноглазое, шелковоожее создание с длинными ногами и высоким бюстом, отзывающееся на имя Сима Морган.

— Я услышала самолет, — сказала Сима, не подозревая, что говорит одиннадцать лет спустя. — Затем удар... Что случилось?

Альчесте был потрясен. До этого момента цель казалась далекой и нереальной. Теперь перед ним стояла, чуть склонив голову набок, живая очаровательная женщина. В ее речи звучала какая-то странность, почти шепелявость. Ее движения не были плавными и грациозными, как ожидал Альчесте, — она двигалась торопливо.

— Меня зовут Фрэнк Альчесте, — тихо произнес он и взял ее за плечи. — Я хочу, чтобы вы посмотрели на меня и решили, можно ли мне доверять.

Их взгляды встретились. Руки Альчесте задрожали, и он в панике выпустил ее плечи.

— Да, — сказала Сима. — Я могу вам доверять.

— Что бы я ни сказал, вы не должны сомневаться. Что бы я ни велел вам, вы должны выполнять.

— Почему?

— Во имя Джонни Стрэппа.

— С ним что-то случилось, — быстро проговорила она. — Что?

— Не с ним, Сима. С вами. Я объясню. Я собирался объяснить сейчас, но не могу. Отложим до завтра.

Ее уложили спать, и Альчесте остался наедине с собой. Денебские ночи, мягкие и черные, как бархат, томные и нежные — или так показалось тогда Фрэнки.

— Не можешь же ты в нее влюбиться, — бормотал он. — Это сумасшествие.

И позже:

— Ты видел сотни подобных девушек во время охоты Джонни. Почему не остановился на одной из них?

И наконец:

— Что ты собираешься делать?

Он сделал то единственное, что мог сделать благородный человек в подобной ситуации: попытался превратить любовь в дружбу. На следующее утро он вошел в комнату Симы в старых потертых джинсах, небритый, с всклокоченными волосами. Он примостился на постели, и пока Сима ела первый разрешенный Голландом завтрак, рассказал ей все. Когда она заплакала, он не обнял ее и не утешил, а как брат похлопал по спине.

Альчесте заказал ей платье, но ошибся размером, и когда она показалась в нем, то выглядела такой прелестной, что ему страстно захотелось поцеловать ее. Вместо этого он ушипнул ее, очень нежно и очень мрачно, и повел покупать одежду. Из примерочной Сима вышла настолько очаровательной, что ему захотелось ушипнуть ее снова. Потом они купили билеты и немедленно вылетели на Росс-3.

Альчесте хотел дать ей несколько дней отдыха, однако решил поторопиться, опасаясь за самого себя. Только это спасло их от взрыва, уничтожившего дом и лабораторию биохимика Голанда заодно с самим биохимиком.

Альчесте ничего не знал. Он находился с Симой на борту корабля и отчаянно боролся с искушением.

Представьте себе космический полет. Подобно древним мореплавателям, пересекавшим океаны на парусниках, пассажиры космического корабля оказываются на неделю изолированными в своем крохотном мирке. Они отрезаны от реальности. Их переполняет чувство свободы от всяких связей и обязательств. Вспыхивают быстротечные увлечения — страстные, бурные, благополучно заканчивающиеся в день посадки.

В этом угаре вседозволенности Альчесте сохранял жесткий самоконтроль. Отнюдь не помогало, что он был знаменитостью с ошеломляющим магнетизмом. Десятки хорошеных женщин буквально вешались ему на шею, а он играл роль старшего брата и все щипал и шлепал Симу, пока та не запротестовала.

— Я знаю, что ты лучший друг мой и Джонни, — пожаловалась она в последний вечер. — Но ты невыносим, Фрэнки. Я вся в синяках!

— Что поделаешь, привычка...

Они стояли у иллюминатора, обласканные нежными лучами приближающегося светила, — а ведь в мире нет ничего более романтического, чем бархат космоса в свете далекого солнца.

— Я разговаривала с некоторыми пассажирами, — склонив голову, сказала Сима. — Ты знаменит?

— Скорее, известен.

— Мне так много еще надо узнать... Но сперва я хочу узнать тебя.

— Меня?

Сима кивнула.

— Все произошло очень быстро... Я даже не успела поблагодарить тебя, Фрэнки. Я твой должник на всю жизнь.

Она обвила руками его шею и поцеловала раскрытыми губами.

Альчесте задрожал.

«Нет, — подумал он. — Нет. Она не ведает, что творит. Она настолько счастлива от мысли о скорой встрече с Джонни, что не осознает...»

Он пялился до тех пор, пока Сима не догадалась его выпустить.

На Рокке-3 их встретил Элдоу Фишер в сопровождении сурогового чиновника, который попросил Альчесте зайти в кабинет для серьезного разговора.

— Мистер Фишер обратил наше внимание на то, что вы пытаетесь провезти девушку, не имеющую легального статуса.

— Откуда это известно мистеру Фишеру?

— Вы болван! — прорычал Фишер. — Неужели вы думаете, что я позволю вам это сделать?! За вами следили! Каждую минуту!

— Мистер Фишер информировал нас — сухо продолжал чиновник, — что ваша дама путешествует с фальшивыми документами.

— Как фальшивыми? Она — Сима Морган. Так и указано в ее документах.

— Сима Морган погибла одиннадцать лет назад, — вмешался Фишер. — Эта женщина не может быть Симой Морган.

— До выяснения обстоятельств, — заключил чиновник, — ее въезд запрещен.

— Через неделю я получу бумаги, удостоверяющие смерть Симы Морган, — торжествующе заявил Фишер.

Альчесте посмотрел на Фишера и устало покачал головой.

— Вы не представляете себе, как мне это на руку. Больше всего на свете я хочу забрать ее и никогда не показывать Джонни. Я так хочу... — Он замолчал. — Снимите свое обвинение, Фишер.

— Нет!

— Сейчас вы уже не сможете их разлучить. Предположим, начнется следствие. Кого первым я приглашу для удостоверения ее личности? Джона Стрэппа. Думаете, он не поедет?

— А контракт? Я...

— К черту контракт. Можете показывать. Ему нужна Сима, а не я. Снимите обвинение, Фишер. Вы проиграли.

Фишер яростно сверкнул глазами и тяжело сглотнул.

— Я снимаю обвинение. Произошла ошибка.

Затем он пристально посмотрел на Альчесте.

— Это еще не последний раунд, — процедил он и вышел из комнаты.

Фишер был отлично подготовлен к борьбе. Здесь, на РОССЕ-3, он защищал свою собственность. К его услугам были все деньги, все могущество Джона Стрэппа.

Самолет, на котором Альчесте и Сима летели из космопорта, вел наемник Фишера; он открыл люк и стал выделять фигуры высшего пилотажа. Альчесте высадил перегородку и душил пилота до тех пор, пока тот не посадил машину.

На улице их обстреляли из какого-то автомобиля. При первом выстреле Альчесте втолкнул Симу в подъезд и едва спасся сам — ценой простреленного плеча, которое он кое-как перебинтовал, оторвав кусок подола ее платья. Глаза Симы были огромны, но она не жаловалась. Альчесте выразил свое восхищение мощным похлопыванием и по крышам провел ее в другое здание, где ворвался в квартиру и вызвал врача.

Когда приехала карета «скорой помощи», Альчесте и Сима спустились вниз, где были встречены поли-

цейским, имевшим приказ задержать пару — следовало описание — за «бандитизм». От полицейского пришлось избавиться — так же, как от врача и водителя. Карета «скорой помощи» пригодилась: включив сирену, Альчесте гнал, как бешеный.

Они бросили машину у пригородного универмага, откуда через сорок минут появился молодой слуга в ливрее, толкающий коляску со стариком. Если не считать бюста, Сима отлично подходила на роль мальчика. Фрэнки достаточно ослабел от ран, чтобы представиться немощным стариком.

Они остановились в отеле «Росс Сплендиц». Альчесте запер Симу в номере, купил револьвер и отправился на поиски Джонни. Он нашел его в справочном бюро. Стрэпп протягивал чиновнику листок все с тем же описанием давно утерянной любви.

— Эй, старина Джонни!

— Фрэнки! — радостно воскликнул Стрэпп.

Они обнялись. Со счастливой улыбкой Альчесте наблюдал процедуру подкупа чиновника для выдачи имен и адресов всех девушек, отвечающих требованиям списка. Выйдя из бюро, Альчесте произнес:

— Я встретил девушку, которая похожа на ту, что ты ищешь, старина.

— Да? — спросил Стрэпп мгновенно изменившимся голосом.

— Она немного шепелявит.

Стрэпп странно взглянул на него.

— И чуть кивает головой при разговоре

Стрэпп сжал локоть Альчесте.

— Покажи мне ее, — глухо сказал он.

Они поймали аэротакси, долетели до крыши отеля, спустились на лифте до двадцатого этажа и подошли к номеру «20 М». На условленный стук Альчесте ответил девичий голос.

Альчесте пожал Стрэппу руку и подбодрил

— Смелее, Джонни.

Затем открыл дверь и быстро прошел на балкон, достав револьвер на случай, если Фишер предпримет последнюю попытку. Глядя на сверкающий город, он думал, что каждый человек может быть счастлив, ес-

ли ему помогут; но иногда помочь обходится очень дорого.

Джон Стрэпп вошел в номер. Он закрыл дверь, повернулся и тщательно оглядел черноволосую черноглазую девушку — пристально, холодно. Она пораженно смотрела на него. Стрэпп приблизился, обошел ее вокруг.

— Скажи что-нибудь.

— Вы — Джон Стрэпп?

— Да.

— Нет! — воскликнула она. — Нет! Мой Джонни молод! Мой Джонни...

Стрэпп прыгнул как тигр. Его руки и губы мучили ее тело, а глаза наблюдали спокойно и бесстрастно. Девушка вскрикнула и стала отчаянно сопротивляться — чужим странным глазам, чужим грубым рукам, чужим порывам существа, некогда бывшего ее Джонни, но сейчас отделенного от него бездонной пропастью многолетних перемен.

— Ты — не он! — закричала она. — Ты не Джонни! Ты кто-то другой!

И Стрэпп, не просто на одиннадцать лет постаревший, но за одиннадцать лет ставший другим, спросил себя: «Это — моя Сима? Это — моя любовь? Потерянная, мертвая любовь?»

И его изменившееся «я» ответило: «Нет, это не Сима. Это не твоя любовь. Иди, Джонни. Иди и ищи. Ты найдешь ее когда-нибудь — девушку, которую потерял».

Он расплатился, как джентльмен, и ушел.

Стоя на балконе, Альчесте увидел его выходящим из здания. Он был так изумлен, что не смог даже окликнуть друга. Он вернулся в комнату и застал Симу слепо глядящей на кучу денег на столе. Альчесте сразу понял, что произошло.

Увидев его, Сима заплакала.

— Фрэнки! — рыдала она. — Боже мой, Фрэнки!

Она в отчаянии протянула к нему руки. Она потеялась в мире, прошедшем мимо нее.

Альчесте шагнул вперед, потом остановился. Он сделал последнюю попытку умертвить свою любовь, но не выдержал и заключил Симу в объятья.

«Она не ведает, что творит, — думал он. — Она просто испугана. Она не моя. Пока еще — не моя. Может быть, никогда моей не станет».

И позже: «Фишер победил, а я проиграл».

И наконец: «Мы лишь вспоминаем прошлое; мы не узнаем его при встрече. Мысль возвращается назад, но время идет вперед, и все прощания — навсегда».

ФЕНОМЕН ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Это была не последняя война. И не война, которая покончит с войнами вообще. Ее звали Войной за Американскую мечту. На эту идею как-то наткнулся сам генерал Карпентер и с тех пор только о ней и трубил.

Генералы делятся на вояк (такие нужны в армии), политиков (они правят) и специалистов по общественному мнению (без них нельзя вести войну). Генерал Карпентер был гениальным руководителем общественного мнения. Сама Прямота и само Простодушие, он руководствовался идеалами столь же высокими и общепонятными, как девиз на монете. Именно он представлялся Америке армией и правительством, щитом и мечом нации. Его идеалом была Американская Мечта

— Мы сражаемся не ради денег, не ради могущества, не ради господства над миром, — заявил генерал Карпентер на обеде в Объединении Печати.

— Мы сражаемся лишь ради воплощения Американской Мечты, — провозгласил он на заседании конгресса 162-го созыва.

DISAPPEARING ACT, 1953.

Перевод Ю. Абызова.

— Мы стремимся не к агрессии и не к порабощению народов, — изрек он на ежегодном обеде в честь выпускников военной академии.

— Мы сражаемся за дух цивилизации, — сообщил он сан-францисскому Клубу Пионеров.

— Мы воюем за идеалы цивилизации, за культуру, за поэзию, за Непреходящие Ценности, — сказал он на празднике чикагских биржевиков-хлеботорговцев. — Мы сражаемся не за себя, а за наши мечты, за Лучшее в Жизни, что не должно исчезнуть с лица земли.

Итак, Америка воевала. Генерал Карпентер потребовал сто миллионов человек. И сто миллионов человек были призваны в армию. Генерал потребовал десять тысяч водородных бомб. И десять тысяч водородных бомб были сброшены на голову противника. Противник тоже сбросил на Америку десять тысяч водородных бомб и уничтожил почти все ее города.

— Что ж, уйдем от этих варваров под землю! — заявил генерал Карпентер. — Дайте мне тысячу специалистов по саперному делу!

И под грудами щебня появились подземные города.

— Мы должны стать нацией специалистов, — заявил генерал Карпентер перед Национальной Ассоциацией Американских Университетов. — Каждый мужчина и каждая женщина, каждый из нас должен стать прежде всего закаленным и отточенным орудием для своего дела. Дайте мне пятьсот медицинских экспертов, триста регулировщиков уличного движения, двести специалистов по кондиционированию воздуха, сто — по управлению городским хозяйством, тысячу начальников отделений связи, семьсот специалистов по кадрам...

— Наша мечта, — сказал генерал Карпентер на завтраке, данном Держателями Контрольных Пакетов на Уолл-стрите, — не уступает мечте прославленных афинских греков и благородных римских... э-э... римлян. Это мечта об Истинных Ценностях в Жизни. Музыка. Искусство. Поэзия. Культура. Деньги — лишь средство в борьбе за нашу мечту.

Уолл-стрит аплодировал. Генерал Карпентер запросил сто пятьдесят миллиардов долларов, полторы

тысячи честолюбивых людей, три тысячи специалистов по минералогии, петрографии, поточному производству, химической войне и научной организации воздушного транспорта. Страна дала ему все это. Генералу Карпентеру стоило только нажать кнопку, и любой специалист был к его услугам.

В марте 2112 года война достигла своей кульминационной точки, и именно в это время решилась судьба Американской Мечты. Это произошло не на одном из семи фронтов, не в штабах и не в столицах, а в палате-Т армейского госпиталя, находившегося на глубине трехсот футов под тем, что когда-то называлось городом Сент-Олбанс в штате Нью-Йорк.

Палата-Т была загадкой Сент-Олбанса. Как и во многих других армейских госпиталях, в Сент-Олбансе имелись особые палаты для однотипных больных. В одной находились все раненые, у которых была ампутирована правая рука, в другой — все, у которых была ампутирована левая.

Повреждение черепа и ранения брюшной полости, ожоги просто и ожоги радиоактивные — для всего было свое место. Военно-медицинская служба разработала девятнадцать классов ранений, которые включали все возможные разновидности повреждений и заболеваний, как душевных, так и телесных. Они обозначались буквами от А до S. Но каково же было назначение палаты-Т?

Этого не знал никто. Туда не допускали посетителей, оттуда не выпускали больных. Входили и выходили только врачи. Растрепанный вид их заставлял строить самые дикие предположения, но выведать у них что бы то ни было не удавалось никому.

Уборщица утверждала, что она как-то наводила там чистоту, но в палате никого не было. Ни души. Только две дюжины коек, и больше ничего. А на койках хоть кто-нибудь спит? Да. Некоторые постели смяты. А есть еще какие-нибудь признаки, что палатой кто-то пользуется? Ну, как же! Личные вещи на столиках и все такое. Только пыли на них порядком — как будто их давно уж никто и в руки не брал.

Общественное мнение склонялось к тому, что это палата для призраков.

Но один санитар сообщил, что ночью из закрытой палаты доносились пение. Какое пение? Похоже, что на иностранном языке. На каком? Этого санитар сказать не мог. Некоторые слова звучали вроде... ну, вот так: «Гады в ямы с их гитар...»

Общественное мнение склонилось к выводу, что это палата для иностранцев. Для шпионов.

Сент-Олбанс включил в дело кухонную службу и установил наблюдение за подносами с едой. Двадцать четыре подноса следовали в палату-Т три раза в день. Двадцать четыре возвращались оттуда. Иногда пустые. Чаще нетронутые.

Общественное мнение поднатужилось и пришло к решению, что палата-Т — сплошная липа. Что это просто неофициальный клуб для пройдох и комбинаторов, которые устраивают там попойки. Вот тебе и «гады в ямы с их гитар...»!

По части сплетен госпиталь не уступит дамскому рукodelльному кружку в маленьком городе, а больные легко раздражаются из-за любой мелочи. Потребовалось всего три месяца, чтобы праздные догадки сменились возмущением.

Еще в январе 2112 года Сент-Олбанс был вполне благополучным госпиталем. А в марте психиатры уже забили тревогу. Снизился процент выздоровлений. Появились случаи симуляции. Участились мелкие нарушения распорядка.

Перетрясли персонал. Не помогло. Волнение из-за палаты-Т грозило перейти в мятеж. Еще одна чистка, еще одна, но волнения не прекращались.

Наконец по официальным каналам слухи дошли до генерала Карпентера.

— В нашей битве за Американскую Мечту, — сказал он, — мы не имеем права забывать тех, кто проливал за нас кровь. Подать сюда эксперта по госпитальному делу.

Эксперт не смог исправить положение в Сент-Олбанс. Генерал Карпентер прочитал рапорт и разжаловал его автора.

— Сострадание, — сказал генерал Карпентер, — первая заповедь цивилизации. Подать мне Главного медика.

Но и Главный медик не смог потушить гнев Сент-Олбанса, а посему генерал Карпентер разжаловал и его. Однако на этот раз в рапорте была упомянута палата-Т.

— Подать мне специалиста по той области, которая касается палаты-Т, — приказал генерал Карпентер.

Сент-Олбанс прислал врача — это был капитан Эдсель Диммок, коренастый молодой человек, почти лысый, окончивший медицинский факультет всего лишь три года назад, но зарекомендовавший себя отличным специалистом по психотерапии. Генерал Карпентер питал слабость к экспертам. Диммок ему понравился. Диммок обожал генерала как защитника культуры, которой сам он, будучи чересчур узким специалистом, не мог вкусить сейчас, но собирался насладиться ею, как только война будет выиграна.

— Так вот, Диммок, — начал генерал, — каждый из нас ныне прежде всего закаленный и отточенный инструмент. Вы знаете наш девиз: «Свое дело для каждого, и каждый для своего дела». Кто-то там не при своем деле в палате-Т, и мы его оттуда выкинем. А теперь скажите-ка, что же такое палата-Т?

Диммок, заикаясь и мямя, кое-как объяснил, что это палата для особых заболеваний, вызванных шоком.

— Значит, там у вас содержаться пациенты?

— Да, сэр. Десять женщин и четырнадцать мужчин.

Карпентер помахал пачкой рапортов.

— А вот здесь заявление пациентов Сент-Олбанса о том, что в палате-Т никого нет.

Диммок был ошарашен.

— Это ложь! — заверил он генерала.

— Ладно, Диммок. Значит, у вас там двадцать четыре человека. Их дело — поправляться. Ваше дело — лечить. Какого же черта весь госпиталь ходит ходуном?

— В-видите ли, сэр... Очевидно, потому, что мы держим палату-Т под замком.

— Почему?

— Чтобы удержать там пациентов, генерал.

— Удержать? Как это понять? Они что, пытаются сбежать? Буйные, что ли?

— Никак нет, сэр. Не буйные.

— Диммок, мне не нравится ваше поведение. Вы все хитрите и ловчите. И вот что мне еще не нравится: эта самая классификация. При чем тут «Т»? Я справлялся в медицинском управлении — в их классификации никакого «Т» не существует. Что это еще за петрушка?

— Да-да, сэр... Мы сами ввели этот индекс. Они... Тут... особый случай, сэр. Мы не знаем, что делать с этими больными. Мы не хотели огласки, пока не найдем способа лечения. Но тут совсем новая область, генерал. Новая! — Здесь специалист взял в Диммоке верх над дисциплинированным служакой. — Это сенсационно! Это войдет в историю медицины! Этого еще никто, черт возьми, не видел!

— Чего этого, Диммок? Точнее!

— Слушаюсь, сэр. Это бывает после шока. Полнейшее безразличие к раздражителям. Дыхание чуть заметно. Пульс слабый.

— Подумаешь! Я видел такое тысячи раз, — проговорил генерал Карпентер. — Что тут необычного?

— Да, сэр, пока все подходит под разряд Q или R. Но есть одна особенность. Они не едят и не спят.

— Совсем?

— Некоторые совсем.

— Почему же они не умирают?

— Вот этого мы и не знаем. Метаболический цикл нарушен, но отсутствует только его анаболический план. Катаболический продолжается. Иными словами, сэр, они выделяют отходы пищеварения, но не принимают ничего внутрь. Они изгоняют из организма токсины и восстанавливают изношенные ткани, но все это без еды и сна. Как — один бог знает!

— Значит, потому вы и запираете их? Значит... Вы полагаете, что они таскают еду и ухитряются вздренуть где-то на стороне?

— Н-нет, сэр. — Диммок был явно смущен. — Я не знаю, как объяснить вам это. Я... Мы запираем их, потому что тут какая-то тайна. Они... Ну, в общем они исчезают.

— Чего-чего?..

— Исчезают, сэр. Пропадают. Прямо на глазах.

— Что за бред!

— Но это так, сэр. Смотришь, сидят на койках или стоят поблизости. Проходит какая-то минута — и их уже нет. Иногда в палате-Т их две дюжины. Иногда — ни одного. То исчезают, то появляются — ни с того ни с сего. Поэтому-то мы и держим палату под замком, генерал. За всю историю военной медицины такого не бывало. Мы не знаем, как быть.

— А ну, подать мне троих таких пациентов, — приказал генерал Карпентер.

Натан Райли съел хлеб, поджаренный на французский манер, с парой яиц по-бенедиктински, запил все это двумя квартами коричневого пива, закурил сигару «Джо-Дрю», благопристойно рыгнул и встал из-за стола. Он дружески кивнул Джиму Корбетту Джентльмену, который прервал беседу с Джимом Брэди Алмазом, чтобы перехватить его на полу пути.

— Кто, по-твоему, возьмет в этом году приз, Нат? — спросил Джим Джентльмен.

— Доджеры, — ответил Натан Райли.

— А что они могут выставить?

— У них есть «Подделка», «Фурилло» и «Кампанела». Вот они и возьмут приз в этом году, Джим. Тринадцатого сентября. Запиши. Увидишь, ошибся ли я.

— Ну, ты никогда не ошибаешься, Нат, — сказал Корбетт.

Райли улыбнулся, расплатился, фланирующей походкой вышел на улицу и взял экипаж возле Мэдисон-сквер гарден. На углу Пятидесятой улицы и Восьмой авеню он поднялся в маклерскую контору, находящуюся над мастерской радиоприемников. Букмекер взглянул на него, достал конверт и отсчитал пятнадцать тысяч долларов.

— Рокки Марчиано техническим нокаутом положил Роланда Ла Старца в одиннадцатом раунде. И как это вы угадываете, Нат?

— Тем и живу, — улыбнулся Райли. — На результаты выборов ставки принимаете?

— Эйзенхауэр — двенадцать к пяти. Стивенсон...

— Ну, Эдлай не в счет, — и Райли положил на стойку двенадцать тысяч долларов. — Ставлю на Айка.

Он покинул маклерскую контору и направился в свои апартаменты в отеле «Уолдорф», где его уже нетерпеливо поджидал высокий и стройный молодой человек.

— Ах да! Вы ведь Форд? Гарольд Форд?

— Генри Форд, мистер Райли.

— И вы хотели бы, чтобы я финансировал производство машины в вашей велосипедной мастерской. Как, бишь, она называется?

— Я назвал ее имсомобиль, мистер Райли.

— Хм-м... Не сказал бы, что название мне очень нравится. А почему бы не назвать ее «автомобиль»?

— Чудесное предложение, мистер Райли. Я так и сделаю.

— Вы мне нравитесь, Генри. Вы молоды, энергичны, сообразительны. Я верю в ваше будущее и в ваш автомобиль. Вкладываю двести тысяч долларов.

Райли выписал чек и проводил Генри Форда к выходу. Потом посмотрел на часы и неожиданно почувствовал, что его потянуло обратно, захотелось взглянуть, как там и что. Он прошел в спальню, разделся, потом натянул серую рубашку и серые широкие брюки. На кармане рубашки виднелись большие синие буквы: «Госп. США».

Он закрыл дверь спальни и исчез.

Объявился он уже в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя. И не успел перевести дух, как его схватили три пары рук. Шприц ввел ему в кровь полтора кубика тиоморфата натрия.

— Один есть, — сказал кто-то.

— Не уходи, — откликнулся другой. — Генерал Карпентер сказал, что ему нужны трое.

После того как Марк Юний Брут покинул ее ложе, Лела Мэчен хлопнула в ладоши. В покой вошли рабыни. Она приняла ванну, оделась, надушилась и позавтракала смиренскими фигами, розовыми апельсинами и графином «Лакрима Кристи». Потом закурила сигарету и приказала подать носилки.

У ворот дома, как обычно, толпились полчища обожателей из Двадцатого легиона. Два центуриона оттолкнули носильщиков от ручек носилок и понесли ее на своих широких плечах. Лела Мэчен улыбалась. Какой-то юноша в синем, как сапфир, плаще пробился сквозь толпу и подбежал к ней. В руке его сверкнул нож. Лела собралась с духом, чтобы мужественно встретить смерть.

— Лела! — воскликнул он. — Повелительница!

И полоснул по своей левой руке ножом так, что алая кровь обагрила одежды Лелы.

— Кровь моя — вот все, что я могу тебе отдать! — воскликнул он.

Лела мягко коснулась его лба.

— Глупый мальчик, — проворковала она. — Ну, зачем же так?

— Из любви к тебе, моя госпожа!

— Тебя пустят сегодня ко мне, — прошептала Лела. Он смотрел на нее так, что она засмеялась. — Я обещаю. Как тебя зовут, красавчик?

— Бен Гур.

— Сегодня в девять, Бен Гур.

Носилки двинулись дальше. Мимо форума как раз проходил Юлий Цезарь, занятый жарким спором с Марком Антонием. Увидев ее носилки, он сделал резкий знак центурионам, которые немедленно остановились. Цезарь откинул занавески и взглянул на Лелу. Лицо Цезаря передернулось.

— Ну почему? — хрипло спросил он. — Я просил, умолял, подкупал, пласал — и никакого снисхождения. Почему, Лела? Ну почему?

— Помнишь ли ты Боадицею? — промурлыкала Лела.

— Боадицею? Королеву бриттов? Боже милостиный, Лела, какое она имеет отношение к нашей любви? Я не любил ее. Я только разбил ее в сражении.

- И убил ее, Цезарь.
- Она же отравилась, Лела.
- Это была моя мать, Цезарь! Убийца! Ты будешь наказан. Берегись мартовских ид, Цезарь!

Цезарь в ужасе отпрянул. Толпа поклонников, окружавшая Лелу, одобрительно загудела. Осыпаемая дождем розовых лепестков и фиалок на всем пути, она проследовала от форума к храму Весты.

Перед алтарем она преклонила колени, вознесла молитву, бросила крупинку ладана в пламя на алтаре и скинула одежду. Она оглядела свое прекрасное тело, отражающееся в серебряном зеркале, и вдруг почувствовала мимолетный приступ ностальгии. Лела надела серую блузу и серые брюки. На кармане блузы виделись буквы: «Госп. США».

Она еще раз улыбнулась алтарю и исчезла.

Появилась она в палате-Т армейского госпиталя, где ей тут же вкатили полтора кубика тиоморфата настрия.

- Вот и вторая, — сказал кто-то.
- Надо еще одного.

Джордж Хэнмер сделал драматическую паузу и скользнул взглядом по скамьям оппозиции, по спикеру, по серебряному молотку на бархатной подушке перед спикером. Весь парламент, загипнотизированный страстной речью Хэнмера, затаив дыхание ожидал его дальнейших слов.

— Мне больше нечего добавить, — произнес наконец Хэнмер. Голос его дрогнул. Лицо было бледным и суровым. — Я буду сражаться за этот билль в городах, в полях и деревнях. Я буду сражаться за этот билль до смерти, а если Бог допустит, то и после смерти. Вызов это или мольба, пусть решает совесть благородных джентльменов, но в одном я решителен и непреклонен: Суэцкий канал должен принадлежать Англии.

Хэнмер уселся. Овация! Под гул одобрения он протиснулся в кулуары, где Гладстон, Канинг и Пит останавливали его, чтобы пожать ему руку. Лорд Пальмерстон холодно взглянул на Хэнмера, но Пэма

оттолкнул подковылявший Дизраэли — этот был сплошной энтузиазм, сплошной восторг.

— Мы завтракаем в Тэттерсоле, — сказал Диззи. — Машина ждет внизу.

Леди Биконсфильд сидела в своем «роллс-ройсе» возле парламента. Она приколола к лацкану Дизраэли первоцвет и одобрительно потрепала Хэнмера по щеке.

— Вы, Джорджи, проделали большой путь с тех пор, как были школьником, которому нравилось задирать Диззи.

Хэнмер рассмеялся. Диззи запел «Гаудеamus igitur», и Хэнмер подхватил этот древний гимн школьников. Распевая его, они подъехали к Тэттерсолу. Здесь Диззи заказал пиво и жареные ребрышки, тогда как Хэнмер поднялся в клуб переодеться.

Почему-то вдруг он почувствовал тягу вернуться, взглянуть на все в последний раз. Возможно, потому, что ему не хотелось окончательно порывать с прошлым. Он снял сюртук, нанковый жилет, крапчатые брюки, лоснящиеся ботфорты и шелковое белье. Затем надел серую рубашку, серые штаны и исчез.

Объявился он в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, где тут же получил свои полтора кубика тиоморфата натрия.

— Вот и третий, — сказал кто-то.

— Давай их к Карпентеру.

И вот они в штабе генерала Карпентера — рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэнмер. Все трое — в серой госпитальной одежде, оглушенные изрядной дозой усыпляющего.

В помещении не было посторонних. Здесь находились эксперты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и центрального разведывательного управления. Увидев безжалостно-стальные лица этой братии, поджидавшей пациентов и его самого, капитан Эдсель Диммок вздрогнул.

Генерал Карпентер мрачно усмехнулся.

— А вы что думали, так мы и клюнем на эту скакочку об исчезновениях, а, Диммок?

— Виноват, сэр?

— Я ведь тоже специалист своего дела, Диммок. И раскусил вас. Война идет плохо. Где-то к противнику просачивается информация. И вся эта Сент-Олбанская история говорит не в вашу пользу.

— Но они действительно исчезают, сэр. Я...

— Вот мои специалисты и хотят поговорить с вами и вашими пациентами насчет этих исчезновений. И начнут они с вас, Диммок.

Специалисты взялись за Диммока, пусть в ход эффективные средства ослабления психического сопротивления и устройства, выключающие волю. Были испробованы все известные в литературе реакции на искренность и все виды физического и психического давления. Отчаянно вопящий Диммок был трижды сломлен, хотя и ломать-то, собственно, было нечего.

— Пусть отдохнется, — сказал Карпентер. — Переходите к пациентам.

Специалисты замялись: ведь эти клиенты были больны.

— О господи, давайте не миндальничать! — вскинул Карпентер. — Мы ведем войну за цивилизацию и защищаем наши идеалы. За дело!

Специалисты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и центрального разведывательного управления взялись за дело. И в ту же минуту рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэммер исчезли. Вот только-только они сидели на стульях, отданные во власть насилия. А в следующее мгновение их уже не стало.

Специалисты ахнули. Генерал Карпентер подошел к Диммоку.

— Капитан Диммок, приношу свои извинения. Полковник Диммок, вы повышены в чине за открытие чрезвычайной важности!.. Только какого черта все это значит? Нет, сначала нам надо проверить самих себя!

И Карпентер щелкнул переключателем селектора.

— Подать мне эксперта по шокам и психиатра.

Экспертов вкратце познакомили с сутью дела. Обследовав свидетелей, они вынесли заключение.

— Вы все перенесли шок средней степени, — сказал специалист по шокам. — Нервное расстройство, вызванное военной обстановкой.

— Так вы считаете, что на самом деле они не исчезли? Что мы этого не видели?

Специалист по шокам покачал головой и взглянул на психиатра, который тоже покачал головой.

— Массовая галлюцинация, — сказал психиатр.

В этот момент рядовой первого класса Райли, мастер-сержант Мэчен и капрал второго класса Хэнмер появились вновь. Только что они были массовой галлюцинацией, и вот, пожалуйста, — сидят себе на своих стульях.

— Усыпите их снова, Диммок! — закричал Карпентер. — Впрысните им целый галлон, — он щелкнул переключателем селектора. — Подать мне всех специалистов, какие только у нас имеются.

Тридцать семь экспертов, каждый — закаленное и отточенное орудие, изучили пребывающие в бессознательном состоянии «случай исчезновения» и три часа обсуждали этот феномен. Факты гласили только одно. Это новый фантастический синдром, возникший на основе нового фантастического страха, вызванного войной. Каждому действию соответствует равное, противоположное направленное противодействие. Так и подписали. На том и сошлись.

Видимо, пациенты вынуждены время от времени возвращаться в то место, откуда исчезают, иначе они не стали бы объявляться в палате-Т или здесь, в штабе генерала Карпентера.

Видимо, пациенты принимают пищу и спят там, где они бывают, поскольку в палате-Т ни того, ни другого не делают.

— Одна небольшая деталь, — заметил полковник Диммок. — В палату-Т они возвращаются все реже. Раньше они исчезали и появлялись каждый день. Теперь многие отсутствуют неделями или не возвращаются вовсе.

— Это не важно, — сказал Карпентер. — Важно другое: куда они исчезают?

— И не попадают ли за вражеские линии? — спросил кто-то. — Вот по каким каналам может утечать информация!

— Я хочу, чтобы разведка установила, — щелкнул переключателем Карпентер, — столкнулся ли противник с подобными случаями исчезновения и появления людей в своих лагерях для военнопленных. Ведь там могут быть и наши больные из палаты-Т.

— Они просто отправляются к себе домой, — вы сказался полковник Диммок.

— Я хочу, чтобы служба безопасности проверила это, — приказал Карпентер. — Выяснить обстоятельства домашней жизни и все связи каждого из этих двадцати четырех исчезающих больных. А теперь... относительно наших дальнейших действий в палате-Т. У полковника Диммока имеется план.

— Мы ставим в палате-Т шесть дополнительных коек, — изложил свой план Эдсель Диммок. — И помещаем туда шесть наших специалистов, чтобы они вели наблюдение.

— Вот что, господа, — резюмировал Карпентер. — Это величайшее потенциальное оружие в истории войн. Представьте-ка себе телепортацию армии за вражеские линии!.. Мы можем выиграть войну за Американскую мечту в один день, если овладеем секретом этих помраченных умов. И мы должны им овладеть!

Специалисты лезли из кожи, разведка добывала сведения, служба безопасности вела тщательную проверку. Шесть закаленных и отточенных орудий, разместившихся в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, все ближе и ближе знакомились с исчезающими пациентами, которые все реже и реже появлялись там. Напряжение возрастало.

Служба безопасности сообщила, что ни одного случая необычного появления людей на территории Америки за последний год не наблюдалось. Разведка сообщила, что не замечено, чтобы противник сталкивался с аналогичными осложнениями у своих больных.

Карпентер кипел.

— Совсем новая область. И у нас нет в этой области специалистов. Нам нужны новые орудия. — Он щелкнул переключателем. — Подать мне университет!

Ему дали Иельский университет.

— Мне нужны специалисты по парапсихологии. Подготовьте их, — приказал Карпентер.

И в университете тут же ввели три обязательных курса — по чудотворству, сверхчувственному восприятию и телекинезу.

Первый просвет забрезжил, когда одному эксперту из палаты-Т потребовалась помочь другого эксперта. И не кого-нибудь, а гранильщика.

— За каким чертом? — поинтересовался Карпентер.

— Он поймал обравок разговора о драгоценном камне, — пояснил полковник Диммок. — И не может сам разобраться. Он же специалист по кадрам.

— А иначе и быть не может, — одобрительно заметил Карпентер. — Свое дело для каждого, и каждый для своего дела. — Он щелкнул переключателем. — Подать мне гранильщика.

Специалист по гранильному делу получил увольнительную из арсенала и явился к генералу, где его попросили уточнить, что это за алмаз «Джим Брэди». Сделать этого он не смог.

— Попробуем с другого бока, — сказал Карпентер и щелкнул переключателем. — Подать мне семантика.

Семантик покинул свой стол в департаменте Военной пропаганды, но так и не понял, что стоит за словами «Джим Брэди». Для него это было просто имя. Не больше. И он предложил обратиться к специалисту по генеалогии.

Специалист по генеалогии получил на один день освобождение от службы в Комитете по неамериканским предкам, но ничего не смог сказать о Джиме Брэди, кроме того, что это имя было распространено широко в Америке лет пятьсот назад, и, в свою очередь, предложил обратиться к археологу.

Археолог был извлечен из картографической службы Частей вторжения и тут же установил, что это за Джим Брэди Алмаз. Им оказалось историческое лицо, известное в городе Малый-Старый-Нью-Йорк в период между губернатором Питером Стивесантом и губернатором Фьюрелло Ла Гардиа.

— Господи! — изумился Карпентер. — Столько веков назад! Откуда этот Натан Райли такое выкопал? Вот что, подключитесь-ка к экспертам в палате-Т.

Археолог довел дело до конца, проверил свои данные и представил отчет. Карпентер прочитал его и тут же устроил экстренное совещание всех своих специалистов.

— Господа, — объявил он, — палата-Т — это нечто большее, нежели телепортация. Шоковые больные проделывают нечто более невероятное... более внушительное. Они перемещаются во времени.

Все растерянно зашумели. Карпентер энергично кивнул.

— Да, да, господа. Это путешествие во времени. И прежде чем я буду продолжать, просмотрите вот эти отчеты.

Все участники совещания уткнулись в размыженные для них материалы. Рядовой первого класса Натан Райли... исчезает в Нью-Йорк начала XX века; мастер-сержант Лела Мэчен... отправляется в Рим первого века нашей эры; капрал второго класса Джордж Хэнмер... путешествует в Англию XIX века. И остальные из двадцати четырех пациентов, спасаясь от безумия и ужасов современной войны, скрываются из XXII века в Венецию дожей, на Ямайку времен пиратов, в Китай династии Ханей, в Норвегию Эрика Рыжеволосого, в самые разные места земного шара и самые разные века.

— Мне нет нужды указывать на колоссальное значение этого открытия, — продолжал генерал Карпентер. — Представьте, как это скажется на ходе войны, если мы сможем посыпать армию на неделю или год назад. Мы сможем выиграть войну до ее начала. Мы сможем защитить от варварства нашу Мечту... поэзию и красоту и замечательную культуру Америки... даже не подвергая их опасности.

Присутствующие попытались представить себе побоинное сражение, выигранное еще до его начала.

— Положение осложняется тем, что эти люди из палаты-Т невменяемы. Они могут знать, но могут и не знать, как они все это проделывают. Беда в том, что они не в состоянии войти в контакт с экспертами, которые могли бы овладеть методом этого чуда. Придется искать ключ самим. Эти люди не могут нам помочь.

Закаленные и отточенные орудия беспомощно переглянулись.

— Нам нужны эксперты, — сказал генерал Карпентер.

Присутствующие облегченно вздохнули, обретя под ногами привычную почву.

— Нам нужен специалист по церебральной механике, кибернетик, психоневропатолог, анатом, археолог и перворазрядный историк. Они отправляются в эту палату и не выйдут оттуда, пока не сделают свое дело: пока не разберутся в технике путешествия во времени.

Первую пятерку экспертов легко удалось раздобыть в разных военных департаментах. Вся Америка была сплошным набором закаленных и отточенных специалистов. Труднее оказалось найти перворазрядного историка. Наконец федеральная каторжная тюрьма, также работающая для нужд армии, выявила доктора Брэдли Скрима, приговоренного к двадцати годам каторжных работ. Доктор Скрим, довольно язвительный и колючий субъект, руководил кафедрой истории философии в Западном Университете, пока не выложил все, что он думает о войне за Американскую Мечту. За что он и получил свои двадцать лет.

Скрим был настроен все так же вызывающе, однако его удалось втянуть в игру, заинтриговав проблемой палаты-Т.

— Но я же не эксперт, — огрызнулся он. — В этой невежественной стране сплошных экспертов я — последняя стрекоза среди полчищ муравьев...

Карпентер щелкнул переключателем.

— Энтомолога!

— Ни к чему. Я объясню. Вы — гнездо муравьев: работаете, трудитесь и специализируетесь. А для чего?

— Чтобы сохранить Американскую Мечту, — с жаром ответил Карпентер. — Мы воюем за поэзию, культуру, образование и Непреходящие Ценности.

— Словом, за то, чтобы сохранить меня, — сказал Скрим. — Ведь этому я посвятил всю свою жизнь. А что вы сделали со мной? Бросили в тюрьму.

— Вас обвинили в симпатиях к противнику, в антивоенных настроениях.

— Меня обвинили в том, что я верю в Американскую Мечту. Говоря иными словами, в том, что у меня своя голова на плечах.

Таким же неуживчивым Скрим оставался и в палате-Т. Он провел там ночь, насладился трехразовым хорошим питанием, прочитал все отчеты, затем отшвырнул их и начал кричать, чтобы его выпустили.

— Свое дело для каждого, и каждый для своего дела, — сказал ему полковник Диммок. — Вы не выйдете, пока не докопаетесь до секрета путешествия во времени.

— Никакого здесь секрета для меня нет.

— Они путешествуют во времени?

— И да, и нет.

— Ответ должен быть только однозначным. Вы уклоняетесь от...

— Вот что, — устало прервал его Скрим, — вы специалист в какой области?

— Психотерапия.

— Тогда вы ни черта не поймете в том, что я скажу. Это же философская проблема. Я заявляю, что здесь нет секрета, которым могла бы воспользоваться армия. И вообще им не может воспользоваться какая-либо группа. Этим секретом может овладеть только личность.

— Я вас не понимаю.

— А я и не надеялся, что поймете. Отведите меня к Карпентеру.

Скрима отвели к генералу, и он злорадно усмехнулся в лицо Карпентеру — рыжий дьявол, тощий от недоедания.

— Мне нужно десять минут, — сказал Скrim. — Можете вы на это время оторваться от вашего ящика с инструментами?

Карпентер кивнул.

— Так вот, слушайте внимательно. Сейчас я дам вам ключи от чего-то столь грандиозного, необычайного и нового, что вам понадобится вся ваша смекалка!

Карпентер выжидающе взглянул на него.

— Натан Райли уходил в начало двадцатого века. Там он жил своей излюбленной мечтой. Он — игрок высокого полета. Он зашибает деньги, делая ставки на то, что ему известно заранее. Он ставит на то, что профессиональный боксер по имени Марчиано побьет Ла Старца. Он вкладывает деньги в автомобильную компанию Генри Форда. Вот они, ключи. Вам это что-нибудь говорит?

— Без социолога-аналитика — ничего, — ответил Карпентер и потянулся к переключателю.

— Не беспокойтесь, я объясню. Только вот вам еще несколько ключей. Лела Мэчен, например, скрывается в римскую империю, где живет как роковая женщина. Каждый мужчина влюблен в нее. Юлий Цезарь, Брут, весь Двадцатый легион, человек по имени Бен Гур... Улавливаете нелепицу?

— Нет.

— Да она еще ко всему курит сигареты.

— Ну и что? — спросил Карпентер, помолчав.

— Продолжаю. Джордж Хэнмер убегает в Англию девятнадцатого века, где он член парламента, друг Гладстона, Каннинга и Дизраэли. Последний везет его в своем «роллс-ройсе». Вы знаете, что такое «роллс-ройс»?

— Нет.

— Это марка автомобиля.

— Да?

— Вам все еще непонятно?

— Нет.

Скrim в возбуждении заметался по комнате.

— Карпентер, это открытие куда грандиознее телепортации или путешествия во времени. Это может спасти человечество.

— Что же может быть грандиознее путешествия во времени, Скрим?

— Так вот, Карпентер, слушайте. Эйзенхауэр баллотировался в президенты не ранее середины двадцатого века. Натан Райли не мог одновременно быть другом Джима Брэди Алмаза и в то же время ставить на Эйзенхауэра... Брэди умер за четверть века до того, как Айк стал президентом. Марчиано побил Ла Старца через пятьдесят лет после того, как Генри Форд основал свою автомобильную компанию. Путешествие во времени Натана Райли полно подобных анахронизмов.

Карпентер ошеломленно хлопал глазами.

— Лела Мэчен не могла взять Бен Гура в любовники. Бен Гур никогда не бывал в Риме. Его вообще не было. Это персонаж романа и кинофильма. Она не могла курить. Тогда не было табака. Понятно? Опять анахронизмы. Дизраэли не мог усадить Джорджа Хэммера в свой «роллс-ройс», потому что автомобилей при жизни Дизраэли не было.

— Черт знает, что вы говорите! — воскликнул Карпентер. — Выходит, все они врали?

— Нет. Не забывайте, что они не нуждаются во сне. Им не нужна пища. Они не лгут. Они возвращаются вспять во времени по-настоящему. И там едят и спят.

— Но вы же только что сказали, что их истории несостоятельны. Что они полны анахронизмов.

— Потому что они отправляются в *придуманное* ими время. Натан Райли имеет собственное представление о том, как выглядела Америка начала двадцатого века. Это картина ошибочна и полна анахронизмов, потому что он не ученый. Но для него она реальна. Он может жить там. Точно также и с остальными.

Карпентер выпучил глаза.

— Эту концепцию почти невозможно осознать. Эти люди открыли, как превращать мечту в реальность. Они знают, как проникнуть в мир воплотившейся мечты. Они могут жить там. Господи, вот она ваша Американская Мечта, Карпентер. Это чудо, бессмертие, почти божественный акт творения... этим непременно нужно завладеть. Это необходимо изучить. Об этом надо сказать всему миру.

— И вы можете это сделать, Скrim?

— Нет, не могу. Я историк. Я не творческая натура. И мне это не под силу. Вам нужен поэт... От воплощения мечты на бумаге или холсте, должно быть, не так уж трудно шагнуть к воплощению в действительность.

— Поэт?! Вы это серьезно?

— Конечно, серьезно. А вы знаете, что такое поэт? Вы пять лет вдалбливали нам, что эта война ведется ради спасения поэтов.

— Перестаньте паясничать, Скrim. Я...

— Пошлите в палату-Т поэта. Он изучит, как они это делают. Только поэту это под силу. Поэт уже на половину живет в мечте. А уж от него научатся и ваши психологи и анатомы. Они смогут научить нас. Поэт — необходимое звено между больными и вашими специалистами.

— Мне кажется, вы правы, Скrim.

— Тогда не теряйте времени, Карпентер. Пациенты из палаты-Т все реже и реже возвращаются в этот мир. Мы должны овладеть секретом, пока они не исчезли навсегда. Пошлите в палату-Т поэта.

Карпентер щелкнул переключателем.

— Найдите мне поэта.

И он все сидел и ждал, ждал, ждал... А Америка лихорадочно перебирала свои двести девяносто миллионов закаленных и отточенных инструментов, эти орудия для защиты Американской Мечты о красоте, поэзии и Истинных Ценностей в Жизни. Сидел и ждал, пока среди них найдут поэта. Ждал, не понимая, почему так затянулось ожидание, не понимая, почему Брэдли Скrim покачивается от хохота над этим последним, воистину роковым исчезновением.

Возьмите две части Вельзевула, две части Исафела, одну Монте Кристо, одну Сирано, тщательно перемешайте, приправьте немного таинственностью — и у вас получится мистер Солон Аквила. Это высокий, худощавый, подвижный человек с очень грустным лицом, а когда он смеется, его темные глаза превращаются в открытые раны. Чем он занимается, никому не известно. Он богат, но никто не знает источников его доходов. Мистера Аквила видели повсюду, но нигде не смогли понять. В его жизни есть какая-то тайна.

Сейчас я расскажу вам о странностях мистера Аквилы, а уж как вы это станете интерпретировать — ваше дело. Когда он идет по улице, ему никогда не приходится ждать зеленого сигнала светофора. Если ему нужно взять такси, то свободная машина всегда оказывается поблизости. Когда он входит в свой отель, то его обязательно ждет свободный лифт. Когда он заходит в магазин, то продавец всегда оказывается свободен и может сразу обслужить его. В ресторанах в любое время находится свободный столик для мистера Аквилы. Если ему хочется попасть на спектакль, когда

5 271 009, 1953.

© Перевод. В. Гольдич и И. Оганесова, 1994.

все билеты проданы, то в самый последний момент кто-нибудь непременно сдаст билет.

Вы можете, конечно, расспросить официантов, водителей такси, лифтеров, продавцов и кассиров. Нет, они не вступали в сговор с мистером Аквила. Мистер Аквила не дает взяток и не шантажирует их ради получения этих мелких удобств. В любом случае, он вряд ли смог бы подкупить или шантажировать автоматическую систему, которая управляет светофорами. Все эти мелкие стечения обстоятельств, делающие его жизнь такой удобной, просто случаются и все. Мистер Солон Аквила никогда не бывает разочарован. Сейчас мы услышим о его первом разочаровании и о том, к чему это привело.

Мистер Аквила чувствовал себя прекрасно в дешевых, средних и дорогих барах. Его встречали в борделях и на коронациях, на казнях и в цирке, в судах и конторах букмекеров. Известно было, что он покупает старинные автомобили, драгоценные камни, у которых была история, инкунабулы, порнографию, химикаты, порро призмы¹, пони для игры в поло и пистолеты с глушителем.

— HimmelHerrGottSeiDank²! Я свихнулся, дружище, совсем свихнулся. Эклектик, видит Бог! — говорил мистер Аквила ошеломленному владельцу универмага. — Weltmann тип, nicht wahr³? Мой идеал — Гете. Tout le mond⁴. Черт возьми.

Речь мистера Аквилы была впечатляющей мешаниной исковерканных метафор и значений. Он сыпал словами на дюжине языков и диалектов со скоростью пулеметной очереди. Кроме того, создавалось впечатление, что он лгал ad libitum⁵.

— Sacre bleu⁶, Иисусе! — как-то сказал он. — «Аквила» имеет латинское происхождение. Означает

¹ Порро призмы (олт.) — призмы, которые меняют направление света на девяносто градусов. Названы в честь итальянского инженера Игнасио Порро, жившего в девятнадцатом веке.

² HimmelHerrGottSeiDank! (нем) — НебоГосподинСлаваБогу!

³ Weltmann тип, nicht wahr? (нем.) — человек мира, не так ли?

⁴ Tout le mond (фр.) — Весь мир.

⁵ ad libitum (лат.) — свободно.

⁶ Sacre bleu (фр.) — Черт возьми!

орлиный. *O tempora, o mores*¹. Речь Цицерона. Мой предок.

И в другой раз:

— Мой идол — Киплинг. Взял от него имя. Аквила, один из его героев. Черт возьми. Величайший негритянский писатель со времен «Хижины дяди Тома».

В то утро, когда мистера Солона Аквила впервые в жизни постигло разочарование, он ворвался в антикварный магазин «Лаган и Дереликт», который специализировался на продаже картин, скульптур и других предметов искусства. Мистер Аквила намеревался купить картину.

Мистер Джеймс Дереликт уже имел дело с мистером Аквила, как с клиентом. Тот некоторое время назад приобрел у него Фредерика Ремингтона и Винслоу Хомера, когда по странному совпадению влетел в магазин на Мэдисон авеню ровно через минуту после того, как вожделенные картины были выставлены на продажу. Кроме того, однажды мистер Дереликт видел, как мистер Аквила возле Монтока втаскивал в лодку громадную полосатую рыбину.

— *Bon soir, bel esprit*², черт возьми, Джимми, — сказал мистер Аквила, который со всеми был на «ты».

— Сегодня крутой денек для живописи, *oui*³! Крутой. Слэнг. Мне сегодня по нутру купить картину.

— Доброе утро, мистер Аквила, — ответил Дереликт. У него было изборожденное морщинами лицо карточного шулера, но глаза были честными, а улыбка обезоруживающей. Однако, в данный момент улыбка казалась напряженной, словно летучее появление мистера Аквила смущило антиквара.

— Видит Бог, у меня сегодня как раз подходящее настроение для одного из ваших авторов, — заявил мистер Аквила, быстро открывая витрины и нежно по-глаживая изделия из слоновой кости и фарфора. — Как же его зовут; старина? Художник вроде Босха.

¹ *O tempora, o mores* (лат.) — О времена, о нравы.

² *Bon soir, bel esprit* (фр.) — Добрый вечер, остряк.

³ *oui* (фр.) — да.

Или Генриха Клее. У вас на него эксклюзивные права, parbleu¹. O si sic omnia², клянусь Зевсом!

— Джейфри Гельсион? — робко спросил Дереликт.

— Oeil de boeuf³! — вскричал Аквила. — Какая память. Золото и слоновая кость! Как раз тот художник, который мне нужен. Он мой любимец. Желательно, в монохромной технике. Маленького Джейфри Гельсиона для Аквила, bitte⁴. Заверните.

— В это просто невозможно поверить, — пробормотал Дереликт.

— А! Что? Нет, я не поручусь, что это стопроцентный Мин, — воскликнул мистер Аквила, указав на изящную вазу. — Caveat emptor⁵, черт возьми. Ну, Джимми? Я уже щелкнул пальцами. Неужели у тебя не найдется ни одного Гельсиона, мой правоверный старик?

— Очень странно все получается, мистер Аквила. — Казалось, Дереликт никак не может ни на что решиться. — Вот вы пришли, а пять минут назад я получил монохромного Гельсиона.

— Я же говорил? Tempo ist Richtung⁶. Ну, и?

— Мне бы не хотелось вам его показывать. По личным соображениям, мистер Аквила.

— HimmelHerrGott⁷! Pourquoi⁸? Картина сделана на заказ?

— Н-нет, сэр. Не по моим личным соображениям. Из-за вас.

— Да? Черт возьми. Ну-ка объясни мне, причем тут я.

— В любом случае, она не продается, мистер Аквила. Ее нельзя продавать.

— Это еще почему? Отвечай, старая рыбина в чипсах.

¹ parbleu (фр.) — Черт подери!

² O si sic omnia (лат.) — Если так, то все.

³ Oeil de boeuf (фр.) — В самую точку.

⁴ bitte (нем.) — пожалуйста.

⁵ Caveat emptor (лат.) — Пусть остегается покупатель.

⁶ Tempo ist Richtung (нем.) — Темп есть направление.

⁷ HimmelHerrGott (нем.) — НебоГосподин!

⁸ Pourquoi (фр.) — Почему?

— Не могу, мистер Аквила.

— *Zut alors!*¹ Мне что, нужно дзюдонуть тебе руку, Джимми? Показать нельзя. Продать нельзя. Я всем своим нутром настроился на Джейфри Гельсиона. Моего любимца. Черт возьми. Ну-ка показывай мне Гельсиона, или *sic transit gloria mundi*². Понял, Джимми?

Дереликт немного поколебался, а потом пожал плечами.

— Ну ладно, мистер Аквила. Я вам покажу.

Дереликт повел Аквила по галерее мимо шкафов с фарфором и серебром, лакированных безделушек, бронзовых статуэток и сверкающих доспехов в заднюю часть магазина, где на серых, задрапированных бархатом стенах висело несколько картин, освещенных мягким рассеянным светом. Он открыл ящик в передней части секретера и достал оттуда конверт. На конверте большими буквами было напечатано «ЗАВЕДЕНИЕ ВАВИЛОН». Дереликт достал долларовую купюру и протянул ее мистеру Аквила.

— Это последняя работа Джейфри Гельсиона, — сказал он.

Поверх портрета Джорджа Вашингтона очень умелой рукой было нарисовано лицо другого человека — перекошенное злобой лицо дьявола из преисподней, выполненное тонким пером и графитовыми чернилами. Это лицо наводило ужас, а вся сцена вызывала омерзение. Портрет мистера Аквилы.

— Черт возьми, — сказал мистер Аквила.

— Вот видите, сэр? Я не хотел оскорбить ваших чувств.

— Ну, мне просто необходимо получить его в свою собственность, парень. — Казалось, мистер Аквила совершенно очарован портретом. — Он нарисовал это случайно или вполне сознательно? Гельсион знает меня? *Ergo sum*³.

— Насколько мне известно, нет, мистер Аквила. Но в любом случае, я не могу продать вам его рисунок.

¹ *Zut alors!* (фр.) — Ну, давай!

² *Sic transit gloria mundi* (лат.) — Так проходит земная слава.

³ *Ergo sum* (лат.) — Я существую.

Это улика... подделка... Порча купюр Банка Соединенных Штатов... Она должна быть уничтожена.

— Никогда! — Мистер Аквила вернул рисунок так, словно он боялся, что Дереликт немедленно сожжет его. — Никогда, Джимми. Каркнул ворон: «Никогда». Черт возьми. Почему Гельсион рисует на деньгах? Мой портрет, фи. Это преступная клевета, впрочем, *n'importe*¹. Рисовать на деньгах? Расточительно. *Joci causa*².

— Он безумен, мистер Аквила.

— Нет! Да? Безумен? — Аквила был потрясен.

— Гельсион совершенно не в своем уме, сэр. Очень печальная история. Его пришлось отправить в специальное заведение. Он все время рисует эти портреты на деньгах.

— Черт возьми, *mon ami*³. А кто дает ему деньги?

— Я, мистер Аквила; его друзья. Каждый раз, когда мы приходим его навестить, он выпрашивает у нас деньги для своих рисунков.

— Видит Бог, *le jour viendra*⁴! Почему бы просто не дать ему бумагу, э-э, мой древний сотоварищ?

— Мы пытались, сэр. — Дереликт грустно улыбнулся. — Но когда мы давали Джейффи бумагу, он начинал рисовать на ней деньги.

— *HimmelHerrGott!* Мой любимый художник. В психушке. *Eh bien*⁵. Как же, святой ад, я буду покупать его картины, если это правда?

— А вы и не будете, мистер Аквила. Боюсь, что больше никто никогда не купит картин Джейфри Гельсиона. Он совершенно безнадежен.

— Почему же он сошел с катушек, Джимми?

— Врачи говорят, что это уход от действительности, мистер Аквила. Он не сумел пережить своего успеха.

— Что? Переведи.

— Ну, сэр, он все еще молодой человек. Когда к нему пришел большой успех, Джейфри оказался к

¹ *n'importe* (фр.) — не важно

² *Joci causa* (лат.) — Повод для шутки

³ *mon ami* (фр.) — мой друг

⁴ *le jour viendra* (фр.) — день придет

⁵ *Eh bien* (фр.) — Ладно

этому не готов. Он не сумел справиться с теми обязательствами, которые наложил на него успех. Так, во всяком случае, говорят его врачи. Поэтому он повернулся ко всему свету спиной и вернулся в мир детства.

— Да? И рисует теперь на деньгах?

— Они утверждают, что это для него символизирует возвращение в детство, мистер Аквила. Как будто бы он еще слишком мал, чтобы понимать значение денег.

— Да? Oui. Ja. Хитроумие безумца. А мой портрет?

— Этого я не могу объяснить, мистер Аквила, если только вы не встречались с ним раньше и он почему-то вас запомнил. Или просто случайное совпадение.

— Хм-м-м. Возможно. Так. Ты ведь что-то знаешь, греческая твоя башка? Я разочарован. Je n'oublierai jamais¹. Я очень серьезно разочарован. Черт возьми. Больше никогда не будет новых Гельсионов? Merde². Мой лозунг. Нам нужно что-то сделать для Джейффи Гельсиона. Я не потерплю разочарований. Мы должны что-то сделать.

Мистер Солон Аквила решительно тряхнул головой, достал сигарету и зажигалку, а потом погрузился в раздумья. После долгой паузы он снова кивнул. На этот раз мистер Аквила уже явно принял решение, после чего сделал совершенно неожиданную вещь. Он засунул зажигалку обратно в карман, достал другую, быстро огляделся по сторонам и зажег огонь прямо под носом мистера Дереликта.

Мистер Дереликт, казалось, ничего не заметил. Мистер Дереликт, казалось, в один миг одеревенел.

Не погасив огня, мистер Аквила осторожно положил зажигалку на полку перед антикваром, который продолжал стоять неподвижно. Оранжевое пламя отражалось в его остекленевших глазах.

Аквила быстро вернулся в магазин и отыскал там редкий китайский хрустальный шар. Достал его из

¹ Je n'oublierai jamais (фр.) — Я никогда не забываю

² Merde! (фр.) — Дерьмо!

футляра, согрел, приложив к сердцу, потом заглянул внутрь. Начал что-то бормотать. Кивнул. Положил шар обратно в футляр, подошел к кассе, взял листок бумаги и карандаш и начал писать что-то значками, не имевшими никакого отношения ни к одному из языков. Снова кивнул, разорвал листок бумаги и достал свой бумажник.

Из бумажника мистер Аквила вынул долларовую банкноту. Положил ее на стеклянный прилавок, вытащил из жилетного кармана набор ручек, выбрал одну и снял с нее колпачок. Старательно защищая глаза, он уронил с пера ручки одну каплю на банкноту. Последовала ослепительная вспышка, потом что-то тихо загудело и началась слабая вибрация, однако через некоторое время снова воцарилась тишина.

Мистер Аквила убрал ручки в карман, осторожно, за уголок, приподнял банкноту и быстро вернулся в картинную галерею, где мистер Дереликт все так же стоял, не шевелясь и глядя в оранжевое пламя. Аквила помахал банкнотой перед его невидящим взором.

— Послушай, мой ветхий, — прошептал Аквила, — сегодня вечером ты отправишься к Джейфри Гельсиону. *N'est-ce pas*¹? Отдашь ему вот эту бумажку, когда он попросит у тебя банкноту для рисования. Так? Черт возьми. — Он вынул из кармана мистера Дереликта бумажник, положил банкноту внутрь и вернул бумажник на его законное место.

— Теперь я скажу тебе, зачем ты должен будешь туда пойти, — продолжал Аквила. — Благодаря *Diable Boiteux*² на тебя снизошло озарение. *Nolens volens*³, хромой дьявол подал тебе идею, как можно вылечить Джейфри Гельсиона. Черт возьми. Чтобы он снова пришел в себя, ты покажешь ему его собственные старые картины, принесшие ему славу. Память — мать всего. *HimmelHerrGott*⁴. Ты меня слышишь, верзила? Ты сделаешь так, как я тебе приказываю. Отправляйся туда сегодня же, и дьявол забери того, кто отстанет.

¹ *N'est-ce pas?* (фр.) — Не так ли?

² *Diable Boiteaux* (фр.) — Хромой Дьявол.

³ *Nolens volens* (лат.) — Хочешь не хочешь.

⁴ *HimmelHerrGott* (нем.) — НебоГосподин

Мистер Аквила взял горящую зажигалку, прикурил и погасил огонь со словами:

— Нет, мой святейший из святейших! Джейфри Гельсион слишком великий художник, чтобы мы могли позволить ему зачахнуть в зловонном заточении. Он должен быть возвращен этому миру. Он должен быть возвращен мне. *E sempre l'ora*¹. Я не потерплю разочарования. Ты слышишь меня, Джимми? Не потерплю!

— Возможно, надежда все-таки есть, мистер Аквила, — сказал Джеймс Дереликт. — Пока мы с вами разговаривали, мне в голову пришла одна мысль... о том, как можно вернуть Джейффа в сознание. Я попробую сделать это сегодня вечером.

Рисуя лицо Далекого Демона поверх лица Джорджа Вашингтона на банкноте, Джейфри Гельсион диктовал вслух свою биографию. Впрочем, рядом с ним не было никого, кто мог бы ее записать.

— Словно Челлини, — декламировал он, — рисунок и литература одновременно. Рука об руку, хотя искусство едино, мои святые собратья по Барбитурату, близкие и родные мне поклонники Нембутала. Отлично. Начинаю: я родился. Я умер. Ребеночек хочет доллар. Нет...

Он поднялся с застеленного ковром пола и начал метаться от одной обитой мягкой тканью стены к другой, представляя себе свой гнев в виде темно-малиновой ярости, которая одним волшебным движением искусной кисти, ловким смешением красок, оттенков и игрой светотени постепенно превращается в бледно-лавандовые взаимные обвинения. Гениальный талант Джейфри Гельсиона был вырван у него Далеким Демоном, чье отвратительное лицо...

— Начнем снова, — пробормотал он. — Погасим прожектора. Первые мазки...

Гельсион усился на корточках на полу, взял перо для рисования, которое было признано не представляющим опасности для жизни, опустил его в баночку с графитовыми чернилами, которые тоже были призна-

¹ *E sempre l'ora* (ит.) — Раз и навсегда.

ны не представляющими опасности для жизни, и занялся звериным лицом Далекого Демона, который начал постепенно вытеснять Президента с долларовой купюры.

— Я родился, — диктовал Джейффи пустому пространству в то время, как его искусная рука наполняла банковскую бумажку ужасом и неземной красотой. — У меня был мир. У меня была надежда. У меня было искусство. У меня был мир. Мама. Папа. Дайте мне водички? О-о-о! Большой страшный дядька на меня плохо посмотрел; и теперь малыш боится. Мама! Малыш хочет нарисовать красивые калтинки на красивой бумажке для мамочки и папочки. Смотри, мама. Малыш лисует полтлет противного страшного дядьки со злыми глазами, его глаза похожи на два адских озера, они словно холодный огненный ужас, он похож на страшного далекого демона из моих далеких страхов... Кто там?

Стукнул засов, ручка на двери камеры начала медленно поворачиваться. Гельсион сразу забился в угол, голый и скулящий — дверь открывалась, чтобы впустить Далекого Демона. Но на пороге стояли лишь доктор в белом халате и незнакомец в черном костюме, в черной фетровой шляпе и с черным портфелем, на котором были инициалы Дж. Д., выведенные убюдочными золотыми готическими буквами с нелепым намеком на Гоуди¹ и Баскервилля².

— Ну, Джейффи, — добродушно произнес доктор.

— Доллар? — тут же заныл Гельсион. — Дайте ребеночку доллар?

— Я привел твоего старого друга, Джейффи. Ты помнишь мистера Дереликта?

— Доллар, — взвыл Гельсион. — Малыш хочет получить доллар.

— А где тот, что я дал тебе в прошлый раз, Джейффи? Ты же еще не закончил на нем рисовать, не так ли?

¹ Фредерик Гоуди (1865-1947) — изобретатель американских печатных шрифтов.

² Джон Баскервилль (1706-1775) — английский печатник и вид печати.

Гельсион усился на банкноту, чтобы спрятать ее, но доктор оказался проворным. Он выхватил банкноту, и они с незнакомцем стали ее внимательно изучать.

— Такая же гениальная работа, как и все остальные, — вздохнул Дереликт. — Даже лучше предыдущих! Какой потрясающий талант пропадает...

— Дайте ребеночку доллар, — заплакал Гельсион.

Незнакомец достал из кармана бумажник, выбрал одну купюру и протянул ее Джейффи. Едва Гельсион коснулся банкноты, как зазвучала песня, и он совсем было решил тоже запеть, но потом понял, что эта песня предназначена только для него и он должен слушать.

Доллар был просто великолепен; гладкий и не слишком новый, с чуть матовой поверхностью, которая будет впитывать чернила, словно поцелуи. Джордж Вашингтон смотрел на него с упреком и одновременно покорно, точно уже привык к тому, как с ним тут обращались. Впрочем, иначе и быть не могло, ведь на этом долларе он был гораздо старше, чем на всех остальных, поскольку его серийный номер был 5 271 009, а это означало, что ему уже пять миллионов лет, или даже больше, в то время, как самым старым до сих пор был Джордж Вашингтон под номером два миллиона.

Довольный Гельсион усился на пол и окунул перо в чернила, как велел ему доллар, но тут он услышал, что доктор говорит:

— Мне кажется, я не должен оставлять вас с ним наедине, мистер Дереликт.

— Нам желательно поговорить один на один, доктор. Он всегда испытывал неловкость, когда речь заходила о его работах. Он сможет обсуждать свои картины только со мной, когда не будет никого постороннего.

— Сколько вам нужно времени?

— Дайте мне час.

— Я очень сомневаюсь в том, что у вас что-нибудь получится.

— Но ведь никакого вреда не будет, если мы попробуем?

— Думаю, что не будет. Ну, хорошо, мистер Дереликт. Позовите санитара, когда закончите.

Дверь открылась, а потом снова закрылась. Незнакомец по имени Дереликт ласково и очень дружелюбно положил руку на плечо Гельсиона. Гельсион посмотрел на него и хитро ухмыльнулся — он ждал, когда доктор задвинет засов на его двери. Дождался; звук был похож на оглушительный выстрел, словно кто-то забил в гроб последний гвоздь.

— Джейф, я принес с собой кое-какие из твоих старых работ, — голос Дереликта был старательно небрежным. — Я подумал, что, ты, быть может, захочешь их посмотреть со мной вместе.

— У вас есть часы? — спросил Гельсион.

Его голос звучал совершенно нормально и, стараясь не показать своего изумления, антиквар достал часы из кармана и показал их Джейффи.

— Дайте мне их на минутку.

Дереликт снял часы с цепочки и протянул их Гельсиону. Джейффи осторожно взял часы и сказал:

— Ну, хорошо. Давайте картины.

— Джейф! — воскликнул Дереликт. — Это снова ты, ведь правда? Ты всегда так...

— Тридцать, — перебил его Гельсион. — Тридцать пять, сорок, сорок пять, пятьдесят, пятьдесят пять, одна. — Он сосредоточил все свое внимание на бегущей секундной стрелке, словно с нетерпением чего-то ждал.

— Нет, — пробормотал антиквар. — Мне только показалось, что ты говоришь... А, ладно. — Он открыл портфель и начал перебирать сложенные там рисунки.

— Сорок, сорок пять, пятьдесят пять, две.

— Вот один из твоих первых, Джейф. Помнишь, как ты пришел в галерею с набросками, а мы решили, что ты новый полировальщик из агентства? Ты сердился на нас целых два месяца. Утверждал, что мы купили у тебя картину исключительно, чтобы загладить свою вину. Ты по-прежнему так считаешь?

— Сорок, сорок пять, пятьдесят, пятьдесят пять, три.

— А вот темпера, которая доставила тебе столько хлопот. Мне страшно интересно, захочешь ли ты по-

пробовать нарисовать еще одну такую же картину? По правде говоря, сомневаюсь, что темпера такая уж не-податливая, как ты утверждаешь, мне бы ужасно хотелось, чтобы сейчас, когда твоя техника так заметно улучшилась, ты попытался нарисовать что-нибудь, пользуясь темперой. Что ты на это скажешь?

— Сорок, сорок пять, пятьдесят, пятьдесят пять, *четыре*.

— Джейф, положи часы.

— Десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять...

— Какого черта ты считаешь минуты?

— Ну, — вполне разумно ответил Гельсион, — иногда они закрывают дверь и уходят. А временами, закрывают, остаются возле двери и шпионят за тобой. Но они никогда не занимаются этим больше трех минут, так что я решил дать им пять, чтобы было наверняка. *Пять*.

Гельсион зажал часы в своем большом кулаке и нанес аккуратный удар Дереликту прямо в челюсть. Антиквар беззвучно упал на пол. Гельсион оттащил его к стене, раздел догола, надел на себя его одежду, тщательно сложил все рисунки в портфель. Потом он взял долларовую банкноту и засунул ее в карман. Схватил бутылку с графитовыми чернилами, которые были признаны не представляющими опасности для жизни, и вылил ее содержимое себе на лицо.

Его отчаянные крики привлекли к дверям санитара.

— Выпустите меня отсюда, — сдавленным голосом потребовал Гельсион. — Маньяк пытался меня утопить. Вылил мне на лицо чернила. Я хочу выйти отсюда!

Засов отодвинули, и дверь распахнулась. Гельсион промчался мимо санитара, хитроумно вытирая свое почерневшее лицо рукой, что еще больше скрыло его черты. Когда санитар попытался войти в камеру, Гельсион сказал:

— Не обращайте внимания на Гельсиона, с ним все в порядке. Дайте мне полотенце или еще что-нибудь. Да побыстрее!

Санитар снова закрыл дверь, повернулся и побежал по коридору. Гельсион подождал, пока санитар

скрылся в кладовой, а потом помчался в противоположном направлении. Он выскочил через тяжелую дверь в коридор главного здания, все еще хитроумно вытирая лицо и возмущенно бормоча. Уже почти побежал наружу, а сигнала тревоги все еще не было. Гельсиону был хорошо знаком пронзительный вой сирены. Ее проверяли каждую среду.

«Это словно игра, — сказал себе Гельсион. — Весело. Бояться нечего. Я снова стал радостным, разумным, нормальным ребенком, и когда мы закончим играть, я вернусь домой, где меня ждут мама и обед, а папа будет читать мне разные забавные истории... Я снова стал ребенком, я самый настоящий ребенок, снова и навсегда».

Когда Гельсион добрался до первого этажа, никаких признаков преследования по-прежнему не было: не слышно было ни криков, ни топота ног. Он пожаловался регистратору о том, как ужасное оскорбление ему было только что нанесено. Подделывая подпись Джеймса Дереликта в книге посетителей, он пожаловался на свою несчастную судьбу охране — его перепачканные чернилами руки сделали страницу совершенно нечитаемой, так что распознать подделку было абсолютно невозможно. Охранник подал сигнал, и входные ворота распахнулись перед Джейфри Гельсионом. Джейфри вышел на улицу, и в этот момент у него за спиной раздался вой сирены, который навел на него ужас.

Он побежал. Остановился. Попытался заставить себя идти медленно. Не смог. Бросился вдоль по улице и услышал за спиной крики охранников. Метнулся за угол; он мчался по бесконечным улицам, слышал позади себя гудки автомобилей, вой сирен, бесчисленные сигналы и звонки, крики и приказы. Ему самому этот побег напоминал отвратительный огненный фейерверк.

В поисках убежища Гельсион, уже почти теряя надежду на спасение, метнулся в вестибюль безлюдного жилого дома. Он бросился вверх по лестнице, перескакивая сначала через три ступеньки, потом через две, потом, уже окончательно выбившись из сил, усилием воли заставляя себя подниматься все выше и выше.

ше, чувствуя, что его охватывает паника и он уже больше не может двигаться. Наконец он выбрался на площадку и прислонился к какой-то двери.

Она тут же распахнулась. На пороге стоял Далекий Демон — улыбался и потирал руки.

— *Gluckliche Reise*¹, — сказал он. — Минута в минуту. Черт возьми. Смылся, да? Входи, старина. Я тебя жду. Пусть не покажется убогим...

Гельсион закричал.

— Нет, нет, нет! Никаких *Sturm und Drang*², мой красавчик. — Мистер Аквила зажал Гельсиону рот рукой, подхватил его, втащил в свою квартиру и захлопнул дверь.

— Ну, заходи быстрее, — рассмеялся он. — И покидает Джейффи Гельсион свою смертельную темницу. *Dieu vous garde*³.

Гельсион высвободил рот, снова отчаянно завопил и попытался выбраться из рук мистера Аквилы. Он кусался и лягался, но мистер Аквила только хихикнул тихонько, засунул руку в карман и достал оттуда пачку сигарет, затем ловко вытащил одну сигарету и сломал ее прямо под носом Гельсиона. Тот моментально успокоился и позволил отвести себя на кушетку, где мистер Аквила стер с его лица и рук чернила.

— Так лучше, а? — снова хихикнул мистер Аквила. — Не способствует возникновению дурных привычек. Черт возьми. Пришла пора напитков.

Он взял графин и наполнил небольшой бокал, положил туда крошечный кубик алого льда из дымящегося ведерка и подал бокал Гельсиону. Послушный жесту Аквилы, художник выпил все, что было в бокале. В голове у него моментально зашумело. Тяжело дыша, он начал оглядываться по сторонам. Ему показалось, что он находится в роскошной приемной доктора с Парк-авеню. Мебель в стиле королевы Анны. Аксminsterский ковер. Два Хоггарта и один Копли в золоченых рамках. «Настоящие», — с изумлением подумал Гельсион. Затем, с еще большим удивлением он

¹ *Gluckliche Reise!* (нем.) — Со счастливым прибытием!

² *Sturm und Drang* (нем.) — Буря и написк (литературное течение).

³ *Dieu vous garde* (фр.) — Храни вас Бог.

вдруг понял, что мыслит вполне разумно. Его сознание было снова чистым.

Он устало потер лоб рукой.

— Что это было? Там что-то вроде... Позади у меня осталось что-то вроде лихорадки. Какие-то кошмары.

— Ты болел, — ответил Аквила. — Буду честен, старичок. Сознание вернулось к тебе временно. Ничего особенного не произошло, черт возьми. Любой доктор мог бы сделать это. Никотиновая кислота плюс углекислый газ. Только на время. Мы должны отыскать какое-нибудь более надежное средство, чтобы вылечить тебя основательно.

— Куда я попал?

— Это? Мой офис. Снаружи приемная. Внутри кабинет, где я консультирую. Налево лаборатория. Мы веруем в Бога.

— Я вас знаю, — пробормотал Гельсион. — Я откуда-то вас знаю. Мне знакомо ваше лицо.

— Оui. Ты много раз рисовал меня, когда болел. *Ecce homo*¹. У тебя есть преимущество, Гельсион. Где мы встречались, спрашиваю я себя, — Аквила надел на левый глаз сверкающее зеркало и осветил лицо Гельсиона. — Я спрашиваю тебя: где мы встречались?

Загипнотизированный ярким светом, Гельсион задумчиво проговорил:

— На Балу Изящных Искусств... Давно... До того, как я заболел...

— Да? *Si*². Это было полгода назад. Я там был. Несчастная ночь.

— Нет. Чудесная ночь... Веселье, счастье, радость... Словно школьная вечеринка... Словно костюмированный бал...

— Все время возвращаешься в детство, да? — проговорил мистер Аквила. — Следует обратить на это внимание. *Cetera desunt*³, юный Локинвар⁴. Продолжай.

¹ *Ecce homo* (лат.) — Таков человек.

² *Si* (ит.) — Да.

³ *Cetera desunt* (лат.) — Другие отсутствуют.

⁴ Локинвар — герой баллады Вальтера Скотта, включенной в повествовательную поэму «Мармион» (1808), романтический влюбленный.

— Я был с Джуди... В ту ночь мы поняли, что любим друг друга. Мы поняли, какой чудесной будет наша жизнь. А потом вы прошли мимо и посмотрели на меня... Всего один раз. Вы посмотрели на меня... Это было ужасно.

Мистер Аквила взволнованно прищелкнул языком.

— Теперь вспомнил. Не уследил за собой — плохие вести из дома. Чума на оба мои дома¹.

— Вы просто прошли мимо... вы были в черном и алом... Сатана. Без маски на лице. Вы взглянули на меня... Черно-алый взгляд, который мне не суждено забыть. Взгляд черных глаз, которые были словно адские озера, словно холодный огненный ужас. Одним этим взглядом вы отняли у меня все — радость, надежду, любовь, жизнь...

— Нет, нет! — сердито выкрикнул мистер Аквила. — Давай разберемся. Моя неосторожность была всего лишь ключом, открывшим дверь. Ты свалился в пропасть, которую создал сам. Тем не менее, пиво и конфетки, мы должны исправить то, что произошло. — Он снял зеркало и погрозил Гельсиону пальцем. — Мы должны вернуть тебя в страну живых. *Auxilium ab alto*². Господи. Именно за этим я и устроил нашу встречу. Сделанного не воротишь, так, кажется, говорят? Так вот я его ворочу, ясно? Только тебе придется самому выбираться из своей пропасти. Сплести веревку. Входи.

Мистер Аквила взял Гельсиона за руку, провел его по отделанному панелями вестибюлю, мимо опрятного кабинета и завел в ослепительно белую лабораторию. Повсюду кафель и сверкающее стекло, полки, уставленные бутылочками с реактивами, фарфоровые фильтры, электрическая печь, сосуды с кислотами, резервуары с химикатами. В самом центре лаборатории было небольшое круглое возвышение, что-то вроде помоста. Мистер Аквила поставил стул на этот по-

¹ «Чума на оба ваших дома» — цитата из «Ромео и Джульеты» В. Шекспира.

² *Auxilium ab alto* (лат.) — С посторонней помощью.

мост, усадил на него Гельсиона, надел белый халат и начал собирать какие-то приборы.

— Ты, — говорил он, — великий художник. Я вовсе не пытаюсь *dorer la pilule*¹. Когда Джимми Дереликт сказал мне, что ты перестал работать... черт возьми! Мы должны вернуть его к его баранам, сказал я. Солон Аквила должен владеть большим количеством картин Джейфри Гельсиона. Мы его вылечим. Нос² век.

— Вы доктор? — спросил Гельсион.

— Нет. Можно сказать, что я маг. Строго говоря, я колдун-патолог. Очень высокого класса. Никаких универсальных средств. Абсолютно современная магия. Черная и белая магия — это уже прошлое, *n'est-ce pas*³? Я занимаюсь всем спектром, но специализируюсь на полосе частот в 15 000 ангстрем.

— Вы доктор-колдун?

— Да.

— Здесь?

— Ага. Мне удалось обмануть и тебя, не так ли? Это наш камуфляж. Многие современные лаборатории, которые официально занимаются изобретением новой зубной пасты, на самом деле посвящают все свое время изучению магии. Но мы, тем не менее, являемся учеными. *Parbleu!*⁴! Мы, колдуны, шагаем в ногу со временем. Колдовское Зелье сейчас варганят в соответствии с Законом о лекарствах и Законом об экологически чистых продуктах. Домашние духи теперь стерильны на все сто процентов. Любое помело можно отправлять на санитарный контроль хоть каждый день. Заклинания хранятся в абсолютно чистой целлофановой упаковке. Папаша Дьявол носит резиновые перчатки. Спасибо Лорду Листеру⁵... а может быть, это был Пастер? Мой идол.

Колдун-патолог собрал химикаты, проконсультировался с астрономическими таблицами, сделал ка-

¹ *Dorer la pilule* (фр.) — Сластиль пилюлю.

² Нос (лат.) — Такие.

³ *n'est-ce pas* (фр.) — не так ли.

⁴ *Parbleu!* (фр.) — Черт возьми!

⁵ Джозеф Листер (1827-1912) — английский хирург, основатель современной антисептической хирургии.

кие-то вычисления на **компьютере** и при этом, не переставая, болтал.

— *Fugit hora*¹! Твоя проблема, мой древний, заключается в том, что ты потерял разум. *Oui?* Потерял его, когда совсем ненадолго оторвался от реальности и стал отчаянно искать мира и покоя после того, как я так неосторожно бросил на тебя всего один взгляд. *Helas*²! Прошу простить меня за это. Ну, что скажешь, дружок? — С этими словами мистер Аквила взял в руки крошечный мелок для разметки теннисных кортов и нарисовал на возвышении круг, центром которого стал Гельсион. — Твоя проблема, да будет тебе известно, заключается в том, что ты стремишься к покою и миру детства. Тебе следовало бы сражаться за то, чтобы приобрести покой и мир зрелости, *n'est-ce pas*³?

Господи.

При помощи сверкающего компаса и линейки Аквила рисовал круги и пятиугольники, потом взвешивал какие-то порошки на электронных весах, при помощи бюреток с делениями капал самые разнообразные жидкости в плавильные тигли и при этом продолжал говорить:

— Многие колдуны неплохо зарабатывают, продавая снадобья из Фонтана Молодости. О, да. Много юношей и много фонтанов, только вот не для тебя. Нет. Художникам не дано отведать молодости. Возраст — главное лекарство. Мы должны очистить твою юность и сделать тебя взрослым, *nicht wahr*⁴?

— Нет, — возразил Гельсион. — Нет. Искусство это молодость. Юность это мечта. Юность это благословение божье.

— Для некоторых — да. Но для большинства — нет. И не для тебя. Ты проклят, мой подросток. Мы должны очистить тебя. Жажда власти. Жажда секса. Несправедливые обиды, которые копятся. Бегство от реальности. Жажда мести. О, да, папаша Фрейд тоже

¹ *Fugit hora* (лат.) — Ужас проходит

² *Helas!* (фр.) — Увы!

³ *n'est-ce pas* (фр.) — не так ли.

⁴ *nicht wahr?* (нем.) — не так ли?

мой идол. За очень небольшую цену мы дочиста отмоем твою доску.

— За какую цену?

— Увидишь, когда закончим.

Мистер Аквила разложил и расставил чашки Петри и тигли с порошками и жидкостями вокруг беспомощного художника. Отмерил и отрезал фитили нужной длины, аккуратно соединил их с электрическим таймером. Потом подошел к полке, где стояли бутылочки с сывороткой, взял маленький флакон, на котором стоял номер 5-271-009, набрал содержимое флакона в шприц и очень осторожно сделал Гельсиону укол.

— Начинаем, — сказал он. — Очищение твоих мечтаний. *Voila*¹.

Потом мистер Аквила включил электрический таймер и спрятался за свинцовый щит. Наступила полная тишина. Неожиданно из спрятанного где-то громкоговорителя на Гельсиона выплеснулась волна черной музыки и чай-то, записанный на магнитофон голос, затянул невыносимые заклинания. Порошки и жидкости, расставленные вокруг Гельсиона, один за другим начали вспыхивать, и очень скоро художника окружила плотная стена пламени и музыки. Мир с оглушительным грохотом стал вращаться вокруг него...

К нему подошел президент Объединенных Наций. Это был высокий худощавый подвижный человек с очень грустным лицом. Он в смятении ломал руки.

— Мистер Гельсион! Мистер Гельсион! Где вы были, мой кексик? Черт возьми. *Hoc tempore*². Вы знаете, что произошло?

— Нет, — ответил Гельсион. — А что произошло?

— После вашего побега из психушки. Хлоп! Атомные бомбы повсюду. Двухчасовая война. Она окончена. *Hora fugit*³, мой правоверный дружок. Мужчины потеряли способность иметь детей.

— Что?

— Жесткая радиация, мистер Гельсион, сделала мужчин всего мира калеками в некотором смысле.

¹ *Voila* (фр.) — Вот.

² *Hoc tempore* (лат.) — Такие времена.

³ *Hora fugit* (лат.) — Проходит ужас.

Черт возьми. Вы — единственный мужчина, способный производить потомство. Вне всякого сомнения причина этого заключается в том, что в вашем организме произошли необъяснимые и загадочные мутации, которые делают вас не таким, как все. Господи.

— Не может быть.

— Oui. Теперь вашей обязанностью является снова заселить наш мир. Мы сняли для вас номер в Одеоне. Там три спальни. Три — мое любимое число. Простое.

— Вот так бутерброд! — воскликнул Гельсион. — Я же об этом только и мечтал.

Его путешествие в Одеон было самым настоящим триумфом. Его украсили гирляндами цветов, ему пели серенады и приветствовали радостными криками. Обезумевшие от восторга женщины бесстыдно демонстрировали ему себя, надеясь привлечь его внимание. В номере Гельсиона напоили прекрасным вином и отменно накормили. После обеда вошел высокий худощавый подвижный человек с очень грустным лицом. В руке он держал список.

— Главный Сводник Мира к вашим услугам, мистер Гельсион, — сказал он и заглянул в свой список. — Черт возьми. 5 271 009 девственниц претендуют на ваше внимание. Красота гарантирована. *Ewig-Weibliche*¹. Назовите любое число от одного до пяти миллионов.

— Начнем с рыжей, — сказал Гельсион.

Ему привели рыжую девушку. Стойкая мальчишеская фигура, маленькая твердая грудь. Следующая — пухленькая, с совершенно нахальной попкой. Пятая была статной девушкой, чья грудь напоминала африканские груши. Десятая словно сошла с картины Рембрандта. А двадцатая оказалась стойкой девушкой с мальчишеской фигурой и маленькой твердой грудью.

— Мы не встречались с тобой раньше? — поинтересовался Гельсион.

— Нет, — ответила она.

Следующая — пухленькая, с совершенно нахальной попкой.

¹ *Ewig-Weibliche* (нем.) — Идеал женщины.

— Твое тело мне знакомо, — сказал Гельсион.

— Нет, — ответила она.

Пятидесятой была статная девушка, чья грудь напоминала африканские груши.

— Это точно? — спросил Гельсион.

— Никогда, — ответила она.

Утром в номер Гельсиона вошел Главный Сводник Мира, держа в руках бокал с напитком, усиливающим половую силу.

— Я этого не употребляю, — сказал Гельсион.

— Черт возьми, — воскликнул Сводник. — Вы самый настоящий гигант. Слон. Не удивительно, что вы являетесь всеми любимым Адамом. *Tant soit peu*¹. Не удивительно, что они все плачут от любви к вам. — С этими словами Сводник залпом выпил напиток.

— А вы не заметили, что они становятся похожими одна на другую? — пожаловался Гельсион.

— О, нет! Они все разные. *Parbleu*²! Вы нанесли оскорбление моему отделу.

— Нет, нет, они все разные, только вот типы начинают повторяться.

— А? Такова жизнь, стариочек. Жизнь циклична. Разве вы не заметили, вы же художник?

— Я не думал, что этот принцип относится к любви тоже.

— Он относится ко всему. *Wahrheit und Dichtung*³.

— Вы, кажется, говорили, что они плачут?

— *Oui*. Они все плачут.

— Почему?

— От безумной любви к вам. Черт возьми.

Гельсион подумал о процессии мальчишеских, нахальных, статных, рембрандтовских, худых, рыжих, блондинок, брюнеток, белых, черных и коричневых женщин.

— Я не заметил, — признался он.

— Обратите на это внимание сегодня, наш всемирный отец. Ну что, начнем?

¹ *Tant soit peu* (фр.) — в каком-то смысле

² *Parbleu!* (фр.) — Черт возьми!

³ *Wahrheit und Dichtung* (нем.) — Истина и поэзия

Сводник сказал правду. Гельсион не заметил этого раньше. Они действительно плакали. Ему это льстило и одновременно угнетало.

— Почему бы вам не посмеяться немногого? — спрашивал он.

Но они не хотели или не могли.

Наверху, на крыше Одеона, во время ежевечерней тренировки Гельсион поинтересовался причинами у своего тренера — высокого худощавого и подвижного человека с очень грустным лицом.

— А? — переспросил тренер. — Черт возьми. Я не знаю, старина виски с содовой. Возможно, причина в том, что происходящее травмирует их.

— Травмирует? — фыркнул Гельсион. — Почему? Что я такого особенного с ними делаю?

— Ага? Вы шутите, да? Всему миру известно, что вы с ними делаете.

— Нет, я хотел сказать... Как происходящее может их травмировать? Они же все сражаются за то, чтобы попасть ко мне, не так ли? Я что, обманул чьи-нибудь ожидания?

— Загадка. *Triptotage*¹ А теперь, возлюбленный всемирный отец, зайдемся отжиманиями. Вы готовы? Начинайте.

Внизу, в ресторане Одеона, Гельсион решил расспросить метрдотеля — высокого худощавого и подвижного человека с очень грустным лицом.

— Мы простые люди, мистер Гельсион. *Suo jure*². Вы, конечно же, это понимаете. Женщины вас любят, но они знают, что не могут рассчитывать больше, чем на одну ночь любви с вами. Черт возьми. Естественно, они разочарованы и расстроены.

— А чего они хотят?

— Того же, чего хочет каждая женщина, мои любезные ворота на запад. Постоянных отношений. Брака.

¹ *Triptotage* (фр.) — Темные делишки.

² *Suo jure* (лат.) — В своем праве.

— Брака!

— Oui.

— Все до единой?

— Oui.

— Ну, хорошо. Я женюсь на всех 5 271 009.

Но тут запротестовал Главный Сводник Мира.

— Нет, нет, нет, юный Локинвар. Черт возьми.

Это невозможно. Даже если забыть на время о религиозных препятствиях, существует еще и человеческий фактор. Кто сможет справиться с таким гаремом?

— В таком случае, я женюсь на одной.

— Нет, нет, нет. *Pensez a moi*¹. Как вы сделаете выбор? На какой из кандидатур остановитесь? При помощи жребия, соломинок, или станете бросать монетку?

— А уже сделал выбор.

— Да? И кто же это?

— Моя девушка, — медленно проговорил Гельсион. — Джудит Филд.

— Так. Ваша любимая?

— Да.

— Она находится в самом конце пятимиллионного списка.

— В моем списке она всегда стояла на первом месте. Я хочу Джудит. — Гельсион вздохнул. — Я помню, как она выглядела на Балу Изящных Искусств... Светила полная луна...

— До двадцать шестого полной луны не ожидается.

— Я хочу Джудит.

— Остальные от зависти разорвут ее на части. Нет, нет, нет, мистер Гельсион, мы должны придерживаться расписания. Одна ночь для каждой девушки, одна ночь и не больше.

— Я хочу Джудит. Иначе...

— Этот вопрос должен быть обсужден на Совете. Черт возьми.

Вопрос обсуждался на заседании Совета Объединенных Наций дюжиной делегатов — высоких сухих подвижных с очень грустными лицами. Было решено

¹ *Pensez a moi* (фр.) — Подумайте обо мне.

позволить Джейфри Гельсиону тайно жениться на одной девушке.

— Но никаких семейных уз, — предупредил его Главный Сводник Мира. — Никакой верности жене. Нужно понимать. Мы не можем отказаться от вашей помощи в выполнении нашей программы. Вы незаменимы.

Счастливицу Джуди Филд привезли в Одеон. Она была высокой девушкой с темными коротко подстриженными волосами и прекрасными ногами теннисистки. Гельсион взял ее за руку. Главный Сводник Мира на цыпочках вышел из номера.

— Здравствуй, милая, — прошептал Гельсион.

Джудит с ненавистью посмотрела на него. У нее были мокрые глаза, а лицо распухло от слез.

— Здравствуй, милая, — повторил Гельсион.

— Если ты дотронешься до меня, Джейф, — задыхаясь, проговорила Джуди, — я тебя убью.

— Джуди!

— Тот омерзительный человек мне все объяснил. Он, кажется, не понял меня, когда я попыталась ему сказать... Я молила Бога о том, чтобы ты умер до того, как придет моя очередь.

— Но я же хочу на тебе жениться, Джуди.

— Я скорее умру, чем соглашусь выйти за тебя замуж.

— Не верю. Мы же любили друг друга целых...

— Ради всех святых, Джейф, любовь для тебя кончилась. Разве ты еще этого не понял? Женщины плачут потому, что они тебя ненавидят. Я тоже тебя ненавижу. Весь мир тебя ненавидит. Ты отвратителен.

Гельсион посмотрел на девушку, и по ее глазам понял, что она говорит правду. Он так рассвирепел, что попытался схватить ее, но Джуди отчаянно отбивалась. Они метались по огромному номеру, переворачивая мебель, все больше распаляясь и тяжело дыша. Чтобы положить конец сражению раз и навсегда, Гельсион ударил Джуди Филд своим огромным кулаком. Она отлетела к окну, вцепилась за штору, но ей не удалось удержаться. Пробив спиной стекло, Джуди, словно тряпичная кукла, вывалилась из окна четырнадцатого этажа.

Гельсион в ужасе посмотрел вниз. Возле тела Джуди собралась толпа. Поднятые лица. Грозящие кулаки. Возмущенный ропот.

В этот момент в номер влетел Сводник.

— Старина! Дружок! — воскликнул он. — Что вы наделали? *Per conto*¹. Из этой искры разгорится варварское пламя. Вам угрожает страшная опасность. Черт возьми.

— Они действительно все меня ненавидят?

— *Helas*, вы узнали правду? Фу, какая несдержанная девчонка. Я же ее предупреждал. *Oui*. Вас ненавидят.

— Но вы же говорили мне, что меня любят! Новый Адам. Отец нового мира.

— *Oui*. Вы и есть отец, но какое дитя не испытывает ненависти к своему родителю? Кроме того, вы являетесь законным насильником. А какая женщина не испытывает ненависти к мужчине, которого она должна обнимать против собственного желания... даже если она делает это, чтобы спасти человечество? Уходим отсюда, да побыстрее, моя хлебная водка. *Passim*² тебе угрожает страшная опасность.

Он потащил Гельсиона к запасному лифту, и они спустились в подвал Одеона.

— Армия вытащит вас отсюда. Мы немедленно доставим вас в Турцию и постараемся выработать какое-нибудь компромиссное решение.

Высокий худощавый и грустный армейский полковник взял на себя заботу о Гельсионе. По подземным переходам он вывел его на боковую улицу, где их ждала служебная машина. Полковник втолкнул Гельсиона внутрь.

— *Jacta alea est*³, — сказал он водителю. — Гони, мой капрал. Мы должны защитить старину правоверного. В аэропорт. *Alors*⁴!

— Черт возьми, сэр, — ответил капрал.

¹ *Per conto* (лат.) — с точностью до наоборот.

² *Passim* (лат.) — Повсюду.

³ *Jacta alea est* (лат.) — Жребий брошен.

⁴ *Alors!* (фр.) — Итак!

Он отдал честь и завел мотор. Пока машина мчалась по узким улицам на головокружительной скорости, Гельсион разглядывал водителя. Это был высокий худощавый подвижный человек с очень грустным лицом.

— *Kulturmampf der Menschheit*¹, — пробормотал капрал. — Господи!

Улица была перегорожена огромной баррикадой из мебели, перевернутых машин, столбов и урн. Капрал был вынужден нажать на тормоза. Когда он скинул скорость, чтобы сделать разворот, из подворотен, подвалов и магазинов на дорогу выскочило множество женщин. Все они громко вопили. Кое-кто размахивал импровизированными дубинками.

— *Excelsior*²! — закричал капрал. — Черт возьми.

Он попытался вытащить свой служебный пистолет из кобуры. Женщины распахнули дверцы автомобиля и вытащили Гельсиона и капрала наружу. Гельсион вырвался и начал пробираться через озверевшую, размахивающую дубинками толпу женщин, потом метнулся к тротуару, споткнулся и с головокружительным поворотом свалился в угольный подвал. Он падал вниз, в бесконечное черное пространство, и у него закружилась голова. Перед глаза проплыла вереница звезд...

Гельсион одиноко парил в пространстве, никем не понятый мученик, жертва жестокой несправедливости.

Он был по-прежнему прикован к тому, что когда-то служило стеной камеры 5, Блока № 27, Яруса 100, Крыла 9 тюрьмы на Каллисто, пока гамма-взрыв не разворотил огромную тюрьму-крепость — больше, чем замок Ив — на несколько частей. Похоже, виновниками взрыва были Грсши.

Гельсион располагал одеждой заключенного, шлемом, одним баллоном кислорода, мрачной яро-

¹ *Kulturmampf der Menschheit* (нем.) — Борьба человечества за культуру.

² *Excelsior!* (лат.) — Выше (гевиз штата Нью-Йорк).

стью, вызванной несправедливостью, жертвой которой он стал, и знанием секрета, при помощи которого можно было победить Грсшей с их маниакальным стремлением завоевать Солнечную систему.

Грсхи — омерзительные мародеры из системы Омикрона, космические дегенераты, тараканоподобные, питающиеся психическим страхом, которым они окутывали сознание людей, устанавливая над ними контроль. Они очень быстро завоевывали галактику — люди не могли им сопротивляться, поскольку эти гнусные существа обладали однокинезисом — способностью одновременно находиться в двух местах.

В бесконечном черном склете космоса медленно, словно падающий метеор, двигалась световая точка. Гельсион понял, что это спасательный корабль, который прочесывает космос в поисках тех, кто уцелел после взрыва. Он подумал о том, хватит ли ржавого света Юпитера, чтобы спасатели смогли его заметить. «А хочу ли я вообще, чтобы меня спасли?» — подумал он.

— Все начнется сначала, — проворчал Гельсион. — Ложное обвинение робота Балорсена... Несправедливый приговор отца Джудит... Презрение самой Джудит... Снова тюрьма... В конце концов меня уничтожат Грсхи, когда падет последний оплот Земли. Почему бы не умереть сейчас?

Но стоило ему произнести эти слова, как он понял, что обманывает сам себя. Он был единственным человеком, владевшим единственным секретом, который мог спасти Землю и даже целую галактику. Он должен выжить. Он должен бороться за жизнь.

Только неукротимая воля помогла Гельсиону с трудом подняться на ноги, отчаянно сражаясь с душающей его цепью. С несгибаемой силой, которую он приобрел, работая на каторжных рудниках Грсшей, он закричал и замахал руками. Маленькое пятнышко света продолжало медленно удаляться от него. Потом Гельсион заметил, как металлическое звено цепи высекло яркую искру из кремневой скалы. Тогда в надежде подать сигнал удаляющемуся спасательному кораблю он пошел на отчаянный риск.

Он отсоединил пластиковый шланг, идущий от баллона с кислородом к пластиковому шлему, и выпу-

стил струю дающего жизнь газа в пустоту. Затем дрожащими руками собрал ножные цепи и ударили ими о скалу, рядом с облаком выпущенного кислорода. Вспыхнула искра. Кислород загорелся. Яркий фонтан белого пламени взметнулся на полмили вверх.

Стараясь беречь оставшийся в шлеме кислород, Гельсион медленно поворачивал кислородный баллон, перемещая в разные стороны струю пламени, отчаянно пытаясь привлечь к себе внимание спасателей. Воздух в его пластиковом шлеме начал приобретать отвратительный вкус. В ушах зашумело. Перед глазами стали вспыхивать искры. И, наконец, он потерял сознание...

Когда Гельсион пришел в себя, он лежал на пластиковой койке в каюте космического корабля. Высокочастотный вой двигателей сразу подсказал ему, что корабль вышел на овердрайв. Гельсион открыл глаза. Перед его пластиковой койкой стояли Балорсен, робот Балорсена и Верховный Судья Филд со своей дочерью Джудит. Джудит рыдала. Робот был обездвижен пластиковыми магнитными зажимами и его перекашивало всякий раз, когда генерал Баролсен снова и снова хлестал гада ядерным пластиковым хлыстом.

— Parbleu! Черт возьми! — проскрежетал робот. — Это правда, я действительно подставил Джеффа Гельсиона. Ой! Flux de bouche¹. Я был космическим пиратом, похитившим космический грузовой корабль. Черт возьми! Ой! Космический бармен в Космической Таверне был моим сообщником. Когда Джексон разбил космическое такси, я направился в космический гараж и облучил акустическую систему еще *до того*, как Тантиал убил О'Лири. Aux armes². Господи! Ой!

— Вот мы и получили признание, Гельсион, — проскрежетал генерал Балорсен — высокий худощавый человек с очень грустным лицом. — Видит Бог! Ars est celare artem³. Вы невиновны.

— Я несправедливо осудил вас, мой честный старый друг, — тоже проскрежетал судья Филд — высо-

¹ Flux de bouche (фр.) — Болтовня.

² Aux armes (фр.) — При оружии.

³ Ars est celare artem (лат.) — Как искусно скрывается истина.

кий худощавый человек с очень грустным лицом. — Вы в состоянии простить мою проклятую глупость? Мы приносим вам свои извинения.

— Мы причинили тебе много зла, — прошептала Джудит. — Как ты сможешь простить нас? Но все-таки, скажи, что ты нас прощаешь.

— Вы сожалеете о том, как обошлись со мной, — проскрежетал Гельсион. — Но в моем организме произошли необъяснимые и загадочные мутации, которые сделали меня не таким, как все. Я — тот единственный человек, который знает секрет спасения нашей галактики от Грсшей.

— Нет, нет, нет, крепкий джин с тоником, — взмолился генерал Балорсен. — Проклятье. Только не держи на нас старых обид. Спаси галактику от Грсшей.

— Спаси нас, *faute de mieux*¹, спаси нас, Джейф, — просил судья Филд.

— Пожалуйста, Джейф, пожалуйста, — прошептала Джудит. — Грши со всех сторон, они подбираются все ближе. Мы отвезем тебя в ООН. Ты должен рассказать Совету, как лишить Грсшей способности находиться в двух местах одновременно.

Космический корабль вышел из овердрайва и приземлился на Губернаторском Острове, где их уже встречала делегация, составленная из мировых знаменитостей. Затем Гельсиона стремительно доставили в Зал Генеральной Ассамблеи ООН. Они мчались по странным закругленным улицам, вдоль которых стояли странно закругленные здания — все эти изменения были произведены, когда было установлено, что Грши всегда появляются в углах. На всей Земле не осталось ни одного угла.

Зал Генеральной Ассамблеи был заполнен до отказа, когда вошел Гельсион. Сотни высоких худощавых дипломатов с очень грустными лицами аплодировали, пока он поднимался на трибуну, все еще одетый в пластиковую полосатую форму заключенного. Гельсион с отвращением огляделся.

¹ *faut de mieux* (фр.) — за неимением лучшего.

— Да, — проскрежетал он. — Вы все аплодируете. Все вы теперь полны благоговения; но где вы были, когда меня подставили, осудили и засадили в тюрьму... меня, совершенно невинного человека? Где вы были тогда?

— Гельсион, прости нас. Черт возьми! — закричали они.

— Я не прощу вас. Я семнадцать лет мучился на рудниках Гршней. Теперь пришел ваш черед страдать.

— Пожалуйста, Гельсион!

— Где все ваши эксперты? Ваши профессора? Ваши специалисты? Где ваши электронные калькуляторы? Супермыслящие машины? Пусть они откроют тайну Гршней.

— Они не могут, крепкое виски с содовой. *Entre nous*¹. Они в тупике. Спаси нас, Гельсион. *Auf wiedersehen*².

Джудит взяла его за руку.

— Не ради меня, Джейф, — прошептала она. — Я знаю, что ты никогда не простишь меня за ту боль, что я тебе причинила. Но сделай это ради всех девушек в галактике, которые любили и были любимыми.

— Я все еще люблю тебя, Джуди.

— Я всегда любила тебя, Джейф.

— Ладно. Я не хотел ничего им рассказывать, но ты меня уговорила. — Гельсион поднял руку, чтобы восстановить тишину. Среди полного молчания он тихо произнес: — Секрет состоит в следующем, господа. Ваши калькуляторы собирали информацию, чтобы выявить тайную слабость Гршней. Они ничего не смогли обнаружить. И как следствие этого, было решено, что таких слабостей у Гршней нет. Это неверный вывод.

Генеральная Ассамблея затаила дыхание.

— Вот в чем заключается секрет. Вы должны были сообразить, что что-то не в порядке с вашими калькуляторами.

¹ *Entre nous* (фр.) — Между нами.

² *Auf wiedersehen* (нем.) — До встречи.

— Черт возьми! — вскричала Генеральная Ассамблея. — Почему мы сами до этого не додумались? Черт возьми!

— *И я знаю, в чем заключается неполадка!*

Наступила смертельная тишина.

Дверь в Залу Генеральной Ассамблеи распахнулась. Профессор Смертишин — высокий, худощавый, с очень грустным лицом — вбежал в Зал.

— Эврика! — закричал он. — Я нашел. Черт возьми. Что-то не в порядке с мыслящими машинами. Три идет после двух, а не до.

Генеральная Ассамблея огласилась счастливыми криками. Возбужденная толпа схватила профессора Смертишина и начала радостно тузить его. Открывали бутылки с вином. Пили за его здоровье. На грудь профессора нацепили несколько медалей. Он сиял.

— Эй! — напомнил о себе Гельсион. — Это мой секрет. Я тот человек, в организме которого произошли необъяснимые и загадочные мутации...

Застучал телетайп, и на стене появились огромные буквы:

«ВНИМАНИЕ. ВНИМАНИЕ. ХУЩЕНКОВ В МОСКВЕ НАШЕЛ ДЕФЕКТ В КАЛЬКУЛЯТОРАХ. З ИДЕТ ПОСЛЕ ЦИФРЫ 2, А НЕ ДО. ПОВТОРЯЕМ: ПОСЛЕ (ПОДЧЕРКИВАЕМ), А НЕ ДО».

В Зал вбежал почтальон.

— Специальное сообщение от доктора Жизнитишина. Он сообщает о неисправности мыслящих машин. Три идет после двух, а не наоборот.

Посыльный принес телеграмму:

«МЫСЛЯЩИЕ МАШИНЫ НЕ В ПОРЯДКЕ ТОЧКА ДВА ИДЕТ РАНЬШЕ ТРЕХ ТОЧКА А НЕ ДО ТРЕХ ТОЧКА ФОН МЕЧТАТИШИН ТОЧКА ГЕЙДЕЛЬБЕРГ».

Раздался звон стекла — в окно влетела бутылка. Она упала на пол и разбилась, внутри оказался листок бумаги, на котором было нацарапано: «Неужели вы никогда не думали, что, возможна, цифер 3 идет после 2 вместо наабарот? Конец Грисчам. Мистер Тишин-Тишин».

Гельсион вцепился в рукав судьи Филда.

— Какого дьявола здесь происходит? — резко спросил он. — Я думал, что на всем свете только я один знаю этот секрет

— *HimmelHerrGott!* — нетерпеливо ответил Судья Филд. — Вы все одинаковы. Мечтаете, что на всем свете вы — единственный человек, знающий секрет, что вы единственный человек, претерпевший несправедливость, с девушкой или без девушки, с чем-нибудь или без всего. Черт возьми. Вы мне надоели, люди с мечтой о своей уникальности. Проваливай.

Судья Филд оттолкнул Гельсиона в сторону. Генерал Балорсен оттолкнул его обратно. Джудит Филд не обращала на него внимания. Робот Балорсена незаметно подтолкнул его в угол толпы, где Грш, одновременно находящийся в углу, где толпились люди на Нептуне, сделал с Гельсионом нечто невероятное, такое, что и словами невозможно описать, и исчез вместе с несчастным, который начал судорожно вырываться, кричать и рыдать, погрузившись в ужас — изысканное блюдо для Грсша — и пластиковый кошмар для Гельсиона...

Его разбудила мать, положив кошмару конец.

— В следующий раз, — сказала она, — не будешь по ночам таскать бутерброды с ореховым маслом, Джейффи.

— Мама?

— Да, тебе пора вставать, дорогой, ты опоздаешь в школу.

Она вышла из комнаты. Гельсион огляделся по сторонам. Потом посмотрел на себя. Это было правдой. Правдой! На него снизошло изумительное понимание. Его мечта осуществилась. Ему снова было десять лет, и он находился в теле десятилетнего ребенка, в доме, где прошло его детство, в жизни, которую он уже один раз прожил, когда учился в школе. Только теперь он располагал знаниями, опытом и мудростью тридцатиreichлетнего мужчины.

— О, радость! — вскричал он. — Меня ждет триумф. Триумф!

Он будет школьным гением. Он удивит своих родителей, поразит учителей, потрясет экспертов. Он получит стипендию. Покончит с издевательствами этого типа Реннекхана, который вечно над ним измы-

вался. Он возьмет напрокат пишущую машинку и напишет все знаменитые пьесы, рассказы и романы, которые помнит. Теперь он воспользуется той упущен-ной возможностью с Джуди Филд возле мемориала в парке Ишам. Он украдет изобретения и открытия, станет основателем новых производств, будет делать ставки на тотализаторе, играть на бирже. К тому времени, когда ему исполниться тридцать три, он станет хозяином всего мира.

Гельсион с трудом оделся — забыл, где что лежит. С трудом съел свой завтрак. Сейчас было не время объяснять матери, что он привык начинать день с чашечки ирландского кофе. Ему страшно не хватало утренней сигареты. И он не имел ни малейшего представления о том, где лежат его учебники. Мать с трудом выпроводила его из дома.

— На Джейффа сегодня опять нашла придури, — пробормотала она. — Надеюсь, день пройдет спокойно.

День начался с того, что Реннехан ждал его в засаде возле Входа для мальчиков. В воспоминаниях Гельсиона он был большим грубым хулиганом со свирепым выражением лица. Сейчас он с изумлением обнаружил тощее, затравленное и одновременно агрессивное существо, в которое словно вселился дьявол.

— Послушай, ты же не испытываешь ко мне никакой враждебности, — воскликнул Гельсион. — Ты всего лишь запутавшийся мальчишка, который пытается что-то доказать.

Реннехан ударил его.

— Знаешь, малыш, — ласково сказал Гельсион. — На самом деле тебе очень хочется дружить со всем светом. Ты просто чувствуешь себя неуверенно. И поэтому вынужден драться.

Психоаналитический сеанс, проведенный Гельсионом для Реннехана, оставил того равнодушным. Он нанес еще один удар. Было больно.

— Да оставь ты меня в покое, — проговорил Гельсион. — Иди доказывай, какой ты сильный, кому-нибудь другому.

Двумя быстрыми движениями Реннехан выбил книжки из рук Гельсиона и одновременно расстегнул

молнико у него на штанах. Не оставалось ничего другого, как драться. Двадцать лет смотрения фильмов с будущим Джо Луисом не принесли Гельсиону никакой пользы. Реннхан крепко отдал его. К тому же, Гельсион опоздал в школу. Вот сейчас ему представится возможность поразить своих учителей.

— Дело в том, — объяснил он мисс Ральф, которая преподавала в пятом классе, — что у меня была стычка с невротиком. Я, конечно, могу справиться с его левым хуком, но вот отвечать за навязчивые идеи не могу.

Мисс Ральф дала ему пощечину и отправила к директору с запиской, в которой сообщалось о неслыханной наглости Гельсиона.

— Единственное, о чем никто не знает в этой школе, — сказал Гельсион мистеру Снайдеру, — это психоанализ. Как вы можете изображать из себя компетентных учителей, если вы не...

— Грязный мальчишка! — сердито перебил его мистер Снайдер — высокий худощавый мужчина с очень грустным лицом. — Так значит, ты читал грязные книжки, да?

— А что грязного в книгах Фрейда?

— Кроме того, ты грязно ругался, да? Тебе нужно преподать хороший урок, потому что ты гнусное маленькое животное.

Гельсиона отправили домой с запиской, требующей немедленной встречи с его родителями по поводу исключения Джейфри из школы в связи с тем, что он нуждается в немедленном переводе в исправительно-трудовую колонию.

Вместо того, чтобы пойти домой, он отправился к газетному киоску, чтобы просмотреть газеты на предмет событий, на которые можно было бы сделать ставку. Заголовки пестрели сообщениями о будущих скачках. Только вот кто, черт побери, выиграл их? Кто победил в промежуточных заездах?

Джейфри никак не мог вспомнить. А что насчет акций на бирже? Про это он тоже ничего не помнил. Когда он был мальчишкой, эти вопросы его не слишком интересовали. Так что в памяти ничего и не осталось.

Он попытался проникнуть в библиотеку, чтобы кое-что уточнить. Библиотекарь — высокий, худощавый, с очень грустным лицом — не пустил его, сообщив, что час для детей еще не наступил. Тогда Гельсион начал слоняться по улицам. И отовсюду его прогоняли высокие худощавые взрослые с очень грустными лицами. Он начал понимать, что у десятилетнего мальчика совсем немного возможностей поразить мир.

Когда наступило время ленча, Джейфри встретил у школы Джуди Филд и проводил ее до дома. Он был смущен ее шишковатыми коленками и длинными черными локонами. Кроме того, ему не понравилось, как от нее пахнет. Зато ему куда больше понравилась ее мать, которая живо напомнила Гельсиону ту Джуди, образ которой запечатился в его памяти. Он немного забылся в разговоре с миссис Филд и сделал одну или две вещи, которые возмутили ее. Она выставила Джейфри из дома, а потом позвонила его матери и говорила с ней дрожащим от негодования голосом.

Гельсион направился к берегу реки Гудзон и болтался возле причала для парома до тех пор, пока его не прогнали и оттуда. Тогда он направился в магазин канцелярских принадлежностей, чтобы узнать, где можно взять напрокат пишущую машинку — и из магазина его тоже выставили. Гельсион принялся искать место, где бы он мог спокойно посидеть, подумать, спланировать свои дальнейшие действия, может быть, начать вспоминать какой-нибудь рассказ, пользовавшийся успехом. Однако найти такое место, где маленький мальчик мог бы спокойно посидеть, не удалось.

Он проскользнул к себе домой в половине пятого, бросил книги у себя в комнате, стащил сигарету и собрался убежать куда-нибудь, когда увидел, что отец и мать поджидают его. Мать выглядела потрясенной. Отец был худощавым и очень грустным.

— А, — сказал Гельсион, — наверное, звонил Снайдер. Я совсем об этом забыл.

— Мистер Снайдер, — поправила мать.

— И миссис Филд, — добавил отец.

— Послушайте, — начал Гельсион. — Нам следует во всем этом разобраться. Вы можете меня послу-

шать несколько минут? Я должен сообщить вам нечто удивительное, и нам надо спланировать нашу дальнейшую деятельность. Я...

Тут он завопил от боли. Отец схватил Джейфри за ухо и потащил из гостиной. Родители никогда не слушают, что говорят им дети. Даже в течение нескольких минут. Они их совсем не слушают.

— Пап... Только одну минутку... Пожалуйста! Я пытаюсь объяснить. На самом деле мне совсем не десять лет. Мне тридцать три. Произошел скачок во времени, понимаешь? В моем организме произошли необъяснимые и загадочные мутации...

— Черт тебя побери! Заткнись! — закричал отец.

Боль, которую причиняли ему большие руки отца, и едва сдерживаемая ярость в его голосе заставили Гельсиона замолчать. Он молча позволил отцу пройти с ним четыре квартала до школы и подняться на второй этаж в кабинет мистера Снайдера, где их уже поджидали школьный психолог и директор. Психолог был высоким худощавым мужчиной с грустным лицом.

— О, да, да, — сказал психолог. — А вот и наш маленький дегенерат. Наше Лицо со Шрамом, наш Аль Капоне, да? Пойдем, отведем его в клинику, а там уж я возьму его *journal intime*¹. Будем надеяться на лучшее. *Nisi prius*². Он не может быть совсем уж плохим.

Психолог взял Гельсиона за руку. Гельсион вырвал руку и сказал:

— Послушайте, вы ведь взрослый умный человек. Вы послушаете меня. У моего отца возникли эмоциональные проблемы, которые ослепляют его до...

Отец с размаху врезал ему в ухо, схватил за плечи и толкнул обратно к психологу. Гельсион разрыдался. Психолог вывел мальчика из кабинета директора, и они направились в маленький школьный изолятор. У Гельсиона началась истерика. Он весь дрожал от разочарования и ужаса.

— Неужели никто не выслушает меня? — рыдал он. — Неужели никто не попытается понять? Неуже-

¹ *journal intime* (фр.) — личный дневник.

² *Nisi prius* (лат.) — Если бы это был первый раз.

ли мы все именно так обращаемся с детьми? Неужели всем детям приходится пройти через такие мучения?

— Осторожно, моя колбаска, — пробормотал психолог. Он засунул в рот Гельсиона таблетку и заставил запить ее водой.

— Вы чертовски безжалостны, — рыдал Гельсион. — Вы не пускаете нас в свой мир, но сами все время вторгаетесь в наш. Если вы нас совсем не уважаете, почему бы вам не оставить нас в покое?

— А, кажется, ты начал понимать, — ответил психолог. — Мы — две разных породы животных, дети и взрослые. Черт возьми. Я буду говорить с тобой откровенно. *Les absents ont toujours tort*¹. Разумы никогда не встречаются. Господи. Нет ничего, кроме войны. Именно поэтому все дети вырастают, ненавидя собственное детство, а потом ищут возможность для мести. Но месть никогда не приходит. *Pari mutiel*². Как может быть иначе? Может ли кошка оскорбить короля?

— Это... от... отвратительно, — пролепетал Гельсион. — Таблетка быстро начинала действовать. — Мир полон мерзости. В нем масс... онфликт... оскорлений... не разрешить... не отом... тить... Словно кто-то... играет... с на... Глупо, а?

Чувствуя, как его окутывает тьма, Гельсион услышал веселое хихиканье психолога, но никак не мог понять, что того так развеселило.

Он взял лопату и последовал за первым шутом на кладбище. Первый шут был высоким, худощавым, очень грустным, но подвижным человеком.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил первый шут.

— Стало быть, правильно, — ответил Гельсион. — Ты и копай ей живей могилу. Ее показывали следователю и постановили, чтобы по-христиански.

¹ *Les absents ont toujours tort* (фр.) — Отсутствующие всегда ве- правы.

² *Pari mutuel* (фр.) — тотализатор.

— Статочное ли дело? Добро бы она утопилась в состоянии самозащиты.

— Состояние и постановили.

Они начали копать могилу. Первый шут обдумал ситуацию, а потом сказал:

— Состояние надо доказать. Без него не закон. Скажем, я теперь утоплюсь с намерением. Тогда это дело троякое. Одно — я его сделал, другое — привел в исполнение, третье — совершил. С намерением она, значит, и утопилась.

— Ишь ты как, кум гробокопатель...¹ — начал Гельсион.

— Отвяжись, — перебил его первый шут и начал занудно распространяться все на ту же тему: законно — не законно. Потом он быстро повернулся и выдал несколько профессиональных шуток. Наконец Гельсиону удалось от него отделаться, и он отправился в таверну к Иогану, чтобы немного выпить. Когда он вернулся, первый шут шутил на профессиональные темы с двумя джентльменами, которые забрели на кладбище. Один из них поднял шум из-за какого-то черепа.

Появилась похоронная процессия: гроб, брат умершей девушки, король и королева, их свита и священники. Девушку похоронили, и брат девушки начал ссориться возле могилы с одним из джентльменов. Гельсион не обратил на них никакого внимания. Он заметил девушку — с коротко подстриженными темными волосами и красивыми ногами. Он подмигнул ей. Она подмигнула ему в ответ. Гельсион стал подбираться поближе, бросая ей выразительные взгляды и получая не менее выразительные взгляды в ответ.

Потом он взял свою лопату и последовал за первым шутом на кладбище. Первый шут был высоким, худощавым, подвижным человеком с очень грустным лицом.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил первый шут.

¹ Эпизод соответствует первой сцене пятого акта пьесы В. Шекспира «Гамлет». Текст дан в переводе Бориса Пастернака.

— Стало быть, правильно, — ответил Гельсион. — Ты и копай ей живей могилу. Ее показывали следователю и постановили, чтобы по-христиански.

— Статочное ли дело? Добро бы она утопилась в состоянии самозащиты.

— А ты разве не спрашивал меня об этом раньше? — поинтересовался Гельсион.

— Заткнись, старина правоверный. Отвечай на вопрос.

— Я могу поклясться, что это уже происходило раньше.

— Черт возьми. Ты будешь отвечать? Господи.

— Состояние и постановили.

Они начали копать могилу. Первый шут обдумал ситуацию и начал занудно распространяться все на ту же тему: законно — не законно. Потом он быстро повернулся и выдал несколько профессиональных шуток. Наконец Гельсиону удалось от него отделаться, и он отправился в таверну к Иогану, чтобы немного выпить. Вернувшись, он увидел двоих незнакомцев возле могилы, а потом появилась похоронная процессия.

Он заметил девушку — с коротко подстриженными темными волосами и красивыми ногами. Он подмигнул ей. Она подмигнула ему в ответ. Гельсион стал подбираться поближе, бросая ей выразительные взгляды и получая не менее выразительные взгляды в ответ.

— Как вас зовут? — прошептал он.

— Джудит, — ответила девушка.

— Твое имя вытатуировано на моем теле, Джудит.

— Вы лжете, сэр.

— Я могу доказать это, мадам. Я покажу вам, где мне сделали татуировку.

— Ну, и где же?

— В таверне Иогана. Ее сделал мне матрос с корабля «Золотая Деревенщина». Вы пойдете со мной туда сегодня?

Прежде, чем она ему ответила, он взял свою лопату и последовал за первым шутом на кладбище. Первый шут был высоким, худощавым, подвижным человеком с очень грустным лицом.

— Ради всех святых! — пожаловался Гельсион. — Могу поклясться, что это уже происходило раньше.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил первый шут.

— Я совершенно уверен в том, что мы все это уже обсуждали.

— Ты ответишь на мой вопрос?

— Послушай, — настаивал на своем Гельсион. — Может быть, я и свихнулся, но ведь вполне может быть, что и нет. У меня такое странное ощущение, будто все это уже происходило раньше. Все кажется таким нереальным. Жизнь кажется мне такой нереальной.

Первый шут покачал головой.

— HimmelHerrGott, — пробормотал он. — Имен-но этого я и боялся. В твоем организме произошли не-объяснимые и загадочные мутации, которые делают тебя не таким, как все, ты идешь по самому краю об-рыва. Ewigkeit¹! Отвечай на вопрос.

— Если я ответил на него один раз, значит, я уже ответил на него сто раз.

— Старина ветчина с яйцами, — взорвался первый шут, — ты ответил на вопрос 5 271 009 раз. Черт возьми. Отвечай еще раз.

— Зачем?

— Потому что ты должен. Pot au feu². Это наша жизнь, и мы должны ее прожить.

— Ты называешь это жизнью? Все время делать одно и то же? Говорить одно и то же? Подмигивать девушкам и не иметь возможности продвинуться ни на шаг дальше?

— Нет, нет, нет, мой миленький. Не задавай лишних вопросов. Это заговор, которому мы не смеем противиться. Каждый человек живет такой жизнью. Все люди только и делают, что изо дня в день повторяют свои слова и поступки. Спасения нет.

— Почему нет спасения?

¹ Ewigkeit (нем.) — Вечность.

² Pot au feu (фр.) — Горшок с мясом.

— Я не смею тебе этого открыть. Не смею. Vox populi¹. Все, кто задавали такие вопросы, исчезли. Это заговор. Я боюсь.

— Боишься чего?

— Наших хозяев.

— Что? Мы кому-то принадлежим?

— Si. Ach, ja²! Все мы, юный мутант. Реальности не существует. Не существует ни жизни, ни свободы, ни воли. Черт возьми. Неужели ты не понял? Мы все... Мы все персонажи из книги. Когда кто-то читает книгу, мы исполняем наши пляски; когда книгу берут в руки еще раз, мы начинаем танцевать снова. E pluribus unum³. А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства?

— Что ты такое говоришь? — в ужасе выкрикнул Гельсион. — Мы что, марионетки?

— Отвечай на вопрос.

— Если нет свободы, нет свободной воли, почему же мы тогда с тобой сейчас вот так разговариваем?

— Тот, кто читает эту книгу, задумался о своем, моя столица Дакоты. Idem est⁴. Отвечай на вопрос.

— Не стану. Я собираюсь восстать. Я больше не буду плясать на потеху наших хозяев. Я найду лучшую жизнь... Я найду реальность.

— Нет, нет! Это безумие, Джейфри! Cul-de-sac⁵!

— Нам нужен храбрый лидер. Остальные последуют за нами. Мы разобьем вдребезги заговор, который сковал нас цепями несвободы!

— Это невозможно. Не лезь на рожон. Отвечай на вопрос.

Вместо ответа Гельсион взял свою лопату и со всей силы треснул первого шута по голове, который, казалось, этого даже не заметил.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил он.

¹ Vox populi (лат.) — Глас народа.

² Si. Ach, ja! (ит., нем.) — Да. О, да!

³ E pluribus unum (лат.) — Большинством голосов.

⁴ Idem est (лат.) — К тебе это тоже относится.

⁵ Cul-de-sac (фр.) — тупик.

— Восстание! — завопил Гельсион и снова ударил шута лопатой по голове.

Шут запел. Появились два джентльмена. Один из них сказал:

— Неужели он не сознает своей работы, что поет за рытьем могилы?

— Восстание! Следуйте за мной! — выкрикнул Гельсион и с размаху ударил джентльмена лопатой по голове. Тот, казалось, этого даже не заметил. Он болтал со своим другом и первым шутом. Гельсион метался, словно дервиш, нанося бесконечные удары лопатой. Один из джентльменов поднял череп и начал философствовать по поводу какого-то человека по имени Иорик.

Появилась похоронная процессия. Гельсион атаковал и ее — он бросался из стороны в сторону, неуклюже вертаясь вокруг собственной оси, двигаясь, точно во сне.

— Прекратите читать книгу, — кричал он. — Выпустите меня с ее страниц. Вы слышите? Прекратите читать книгу! Лучше мне оказаться в собственном мире. Отпустите меня!

Раздались оглушительные раскаты грома, словно кто-то с шумом захлопнул книгу. А в следующее мгновение Гельсион уже перенесся в третий пояс седьмого круга Ада Четырнадцатой Песни Божественной Комедии, где согрехившие против искусства были наказаны тем, что «на них медленно спадал дождь пламени, широкими платками, как снег в безветрии нагорных скал». Там Гельсион отчаянно вопил и доставил кому нужно достаточно удовольствия. Только после этого ему было позволено сочинить свой собственный текст... и он создал новый романтический мир, мир своих грез...

Он был последним человеком на земле.

Он был последним человеком на земле — и он выл.

Холмы, долины, горы и реки — все это принадлежало ему, и только ему, а он выл.

Пять миллионов двести семьдесят одна тысяча девять домов готовы были предоставить ему свой кров, он мог лечь спать в 5 271 009 постелей. Он мог войти в любой магазин. Все драгоценности мира были в его распоряжении: игрушки, инструменты, развлечения, роскошь, все, что необходимо для жизни... все принадлежало последнему человеку на земле, который выл.

Он вышел из загородного особняка в Коннектикуте; с отчаянным воем перебрался в Вестчестер; продолжая выть, побежал на юг вдоль бывшего шоссе Хендрика Хадсона; воя, пересек мост и попал в Манхэттен; не забывая выть, помчался в центр города мимо одиноких небоскребов, универсальных магазинов, увеселительных заведений. С оглушительным, нечеловеческим воем он несся по Пятой авеню и на углу Пятидесятой улицы увидел человеческое существо.

Она была живая, она дышала — красивая женщина, высокая, с коротко подстриженными темными волосами и стройными длинными ногами. На ней была белая блузка, тигровые бриджи и патентованные кожаные сапожки. В руке она держала ружье. На боку у нее был прикреплен револьвер. Она ела жаркое с помидорами прямо из банки и изумлено таращилась на Гельсиона.

— Я думала, что я последнее человеческое существо на земле, — сказала она.

— Ты последняя женщина, — взвыл Гельсион. — А я последний мужчина. Ты случайно не зубной врач?

— Нет, — ответила женщина. — Я дочь несчастного профессора Филда, который с самыми лучшими намерениями задумал поэкспериментировать с ядерным распадом, но эксперимент не получился, и в результате все человечество за исключением тебя и меня исчезло с лица земли. Причина, вероятно, заключается в том, что в наших организмах произошли какие-то необъяснимые и загадочные мутации, сделавшие нас не такими, как все — мы последние представители старой цивилизации и первые представители новой.

— Разве твой отец не научил тебя зубоврачебному делу?

— Нет, — ответила она.

— Тогда одолжи мне на минутку свое оружие.

Девушка вынула из кобуры револьвер и протянула его Гельсиону, которого все время держала под прицелом своего ружья. Гельсион взвел курок.

— Жаль, что ты не зубной врач, — сказал он.

— Я красивая женщина, коэффициент моего умственного развития 141, что гораздо важнее для возникновения новой расы прекрасных людей, которые будут владеть новой зеленой Землей, — сказала она.

— С моими зубами это невозможно, — взвыл Гельсион.

Он приставил курок к виску и вышиб себе мозги.

Когда он пришел в себя, голова раскалывалась. Он лежал на выложенном плитками возвышении, рядом со стулом, а его ушибленный висок касался холодного пола. Мистер Аквила появился из-за свинцового экрана и включил вентилятор, чтобы освежить воздух.

— Браво, почки с луком, — весело сказал он. — Последнее ты придумал самостоятельно, да? Не нуждался ни в чьей помощи. *Meglio tarde che mai*¹. Правда, ты с таким грохотом и так неожиданно свалился, что я не успел тебя поймать. Черт возьми.

Он помог Гельсиону подняться и провел его в кабинет, где усадил в бархатное кресло и дал в руку рюмку с коньяком.

— Отсутствие наркотиков гарантировано. *Noblesse oblige*². Только самый лучший *spiritus frumenti*³. Ну что, обсудим, чего нам удалось добиться? Господи.

Мистер Аквила уселся за свой рабочий стол, по-прежнему очень бодрый и грустный. Ласково посмотрел на Гельсиона.

— Человек живет в соответствии со своими решениями, *n'est-ce pas?* — начал он. — Согласимся с этим, *oui?* В течении жизни ему приходится принять 5 271 009

¹ *Meglio tarde che mai* (ит.) — Лучше поздно, чем никогда.

² *Noblesse oblige* (фр.) — Положение обязывает.

³ *spiritus frumenti* (лат.) — хлебный спирт.

решений. *Peste*¹! Это простое число? *N'importe*². Ты со мной согласен?

Гельсион кивнул.

— Итак, кофе с булочками, именно мудрость этих решений и определяет, стал ли человек взрослым или он до сих пор ребенок. *Nicht wahr? Malgre nous*³. Но человек не может начать принимать взрослые решения, пока он не очистится от детских фантазий. Черт возьми. Эти фантазии. Они должны исчезнуть.

— Нет, — медленно проговорил Гельсион. — Именно мечты и фантазии создают мое искусство... я превращаю их в линии и цвет...

— Черт возьми! Да. Я согласен. *Maitre d'hotel*⁴! Взрослые, а не детские фантазии. Детские мечты. *Pfui*⁵! Они присущи всем людям... Оказаться последним человеком на земле и владеть ею... Быть единственным мужчиной, способным к деторождению, и владеть женщинами... Вернуться в прошлое, имея преимущество взрослых знаний и достижений... Спрятаться от реальности в выдуманном мире... Бежать от ответственности, придумав, что была совершена чудовищная несправедливость, стать мучеником, но чтобы конец обязательного оказался счастливым... Есть тысячи других фантазий, таких же популярных и таких же пустых и никчемных. Господи благослови папашу Фрейда и его весельчаков. Он придает этим глупостям такое значение! *Sic semper tygannis*⁶. Изыди!

— Но если эти фантазии посещают всех, они не могут быть плохими, не так ли?

— Черт возьми. У всех, кто жил в четырнадцатом веке были вши. Ты считаешь, что это хорошо? Нет, мой юный, эти мечты — для детей. Слишком многие взрослые люди по-прежнему остаются детьми. Именно вы, художники, должны вывести их из тупика, точ-

¹ *Peste* (фр.) — чума.

² *N'importe* (фр.) — не имеет значения.

³ *Malgre nous* (фр.) — Не взирая на нас.

⁴ *Maitre d'hotel* (фр.) — Метрдотель.

⁵ *Pfui* (нем.) — Тыфу.

⁶ *Sic semper tygannis* (лат.) — Вот так всегда у тиранов.

но так же, как я вывел из тупика тебя. Я очистил тебя; теперь ты должен помочь очиститься им.

— Почему вы это сделали?

— Потому что я в тебя верю. *Sic vos non vobis*¹. Тебе придется совсем нелегко. Дорога будет длинной и трудной. Ты узнаешь, что такое одиночество.

— Мне кажется, я должен испытывать благодарность, — проворчал Гельсион, — но я чувствую... ну... я чувствую себя опустошенным. Обманутым.

— О, да. Черт возьми. Если ты достаточно долго жил с язвой желудка, тебе будет ее не хватать после операции. Ты прятался в своей язве. А я отнял у тебя твое убежище. Значит: ты чувствуешь, что тебя обманули. Подожди! Скоро ты почувствуешь, что тебя обманули еще больше. Помнишь, я говорил, что тебе придется заплатить. Ты это сделал. Гляди.

Мистер Аквила поднес к лицу Гельсиона ручное зеркало. Тот бросил в зеркало один взгляд и уже больше не смог отвести глаз. На него смотрело лицо пятидесятилетнего мужчины: морщинистое, жесткое и решительное. Гельсион вскочил на ноги.

— Спокойно, спокойно, — наставлял мистер Аквила. — Не так уж все и плохо. Наоборот — все просто отлично. Тебе по-прежнему тридцать три года по физическому состоянию. Ты не потерял ни дня своей жизни... только всю юность. Так с чем же ты расстался? С хорошеньким лицом, необходимым для завлечения молоденьких девочек? Именно это повергло тебя в такое расстройство?

— Боже мой! — вскричал Гельсион.

— Ладно. Продолжай сохранять спокойствие, сын мой. Вот ты стоишь передо мной, ты прошел ритуал очищения, потерял иллюзии, чувствуешь себя несчастным, ты смущен, ведь ты уже ступил одной ногой на дорогу, ведущую к зрелости. Хотел бы ты, чтобы это произошло, или нет? *Si*. Я могу это сделать. Всего этого могло бы и не случиться. *Spurlos versenkt*². Остается десять секунд до твоего спасения. Ты мо-

¹ *Sic vos non vobis* (лат.) — Так вы не для себя.

² *Spurlos versenkt* (нем.) — Бесследно исчезнуть.

жешь получить обратно свое хорошенькое личико. Ты можешь снова оказаться в пленау. Можешь вернуться в безопасность материнской утробы... снова стать ребенком. Хочешь ли ты этого?

— Вы не в состоянии этого сделать.

— Sauve qui peut¹, моя Вершина Славы. В состоянии. Нет конца полосе частот в 15 000 ангстрем.

— Будьте вы прокляты! Вы Сатана? Люцифер? Только дьявол может иметь такую власть.

— Или ангелы, старина.

— Но вы не похожи на ангела. Вы похожи на Сатану.

— Да? Ха-ха-ха. Но до того, как он пал, Сатана тоже был ангелом — с большими связями наверху. Да и не следует забывать о семейном сходстве. Черт возьми. — Мистер Аквила перестал смеяться. Он наклонился над столом и его лицо утратило оживленность. Осталась лишь печаль. — Должен ли я сказать тебе, кто я такой, мой цыпленочек? Следует ли мне объяснить, почему один неосторожный взгляд этой физии может отбросить тебя за грань, откуда нет возврата?

Гельсион, не в силах говорить, только кивнул.

— Я мерзавец, паршивая овца, шалопай, подлец. Я эмигрант. Да. Черт возьми! Я эмигрант. — Глаза мистера Аквилы превратились в раны. — По вашим стандартам я великий человек с безграничной властью и полный разнообразия. Таким представлялся эмигрант из Европы наивным жителям пляжей Таити. Да? Таким я представляюсь тебе, когда в поисках скромных развлечений посещаю звездные пляжи с маленькой надеждой скрасить долгие, одинокие годы моей ссылки...

— Я плохой. — Голос Мистера Аквилы наполнился леденящим отчаянием. — Я отвратительный. На моей родине нет такого места, где меня могли бы терпеть. Мне платят, чтобы я не возвращался. Иногда наступают такие моменты, когда я, потеряв осторожность, забываюсь — и тогда болезненное отчаяние наполняет мои глаза и вселяет ужас в ваши невинные души. Как это происходит сейчас с тобой. Да?

¹ Sauve qui peut (фр.) — Спасает тот, кто может.

Гельсион снова кивнул.

— Я поведу тебя. Именно ребенок в Солоне Аквила привел к той болезни, которая разрушила его жизнь. Оui. Я тоже страдаю от детских фантазий, с которыми никак не могу расстаться. Не совершай той же ошибки. Прошу тебя... — Мистер Солон Аквила посмотрел на часы и вскочил на ноги. К нему сразу вернулась живость. — Господи. Уже поздно. Пришло время на что-нибудь решаться, крепкое виски с содовой. Ну, какое ты принял решение? Старое лицо? Хорошенькая мордашка? Реальность мечты, или мечта о реальности?

— Так сколько раз, вы говорили, нам приходится принимать решения?

— Пять миллионов двести семьдесят одну тысячу и девять раз. Плюс минус тысячу. Черт возьми.

— А для меня это которое?

— Что? *Verite sans peur*¹. Два миллиона шестьсот тридцать пять тысяч и четыре... экспромт.

— Но это очень серьезное решение.

— Они все очень серьезные.

Мистер Аквила подошел к двери, положил руку на кнопки какого-то сложного переключателя и бросил взгляд на Гельсиона.

— *Voila tout*², — сказал мистер Аквила. — Это твое решение.

— Я выбираю тяжелый путь, — решил Гельсион.

¹ *Verite sans peur* (фр.) — Истина без страха.

² *Voila tout* (фр.) — Вот и все.

УБИЙСТВЕННЫЙ ФАРЕНГЕЙТ

Он не знает, кто из нас теперь я, но мы знаем одно: нужно быть самим собой. Жить своей жизнью и умереть своей смертью.

Рисовые поля Парагона-3 простираются на сотни миль. Огромная шахматная доска: синяя и бурая мозаика под огненно-оранжевым небом. По вечерам, словно дым, наплывают облака, шуршит и шепчет рис.

В тот вечер, когда мы улетели с Парагона, длинной цепочкой растянулись по полям люди. Они были напряжены, молчаливы, вооружены; ряд угрюмых силузтов под низким небом. У каждого на запястье мерцал видеоскрин. Переговаривались они изредка, кратко, обращаясь сразу ко всем.

- Здесь ничего.
- Где «здесь»?
- Поля Дженсона.
- Вы слишком уклонились на запад.
- Кто-нибудь проверял участок Гrimсона?

FONDLY FAHRENHEIT, 1954.

Перевод В. Баканова.

- Да. Ничего.
- Она не могла зайти так далеко.
- Ее могли отнести.
- Думаете, она жива?

Так, перебрасываясь фразами, мрачная линия медленно передвигалась к багрово-дымному садящемуся солнцу. Шаг за шагом, час за часом — цепочка мерцающих в темноте бриллиантов.

- Тут чисто.
- Ничего здесь.
- Ничего.
- Участок Аллена?
- Проверяем.
- Может, мы ее пропустили?
- У Аллена нет.
- Черт побери! Мы должны найти ее!
- Вот она. Сектор семь.

Линия замерла. Бриллианты вмерзли в черную жару ночи.

Экраны показывали маленькую фигурку, лежащую в грязной луже. Рядом стоял столб с именем владельца участка: «Вандальер». Мерцающие огоньки превратились в звездное скопление — сотни мужчин собрались у крошечного тела девочки. На ее горле виднелись отпечатки. Невинное лицо было изуродовано, запекшаяся кровь твердой корочкой хрустела на одежде.

- Мертва по крайней мере часа три-четыре.

Один мужчина нагнулся и указал на пальцы ребенка. Под ногтями были кусочки кожи и капельки яркой крови.

- Почему кровь не засохла?
- Странно.
- Кровь не сворачивается у андроида.
- У Вандальера есть андроид.
- Она не могла быть убита андроидом.
- У нее под ногтями кровь андроида.
- Но андроиды не могут убивать. Они так устроены.
- Значит, один андроид устроен неправильно.

Термометр в тот день показывал 92,9 градуса славного Фаренгейта.

И вот мы на борту «Королевы Парагона», направляющейся на Мегастер-5. Джеймс Вандальер и его андроид. Джеймс Вандальер считал деньги и пласал. Вместе с ним в каюте второго класса находился андроид, великолепное синтетическое создание с классическими чертами лица и большими голубыми глазами. На его лбу рдели буквы «СР» — это был один из дорогих саморазвивающихся андроидов, стоящий пятьдесят семь тысяч долларов по текущему курсу. Мы плали, считали и спокойно наблюдали.

— Двенадцать, четырнадцать, шестнадцать сотен долларов, — всхлипывал Вандальер. — И все! Шестнадцать сотен долларов! Мой дом стоил десять тысяч, земля — пять. А еще мебель, машины, самолет... Шестнадцать сотен долларов! Боже!

Я вскочил из-за стола и повернулся к андроиду. Я взял ремень и начал бить его. Он не шелохнулся.

— Я должен напомнить вам, что стою пятьдесят семь тысяч, — сказал андроид. — Я должен предупредить вас, что вы подвергаете опасности ценное имущество.

— Ты проклятая сумасшедшая машина! — закричал Вандальер. — Что в тебя вселилось? Почему ты это сделал?

Он продолжал бить андроида.

— Я должен напомнить вам, — произнес андроид, — что каюты второго класса не имеют звукоизоляции.

Вандальер выронил ремень и так стоял, судорожно дыша, глядя на существо, которым владел.

— Почему ты убил ее? — спросил я.

— Не знаю, — ответил я.

— Началось все с пустяков. Мне следовало догадаться еще тогда. Андроиды не могут портить и разрушать. Они не могут наносить вред. Они...

— У меня нет чувств.

— Потом оскорбление действием... тот инженер на Ригеле. С каждым разом все хуже. С каждым разом нам приходилось убираться все быстрее. Теперь убийство. Что с тобой случилось?

— Не знаю. У меня нет цепи самоконтроля.

— Мы скатываемся ниже и ниже. Взгляни на меня. В каюте второго класса... Я! Джеймс Палсолог Вандальер! Мой отец был богатейшим... А теперь — шестьдесят сотен долларов. И ты. Будь ты проклят!

Вандальер поднял ремень, затем выронил его и распластался на койке. Наконец он взял себя в руки.

— Инструкции.

— Имя: Джеймс Валентин. На Парагоне провел один день, пересаживаясь на корабль. Занятие: агент по сдаче внаем частного андроида. Цель визита на Мегастер-5: постоянное жительство.

— Документы.

Андроид достал из чемодана паспорт Вандальера, взял ручку, чернила и сел за стол. Точными, верными движениями — искусствой рукой, умеющей писать, чертить, гравировать — он методично подделывал документы Вандальера. Их владелец с жалким видом наблюдал за мной.

— О боже, — бормотал я. — Что мне делать? Если бы я мог избавиться от тебя! Если бы только я унаследовал не тебя, а папашину голову!

Невысокая безнравственная Даллас Брейди была ведущим ювелиром Мегастера. Она взяла на работу саморазвивающегося андроида и соблазнила его хозяина. Однажды ночью в своей постели она внезапно спросила:

— Твое имя Вандальер, да?

— Да, — вырвалось у меня. — Нет! Валентин! Джеймс Валентин.

— Что произошло на Парагоне? — спросила Даллас Брейди. — Я думала, андроиды не могут убивать или причинять вред.

— Мое имя Валентин.

— Доказать? Хочешь, вызову полицию?

Она потянулась к телефону.

— Ради бога, Даллас!

Вандальер вскочил и вырвал у нее трубку. Она рассмеялась, а он упал и заплакал от стыда и беспомощности.

— Как ты узнала?

— Все газеты полны этим. А Валентин — не так уж далеко от Вандальера. Что случилось на Парагоне?

— Он похитил девочку. Утащил ее в рисовые поля и убил.

— Тебя разыскивают.

— Мы скрываемся уже два года. За два года — семь планет. За два года я потерял на сто тысяч долларов собственности.

— Ты бы лучше выяснил, что с ним стряслось.

— Как?! Прикажешь сказать: «Мой андроид превратился в убийцу, почините его»?.. Сразу вызовут полицию! — Меня начало трясти. — Кто мне будет зарабатывать деньги?

— Работай сам.

— А что я умею? Разве я могу сравниться со специализированными роботами? Всю жизнь меня корнил отец. Проклятье! Перед смертью он разорился и оставил мне одного андроида.

— Продай его и вложи эти пятьдесят тысяч в дело.

— И получать три процента? Полторы тысячи в год? Нет, Даллас.

— Но ведь он свихнулся! Что ты будешь делать?

— Ничего... молиться. А вот что ты собираешься делать?

— Молчать. Но я ожидаю кое-что взамен.

— Что?

— Андроид должен работать на меня бесплатно.

Сбережения Вандальера начали расти. Когда теплая весна Мегастера перешла в жаркое лето, я стал вкладывать деньги в землю и фермы. Еще несколько лет, и мои дела поправятся, можно будет поселиться здесь постоянно.

В первый жаркий день андроид запел. Он танцевал в мастерской Даллас Брейди, нагреваемой солнцем и электрической плавильной печью, и выводил старую мелодию, популярную полвека назад:

*Нет хуже врага, чем жара,
Ее не возмешь на «ура».
Но надо стараться всегда
Помнить, что все ерунда!
И быть холодным и бесстрастным,
Душка...*

Он пел необычным, срывающимся голосом, а руки, заведенные за спину, дергались в какой-то странной румбе. Даллас Брейди была удивлена.

— Ты счастлив? — спросила она.

— Я должен напомнить вам, что у меня нет чувств, — ответил я. — Все ерунда! Холодным и бесстрастным, душка...

Андроид схватил стальные клещи и сунул их в разверстую пасть горнила, наклоняясь вперед к любимому жару.

— Осторожней, болван! — воскликнула Даллас. — Хочешь туда свалиться?

— Все ерунда! Все ерунда! — пел я.

Он вытащил из печи клещи с формой, повернулся, безумно заорал и плеснул расплавленным золотом на голову Даллас Брейди. Она вскрикнула и упала, волосы вспыхнули, платье затлево, кожа обуглилась.

Тогда я покинул мастерскую и пришел в отель к Джеймсу Вандальеру. Рваная одежда андроида и судорожно дергающиеся пальцы многое сказали его владельцу.

Вандальер помчался в мастерскую Даллас Брейди, посмотрел и зашатался. У меня едва хватило времени взять один чемодан и девять сотен наличными. Он вылетел на «Королеве Мегастера» в каюте третьего класса и взял меня с собой. Он рыдал и считал свои деньги, и я снова был андроида.

А термометр в мастерской Даллас Брейди показывал 98,1 градуса прекрасного Фаренгейта.

На Лире Альфа мы остановились в небольшом отеле близ университета. Здесь Вандальер аккуратно снял мне верхний слой кожи на лбу вместе с буквами «СР». Буквы снова проявятся, но лишь через несколько месяцев, а за это время, надеялся Вандальер, шуми-

ха вокруг саморазвивающегося андроида утихнет. Андроида взяли чернорабочим на завод при университете. Вандальер — Джеймс Венайс — жил на его маленький заработок.

Моими соседями были студенты, тоже испытывающие трудности, но молодые и энергичные. Одна очаровательная девушка по имени Ванда и ее жених Джед Старк сильно интересовались андроидом-убийцей, слухами о котором полнились газеты.

— Мы изучили это дело, — сказали они однажды на случайной вечеринке в комнате Вандальера. — Кажется, нам ясно, что вызывает убийства. Мы собираемся писать реферат.

— Наверное, болезнь, от которой андроид сошел с ума, что-нибудь наподобие рака, да? — полюбопытствовал кто-то.

— Нет. — Ванда и Джед торжествующе переглянулись.

— Что же?

— Узнаете из реферата.

— Неужели вы не расскажете? — спросил я напряженно. — Я... Нам хочется знать, что могло произойти с андроидом.

— Нет, мистер Венайс, — твердо заявила Ванда. — Это уникальная идея, и мы не можем допустить, чтобы у нас ее украли.

— Даже не намекнете?

— Нет. Ни слова, Джед. Скажу вам только одно, мистер Венайс: я не завидую владельцу андроида.

— Вы имеете в виду полицию?

— Я имею в виду угрозу заражения, мистер Венайс. Заражения! Вот в чем опасность... Но я и так сказала слишком много.

Снаружи послышались шаги и хриплый голос, мягко выводящий:

— Холодным и бесстрастным, душка...

Мой андроид вошел в комнату, вернувшись домой с работы. Я жестом приказал ему подойти, и я немедленно повиновался, обнося гостей пивом. Его ловкие пальцы дергались в какой-то слышимой лишь ему румбе.

Андроиды не были редкостью в университете. Студенты побогаче покупали их вместе с машинами и самолетами. Но юная Ванда была остроглазой и сообразительной. Она заметила мой пораненный лоб. После вечеринки, подымаясь в свою комнату, она посоветовалась со Старком.

— Джед, почему у этого андроида поврежден лоб?

— Возможно, ударился. Он ведь работает на заводе.

— Это очень удобный шрам...

— Для чего?

— Допустим, там были буквы «СР».

— Саморазвивающийся? Тогда какого черта Венайс скрывает это? Он мог заработать... О-о! Ты думаешь?..

Ванда кивнула.

— Боже! — Старк поджал губы. — Что нам делать? Вызвать полицию?

— На основании догадок? Сперва надо убедиться — сфотографировать андроида в рентгеновских лучах. Завтра пойдем на завод.

Они проникли на завод — гигантский подвал глубоко под землей. Было жарко и трудно дышать — так нагревали воздух печи. За гулом пламени слышался странный голос, вопящий на старый мотив: «Все ерунда! Все ерунда!» И увидели мечущуюся фигуру, неистово танцующую в такт музыке. Ноги прыгали. Руки дергались. Пальцы корчились.

Джед Старк поднял камеру и стал снимать. Затем Ванда вскрикнула, потому что я увидел их и схватил блестящий стальной рельс. Он разбил камеру. Он свалил девушку, а потом юношу. Андроид подтащил молодых людей к печи и медленно, смакуя, скормил им пламени. Он танцевал и пел. Потом я вернулся в отель.

Термометр на заводе показывал 100,9 градуса чудесного Фаренгейта. Все ерунда! Все ерунда!

Чтобы заплатить за проезд на «Королеве Лиры», Вандальеру и андроиду пришлось выполнять на кораб-

ле подсобные работы. В часы ночного бдения Вандальер сидел в грязной каморке с портфелем на коленях, усиленно пялясь на содержимое. Портфель — это единственное, что он смог увезти с Лиры. Он украл его из комнаты Ванды. На портфеле была пометка «Андроид»; там хранился секрет моей болезни.

И в нем не было ничего, кроме газет. Кипы газет со всей Галактики. «Знамя Ригеля», «Парагонский вес-тник», «Интеллигент Леланда», «Мегастерские ново-сти»... Все ерунда! Все ерунда!

В каждой газете было сообщение об одном из пре-ступлений андроида. Кроме того, печатались изве-стия, спортивная информация, прогнозы погоды, ло-терейные таблицы, курсы валют, скетчи, загадки, кроссворды. Где-то во всем этом хаосе таился секрет, скрываемый Вандой и Джедом Старком.

— Я продам тебя! — сказал я, устало опуская га-зеты. — Будь ты проклят! Когда мы прилетим на Зем-лю, я продам тебя.

— Я стою пятьдесят семь тысяч долларов, — на-помнил я.

— А если не сумею тебя продать, то выдам поли-ции.

— Я — ценное имущество, — ответил я. — Иногда очень хорошо быть имуществом, — немного помол-чав, добавил андроид.

Было три градуса мороза, когда приземлилась «Королева Лиры». Снег сплошной черной стеной ва-лил на поле и испарялся под хвостовыми двигателями корабля. У Вандальера и андроида не хватило денег на автобус до Лондона. Они пошли пешком.

К полуночи путники достигли Пикадилли. Декабрь-ская снежная буря не утихла, и статуя Эроса покры-лась ледяной коростой. Они повернули направо, спу-стились до Трафальгарской площади и пошли к Сохо, дрожа от холода и сырости. На Флит-стрит Вандальер увидел одинокую фигуру.

— Нам нужны деньги, — зашептал он андроиду, указывая на приближающегося человека. — У него они есть. Забери.

— Приказ не может быть исполнен, — сказал андроид.

— Забери их у него, — повторил Вандальер. — Силой! Ты понял?

— Это противоречит моей программе, — возразил я. — Нельзя подвергать опасности жизнь или ценное имущество.

— Ради бога! — взорвался Вандальер. — Ты нападал, разрушал, убивал. А теперь мелешь какую-то чушь о программе! Забери деньги. Убей, если надо!

— Приказ не может быть исполнен, — повторил андроид.

Я отбросил андроида в сторону и прыгнул к незнакомцу. Он был высок, стар, мудр, с ясным и спокойным лицом. С тростью. Я увидел, что он слеп.

— Да, — произнес он. — Я слышу, здесь кто-то есть.

— Сэр, — замялся Вандальер, — у меня отчаянное положение.

— Общая беда, — ответил незнакомец. — У нас у всех отчаянное положение... Вы попрошайничаете или крадете?

Невидящие глаза смотрели сквозь Вандальера и андроида.

— Я готов ко всему.

— Это история нашего народа. — Незнакомец указал назад. — Я попрошайничал у собора Святого Павла, мой друг. То, что нужно мне, украдь нельзя. А чего желаете вы, счастливец, если можете украдь?

— Денег, — сказал Вандальер.

— Денег для чего? Не опасайтесь, мой друг, обременяясь признаниями. Я скажу вам, чего прошу, если вы скажете мне, зачем крадете. Меня зовут Бленхейм.

— Меня зовут... Воул.

— Я просил не золота, мистер Воул. Я просил число.

— Число?

— Да. Числа рациональные и иррациональные. Числа мнимые, дробные, положительные и отрицательные. Вы никогда не слышали о бессмертном трактате Бленхейма «Двадцать нулей, или Отсутствие количества»? — Бленхейм горько улыбнулся. — Я царь цифр. Но за пятьдесят лет очарование стерлось, исследований приелись, аппетит пропал. Господи, прошу тебя, если ты существуешь, ниспошли мне число!

Вандалльер медленно поднял свой портфель и коснулся им руки Бленхейма.

— Здесь, — произнес он, — спрятано число, тайное число. Число одного преступления. Меняется, мистер Бленхейм? Число за убежище.

— Ни попрошайничества, ни воровства, да? — прошептал Бленхейм. — Сделка. Возможно, Всевышний — не бог, а купец... Идем.

На верхнем этаже дома Бленхейма мы делили комнату — две кровати, два стола, два шкафа, одна ванная. Вандалльер снова поранил мой лоб и послал искать работу, а пока андроид зарабатывал деньги, я читал Бленхейму газеты из портфеля, одну за другой. Все ерунда! Все ерунда!

Вандалльер мало что открыл о себе. Он студент, сказал я, пишет курсовую по андроиду-убийце. В собранных газетах содержатся факты, которые должны объяснить преступления. Должно быть число, сочетание, что-то указывающее на причину... И Бленхейм попался на крючок человеческого интереса к тайне.

Я читал вслух, он записывал крупным прыгающим почерком. Бленхейм классифицировал газеты по типу, по шрифту, по направлениям, стилю, темам, фотографиям, формату... Он анализировал. Он сравнивал. А мы жили вдвоем на верхнем этаже — растерянные, удерживаемые страхом, ненавистью между нами. Как лезвие, вошедшее в живое дерево и расщепившее ствол лишь для того, чтобы вечно оставаться в раненом теле, мы жили вместе. Вандалльер и андроид.

Однажды Бленхейм позвал Вандалльера в свой кабинет.

— Думаю, что я нашел, — промолвил он. — Но не могу понять...

Сердце Вандальера подпрыгнуло.

— Вот выкладки, — продолжал Бленхейм. — В газетах есть сводки погоды. Все преступления были совершены при температуре выше 90 градусов по Фаренгейту.

— Исключено! — воскликнул Вандальер. — На Лире Альфа было холодно!

— У нас нет газеты с описанием преступления на Лире Альфа.

— Нет, верно. Я... — Вандальер смутился. Вдруг он крикнул: — Вы правы! Конечно! Плавильная печь... Но почему? Почему?!

В этот момент вошел я. И застыл, ожидая команды, готовый услужить.

— А вот и андроид, — произнес Бленхейм после долгого молчания.

— Да, — сказал Вандальер, не придя в себя после открытия. — Теперь ясно, почему он отказался настать на вас тем вечером. Слишком холодно.

Он посмотрел на андроида, передавая лунатичную команду. Он отказался. Подвергать жизнь опасности запрещено. Вандальер отчаянно схватил Бленхейма за плечи и повалил вместе с креслом на пол. Бленхейм закричал.

— Найди оружие, — приказал Вандальер.

Я достал из стола револьвер и протянул его Вандальеру. Я взял его, приставил дуло к груди Бленхейма и нажал на курок.

У нас было три часа до возвращения прислуки. Мы взяли деньги и драгоценности Бленхейма, его записки; упаковали чемоданы с одеждой. Мы подожгли дом. Нет, это сделал я сам. Андроид отказался. Мне запрещено подвергать опасности жизнь или имущество. Все ерунда!..

Табличка в окне гласила: «Нан Уэбб, психометрический консультант». Андроид с портфелем остался в фойе, а Вандальер прошел в кабинет.

Высокая женщина с бесстрастным лицом деловито кивнула Вандальеру, запечатала конверт и подняла голову.

— Мое имя Вандерблит, — сказал я. — Джейли Вандерблит. Учусь в Лондонском университете.

— Так.

— Я провожу исследования по андроиду-убийце и, кажется, напал на след. Хотелось бы услышать ваше мнение. Сколько это будет стоить?

— В каком колледже вы учитесь?

— А что?

— Для студентов скидка.

— В Мertonовском.

— Два фунта, пожалуйста.

Вандальер положил на стол деньги и добавил к ним записки Бленхайма.

— Существует связь между поведением андроида и погодой. Все преступления совершились, когда температура поднималась выше 90 по Фаренгейту. Может ли психометрия дать этому объяснение?

Нан Уэбб кивнула, просмотрела записки и произнесла:

— Безусловно, синестезия.

— Что?

— Синестезия, — повторила она. — Когда чувство, мистер Вандерблит, воспроизводится в формах восприятия не того органа, который был раздражен. Например, раздражение звуком вызывает ощущение определенного цвета. Или световой раздражитель вызывает ощущение вкуса. Может произойти перемешивание или замыкание сигналов вкуса, запаха, боли, давления и так далее. Понимаете?

— Кажется, да.

— Вы обнаружили, что андроид реагирует на температурный раздражитель выше 90 градусов синестетически. Возможно, есть связь между температурой и его аналогом адреналина.

— Значит, если держать андроида в холоде...

— Не будет ни раздражителя, ни реакции.

— Ясно. А есть ли опасность заражения? Может ли это перекинуться на владельца андроида?

— Очень любопытно... Опасность заражения заключается в опасности поверить в его возможность... Если вы общаетесь с сумасшедшими, то можете в конечном счете перенять их болезнь... Что, безусловно, случилось и с вами, мистер Вандальер.

Вандальер вскочил на ноги.

— Вы осел, — сухо продолжала Нан Уэбб. Она махнула рукой в сторону бумаг, лежащих на столе. — Это почерк Бленхейма. Каждому английскому студенту известны его слепые каракули. Мertonovский колледж в Оксфорде, а не в Лондоне. А с вами... Я даже не знаю, вызывать ли полицию или лечебницу для душевнобольных.

Я вытащил револьвер и застрелил ее. Все ерунда!

— Антарес-2, Поллукс-9, Ригель-Центавра, — говорил Вандальер, — все они холодны. Средняя температура 40. Живем!.. Осторожней на повороте.

Саморазвивающийся андроид уверенной рукой держал руль, и машина мягко неслась по автостраде под холодным серым небом Англии. Высоко над головой завис одинокий вертолет.

— Никакого тепла, никакой жары, — говорил я. — В Шотландии на корабль и прямо на Поллукс. Там мы будем в безопасности.

Внезапно сверху донесся оглушающий рев:

— Внимание, Джеймс Вандальер и андроид!

Вандальер вздрогнул и посмотрел вверх. Из брюха вертолета вырывались мощные звуки:

— Вы окружены. Дорога блокирована. Немедленно остановите машину и подчинитесь аресту.

Я выжидающе поглядел на Вандальера.

— Не останавливайся! — прокричал Вандальер.

Вертолет спустился ниже.

— Внимание, андроид. Немедленно остановить машину. Это категорический приказ, отменяющий все частные команды.

— Что ты делаешь? — закричал я.

— Я должен подчиниться... — начал андроид.

— Прочь!

Вандальер оттолкнул андроида и вцепился в руль. Визжа тормозами, машина съехала в поле и помчалась по замерзшей грязи, подминая кустарник, к виднеющемуся в пяти милях параллельному шоссе.

— *Внимание! Джеймс Вандальер и андроид! Вы обязаны подчиниться аресту. Это приказ.*

— Не подчинимся! — дико взвыл Вандальер. — Нет! — судорожно шептал я. — Мы еще победим их. Мы победим жару. Мы...

— Должен вам напомнить, — произнес я, — что мне необходимо выполнять приказ, отменяющий все частные команды.

— Пусть покажут документы, дающие им право приказывать! А может, они жулики! — выкрикнул Вандальер.

Правой рукой он полез за револьвером. Левая рука дрогнула, машина перевернулась. Мотор ревел, колеса визжали. Вандальер выбрался и вытащил андроида. Через минуту они уже были вне круга слепящего света вертолетного прожектора, в кустах, в лесу, во мраке благословленного убежища.

Вандальер и андроид отчаянно продирались сквозь кустарник к параллельному шоссе, к спасению. Температура падала, холодный северный ветер пронизывал нас до костей.

Издалека донесся приглушенный взрыв. Взорвался бак машины, в небо взметнулся фонтан огня. Раздуваемый ветром, фонтан превратился в десятифутовую стену, с яростным треском пожиравшую растительность.

— Скорей!

Я вскрикнул и рванулся вперед. Он потащил меня за собой, пока их ноги не заскользили по ледяной поверхности замерзшего болота. Внезапно лед треснул, и они оказались в ошеломляюще холодной воде.

Стена пламени приближалась, я уже ощущал жар. Он ясно видел преследователей. Вандальер полез в карман за револьвером. Карман был порван, револьвер исчез. Наверху беспомощно завис вертолет, не в состоянии перелететь через клубы дыма и пламени и на-

править преследователей, сгруппировавшихся правее нас.

— Они не найдут, — зашептал Вандальер. — Сиди тихо, это приказ. Они не найдут нас. Мы победим пожар. Мы...

Три отчетливых выстрела раздались меньше чем в ста футах от беглецов. Это огонь добрался до потерянного оружия и взорвал три оставшихся патрона. Преследователи повернули и пошли прямо на нас. Вандальер страшно ругался, что-то истерически выкрикивал и все нырял в грязь, пытаясь уберечься от страшного жара. Андроид начал дергаться.

— Все ерунда. Все ерунда! — кричал он. — Будь холодным и бесстрастным!

— Будь ты проклят! — кричал я.

И тут живые языки пламени заворожили его: он танцевал безумную румбу перед стеной огня. Его ноги дергались. Его руки дергались. Его пальцы дергались. Нелепая копошащаяся фигура, темный силуэт на фоне ослепительного сияния.

Преследователи закричали. Раздались выстрелы. Андроид дважды повернулся кругом и вновь продолжил свой кошмарный танец. Резкий порыв ветра кинул пламя вперед, и оно на миг приняло пляшущую фигурку в свои объятия; затем огонь отступил, оставив за собой булькающую массу синтетической плоти и крови, которая никогда не свернется.

Термометр показал бы 1200 градусов божественного Фаренгейта.

Вандальер не погиб. Я спасся. Они упустили его, пока наблюдали за смертью андроида. Но я не знаю, кто из нас он. Заражение, предупреждала Ванда. Заражение, говорила Нан Уэбб. Если вы живете с сумасшедшим андроидом достаточно долго, я тоже стану сумасшедшим.

Но мы знаем одно: они ошибались. Робот и Вандальер знают это потому, что новый робот тоже дергается. Ерунда! Здесь, на студеном Поллуксе, робот танцует и поет. Холодно, но мои пальцы пляшут; хо-

лодно, но он увел маленькую Талли на прогулку в лес. Примитив, дешевый сервомеханизм... все, что я мог себе позволить. Но он дергается, и воет, и гуляет где-то с девочкой, и я не могу их найти. Вандальер меня быстро не найдет, а потом будет поздно. Термометр показывает 0 градусов убийственного Фаренгейта.

АТТРАКЦИОН

Я пощекотал ее ножом; порезы на ребрах не опасны, но весьма болезненны. Ножевая рана сперва побелела, затем покраснела.

— Слушай, дорогая. — (Я забыл ее имя.) — Вот что у меня для тебя есть. Взгляни-ка. — Я помахал ножом. — Чувствуешь?

Я похлопал ее лезвием по лицу. Она забилась в угол тахты и начала дрожать. Этого я и ждал.

— Ну, тварь, отвечай мне.

— Пожалуйста, Дэвид, — пробормотала она.

Скучно. Нейтересно.

— Я ухожу. Ты вшивая шлюха. Дешевая прости-тутка.

— Пожалуйста, Дэвид, — повторила она низким голосом.

Никаких действий!.. Ладно, дам ей еще один шанс.

— Считая по два доллара за ночь, за мной двадцать.

Я выбрал из кармана деньги, отсчитал долларовые бумажки и протянул их. Она не шевельнулась. Она сидела на тахте, нагая, посиневшая, не глядя на меня. Н-

THE ROLLER COASTER, 1955.

Перевод В. Баканова.

да, скучно. И представьте себе — в любви, как зверь, даже кусалась. Царапалась, будто кошка. А теперь...

Я скомкал деньги и бросил ей на колени.

— Пожалуйста, Дэвид.

Ни слез, ни криков... Она невыносима. Я ушел.

Беда с неврастениками в том, что на них нельзя положиться. Находишь их, работаешь, подводишь к пику... А они могут повести себя, вот как эта.

Я взглянул на свои часы. Стрелка стояла на две-надцати. Надо идти к Гандри. Над ним работала Фрейда, и, очевидно, она сейчас там, ждет кульминации. Мне нужно было посоветоваться с Фрейдой, а времени осталось немного.

Я пошел на Шестую авеню... нет, авеню Америкас, свернул на Пятьдесят шестую и подошел к дому напротив Дворца Мекки... нет, нью-йоркского городского центра. Поднялся на лифте и уже собирался позвонить в дверь, когда почувствовал запах газа. Он шел из квартиры Гандри.

Тогда я не стал звонить, а достал свои ключи и принялся за дверь. Через две или три минуты открыл ее и вошел, зажимая нос платком. Внутри было темно. Я направился прямо на кухню и споткнулся о тело, лежавшее на полу. Выключил газ и открыл окно, побежал в гостиную и там пооткрывал все окна.

Гандри был еще жив. Его большое лицо побагровело. Я подошел к телефону и позвонил Фрейде.

— Фрейда? Почему ты не здесь, с Гандри?

— Это ты, Дэвид?

— Да. Я только что пришел и обнаружил Гандри полумертвым. Он пытался покончить с собой.

— Ох, Дэвид!

— Газ. Самопроизвольная развязка. Ты работала над ним?

— Конечно. Но я не думала, что он...

— Так улизнет? Я тебе сто раз говорил: Фрейда, нельзя полагаться на потенциальных самоубийц, вроде Гандри. Я показывал тебе эти порезы на запястье. Такие, как он, никогда не действуют активно. Они...

— Не учи меня, Дэвид.

— Ладно, не обращай внимания. У меня тоже все сорвалось. Я думал, у девицы необузданный нрав, а

она оказалась мямлей. Теперь хочу поработать с той женщиной, которую ты упоминала. Бекон.

— Определенно рекомендую.

— Как мне ее найти?

— Через мужа, Эдди Бекона. Попытайся в «Шоо-не», или в «Греке», или в «Дугласе». Но он болтлив, Дэвид, любит, чтобы его выслушали; а у тебя не так уж много времени.

— Все окупится, если его жена стоит того.

— Безусловно. Я же говорила тебе о револьвере.

— Хорошо, а как с Гандри?

— О, к дьяволу Гандри! — прорычала она и повесила трубку.

Я тоже положил трубку, закрыл все окна и пустил газ. Гандри не двигался. Я выключил свет и вышел.

Теперь за Эдди Бекона. Я нашел его в «Греке» на Восточной Пятьдесят второй улице.

— Эдди Бекон здесь?

— В глубине, сзади, — махнул бармен.

Я посмотрел за перегородку. Там было полно народу.

— Который из них?

Бармен указал на маленького человечка, сидящего в одиночестве за столиком в углу. Я подошел и сел рядом.

— Привет, Эдди.

У него оказалось морщинистое обрюзгшее лицо, светлые волосы, бледные голубые глаза. Бекон косо взглянул на меня.

— Что будете пить?

— Виски. Воду. Без льда.

Принесли выпивку.

— Где Лиз?

— Кто?

— Ваша жена. Я слышал, она ушла от вас?

— Они все ушли от меня.

— Где Лиз?

— Это случилось совершенно неожиданно, — произнес он мрачным голосом. — Я взял детей на Кони-Айленд...

— О детях в другой раз. Где Лиз?

— Я рассказываю. Кони-Айленд — проклятое место. Тебя привязывают в вагончике, разгоняют ипускают наперегонки с динозавром. Этот аттракцион будит в людях инстинкты каменного века. Вот почему дети в восторге. В них сильны пережитки каменного века.

— Во взрослых тоже. Как насчет Лиз?

— Боже! — воскликнул Бекон. Мы выпили еще. — Да... Лиз... Та заставила меня забыть, что Лиз существует. Я встретил ее у вагончиков роллер-костера. Она ждала. Притаилась, чтобы броситься. Паук «Черная вдова». Шлюха, которой не было.

— Кого не было?

— Вы не слышали об исчезнувшей любовнице Бекона? Невидимой Леди? Пропавшей Даме?

— Нет.

— Черт побери, где вы были? Не знаете, как Бекон снял комнату для женщины, которой не существовало?.. Надо мной до сих пор смеются. Все, кроме Лиз.

— Я ничего не знаю.

— Нет? — Он сделал большой глоток, поставил стакан и зло вперился в стол, будто ребенок, пытающийся решить алгебраическую задачку. — Ее звали Фрейда. Ф-Р-Е-Й-Д-А. Как Фрейя, богиня весны. Вечно молодая. Внешне она была вылитая девственница Ботичелли. И тигр внутри.

— Фрейда... Как дальше?

— Понятия не имею. Может быть, у нее нет фамилии, потому что она воображаема, как мне говорят. — Он глубоко вздохнул. — Я занимаюсь детективами на телевидении. Я знаю все уловки — это мое дело. Но она придумала другую. Она подцепила меня, заявив, что где-то встретила моих детей. Кто может сказать, кого знает маленький ребенок? Я заглотил приманку, а когда раскусил ее ложь, уже погиб.

— Что вы имеете в виду?

Бекон горько усмехнулся.

— Это все в моем воображении, уверяют меня. Я никогда не убивал ее на самом деле, потому что в действительности она никогда не жила.

— Вы убили Фрейду?

— С самого начала это была война, — сказал он, — и она кончилась убийством. У нас была не любовь — была война.

— Это все ваши фантазии?

— Так мне говорят. Я потерял неделю. Семь дней. Говорят, что я действительно снимал квартиру, но никого туда не приводил, потому что никакой Фрейды не существовало. Я был один. Один. Не было сумасшедшей твари, говорившей: «Сигма, милый...»

— Что-что?

— Вы слышал: «Сигма, милый». Она так прощалась: «Сигма, милый». Вот что она сказала мне в тот последний день. С безумным блеском в девственных глазах. Сказала, что сама позвонила Лиз и все о нас выложила. «Сигма, милый». И направилась к двери.

— Она рассказала Лиз? Вашей жене?

Бекон кивнул.

— Я схватил ее и затащил в комнату. Запер дверь и позвонил Лиз. Та паковала вещи. Я разбил телефон о голову этой стервы. Я обезумел. Я сорвал с нее одежду, приволок в спальню и задушил...

— А Лиз?

— В дверь ломились — крики Фрейды были слышны по всей округе, — продолжал Бекон. — Я подумал: «Это же шоу, которое ты делаешь каждую неделю. Играй по сценарию!» Я сказал им: «Входите и присоединяйтесь к убийству».

Он замолчал.

— Она была мертва?

— Убийства не было, — медленно произнес Бекон. — Не было никакой Фрейды. Квартира на десятом этаже; никаких пожарных лестниц — только дверь, куда ломились полицейские. И в квартире никого, кроме меня.

— Она исчезла? Куда? Как? Не понимаю.

Он потряс головой и мрачно уставился на стол. После долгого молчания продолжил:

— От Фрейды не осталось ничего, кроме безумного сувенира. Должно быть, выпал в драке — в драке воображаемой, как все говорят. Циферблат ее часов.

— А что в нем безумного?

— Он был размечен двойками от двух до двадцати четырех. Два, четыре, шесть, восемь... и так далее.

— Может, это иностранные часы. Европейцы пользуются двадцатичетырехчасовой системой. Я имею в виду, полдень — двенадцать, час дня — тринадцать...

— Не перебивайте меня, — оборвал Бекон. — Я служил в армии и все это знаю. Но я никогда не видел такого циферблата. Он не из нашего мира. Я говорю буквально.

— Да? То есть?

— Я встретил ее снова.

— Фрейду?!

Он кивнул.

— И снова на Кони-Айленде, возле роллер-костера. Я подошел к ней сзади, затащил в аллею и сказал: «Только пикни — и на этот раз будешь мертва наверняка».

— Она сопротивлялась?

— Нет. Без единой царапинки, свежая и девственная, хотя прошла только неделя. «Черная вдова», подкарауливающая мушек. Ей нравилось мое обращение.

— Не понимаю.

— Я понял, когда смотрел на нее, смотрел на лицо, улыбающееся и счастливое из-за моей ярости. Я сказал: «Полицейские клянутся, что в квартире никого, кроме меня, не было. Невропатологи клянутся, что в квартире никого, кроме меня, не было. Значит, ты — плод моего воображения, и из-за этого я неделю провел с душевно-больными. Но я знаю, как ты выбралась и куда ушла».

Бекон замолчал и пристально взглянул на меня. Я ответил ему прямым взглядом.

— Насколько вы пьяны? — спросил он.

— Достаточно, чтобы поверить во все, что угодно.

— Она прошла сквозь время, — произнес Бекон. — Понятно? Сквозь время. В другое время. В будущее.

— Что? Путешествие во времени?!

— Именно. — Он кивнул. — Вот почему у нее были эти часы. Машина времени. Вот почему она так быстро поправилась. Она могла оставаться там хоть год или сколько надо, чтобы исчезли все следы. И вернуться — Сейчас или через неделю после Сейчас. И вот почему она говорила: «Сигма, милый». Так они прощаются.

— Минутку, Эдди...

— И вот почему она хотела, чтобы дело подошло так близко к ее убийству.

— Но это ни с чем не вяжется! Она хотела, чтобы ее убили?

— Я же говорю. Она любила это. Они все любят это. Они приходят сюда, ублюдки, как мы на Кони-Айленд. Не для того, чтобы изучать или исследовать, как пишут в фантастике. Наше время для них — парк развлечений и аттракционов, вот и все. Как роллер-костер.

— Что вы имеете в виду?

— Эмоции. Страсти. Стоны и крики. Любовь и ненависть, слезы и убийства. Вот их аттракцион. Все это, наверное, забыто там, в будущем, как забыли мы, что значит убегать от динозавра. Они приходят сюда в поисках острых ощущений. В свой каменный век... Отсюда все эти преступления, убийства и изнасилования. Это не мы. Мы не хуже, чем были всегда. Это они. Они доводят нас до того, что мы взрываемся и устраиваем им роллер-костер.

— А Лиз? — спросил я. — Она верит в это?

Он покачал головой.

— У меня не было возможности ей рассказать. Шесть прекрасных футов ирландской ярости. Она за-брала мой револьвер.

— Это я слышал, Эдди. Где Лиз теперь?

— На своей старой квартире.

— Миссис Элизабет Бекон?

— Уже не Бекон. Она живет под девичьей фамилией.

— Ах, да. Элизабет Нойес?

— Нойес? С чего вы взяли? Нет. Элизабет Горман... Что, вы уже уходите?!

Я посмотрел на свой измеритель времени. Стрелка стояла между двенадцатью и четырнадцатью. До возвращения еще одиннадцать дней. Как раз достаточно, чтобы обработать Лиз и толкнуть ее на определенные действия. Револьвер — это кое-что... Фрейда права. Я встал из-за стола.

— Пора идти, Эдди, — произнес я. — Сигма, приятель.

УПРЯМЕЦ

— В былые дни, — сказал Старый, — были Соединенные Штаты, и Россия, и Англия, и Соединенные Штаты. Страны. Суверенные государства. Нации. Народы.

— И сейчас есть народы, Старый.

— Кто ты? — внезапно спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет. Том.

— Я и сказал Том.

— Вы неправильно произнесли, Старый. Вы называли имя другого Тома.

— Вы все Томы, — сказал Старый угрюмо. — Каждый Том... все на одно лицо.

Они находились на террасе госпиталя. Старый сидел на солнце, трясясь и ненавидел приятного молодого человека. Улица перед ними пестрела празднично одетыми людьми, мужчинами и женщинами, чего-то ждущими. Где-то в недрах красивого белого города гудела толпа, возбужденные возгласы медленно приближались.

THE DIE-HARD, 1955.

Перевод В. Баканова.

— Посмотрите на них. — Старый угрожающе потряс своей палкой. — Все до одного Томы. Все Дейзи.

— Нет, Старый, — улыбнулся Том. — У нас есть и другие имена.

— Со мной сидела сотня Томов, — прорычал Старый.

— Мы часто используем одно имя, Старый, но по-разному произносим его. Я не Том, Том или Том. Я — Том.

— Что это за шум? — спросил Старый.

— Это Галактический Посол, — снова объяснил Том. — Посол с Сириуса, звезды в Орионе. Он въезжает в город. Первый раз такая персона посещает Землю.

— В былые дни, — сказал Старый, — были настоящие послы. Из Парижа, и Рима, и Берлина, и Лондона, и Парижа, и... да. Они прибывали пышно и торжественно. Они объявляли войну. Они заключали мир. Мундиры и сабли и... и церемонии. Интересное время! Смелое время!

— У нас тоже смелое и интересное время, Старый.

— Нет! — загремел старик, яростно взмахнув палкой. — Нет страстей, нет любви, нет страха, нет смерти. В ваших жилах больше нет горячей крови. Вы сама логика. Все вы Томы. Да.

— Нет, Старый. Мы любим. Мы чувствуем. Мы многоного боимся. Мы уничтожили в себе только зло.

— Вы уничтожили все! Вы уничтожили человека! — закричал Старый, указывая дрожащим пальцем на Тома. — Ты! Сколько крови в твоих венах?

— Ее нет совсем, Старый. В моих венах раствор Таммера. Кровь не выдерживает радиации, а я исследую радиоактивные вещества.

— Нет крови. И костей тоже нет.

— Кое-какие остались, Старый.

— Ни крови, ни костей, ни внутренностей, ни... ни сердца. Что вы делаете с женщиной? Сколько в тебе механики?

— Две трети, Старый, не больше, — рассмеялся Том. — У меня есть дети.

— А у других?

— От тридцати до семидесяти процентов. У них тоже есть дети. То, что люди вашего времени делали со своими зубами, мы делаем со всем телом. Ничего плохого в этом нет.

— Вы не люди! Вы монстры! — крикнул Старый. — Машины! Роботы! Вы уничтожили человека!

Том улыбнулся.

— В машине так много от человека, а в человеке от машины, что трудно провести границу. Да и зачем ее проводить? Мы **счастливы**, мы радостно трудимся, что тут плохого?

— В былые дни, — сказал Старый, — у всех было настоящее тело. Кровь, и нервы, и внутренности — все как положено. Как у меня. И мы работали, и... и потели, и любили, и сражались, и убивали, и жили. А вы не живете, вы функционируете: туда-сюда... Комбайны, вот вы кто. Нигде я не видел ни ссор, ни поцелуев. Где эта ваша счастливая жизнь? Я что-то не замечаю.

— Это свидетельство архаичности вашей психики, — сказал серьезно Том. — Почему вы не позволяете реконструировать вас? Мы могли бы обновить ваши рефлексы, заменить...

— Нет! Нет! — с испугом закричал Старый. — Я не стану еще одним Томом.

Он вскочил и ударил приятного молодого человека палкой. Это было так неожиданно, что тот вскрикнул от изумления. Другой приятный молодой человек выбежал на веранду, схватил старика и бережно усадил его в кресло. Затем он повернулся к пострадавшему, который вытирая прозрачную жидкость, сочившуюся из ссадины.

— Все в порядке, Том?

— Чепуха. — Том со страхом посмотрел на Старого. — Знаешь, мне кажется, он действительно хотел меня ранить.

— Конечно. Ты с ним в первый раз? Мы им гордимся. Это уникум, музей патологии... Иди посмотри на Посла, я здесь посижу.

Старик дрожал и всхлипывал.

— В былые дни, — бормотал он, — были смелость и храбрость, и дух и сила, и красная кровь, и смелость, и...

— Успокойтесь, Старый, у нас тоже все есть, — прервал его новый собеседник. — Когда мы реконструируем человека, мы ничего у него не отнимаем. Заменяем испорченные части, вот и все.

— Ты кто? — спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет, Том. Не Том, а Том.

— Ты изменился.

— Я не тот Том, который был до меня.

— Все вы Томы, — хрипло крикнул Старый. — Все одинаковы.

— Нет, Старый. Мы все разные. Вы просто не видите.

Шум и возгласы приближались. На улице перед госпиталем заревела толпа. Вдали засияла медь, донесся грохот оркестра. Том взял старика под мышки и приподнял с кресла.

— Подойдите к поручням, Старый! — горячо воскликнул он. — Подойдите и посмотрите на Посла. Это великий день для всех нас. Мы наконец установили контакт со звездами. Начинается новая эра.

— Слишком поздно, — пробормотал Старый, — слишком поздно.

— Что вы имеете в виду?

— Это мы должны были найти их, а не они нас. Мы, мы! В былые дни мы были бы первыми. В былые дни были смелость и отвага. Мы терпели и боролись...

— Вот он! — вскричал Том, указывая на улицу. — Остановился у Института... Вот он выходит... Идет дальше... Постойте, нет. Он снова остановился! Перед Мемориалом... Какой великолепный жест! Какой жест! Нет, это не просто визит вежливости.

— В былые дни мы бы пришли с огнем и мечом. Да. Вот так. Мы бы маршировали по чужим улицам, и солнце сверкало бы на наших касках.

— Он идет! — воскликнул Том. — Он приближается... Смотрите хорошенько, Старый. Запомните эту минуту. — Том перевел дух. — Он собирается выйти у госпиталя!

Сияющий экипаж остановился у подъезда. Толпа заревела. Официальные лица, окружавшие локомо-

биль, улыбались, показывали, объясняли. Звездный посол поднялся во весь свой фантастический рост, вышел из машины и стал медленно подниматься по ступеням, ведущим на веранду. За ним следовала его свита.

— Он идет сюда! — крикнул Том, и голос его потонул в приветственном гуле толпы.

И тут произошло нечто незапланированное. Стариk сорвался с места. Он проложил себе дорогу увесистой палкой в толпе Томов и Дейзи и возник перед Галактическим Послом. Выпучив глаза, он выкрикнул:

— Я приветствую вас! Я один могу приветствовать вас!

Стариk поднял свою трость и ударили Посла по лицу.

— Я последний человек на Земле, — закричал он.

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

К концу XXII столетия ценою денежных потерь и человеческих жертв, с которыми не может сравняться даже ущерб, нанесенный Последней Мировой Войной, было окончательно наложено сообщение между планетами Солнечной системы.

Джон У. Лэклэнд,
Метрополии Солнечной системы

Венера, 10 июня. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но приготавливать «мартини» здесь абсолютно не умеют. Маразм!.. Ездила к той потрясающей портнихе, о которой рассказывала Линда. Буквально за гроши отхватила пять божественных туалетов. Том говорит: «Обмен валюты для нас чистая прибыль». Я: «Как это?» Он: «Доллар стоит у них больше, чем у нас». — «Так почему же не купить шесть платьев?» — спрашиваю я. «Меру знать надо», — отвечает он. А сам купил новую фотокамеру. Свинья!

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили нас в потрясающее быстро, где выступает Клайд

TRAVEL DIARY, 1958.
Перевод Е. Коротковой.

Пиппин из нашего старого «Музыкального клуба». Я без ума от его песен. И от него самого. Том вогнал меня в краску, когда начал проверять счет с карандашом в руках. Нас, конечно, обжуливают, только, по мне, уж лучше делать вид, что нам на...ть. На очереди Марс и Сатурн. Потом Альфа Центавра.

Единственное, что мешало практическому осуществлению связи с планетными системами отдаленных звезд, была недостаточная скорость транспортировки. Столетия упорных изысканий ушли на то, чтобы разрешить проблему «сверхсветовых скоростей», после чего путешествие к отдаленным мирам занимало уже не годы, а недели.

*Зара Кудерт,
История межгалактических путешествий*

Альфа Центавра, 19 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но воду пить невозможно. Маразм!.. Ездила к тому потрясающему галантёйщику, о котором рассказывала Линда. Буквально за гроши отхватила пять ярдов дивных кружев. Туземцы — жуткие неряхи и совершенно аморальны. Просто кошмар. А хамство! Том стал фотографировать какую-то их дурацкую церемонию. Поднялся дикий гвалт. Чуть не стащили его фотокамеру. Потом подходит чиновник и гнусит на ломанном английском: «Они говорят, больше нет, пожалуйста. Разбить». Том: «Что разбить?» Чиновник: «Религия. Таинство. Карточки не надо. Разбить». Том: «И у вас хватает наглости называть этот балаган религией?» Чиновник: «Да, пожалуйста». Потом показывает на фотокамеру: «Отдать, пожалуйста. Надо, пожалуйста, разбить». Том (мне): «Какова наглость? Требовать, чтобы из-за нескольких несчастных снимков я отдал им на растерзание четырехсотдолларовую камеру». — «Собор Парижской Богоматери она не осквернила, — говорю, — сойдет и для этих». Том дал им денег, и мы ушли.

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили их в потрясающее бистро, где сейчас выступает Клайд Пиппин. Я просто без ума от него. Когда услы-

шала знакомые мелодии нашего старого «Музыкального клуба», со страшной силой потянуло домой. Том уморил нас всех, изображая из себя заезжее начальство. Он, дескать, сенатор с Сатурна и изучает обстановку. До смерти их перепугал. Я чуть не лопнула со смеху. Теперь Бетельгейзе.

Несходство культур породило столкновения, которые привели в конце концов к Великой Галактической Войне. Бетельгейзе, разоренный и отчаявшийся, пошел на крайне рискованный шаг. Правительство было свергнуто, и была установлена деспотия деловых кругов, возглавляемая экономическим диктатором Мадиной.

Артур Раскобер,
Политическая экономия Вселенной

Бетельгейзе, 23 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, и это очень удобно. Не могу понять, откуда взялись слухи насчет бедности и каких-то там нехваток. Вздор! В отеле божественно кормят. Масла, сметаны, яиц хоть завались. Насчет угнетения тоже выдумки. Официанты, горничные и т.д. все время улыбаются, очень жизнерадостны. И даже самолеты при этом Мадинне стали летать регулярно.

Ходила к той потрясающей косметичке, о которой рассказывала Линда. Наконец-то рискнула обрезать волосы. Очень шикарно, но боялась показаться Тому. Потом он все-таки увидел и взъярился. Сказал, что я похожа на заграничную шлюху. Со временем привыкнет.

Роджеры и Трамбулы, оказывается, тоже тут. Мы все ходили в это дивное бистро, где выступает Клайд Пиппин. Просто без ума от него. После двух месяцев путешествий я сделалась такой космополиткой, что сама ему представилась. Раньше и подумать бы об этом не посмела. Зато теперь откуда что взялось. «Мистер Пиппин, — говорю я ему, — я уже двадцать лет ваша поклонница. С самого детства». — «Спасибо, золотко», — отвечает он. «А от вашей «Развесистой кроны» я просто в восторге». — «Нет, это номер Чарли

Хойта, золотко, — говорит он, — я эту песню никогда не пел». — «Но ведь автограф-то я все-таки прошу у вас, а не у Чарли Хойта», — не растерялась я и сама подивилась своей находчивости.

Завтра едем на Андромеду. Страшно волнуюсь. Апогей всего нашего путешествия.

Самым поразительным из сюрпризов, которые Вселенная заготовила человеку, было, пожалуй, известие о том, что жителями Андromеды решена проблема передвижения во времени. В 2754 году был издан указ, позволяющий пользоваться машиной времени только историкам, ученым и студентам.

*Старк Робинсон,
Темпоральный анализ*

Андromеда, 1 августа. Остановились в «Эксельсиоре». Все божественно говорят по-английски. Мы с Томом тут же ринулись к начальству, вооруженные письмами из Торговой палаты, от сенатора Уилкинса и того самого Джо Кейта, чей племянник фактически руководит госдепартаментом. Просили разрешить нам экскурсию во времени. Те ни в какую: только в научных целях, слишком дорого, чтобы использовать для развлечения туристов. Тому пришлось в конце концов их постращать: слегка приврать, чуть-чуть пригрозить. Тогда они согласились. С этими кретинами всегда необходима твердость.

Том выбрал Лондон, 5 сентября 1665 года. «Это почему еще?» — спрашиваю я. «Дата Большого Пожара, уничтожившего Лондон, — отвечает он мне, — всю жизнь мечтал на него посмотреть». — «Не будь ребенком, — говорю я ему, — пожар он и есть пожар. Лучше поглядим наряды Марии Антуанетты». Том: «Ну уж нет! Это ведь я выцарапал разрешение на экскурсию. Так и смотреть мы будем то, что я хочу». Эгоист! Пришлось обменивать деньги на валюту XVII века. Переодеваться в старинную одежду. Сомневаюсь, что ее как следует почистили. Я чуть было не отказалась от экскурсии.

И кто же оказался прав? Пожар как пожар. Мы, правда, купили божественное серебро и фарфор и де-

сять потрясающих столовых приборов. Потом чайный сервис. А Тому и вовсе грех жаловаться. Отхватил шесть мечей и шлем. Представляю, как все это будет выглядеть у нас в зале. Самое уморительное то, что мы почти ни слова не понимали. Эти лондонцы в 1665 году даже на своем родном языке еще не выучились разговаривать!

На той неделе домой!

Передвижение в космическом пространстве со скоростью, превосходящей скорость света, породило физический парадокс. Он заключается в том, что, хотя пассажиры космического корабля ощущают течение времени (субъективное время), их перемещение в пространстве происходит с такой быстротой, что для остальной части Вселенной время путешествия практически равняется нулю (объективное время). Например, 1 августа с Андромеды на Землю отправляется космический корабль. К месту назначения он прибывает также 1 августа. Иными словами, время отправления и прибытия совпадает. Однако для тех, кто находился на корабле, путешествие длится неделю.

Оlivier Нильсон,
Парадоксы космических путешествий

20 августа, дома. Хотя по дневнику уже 20 августа, здесь, на Земле, всего 14 июня. Вся эта муть на счет субъект. и объект. времени до меня совершенно не доходит. Мы проездели целых три месяца, а на Земле прошло всего лишь две недели. Кошмар какой-то. Такое ощущение, что я вообще никуда не уезжала.

Раздаем подарки. С Линдой никакого сладу. Уверяет, что просила привезти ей с Каллисто дико-розовый пеньюар, а не мертвенно-голубой. Ну не бред ли? Это к ее-то волосам дико-розовый!.. Том вне себя. Забыл снять колпачок, когда фотографировал Большой Пожар, и все снимки пропали. Теперь никто не хочет верить, что он оказался достаточно важной птицей, чтобы пролезть в машину времени.

Заходили Роджеры и Трамбулы. Звали нас на выпивон в новом «Колониальном клубе». Клайд Пиппин выступает там сейчас с божественной программой. Смертельно хотелось пойти, но пришлось отказаться. Я совершенно выдохлась. Вселенная — это, конечно, вешь, но жить в ней — благодарю покорно!

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ МАГОМЕТА

Был такой человек, который переиначивал историю. Он низвергал империи и искоренял династии. Из-за него Маунт-Вернон¹ чуть не перестал быть национальной святыней, а город Колумб штата Огайо едва не стали называть городом Кэбот того же штата. Из-за него французы чуть не прокляли имя Марии Кюри, а мусульмане едва не перестали клясться бородой пророка. Но, как вы, наверное, знаете, все эти события в действительности не произошли. Дело в том, что этот человек был чокнутым профессором. Если он в чем и преуспел, то лишь в том, чтобы изменить историю для одного себя.

Ну, что такое пресловутый «чокнутый профессор», всякий искушенный читатель, несомненно, достаточно хорошо знает. Это такой недомерок с чрезвычайно развитым лбом, которой в своей лаборатории создает всяких чудищ. Эти чудища потом обязательно

1 Маунт-Вернон — mestечко близ Вашингтона (ныне город), где жил и умер Джордж Вашингтон.

THE MAN WHO MURDERED MOHAMMED, 1958.
Перевод Р. Нудельмана.

набрасываются на своего создателя, а также покушаются на честь его нежно любимой дочери.

Ни о чем подобном в данной истории не говорит-ся. В ней речь пойдет о доподлинно чокнутом профес-соре по имени Генри Хассель, который принадлежал к тому же сорту знаменитых людей, что и Людвиг Больц-ман (смотри «Идеального газа закон», Жак Шарль, а также Андре Мария Ампер (1775—1836).

Про Ампера каждому положено знать, что в его честь назван ампер. Людвиг Больцман — знаменитый австрийский физик, который прославился исследова-нием изучения черного тела не меньше, чем знакомо-го вам идеального газа. Его фамилию можно найти в Британской энциклопедии — том третий, от «БАЛТ» до «БРАЙ». Что же касается Жака Александра Цезаря Шарля, то это был первый в мире математик, который заинтересовался полетами в воздухе и придумал наполнять воздушный шар водородом. Так что все это были доподлинно существовавшие люди.

Кроме того, все это были люди не от мира сего. К примеру, Ампер однажды направлялся на какое-то важное ученое собрание. Вдруг в кабриолете Ампера осеняет блестящая идея (что-то из области электриче-ства, я полагаю), он выхватывает карандаш и — раз-два! — пишет уравнение прямо на стенке двухколес-ного экипажа. Грубо говоря, это было что-то вроде:

$$dh = IpdI/f^2$$

где p обозначало расстояние по перпендикуляру до элемента dl , иными словами:

$$dh = i \sin \varphi \cdot dl/r^2.$$

Это еще иногда называют законом Лапласа, хотя Лапласа тогда не было в Париже.

Как бы там ни было, кабриолет подъехал к Акаде-мии наук. Ампер выскочил, расплатился и бросился со всех ног на заседание, чтобы всем сообщить о своей блестящей идее. И тут только он сообразил, что никаких записей у него нет, вспомнил, где он их оставил, и ему пришлось гоняться по всему Парижу за кабриоле-

том, чтобы поймать сбежавшее уравнение. Я почему-то уверен, что вот как-нибудь также Ферма потерял доказательство своей «Великой теоремы»¹, хотя, разумеется, Ферма тоже не был на том заседании Академии, потому что умер лет за двести до этого.

Или возьмите, к примеру, Больцмана. Когда он излагал расширенную теорию своего идеального газа, то всегда приправлял ее невероятно сложными вычислениями, которые быстро и небрежно проделывал в голове. Такая уж у него была голова. Его студенты, понятно, только тем и были заняты, что пытались воспринять на слух всю эту математику. На сами лекции у них уже времени не оставалось. Тогда они просили Больцмана, чтобы он свои формулы писал на доске.

Больцман извинился и пообещал, что в будущем они могут на него рассчитывать. Следующую лекцию он начал такими словами: «Господа, комбинируя закон Бойля с законом Шарля, мы получаем:

$$pv = p_0 v_0 (1 + at),$$

откуда следует, что при $a S^b = f(x) dx \varphi(a)$ имеет место $pv = RT$, а стало быть, $\int S f(x, y, z) dv = 0$. Это также очевидно, как дважды два четыре». Тут он вспомнил, что обещал писать формулы на доске. Он повернулся к доске, аккуратно вывел мелом: $2 \times 2 = 4$, после чего отошел от доски и продолжал говорить, быстро и небрежно производя невероятно сложные вычисления. Разумеется, в голове.

В своей лекции Больцман упомянул Жака Шарля, автора закона Шарля (известного некоторым под названием закона Гей-Люссака). Этот блестящий математик был одержим одним странным желанием — прославиться в палеографии. Иными словами, он во что бы то ни стало хотел стать первооткрывателем каких-нибудь древних рукописей.

1 Великая теорема — математическое утверждение из теории алгебраических чисел, сформулированное без доказательства французским математиком П. Ферма (XVII в.).

Поэтому он, не задумываясь, уплатил чистейшей воды мошеннику по имени Врен-Люкас двести тысяч франков за письма, якобы написанные Юлием Цезарем, Александром Македонским и Понтием Пилатом. Шарль, который любой газ мог насквозь разглядеть (идеальный он или нет — все равно), вдруг не разглядел совершенно явной фальшивки, хотя недотепа Врен-Люкас все письма написал собственноручно, на современнейшем французском языке, на современнейшей почтовой бумаге с современнейшими водяными знаками. И Шарль еще пытался пожертвовать эти письма в Луврский музей!

Не думайте, что эти люди были недотепами. Каждый из них был гением. За эту свою гениальность они заплатили, и притом весьма дорого, если учесть, что во всем остальном они были не от мира сего. Ведь гений — это такой человек, который идет к истине обязательно неожиданным путем. Ну, а в обычной жизни неожиданные пути, как правило, ведут к неприятностям. Что и случилось с Генри Хасселем — профессором прикладного понуждения Неизвестного университета — в 1980 году.

Никому из вас, конечно, не известно, где находится Неизвестный университет и чему там учат. В этом университете насчитывается около двухсот весьма эксцентричных профессоров и около двух тысяч в высшей степени незадачливых студентов. Все эти люди остаются абсолютно неизвестными вплоть до вручения им Нобелевской премии или их Первой высадки на Марс. Выпускника НУ всегда можно распознать, стоит только спросить человека, где он учился. Если вам уклончиво промяглят что-нибудь вроде «На государственном коште» или «О, такое, знаете, новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали...», можете быть уверены, что этот тип — из Неизвестного. Я когда-нибудь расскажу вам подробнее об этом университете, который является центром обучения исключительно в пиквикском смысле слова.

Как бы там ни было, однажды пополудни Генри Хассель отправился домой из Психотик-центра, решив по пути прогуляться вдоль аркады Физической культуры.

Он прибыл домой в приподнятом настроении и шумно ворвался в гостиную. Как раз вовремя, чтобы обнаружить свою жену в объятиях какого-то мужчины.

Да, то была она, прелестная тридцатипятилетняя женщина с дымчато-рыжими волосами и миндалевидным разрезом глаз. То была она — в пылких объятиях некоего субъекта, из карманов которого торчалиющие брошюрки, различные приборы и медицинский молоточек. Поистине типичный для Неизвестного университета субъект!

Объятие было столь всепоглощающим, что участвующие в нем преступные стороны даже не заметили Генри Хасселя, взиравшего на них с порога гостиной.

Здесь я советую еще вспомнить об Ампере, Шарле, а также о Людвиге Больцмане. Хассель весил ровно сто девяносто фунтов. Он был мускулист и вспыльчив. Он мог бы играючи разъединить соучастников преступления и затем прямолинейно и бесхитростно достичь желанной цели, а именно пресечь жизнь супруги. Но Генри Хассель принадлежал к разряду гениев, поэтому подобный способ ему просто не пришел в голову.

Хассель яростно задышал, повернулся и бросился в свою домашнюю лабораторию, пыхтя как паровая машина. Он открыл ящик с этикеткой «Двенадцатиперстная кишка» и извлек оттуда револьвер сорок пятого калибра. Он открыл другие ящики с еще более интересными этикетками и извлек оттуда приборы. Ровно через семь с половиной минут (настолько он разъярился) он собрал машину времени (настолько он был гениален).

Профессор Хассель собрал машину времени, установил на циферблате 1902 год, схватил револьвер и нажал кнопку. Машина проурчала, как испорченный унитаз, и Хассель исчез. Он материализовался в Филадельфии 3 июня 1902 года, прямиком направился на Ньюолл-стрит, подошел к красному кирпичному дому № 1218, поднялся по мраморным ступенькам и позвонил. Ему открыл мужчина, невероятно похожий на первого встречного.

— Мистер Джессуп? — задыхаясь, спросил Хассель.

— Простите?

— Вы мистер Джессуп?

— Я самый.

— У вас будет сын Эдгар. Эдгар Аллан Джессуп, названный так вследствие вашего прискорбного увлечения Эдгаром Алланом По.

Первый встречный мужчина удивился.

— Я бы не сказал, что мне это известно, — признался он. — Я пока не женат.

— Это вам еще предстоит, — угрюмо произнес Хассель. — Я имею несчастье быть женатым на дочери вашего сына, которую зовут Грета. Прошу прощения за беспокойство.

С этими словами он поднял револьвер и застрелил будущего дедушку своей жены.

— Теперь она обязана исчезнуть, — пробормотал Хассель, продувая ствол револьвера. — Я буду холостяком. Я даже могу оказаться мужем другой женщины...

Он едва дождался, когда автоматическое устройство машины времени швырнуло его обратно в лабораторию, и тотчас бросился в гостиную.

Там была его рыжеволосая супруга — по-прежнему в объятиях мужчины.

Хассель осталбенел.

— Значит, так?! — прорычал он наконец. — Это у нее в крови! Ну, хорошо, мы положим этому конец! У нас есть и пути, и средства!

Профессор изобразил на лице сардническую усмешку, вернулся в лабораторию и послал себя в 1901 год, где одним выстрелом прикончил Эмми Хотчинкс, которой в будущем предстояло стать бабушкой его жены — на этот раз по материнской линии, — после чего он возвратился в свой дом в свое время.

Его рыжеволосая супруга по-прежнему пребывала в объятиях мужчины.

— Уже эта-то старая карга точно была ее бабушкой, — пробормотал Хассель. — Достаточно на нее взглянуть! В чем же дело, черт побери?

Хассель был обескуражен и сбит с толку. Но у него еще оставались скрытые ресурсы. Он отправился в

свой кабинет, с некоторым трудом разыскал там телефонный аппарат и наконец сумел дозвониться до Лаборатории сомнительной практики. Разговаривая, он продолжал машинально крутить диск циферблата.

— Сэм? — спросил он. — Это Генри.

— Кто?

— Генри.

— Вам придется повторить громко и отчетливо.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— А-а! Привет, Генри!

— Скажи мне все, что ты знаешь о времени.

— О времени? Хм... — Сложная электронная машина откашлялась в ожидании, когда включатся блоки памяти. — Ага. Время? Первое: абсолютное. Второе: относительное. Третье: периодическое. Время абсолютное: период, продолжительность, длительность, суточность, бесконечность...

— Извини, Сэм. Ошибочный запрос. Прокрути обратно. Мне нужно: «Время — путешествия по... последовательность событий в...»

Сэм клацнул шестернями и начал сначала. Хассель слушал с огромным вниманием. Он кивнул. Затем проворчал:

— Угм. Угм. Понятно. Правильно. Так я и думал. Континуум? Ага! Действия, проделанные в прошлом, должны изменить будущее? Значит, я на верном пути. Действия должны быть значительными? Ага! Массовое воздействие? Ага! Незначительное не может изменить существующую линию событий? Хм! Насколько незначительна бабушка?

— Что ты собираешься сделать, Генри?

— Прикончить свою жену! — рявкнул Хассель.

Он повесил трубку, вернулся в лабораторию и задумался, все еще клокоча от ревности.

— Придется сделать что-нибудь значительное, — пробормотал профессор. — Я должен ее уничтожить. Я должен все это уничтожить. И я это сделаю, клянусь! Я им покажу!

Хассель отправился назад, в 1775 год, отыскал некую ферму в Виргинии и застрелил там некоего молодого полковника. Полковника звали Джордж Вашингтон, и Хассель тщательно удостоверился в том, что он

мертв. Он вернулся в свой дом и в свое время. Там была его рыжеволосая супруга — по-прежнему в объятиях другого.

— Проклятье! — сказал Хассель.

У него кончились патроны. Он вскрыл новый ящик с боеприпасами, отправился назад во времени и устроил побоище, жертвами которого пали Христофор Колумб, Наполеон, Магомед, а также с полдюжины других знаменитостей.

— Этого должно хватить, клянусь господом богою! — сказал Хассель.

Он вернулся в свой дом и обнаружил жену... в прежнем состоянии.

Его колени стали ватными; ноги, казалось, приросли к полу. Он побрел в лабораторию, как сквозь зыбучие пески.

— Какого дьявола, что же тогда существенно? — с горечью воскликнул профессор. — Что еще нужно, чтобы изменить будущее? Клянусь, уж на сей раз я его как следует перекорежу! Я его наизнанку выверну!

Он отправился в Париж начала XX века и посетил мадам Кюри в ее лаборатории на чердаке вблизи Сорбонны.

— Мадам, — сказал он на отвратительном французском языке. — Я пришел к вам издали, но я ученик с головы до ног. Слышал про ваши опыты с радием... О! Вы еще не знаете про радий? Не имеет значения. Я прибыл, чтобы обучить вас всему про атомный котел.

Он ее обучил. Прежде чем автоматическое устройство вернуло его домой, он еще успел насладиться зрелищем гигантского грибовидного облака, которое поднялось над Парижем.

— Это научит женщин, как изменять супружескому долгу! — прорычал профессор. — О дьявол!!

Последнее восклицание сорвалось с его губ, когда он увидел свою рыжеволосую жену по-прежнему... Впрочем, к чему повторяться?

Хассель добрался до лаборатории, плывя в волнах тумана. Пока он там размышляет, я хочу предупредить вас, что это отнюдь не обычная история о путешествиях во времени. Если вы полагаете, что Хассель

сейчас опознает в соблазнителе своей жены самого себя, то вы глубоко заблуждаетесь. Этот вероломный негодяй не был ни Генри Хасселем, ни его сыном, ни родственником. Он не был даже Людвигом Больцманом (1844—1906). Хассель не совершал также петли во времени, то есть он не возвращался туда, откуда вся эта история началась, что, как известно, никого из читателей не удовлетворяет, зато озабочивает всех поголовно. Он не совершал этого по той простой причине, что время не является круговым, а также линейным, последовательным, дискоидальным, шизоидальным или пандикулированным. Время — это личное дело каждого, в чем Хасселю предстояло убедиться.

— По-видимому, я в чем-то ошибся, — пробормотал Хассель. — Надо проверить.

Он с трудом поднял трубку, которая, казалось, весила теперь сто тонн, и дозвонился до библиотеки.

— Хелло, библиотека? Это Генри.

— Кто?

— Генри Хассель.

— Говорите громче.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— О-о! Привет, Генри!

— Что у тебя есть насчет Джорджа Вашингтона?

Библиотека деловито квохтала в ожидании, когда ее фотоглаз просканирует каталоги.

— Джордж Вашингтон. Первый президент Соединенных Штатов. Родился в...

— Первый президент? Разве он не был убит в 1775 году?

— Ну что ты, Генри! Что за нелепый вопрос? Всем известно, что Джордж Ваш...

— Разве всем не известно, что он был убит?

— Кем?

— Мной.

— Когда?

— В 1775-м.

— Как ты ухитрился это сделать?

— С помощью револьвера.

— Нет, я имею в виду, как ты ухитрился сделать это двести лет назад?

— С помощью машины времени.

— Хм, об этом нет упоминаний, — сказала библиотека. — По моим каталогам у него все в ажуре. Ты, наверное промахнулся.

— Я не мог промахнуться. Как насчет Христофора Колумба? Есть там сведения о его смерти в 1489 году?

— Но он открыл Америку в 1492-м!

— Чертова с два. Он был убит в 1489-м.

— Как?

— Пулей в глотку. Сорок пятого калибра.

— Опять ты, Генри?

— Угу.

— Таких сведений нет, — угрюмо заявила библиотека. — Никудышный из тебя стрелок, Генри.

— Ты меня не выведешь из себя, — сказал Хассель дрожащим голосом.

— Почему, Генри?

— Потому что я уже и так выведен! — проревел он. — Да! Что там с Марией Кюри, черт бы тебя побрал?! Она создала атомную бомбу, которая уничтожила Париж в начале XX века, или этого тоже не было?!

— Не было. Энрико Ферми...

— Это было!

— Не было.

— Я лично ее обучил! Я! Генри Хассель!

— Генри, все знают, что ты замечательный теоретик, но учитель из тебя...

— Заткнись, старая перечница! Я знаю, что это все означает!

— Что?

— Я забыл. У меня была какая-то мысль, но это уже не играет роли. Что ты предлагаешь?

— У тебя действительно есть машина времени?

— Разумеется, есть.

— Тогда вернись обратно и проверь.

Хассель вернулся в 1775 год, прибыл в Маунт-Вернон и прервал фермерские занятия Джорджа Вашингтона.

— Прошу прощения, полковник, — сказал профессор.

Высокий мужчина удивленно посмотрел на него.

— Ты странно говоришь, чужеземец, — сказал он. — Откуда ты?

— О, такое, знаете, новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали.

— Ты выглядишь странно. Какой-то ты туманный, я бы сказал.

— Скажите, полковник, что вы знаете о Христофоре Колумбе?

— Не так уж много, — признался Вашингтон. — Как будто бы он умер лет двести или триста назад.

— Когда именно?

— В тысяча пятьсот каком-то году, насколько я припоминаю.

— Этого не может быть. Он умер в 1489 году.

— Путаешь, старина. Он открыл Америку в 1492 году.

— Америку открыл Кэбот! Себастьян Кэбот!

— Как бы не так! Кэбот пришел малость попозже.

— А у меня неопровергимые доказательства! — воскликнул Хассель, но был прерван появлением кренастого и довольно плотного мужчины с лицом, чудовищно побагровевшим от ярости. На нем болтались широченные серые брюки, а твидовый пиджак его был на два номера меньше, чем нужно. В руке он держал револьвер сорок пятого калибра. Лишь несколько мгновений спустя Генри Хассель сообразил, что видит самого себя. Это зрелище не доставило ему удовольствия.

— О боже! — пробормотал Хассель. — Это ведь я прибываю в прошлое, чтобы убить Вашингтона. Если бы я прибыл сюда второй раз на час позже, я застал бы Вашингтона мертвым. Эй! — воскликнул он. — Подожди! Потерпи минуточку! Мне нужно сначала у него кое-что выяснить!

Хассель игнорировал собственные возгласы; по правде говоря, он их, кажется, вообще не слышал. Он прошагал прямо к полковнику Вашингтону и выстрелил. Полковник Вашингтон упал, так что в смерти его не могло быть ни малейших сомнений. Первый Хассель осмотрел тело и, не обращая никакого внимания на попытки второго Хасселя остановить его и вовлечь

в дискуссию, удалился, злобно бормоча что-то себе под нос.

— Он меня не слышал, — удивился Хассель. — Он даже не почувствовал, что я здесь, и потом — почему я не помню, чтобы я сам себя останавливал, когда в первый раз стрелял в полковника? Что здесь происходит, черт побери?

Серьезно озабоченный, Генри Хассель прибыл в Чикаго 1941 года и заглянул в спортивный зал Чикагского университета. Там среди скользкого месива графитовых блоков в облаке графитовой пыли он отыскал итальянского ученого по фамилии Ферми.

— Повторяете работу Марии Кюри, *dottore*, не так ли? — спросил Хассель.

Ферми огляделся, словно услышал какой-то слабый писк.

— Повторяете работу Марии Кюри, *dottore*? — проревел Хассель что было сил.

Ферми холодно посмотрел на него.

— Откуда вы, *amico*?

— О, я на государственном коште.

— Государственный департамент?

— О нет, просто государственный кошт. Послушайте, *dottore*, ведь Мария Кюри открыла деление ядра в тысяча девятьсот таком-то году, не так ли?

— Нет! Нет!! Нет!!! — воскликнул Ферми. — Мы первые. И даже мы еще не открыли. Полиция! Полиция!! Шпион!!!

— Ну, уж на этот раз кое-что останется в истории! — прорычал Хассель. Он вытащил свой верный 45-й калибр, выпустил полную обойму в грудь доктора Ферми и застыл на месте в ожидании, когда его арестуют, а потом предадут анафеме на страницах газет. Но, к его удивлению, Ферми не упал, а всего лишь ощупал свою грудь и, обращаясь к людям, прибежавшим на его крик, сказал:

— Ничего особенного. Я почувствовал какое-то внезапное жжение во внутренностях, которое могло бы означать воспаление сердечного нерва, но скорее всего это изжога.

Хассель был слишком возбужден, чтобы дожидаться автоматического возвратного включения ма-

шины времени. Поэтому он немедленно вернулся в неизвестный университет без всякой машины времени. Этот факт мог бы натолкнуть Хасселя на разгадку происходящего, но профессор был слишком одержим своей идеей, чтобы что-нибудь заметить. Именно тогда я (1913—1975) впервые увидел Хасселя — призрачную фигуру, проносявшуюся сквозь стекла автомобилей, закрытые двери магазинов и кирпичные стены домов. На его лице было выражение фантастической решимости.

Он просочился в библиотеку, приготовившись к утомительному спору, но каталоги не видели и не слышали его. Он отправился в Лабораторию сомнительной практики, где находился Сэм — Сложная электронная машина, располагавшая приборами чувствительностью до 107000 ангстрем. Сэму не удалось разглядеть Генри. Однако он сумел его расслышать, используя усиление звуковых волн посредством интерференции.

— Сэм, — сказал Хассель. — Я сделал чертовски важное открытие.

— Ты все время делаешь открытия, Генри, — заторчал Сэм. — Мне уже некуда помещать твои данные. Прикажешь начать для тебя новую ленту?

— Но мне нужен совет, Сэм! Кто у нас ведущий авторитет по разделу «Время, путешествия по... последовательность событий в...»

— И. Леннокс. Пространственная механика, профессор по... Йельский университет в...

— Как мне с ним связаться?

— Никак, Генри. Он умер. В семьдесят пятом.

— Дай мне какого-нибудь специалиста по разделу «Время... путешествия по...», только живого.

— Вилли Мэрфи.

— Мэрфи? С нашей Травматологической кафедры? Подходит! Где он сейчас?

— Видишь ли, Генри, он пошел к тебе домой. У него к тебе какое-то дело.

Хассель, не сделав ни единого шага, прибыл домой, обыскал свой кабинет и лабораторию, где никого не нашел, и наконец вплыл в гостиную, где его рыжеволосая жена продолжала находиться в объятиях по-

стороннего мужчины. (Все это, как вы, конечно, понимаете, происходило в течение нескольких секунд после сооружения машины времени; такова природа времени и путешествий по...) Хассель кашлянул раз, потом еще раз и наконец попытался похлопать жену по плечу. Его пальцы прошли сквозь нее.

— Прошу прощения, дорогая, — сказал он. — Не заходил ли ко мне Вилли Мэрфи?

Тут он пригляделся и увидел, что мужчина, обнимавший его жену, был не кто иной, как Вилли Мэрфи собственной персоной.

— Мэрфи! — воскликнул профессор. — Вы-то мне и нужны! Я получил необыкновенные результаты.

И, не дожидаясь ответа, Хассель принялся элементарно излагать свои необыкновенные результаты, что звучало примерно следующим образом:

— Мэрфи, $u - v = (u^{1/2} - v^{1/4})(u^a + u^x v^y + v^b)$, но поскольку Джордж Вашингтон $F(x)u^2 \varphi dx$ и Энрико Ферми $F(u^{1/2})dx dt$ на половину Кюри, то что вы скажите о Христофоре Колумбе, помноженном на корень квадратный из минус единицы?

Мэрфи игнорировал Хасселя точно так же, как это сделала миссис Хассель. Что касается меня, то я быстренько записал уравнения Хасселя на крыше проезжавшего такси.

— Послушайте, Мэрфи, — сказал Хассель. — Гreta, дорогая, не будешь ли ты так любезна оставить нас на некоторое время? Мне нужно... Черт побери, прекратите вы когда-нибудь это нелепое занятие?! У меня к вам серьезный разговор, Мэрфи.

Хассель пытался разъединить парочку. Обнявшиеся не ощущали его прикосновений точно так же, как раньше не слышали его криков. Хассель опять побагровел. Он пришел в ярость и набросился с кулаками на миссис Хассель и Вилли Мэрфи. С таким же успехом он мог бы наброситься с кулаками на идеальный газ. Я решил, что лучше мне вмешаться.

— Хассель?

— Это еще кто?

— Выди на минутку. Я хочу с тобой поговорить. Он пулей проскочил сквозь стену.

- Где вы?
- Здесь, наверху.
- Вот это облачко?
- Ты выглядишь точно также.
- Кто вы такой?
- Леннокс. И. Леннокс.
- Леннокс, пространственная механика, профессор по... Йельский университет в...
- Он самый.
- Но ведь вы умерли в семьдесят пятом?
- Я исчез в семьдесят пятом.
- Что вы хотите этим сказать?
- Я изобрел машину времени.
- О боже! Я сделал то же самое, — сказал Хас-сель. — Сегодня вечером. Меня вдруг осенила эта идея — уже не помню почему, — и я получил совершенно необыкновенные результаты. Послушайте, Леннокс, время не является непрерывным!
- Вот как?
- Это ряд дискретных частиц, вроде бусин на нитке.
- В самом деле?
- Каждая бусинка — это «настоящее». Каждое «настоящее» имеет свое прошлое и свое будущее. Но ни одно из них не связано с другим. Понимаете? Если $a = a_1 + a_2 j + \varphi a x (b_1)...$
- К черту математику, Генри!
- Это форма квантованного переноса энергии. Время излучается дискретными порциями, или квантами. Мы можем войти в любой квант и совершить изменения в нем, но никакие изменения в одной частичке не влияют ни на какие-либо другие частички. Правильно?
- Неправильно, — сказал я с сожалением.
- То есть как это «неправильно»?! — воскликнул профессор, возмущенно размахивая руками буквально где-то между ребрами проходившей мимо студентки. — Достаточно взять трохоидальные уравнения и...
- Неправильно! — твердо повторил я. — Хочешь меня послушать, Генри?
- Валяйте, — сказал он.

— Ты заметил, что стал... как бы это выразиться... нематериальным? Призрачным? Лучистым? Что пространство и время для тебя больше не существуют?

— Ага.

— Генри, я имел несчастье построить машину времени еще в 1975 году.

— Вот как? Послушайте, а как вы решили вопрос с мощностью? Я использовал, по-моему, примерно 7,3 киловатта на...

— К черту мощность, Генри. Первый мой визит в прошлое был в плейстоценовую эпоху. Я хотел снять мастодонта, гигантского ленивца и саблезубого тигра. Когда я пятался, чтобы уместить мастодонта в кадре при диафрагме 6,3 и выдержке сотка или, по шкале АВС...

— К черту шкалу АВС! — сказал Хассель.

— Когда я пятался, я споткнулся и нечаянно раздавил маленькое плейстоценовое насекомое.

— Ага! — воскликнул Хассель.

— Я был подавлен случившимся. Мне уже мешалось, как я возвращаюсь в свой мир и застаю его радикально изменившимся из-за смерти этого насекомого. Представь себе мое изумление, когда я вернулся и увидел, что в моем мире ничего не изменилось.

— Ого! — присвистнул Хассель.

— Я заинтересовался. Я снова отправился в плейстоцен и убил мастодонта. В 1975 году ничего не изменилось. Я вернулся в плейстоцен и истребил там все живое — по-прежнему ни малейшего результата. Я помчался сквозь время, убивая все вокруг, чтобы изменить настояще.

— Значит, ты поступил так же, как и я! — воскликнул Хассель. — Я прикончил Колумба.

— А я прикончил Марко Поло.

— Но я прикончил Наполеона!

— Ну, Эйнштейн — более значительная персона.

— Даже Магомет ничего не изменил. Уж от него-то я ожидал большего.

— Знаю. Я его тоже прикончил.

— Как это так? — оскорбленно воскликнул Хассель.

— Я его убил 16 сентября 599 года.

- Я прикончил Магомета 5 января 598 года!
- Я тебе верю.
- Но как же ты мог его прикончить после того, как я его прикончил?!
- Мы его оба прикончили.
- Это невозможно!
- Молодой человек, — сказал я. — Время — личное дело каждого. Прошлое — оно как память. Мы стерли свое прошлое. Для всех других мир по-прежнему существует, а мы с тобой перестали существовать. Когда ты стираешь у человека память, ты разрушашь его как личность.
- То есть как это «перестали существовать»?!
- Каждый раз, когда мы в своем прошлом что-то уничтожали, мы немножко таяли. И наконец растаяли совсем. Теперь мы с тобой — призраки... Надеюсь, миссис Хассель будет вполне счастлива с мистером Мэрфи... И вообще, слушай, не лучше ли нам с тобой поторопиться? Сейчас в Академии Ампер как раз выдает отличные анекдоты о Людвиге Больцмане!

ПИ-ЧЕЛОВЕК

Как сказать? Как написать? Порой я выражаю свои мысли изящно, гладко, даже изысканно, и вдруг — reculer pour mieux sauter¹ — это завладевает мною. Толчок. Сила. Принуждение.

Иногда

я
должен
возвращаться

но не для того, чтобы

прыгнуть; даже не для того, чтобы прыгнуть дальше. Я не владею собой, своей речью, любовью, судьбой. Я должен уравнивать, компенсировать. Всегда.

Quae posent docent. Что в переводе означает: вещи, которые ранят, — учат. Я был ранен и многих ранил. Чему мы научились? Тем не менее. Я просыпаюсь утром от величайшей боли, соображая, где нахожусь. Ч-черт! Коттедж в Лондоне, вилла в Риме, апартаменты в Нью-Йорке, ранчо в Калифорнии. Богатство, вы понимаете... Я просыпаюсь. Я осматриваюсь. Ага, расположение знакомо:

¹ Отступить, чтобы прыгнуть дальше (фр.)

Спальня	Прихожая	Т
Ванная		Е
Ванная		Р
	Гостиная	Р
Спальня		А
Кухня		С
Терраса		А

О-х-о-х! Я в Нью-Йорке. Но эти ванные... Фу! Сбивают ритм. Нарушают баланс. Портят форму.

Я звоню привратнику. В этот момент забываю английский. (Вы должны понять: я говорю на всех языках. Вынужден. Почему? Ax!)

— Pronto. Ecco mi, Signore Storm. Нет. Приходится parlato italiano. Подождите, я перезвоню через cinque minute.

Re infecta.¹ Латынь. Не закончив дела, я принимаю душ, мою голову, чищу зубы, бреюсь, вытираюсь и пробую снова. Voila!² Английский вновь при мне. Назад к изобретению А. Г. Белла («Мистер Ватсон, зайдите, вы мне нужны»).

— Алло? Это Абрахам Сторм. Да. Точно. Мистер Люндгрен, пришлите, пожалуйста, сейчас же несколько рабочих. Я намерен две ванные переоборудовать в одну. Да, оставлю пять тысяч долларов на холодильнике. Благодарю вас, мистер Люндгрен.

Хотел сегодня ходить в сером фланелевом костюме, но вынужден надеть синтетику. Проклятье! У африканского национализма странные побочные эффекты. Пошел в заднюю спальню (см. схему) и отпер дверь, установленную компанией «Нэшнл сейф».

Передача шла превосходно. По всему электромагнитному спектру. Диапазон от ультрафиолетовых до инфракрасных. Микроволновые всплески. Приятные альфа-, бета- и гамма-излучения. А прерыватели ппrrrr еррrrр ыывва юттттт выборочно и умиротворяюще. Кругом спокойствие. Боже мой! Познать хотя бы миг спокойствия!

¹ С незавершенным делом (лат.)

² Ну вот (фр.)

К себе в кабинет на Уолл-стрит я отправляюсь на метро. Персональный шофер слишком опасен — можно сдружиться; я не смею иметь друзей. Лучше всего утренняя переполненная подземка — не надо выправлять никаких форм, не надо регулировать и компенсировать. Спокойствие! Я покупаю все утренние газеты — так требует ситуация, понимаете? Слишком многие читают «Таймс»; чтобы уравнять, я читаю «Трибьюн». Слишком многие читают «Ньюс» — я должен читать «Миррор». И т.д.

В вагоне подземки ловлю на себе быстрый взгляд — острый, блеклый, серо-голубой, принадлежащий неизвестному человеку, ничем не примечательному и незаметному. Но я поймал этот взгляд, и он забил у меня в голове тревогу. Человек понял это. Он увидел вспышку в моих глазах, прежде чем я успел ее скрыть. Итак, за мной снова «хвост». Кто на этот раз?

Я выскошил у муниципалитета и повел их по ложному следу к Вулворт-билдинг на случай, если они работают по двое. Собственно, смысл теории охотников и преследуемых не в том, чтобы избежать обнаружения. Это нереально. Важно оставить как можно больше следов, чтобы вызвать перегрузку.

— Не его, — взмолился я кому-то. — Милые, не его. Пожалуйста.

Но вынужден. Приближаюсь. Два удара — в шею и в пах. Валился, скорчившись, как подожженный лист. Топчу очки. Рву бумаги. Тут меня отпускает, и я схожу вниз. 10.30. Опоздал. Чертовски неловко. Взял такси до Уолл-стрит, 99. Вложил в конверт тысячу долларов (тайком) и послал шофера назад в Блавт. Найти клерка и отдать ему.

В кабинете утренняя рутина. Рынок неустойчив, биржу лихорадит. Чертовски много балансирует и компенсирует, хотя я знаю формы денег. К 11.30 тे-

ряю 109872,43 доллара, но к полудню выигрываю 57075,94.

57075 — изумительное число, но 94 цента... фу! Уродуют весь баланс. Симметрия превыше всего. У меня в кармане только 24 цента. Позвал секретаршу, одолжил еще 70 и выбросил всю сумму из окна. Мне сразу стало лучше, но тут я поймал взгляд, удивленный и восхищенный. Очень плохо. Очень опасно.

Немедленно уволил бедную девочку.

— Но почему, мистер Сторм? Почему? — спрашивала она, силясь не заплакать.

Милая маленькая девочка. Лицо веснушчатое и веселое, но сейчас не слишком веселое.

— Потому что я начинаю тебе нравиться..

— Что в этом плохого?

— Я ведь предупреждал, когда брал тебя на работу

— Я думала, вы шутите.

— Я не шутил. Уходи. Прочь! Вон!

— Но почему?

— Я боюсь, что полюблю тебя.

— Это новый способ ухаживания? — спросила она.

— Отнюдь.

— Хорошо, можете меня не увольнять! — Она в ярости. — Я вас ненавижу.

— Отлично. Тогда я могу с тобой переспать.

Она краснеет, не находит слов, но уголки ее глаз дрожат. Милая девушка, нельзя подвергать ее опасности. Я подаю ей пальто, сую в карман годовую зарплату и вышвыриваю за дверь. Делаю себе пометку: не нанимай никого, кроме мужчин, предпочтительно неженатых и способных ненавидеть.

Завтрак. Пошел в отлично сбалансированный ресторан. Столики и стулья привинчены к полу, никто их не двигает. Прекрасная форма. Не надо выправлять и регулировать. Сделал изящный заказ:

Мартини

Сыр

Мартини

Салат
Кофе

Мартини

Рокфор

Но здесь едят так много сахара, что мне приходится брать черный кофе, который я недолюблю. Тем не менее приятно.

$X^2 + X + 41$ = простое число. Простите, пожалуйста. Иногда я не в состоянии контролировать себя. Иногда какая-то сила налетает на меня неизвестно откуда и почему. Тогда я делаю то, что принужден делать, слепо. Например, говорю чепуху, часто поступаю против воли, как с клерком в Булворт-билдинг. В любом случае уравнение нарушается при $X = 40$.

День выдался тихий. Какой-то момент мне казалось, что придется улететь в Рим (Италия), но положение выправилось без моего вмешательства. Общество защиты животных наконец застукало меня и обвинило в избиении собаки, но я пожертвовал 10 тысяч долларов на их приют. Отвязались с подхалимским тявканьем... Пририсовал усы на афише, спас тонущего котенка, разогнал наглеющих хулиганов и побрил голову. Нормальный день.

Вечером в балет — расслабиться в прекрасных формах, сбалансированных, мирных, успокаивающих. Затем я сделал глубокий вдох, подавил тошноту и заставил себя пойти в «Ле битник». Ненавижу «Ле битник», но мне нужна женщина, и я должен идти в ненавистное место. Эта веснушчатая девушка... Итак, *poisson d'avril*, я иду в «Ле битник».

Хаос. Темнота. Какофония звуков и запахов. В потолке одна двадцатипятиваттная лампочка. Меланхоличный пианист играет «новую волну». У лев. стены сидят битники в беретах, темных очках и непристойных бородах, играют в шахматы. У прав. стены — бар и битницы с бумажными коричневыми сумками под мышками. Они шныряют и рыскают в поисках ночлега.

Ох уж эти битницы! Все худые... волнующие меня этой ночью, потому что слишком много американцев мечтают о полных, а я должен компенсировать. (В Англии я люблю пухленьких, потому что англичане предпочитают худых.) Все в узких брючках, свободных свитерах, прическа под Брижит Бардо, косметика по-итальянски... черный глаз, белая губа... А двигаются они походкой, что подхлестнула Херрика три столетия назад:

*И глаз не в силах оторвать я
Сквозь переливчатое платье
Мелькает плоть, зовя к объятьям!¹*

Я подираю одну, что мелькает. Заговариваю. Она оскорбляет. Я отвечаю тем же и заказываю выпивку. Она пьет и оскорбляет в квадрате. Я выражают надежду, что она лесбиянка, и оскорбляю в кубе. Она рычит и ненавидит, но тщетно. Крыши-то на сегодня нет. Нелепая коричневая сумка под мышкой. Я подавляю симпатию и отвечаю ненавистью. Она немыта, ее мыслительные формы — абсолютные джунгли. Безопасно. Ей не будет вреда. Беру ее домой для соблазнения взаимным презрением. А в гостиной (см. схему) сидит гибкая, стройная, гордая, милая моя веснушчатая секретарша, недавно уволенная, ждет меня.

!
Я
теперь
пишу
эту часть

и
с
т
о
р
и
и

в

П
А
Р
И
Ж
Е

столице Франции

Вынужден был поехать туда из-за событий в Сингапуре. Потребовалась громадная компенсация и регулировка. В какой-то миг даже думал, что придется напасть на дирижера «Опера комик», но судьба оказалась благосклонна ко мне, и все кончилось безвредным взрывом в Люксембургском саду. Я еще успел побывать в Сорbonне, прежде чем меня забросило назад.

Так или иначе, она сидит в моей квартире с одной (1) ванной и 1997,00 сдачи на холодильнике. Ух! Выбрасываю шесть долларов из окна и наслаждаюсь остав-

¹ Перевод В. Генкина.

шимися 1991. А она сидит там, в скромном черном вечернем платье, черных чулках и черных театральных туфельках. Гладкая кожа рдеет от смущения, как свежий бутон алои розы. Красное — к опасности. Дерзкое лицо напряжено от сознания того, что она делает. Проклятье, она мне нравится.

Мне нравится изящная линия ее ног, ее фигура, глаза, волосы, ее смелость, смущение... румянец на щеках, пробивающийся несмотря на отчаянное применение пудры. Пудра... гадость. Я иду на кухню и для компенсации тру рубашку жженой пробкой.

— Ох-хо, — говорю. — Буду частлив знать, зачем ходи-ходи моя берлога. Пардон, мисс, такая языка скоро уйдет.

— Я обманула мистера Люндгрена, — выпаливает милая девушка. — Я сказала, что несу тебе важные бумаги.

— Entschuldigen Sie, bitte. Meine pidgin haben sich geandert. Sprachen Sie Deutsch?¹

— Нет.

— Dann warte ich.²

Битница повернулась на каблучках и выплыла, зовясь к объятиям. Я нагнал ее у лифта, сунул 101 доллар (превосходная форма) и пожелал на испанском спокойной ночи. Она ненавидела меня. Я сделал с ней гнусную вещь (нет прощения) и вернулся в квартиру, где обрел английский.

— Как тебя зовут?

— Я работаю у тебя три месяца, а ты не знаешь моего имени? В самом деле?

— Нет, и знать не желаю.

— Лиззи Чалмерс.

— Уходи, Лиззи Чалмерс.

— Так вот почему ты звал меня «мисс»... Зачем ты побрил голову?

— Неприятности в Вене.

— Что ты имеешь в виду?

¹ Прошу меня извинить. Мой английский изменился. Вы говорите по-немецки? (нем.).

² Тогда я подожду (нем.).

— Не твое дело. Что тебе здесь надо? Чего ты хочешь?

— Тебя, — говорит она, отчаянно краснея.

— Уходи, ради бога, уходи!

— Что есть у нее, чего не хватает мне? — потребовала Лиззи Чалмерс. Затем ее лицо сморщилось. — Правильно? Что. Есть. У нее. Чего. Не. Хватает. Мне. Да, правильно. Я учусь в Бенингтоне, там грамматика хромает.

— То есть как это — учусь в Бенингтоне?

— Это колледж. Я думала, все знают.

— Но — учусь?

— Я на шестимесячной практике.

— Чем же ты занимаешься?

— Раньше экономикой. Теперь тобой. Сколько тебе лет?

— Сто девять тысяч восемьсот семьдесят два.

— Ну перестань. Сорок?

— Тридцать.

— Нет, в самом деле? — Она счастлива. — Значит, между нами всего десять лет разницы.

— Ты любишь меня, Лиззи?

— Я хочу, чтобы между нами что-то было.

— Неужели обязательно со мной?

— Я понимаю, это бесстыдно. — Она опустила глаза. — Мне кажется, женщины всегда вешались тебе на шею.

— Не всегда.

— Ты что, святой? То есть... понимаю, я не головокружительно красива, но ведь и не уродлива.

— Ты прекрасна.

— Так неужели ты даже не коснешься меня?

— Я пытаюсь защитить тебя.

— Я сама смогу защититься, когда придет время.

— Время пришло, Лиззи.

— По крайней мере, мог бы оскорбить меня, как битницу перед лифтом.

— Подсматривала?

— Конечно. Не считаешь ли ты, что я буду сидеть сложа руки? Надо приглядывать за своим мужчиной.

— Твоим мужчиной?

— Так случается, — проговорила она тихо. — Я раньше не верила, но... Ты влюбляешься и каждый раз думаешь, что это настоящее и навсегда. А затем встречаешь кого-то, и это больше уже не вопрос любви. Просто ты знаешь, что он твой мужчина.

Она подняла глаза и посмотрела на меня. Фиолетовые глаза, полные юности, решимости и нежности, и все же старше, чем глаза двадцатилетней... гораздо старше. Как я одинок — никогда не смея любить, ответить на дружбу, вынужденный жить с теми, кого не-навижу. Я мог провалиться в эти фиолетовые глаза.

— Хорошо, — сказал я. И посмотрел на часы. Час ночи. Тихое время, спокойное время. Боже, сохрани мне английский... Я снял пиджак и рубашку и показал спину, исполосованную шрамами. Лиззи ахнула.

— Самоистязание, — объяснил я. — За то, что позволил себе сдружиться с мужчиной. Это цена, которую заплатил я. Мне повезло. Теперь подожди.

Я пошел в спальню, где в правом ящике стола, в серебряной коробке, лежал стыд моего сердца. Я привнес коробку в гостиную. Лиззи наблюдала за мной широко раскрытыми глазами.

— Пять лет назад меня полюбила девушка. Такая же, как ты. Я был одинок в то время, как и всегда. Вместо того, чтобы защитить ее от себя, я потворствовал своим желаниям. Я хочу показать тебе цену, которую заплатила она. Это отвратительно, но я должен...

Вспышка. Свет в доме ниже по улице погас и снова загорелся. Я прыгнул к окну. На пять долгих секунд погас свет в соседнем доме. Ко мне подошла Лиззи и взяла меня за руку. Она дрожала.

— Что это? Что случилось?

— Погоди.

Свет в квартире погас и снова загорелся.

— Они обнаружили меня, — выдохнул я.

— Они? Обнаружили?

— Засекли мои передачи уном.

— Чем?

— Указателем направления. А затем отключали электричество в домах во всем районе, здание за зданием... пока передача не прекратилась. Теперь они знают, в каком я доме, но не знают квартиры.

Я надел рубашку и пиджак.

— Спокойной ночи, Лиззи. Хотел бы я поцеловать тебя.

Она обвила мою шею руками и стала целовать; вся тепло, вся бархат, вся для меня. Я попытался оттолкнуть ее.

— Ты шпион, — прошептала она. — Я пойду с тобой на электрический стул.

— Если бы я был шпионом... — Я вздохнул. — Прощай, моя Лиззи. Помни меня.

Soyez ferme¹. Колossalная ошибка, как это только могло сорваться у меня с языка. Я выбегаю, и тут этот маленький дьявол скидывает туфельки и рвет до бедра узенькую юбчинку, чтобы та не мешала бежать. Она рядом со мной на пожарной лестнице, ведущей вниз к гаражу. Я грубо ругаюсь, кричу, чтобы она остановилась. Она ругается еще более грубо, все время смеясь и плача. Проклятье! Она обречена.

Мы садимся в машину, «астон-мартин», но с левосторонним управлением, и мчимся по Пятьдесят третьей, на восток по Пятьдесят четвертой и на север по Первой авеню. Я стремлюсь к мосту, чтобы выбраться из Манхэттена. На Лонг-Айленде у меня свой самолет, припасенный для подобных случаев.

— J'y suis, j'y reste² — не мой девиз, — сообщаю я Элизабет Чалмерс, чей французский так же слаб, как грамматика... трогательная слабость. — Однажды меня поймали в Лондоне на почтамте. Я получал почту до востребования. Послали мне чистый лист в красном конверте и проследили до Пикадилли, 139, Лондон. Телефон: Мейфэр 7211. Красное — это опасность. У тебя везде кожа красная?

— Она не красная! — возмущенно воскликнула Лиззи.

— Я имею в виду розовая.

— Только там, где веснушки, — сказала она. — Что за бегство? Почему ты говоришь так странно и поступаешь так необычно? Ты действительно не шпион?

— Вероятно.

¹ Будьте стойкими (фр.)

² Я здесь, я здесь останусь (фр.)

— Ты существо из другого мира, прилетевшее на неопознанном летающем объекте?

— Это тебя пугает?

— Да, если мы не сможем любить друг друга.

— А как насчет завоевания Земли?

— Меня интересует только завоевание тебя.

— Я никогда не был существом из другого мира.

— Тогда кто ты?

— Компенсатор.

— Что это такое?

— Знаешь словарь Франка и Вагнелла? Издание Франка Х. Визетелли? Цитирую: «То, что компенсирует, устройство для нейтрализации местных влияний на стрелку компаса, автоматический аппарат для выравнивания газового давления в...» Проклятье!

Франк Х. Визетелли не употреблял этого нехорошего слова. Оно вырвалось у меня, потому что мост заблокирован. Следовало ожидать. Вероятно, заблокированы все мосты, ведущие с 24-долларового острова. Можно было бы съехать с моста, но ведь со мной чудесная Элизабет Чалмерс. Все. Стоп, машина. Сдавайся.

— Kamerad, — произношу я и спрашиваю: — Кто вы? Ку-клукс-клан? КГБ?

Он пристально смотрит на меня, наконец открывает рот:

— Специальный агент Кримс из ФБР, — и показывает значок.

Я ликую и радостно его обнимаю. Он вырывается и спрашивает, в своем ли я уме. Мне все равно. Я целую Лиззи Чалмерс, и ее раскрытый рот под моим шепчет:

— Ни в чем не признавайся. Я вызову адвоката.

Залитый светом кабинет на Фоли-сквер. Так же расставлены стулья, так же стоит стол. Мне часто доводилось проходить через это. Напротив — незапоминающийся человек с блеклыми глазами из утренней подземки. Его имя — С. И. Долан.

Мы обмениваемся взглядами. Его говорит: я блефовал сегодня. Мой: я тоже. Мы уважаем друг друга. И начинается допрос с пристрастием.

- Вас зовут Абрахам Мейсон Сторм?
- По прозвищу Бейз.
- Родились 25 декабря?
- Рождественский ребенок.
- 1929 года?
- Дитя депрессии.
- Я вижу, вам весело.
- Юмор висельника, С.И. Долан. Отчаяние. Я знаю, что вы никогда ни в чем не сможете меня обвинить, и оттого в отчаянии.
- Очень смешно.
- Очень грустно. Я хочу быть осужденным... Но это безнадежно.
- Родной город Сан-Франциско?
- Да.
- Два года в Беркли. Четыре во флоте. Кончили Беркли, по статистике.
- Стопроцентный американский парень.
- Нынешнее занятие — финансист?
- Да.
- Конторы в Нью-Йорке, Риме, Париже, Лондоне?
- И в Рио.
- Имущества в акциях на три миллиона долларов?
- Нет, нет, нет! — Яростно. — Три миллиона триста тридцать три тысячи триста тридцать три доллара триста тридцать три цента.
- Три миллиона долларов, — настаивал Долан. — В круглых числах.
- Круглых чисел нет, есть только формы.
- Сторм, чего вы добиваетесь?
- Осудите меня! — взмолился я. — Я хочу попасть на электрический стул, покончить со всем этим.
- О чем вы говорите?
- Спрашивайте, я отвечу.
- Что вы передаете из своей квартиры?
- Из какой именно? Я передаю изо всех.
- Нью-йоркской. Мы не можем расшифровать.
- Шифра нет, лишь набор случайностей.
- Что?
- Спокойствие, Долан.

— Спокойствие!

— Об этом меня спрашивали в Женеве, Берлине, Лондоне, Рио. Позвольте мне объяснить.

— Слушаю вас.

Я глубоко вздохнул. Это всегда трудно. Приходится обращаться к метафорам. Время три часа ночи. Боже, сохрани мне английский.

— Вы любите танцевать?

— Какого черта?

— Будьте терпеливы, я объясню. Вы любите танцевать?

— Да.

— В чем удовольствие от танца? Мужчина и женщина вместе составляют... ритм, образец, форму. Двигаясь, ведя, следя. Так?

— Ну?

— А парады... Вам нравятся парады? Масса людей, взаимодействуя, составляют единое целое.

— Погодите, Сторм...

— Выслушайте меня, Долан. Я чувствителен к формам... больше, чем к танцам или парадам, гораздо больше. Я чувствителен к формам, порядкам, ритмам Вселенной... всего ее спектра... к электромагнитным волнам, группировкам людей, актам враждебности и радушия, к ненависти и добру. И я обязан компенсировать. Всегда.

— Компенсировать?

— Если ребенок падает и ушибается, его целует мать. Это компенсация. Негодяй избивает животное, вы бьете его. Да? Если нищий клянчит у вас слишком много, вы испытываете раздражение. Тоже компенсация. Умножьте это на бесконечность и получите меня. Я должен целовать и бить. Вынужден. Заставлен. Не представляю, как назвать это принуждение. Вот говорят: экстрасенсорное восприятие, пси. А как назвать экстраформенное восприятие? Пи?

— Пик? Какой пик?

— Pi, шестнадцатая буква греческого алфавита, обозначает отношение длины окружности к ее диаметру. 3.141592... Число бесконечно... бесконечно мучение для меня...

— О чём вы говорите, черт побери?!

— Я говорю о формах, о порядке во Вселенной. Я вынужден поддерживать и восстанавливать его. Иногда что-то требует от меня прекрасных и благородных поступков; иногда я вынужден творить безумства: бормотать нелепицу, срываться сломя голову неизвестно куда, совершать преступления... Потому что формы, которые я воспринимаю, требуют регулирования, выравнивания.

— Какие преступления?

— Я могу признаться, но это бесполезно. Формы не дадут мне погибнуть. Люди отказываются присягать. Факты не подтверждаются. Улики исчезают. Вред превращается в пользу.

— Сторм, клянусь, вы не в своем уме.

— Возможно, но вы не сумеете запрятать меня в сумасшедший дом. До вас уже пытались. Я сам хотел покончить с собой. Не вышло.

— Так что же насчет передач?

— Эфир переполнен излучениями. К ним я тоже восприимчив. Но они слишком запутаны, их не упорядочить. Приходится нейтрализовывать. Я передаю на всех частотах.

— Вы считаете себя сверхчеловеком?

— Нет, ни в коем случае. Просто я тот, кого повстречал Простак Симон.

— Не стройте из себя шута.

— Я не строю. Неужели вы не помните считалку: «Простак Симон вошел в вагон, нашел батон. Но тут повстречался ему Пирожник. «Отдай батон!» — воскликнул он». Я не Пи-рожник. Я — Пи-человек.

Долан усмехнулся.

— Мое полное имя Симон Игнациус Долан.

— Простите, не знал.

Он посмотрел на меня, тяжело вздохнул, отбросил в сторону мое досье и рухнул в кресло. Это сбило форму, и мне пришлось пересесть. Долан скосил на меня глаза.

— Пи-человек, — объяснил я.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Не можем вас задерживать.

— Все пытаются, — заметил я, — никто не может.

— Кто «все»?

— Контрразведки, убежденные, что я шпион; полиция, интересующаяся моими связями с самыми подозрительными лицами; опальные политики в надежде, что я финансирую революцию; фанатики, возомнившие, что я их богатый мессия... Все выслеживают меня, желая использовать. Никому не удается. Я часть чего-то гораздо большего.

— Между нами, что это были за преступления?

Я набрал воздуха.

— Вот почему я не могу иметь друзей. Или девушку. Иногда где-то дела идут так плохо, что мне приходится делать пугающие жертвы, чтобы восстановить положение. Например, уничтожить существо, которое люблю. Я... имел собаку, лабрадора, настоящего друга. Нет... не хочу вспоминать. Парень, с которым мы вместе служили во флоте... Девушка, которая любила меня... А я... Нет, не могу. Я проклят! Некоторые формы, которые я должен регулировать, принадлежат не нашему миру, не нашему ритму... ничего подобного на Земле вы не почувствуете. 29/51... 108/303... Вы удивлены? Вы не знаете, что это может быть мучительно? Отбейте темп в 7/5.

— Я не разбираюсь в музыке.

— И не надо. Попробуйте за один и тот же промежуток времени отбить правой рукой пять раз, а левой — семь. Тогда поймете сложность и ужас наплывающих на меня форм. Откуда? Я не знаю. Это неопознанная Вселенная слишком велика для понимания. Но я должен следовать ритму ее форм, регулировать его своими действиями, чувствами, помыслами, а какая-то

чудовищная	сила
подталкивает	меня
вперед	и
и	выворачивает
назад	наизнанку...

— Теперь другую, — твердо произнесла Элизабет. — Подними.

Я на кровати. Половина (0,5) в пижаме; другая половина (0,5) борется с веснушчатой девушкой. Я поднимаю. Пижама на мне, и уже моя очередь краснеть. Меня воспитали гордым.

— *Om mani padme hum.* Что означает: о сокровище в лотосе. Имея в виду тебя. Что произошло?

— Мистер Долан сказал, что ты свободен, — объяснила она. — Мистер Лундгрен помог внести тебя в квартиру. Сколько ему дать?

— *Cingue lire. No. Parla Italiana, gentile Signorina?*¹

— Мистер Долан мне все рассказал. Это снова твои формы?

— *Si*².

Я кивнул и стал ждать. После остановок на греческом и португальском английский, наконец, возвращается.

— Какого черта ты не уберешься отсюда, пока цела, Лиззи Чалмерс?

— Я люблю тебя, — сказала она. — Забирайся в постель... и оставь место для меня.

— Нет.

— Да. Женишься на мне позже.

— Где серебряная коробка?

— В мусоропроводе.

— Ты знаешь, что в ней?

— Это чудовищно — то, что ты сделал! Чудовищно! — Дерзкое личико искажено ужасом. Она плачет. — Что с ней теперь?

— Чеки каждый месяц идут на ее банковский счет в Швейцарию. Я не хочу знать. Сколько может выдержать сердце?

— Кажется, мне предстоит это выяснить.

Она выключила свет. В темноте зашуршало платье. Никогда раньше не слышал я музыки существа, раздевающегося для меня... Я сделал последнюю попытку спасти ее.

— Я люблю тебя. Ты понимаешь, что это значит? Когда ситуация потребует жертвы, я могу обойтись с тобой даже еще более жестоко...

— Нет. Ты никогда не любил. — Она поцеловала меня. — Любовь сама диктует законы.

¹ Пять лир. Нет. Вы говорите по-итальянски, милая синьорина? (ит.)

² Да (ит.)

Ее губы были сухими и потрескавшимися, кожа ледяной. Она боялась, но сердце билось горячо и сильно.

— Ничто не в силах разлучить нас. Поверь мне.

— Я больше не знаю, во что верить. Мы принадлежим Вселенной, лежащей за пределами познания. Что, если она слишком велика для любви?

— Хорошо, — прошептала Лиззи. — Не будем собаками на сене. Если любовь мала и должна кончиться, пускай кончается. Пускай такие безделицы, как любовь, и честь, и благородство, и смех, кончаются... Если есть что-то большее за ними...

— Но что может быть большее? Что может быть за ними?

— Если мы слишком малы, чтобы выжить, откуда нам знать?

Она придвигнулась ко мне, холода всем телом. И мы сжались вместе, грудь к груди, согревая друг друга своей любовью, испуганные существа в изумительном мире вне познания... страшном, но все же ожжж идд а щщщщ еммм...

ВЫ ПОДОЖДЕТЕ?

В наше время все еще продолжают появляться старомодные истории о сделках с дьяволом. Разумеется, вам знаком этот стандартный набор: сера, заклинания и пентаграммы, одно жульничество. Одним словом, что в голову взбредет, то и пишут... Только среди этих писак нет ни одного, кто хотя бы в общих чертах разбирался бы в предмете. Дьявольщина XX века — это превосходно отлаженный механизм, ничем не отличающийся в этом смысле от музыкальных автоматов, лифтов, телевизоров и прочих достижений современной цивилизации, понять принцип действия которых не в состоянии, по моему разумению, никто.

Когда меня в прошлом году в третий раз вышвырнули с работы, я оказался на мели. Хуже того, поверил в свою планиду неудачника. Дела мои были хуже некуда, а ждать от кого-то помощи в наши дни — сами знаете, дохлый номер. Поэтому я решил продать душу дьяволу. Оставалась мелочь — отыскать его.

Я отправился в справочный зал центральной библиотеки и проштудировал все, что там имелось по демонологии и дьяволоведению. Конечно, как я уже сказал, в этих трудах не содержалось ни единого дель-

WILL YOU WAIT?, 1959.

Перевод Вл. Гакова и В. Гопмана.

ногого слова. Кроме того, магические ингредиенты, используемые обычно для вызова дьявола, мне оказались не по карману.

Пришлось пробовать по-другому. Я позвонил в Бюро Знаменитостей. Мне ответил приятный мужской голос.

— Да?

— Вы не могли бы сказать, как можно связаться с дьяволом?

— Являетесь ли вы абонентом нашего бюро?

— Нет.

— Очень сожалею, но в таком случае я не вправе давать вам какую-либо информацию.

— А могу я заплатить за одну справку?

— Вы имеете в виду ограниченное обслуживание?

— Да.

— Пожалуйста. Итак, кто знаменитость?

— Дьявол.

— Простите?

— Дьявол. Он же Сатана, Люцифер, Черт, Стари-на Ник... Дьявол.

— Одну минутку, пожалуйста.— Через пять минут мужчина раздраженно бросил: — Алло, вы слушаете? Дьявол больше не является знаменитостью.

И повесил трубку.

Тогда я решил еще порыться в телефонном справочнике. На странице, украшенной рекламой ресторана Сарди, я легко нашел искомое. «Сатана, Шайтан, Резня и Ваал», 477, Мэдисон-авеню, Джадсон 3-1900. Я набрал номер. Ответил бодрый женский голос:

— «Сатана, Шайтан, Резня и Ваал» слушают. Доброе утро.

— Будьте добры, соедините меня с мистером Сатаной.

— Линия занята. Вы подождете?

Я подождал, и автомат съел мою монету. Пришлось позвонить еще раз и потерять еще одну. После препирательств с телефонисткой меня все-таки соединили.

— «Сатана, Шайтан, Резня и Ваал» слушают. Доброе утро.

— Пожалуйста, мистера Сатану. И не отключайтесь надолго. Я звоню из...

Раздался щелчок и затем гудки. Я подождал, пока линия не освободится.

— Контора мисс Хоган.

— Могу ли я переговорить с мистером Сатаной?

— Кто его спрашивает?

— Он меня не знает. По личному делу.

— Простите, но мистер Сатана больше не числится в нашей организации.

— Не могли бы вы сказать, где я могу его найти?

Слышно было, как говорившая прикрыла трубку ладонью и какое-то время оживленно дискутировала с кем-то в комнате на бруклинском просторечии. Затем к мисс Хоган вернулась секретарская изысканность:

— Алло, вы слушаете? Мистер Сатана сейчас числится в «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш».

Телефон этой фирмы нашелся в том же справочнике: 383, Мэдисон-авеню, Мюррей-Хилл 2-1900. Я набрал номер. Прозвучал гудок, и кто-то снял трубку. Металлический голос монотонно пропел:

— Вы неправильно набрали номер. Просим вас еще раз справиться в вашем телефонном справочнике. Вы слышите магнитофонную запись.

Я еще раз внимательно проверил в справочнике. Там значилось: Мюррей-Хилл, 2-1900. Я опять набрал номер и выслушал уже знакомое сообщение.

Наконец я прорвался к живой телефонистке и от нее узнал новый номер «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш». Я позвонил. Ответил приятный женский голос:

— «ВБДиШ». Доброе утро.

— Будьте добры, соедините меня с мистером Сатаной.

— С кем?

— С мистером Сатаной.

— Простите, но он у нас не работает.

— Тогда с мистером Вельзевулом или мистером Дьяволом.

— Одну минуту.

Я подождал. Каждые полминуты секретарша отрывисто сообщала:

— Пытаюсь дозвони... — и, прежде чем я успевал вставить слово, отключалась. Наконец я услышал:

— Приемная мистера Дьявола.

— Могу я переговорить с ним?

— А кто спрашивает?

Я назвался.

— Мистер Дьявол разговаривает по другому телефону. Вы подождете?

Что мне оставалось? К тому же следовало пополнить запас монет. Через двадцать минут тот же приятный женский голос информировал меня:

— Его только что вызвали на экстренное совещание. Может ли он позвонить вам позже?

— Спасибо. Я сам перезвоню.

Через девять дней я наконец поймал его.

— Слушаю вас, сэр. Чем могу быть полезен?

Я перевел дух.

— Хочу продать вам свою душу.

— Позвольте ознакомиться с бумагами?

— Простите, не понял.

— Я имею в виду вашу нотариально заверенную собственность. Ваши грехи. Не думаете же вы, что «ВБДиШ» собирается покупать кота в мешке, не так ли? Нам нужно удостовериться, прежде чем мы придем к какому-то соглашению. Так что несите ваши бумаги, а о дне встречи договоритесь с секретаршой.

Я вспомнил все свои грехи. Оформил все как надо. После чего позвонил.

— Простите, он уехал на взморье, — сообщила секретарша. — Позвоните недели через две.

Через пять недель встреча все-таки состоялась. Прежде чем меня провели к мистеру Дьяволу, я битых два часа проторчал в приемной, стены которой украшали какие-то фотомонтажи, свидетельствующие об успехах фирмы. Наконец я оказался в угловом кабинете — здесь на стенах висели техасские тавро с неоновой подсветкой. Развалившись в кресле, Дьявол наговаривал что-то в диктофон. Это был высокий мужчина с жульническим голосом коммивояжера — вы знаете таких субъектов, они громко разговаривают в лифтах. Дьявол с подчеркнутой сердечностью пожал мне руку и сразу же раскрыл мои бумаги.

— Недурно, недурно, — произнес он, шурша листами. — Полагаю, нам удастся договориться. Итак, что будете заказывать? Как обычно?

— Деньги, успех, счастье.

Он удовлетворенно кивнул.

— Значит, как обычно. Будьте спокойны: где-где, а здесь вас не обжулят. У вас будут и деньги, и успех, и счастье.

— И на какой срок?

— В течение всей жизни — средней продолжительности человеческой жизни. Никакого обмана, мой мальчик, мы консультируемся со страховыми компаниями. Вид у вас вполне здоровый; думаю, вы сможете наслаждаться тем, что мы вам дадим, еще лет сорок — сорок пять. Если угодно, специально оговорим срок в контракте.

— Без обмана?

— С кем вы только имели дело?! Это у людей за- ведено надувать друг друга.

— Но вы гарантируете?

— Мы не только гарантируем обслуживание, но и настаиваем, чтобы вы пользовались нашими услугами. Нам совсем не нужны жалобы на нас в Комиссию Высшей Справедливости. Вам необходимо вызывать нас по меньшей мере два раза в год, иначе контракт придется расторгнуть.

— А какого рода обслуживание?

Он пожал плечами:

— Все что пожелаете. Почистить вам башмаки, вымыть пепельницу, привести танцовщицу из бара. Все это мы уточним позже. Единственное, на чем мы настаиваем: вы должны пользоваться нашими услугами, повторяю, не реже двух раз в год. Наша фирма свято блюдет принцип: «*Sine Qua Non*».

— И без обмана?

— Без. Сейчас наш юридический отдел займется составлением контракта. Кто будет вас представлять?

— Вы имеете в виду агента? У меня его нет.

Мой собеседник был поражен.

— Нет агента? Мой мальчик, ваше счастье, что вы попали к нам! В другом месте вас ободрали бы как

липку. Найдите агента, и пусть он сразу же мне позвонит.

— Хорошо, сэр. Могу ли я... Позвольте задать вам один вопрос?

— Разумеется, разумеется. «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш» никогда не играют в темную!

— Как все это будет выглядеть... ну, словом, когда срок действия контракта истечет?

— Вы в самом деле хотите знать?

— Да.

— Не советую.

— И все же я хотел бы взглянуть.

И он показал. Это было подобно самому ужасному из ночных кошмаров. Такое не расскажешь даже психоаналитику: черная, бездонная пропасть бесконечных страданий. Это был ад.

Вероятно, я изменился в лице, потому что мой собеседник рассмеялся.

— Ну... может быть, передумали?

— Я согласен.

Мы обменялись рукопожатием, и он проводил меня.

— Не забудьте, — сказал мистер Дьявол на прощание. — Найдите агента, самого лучшего. Это в ваших интересах.

Я заключил договор с фирмой «Сивилла и Сфинкс». Это было 3 марта. Пятнадцатого я снова позвонил им. К телефону подошла миссис Сфинкс.

— О, простите, произошла небольшая задержка. Дело в том, что мисс Сивилла, которая вела ваше дело, улетела по служебным вопросам в Шеол. Замещаю ее я.

1 апреля я опять позвонил. У телефона оказалась мисс Сивилла.

— О, прошу прощения, произошла небольшая задержка. Дело в том, что миссис Сфинкс пришлось срочно вылететь в Сейлем на репетицию сожжения ведьм. Она вернется на следующей неделе.

Я позвонил 15 апреля. Секретарша мисс Сивиллы сообщила, что произошла небольшая задержка с составлением контракта — в «Вельзевул, Белиал, Дьявол

и шабаш» проходило что-то вроде реорганизации юридического отдела.

1 мая «Сивилла и Сфинкс» информировали меня, что контракт прибыл, и их юридический отдел занят его изучением.

Весь июль мне пришлось заниматься черт знает чем, чтобы свести концы с концами, пришлось даже наняться на совершенно никчемную работу в роторный цех одной радиокомпании. По меньшей мере раз в неделю я получал извещения от Дьявола с подтверждением сделки — все солидно, с подписями и печатями. Вся эта кипа корреспонденции вызывала у меня лишь нездоровий смех: прошло уже четыре месяца со дня нашей встречи с мистером Дьяволом у него в конторе, а дело и не думало сдвигаться с мертвоточки.

Однажды на Парк-авеню я увидел его, спешившего куда-то по делам. Он только что выставил свою кандидатуру на выборы в конгресс и окликнул по имени каждого паршивого полицейского и швейцара. Но меня он, очевидно, не узнал; когда я направился было к нему с вопросом, он отшатнулся от меня, словно я был коммунист или еще что похуже...

В июле переговоры были приостановлены, так как все разъехались на каникулы.

В августе все отправились за границу, на какой-то фестиваль Черной Мессы. Наконец, в сентябре «Сивилла и Сфинкс» пригласили меня для подписания контракта. Это оказался внушительный документ на тридцати семи страницах, испещренных вклейками с исправлениями и добавлениями. На полях каждой страницы были расчерчены какие-то пустые клеточки.

— Если бы вы знали, сколько нам пришлось повозиться, — сообщили мне «Сивилла и Сфинкс» с гордостью.

— Достаточно долго, не так ли?

— О, да. С небольшими контрактами, как ваш, всегда больше возни. Поставьте свои инициалы в каждой из пустых клеток и распишитесь на последней странице. Во всех шести экземплярах.

Я расписался. Когда формальности были закончены, я не почувствовал никакой перемены — ни ощущения счастья, ни каких-то видимых признаков успеха, да и карманы по-прежнему были пусты.

— Сделка состоялась? — спросил я.

— Нет. Еще должен подписать Сам.

— Но я не могу больше ждать.

— Мы сделаем все, что в наших силах.

Я прождал неделю и снова позвонил.

— Вы забыли расписаться на одном экземпляре, — сообщили мне.

Я сходил в контору и исполнил требуемое. Через неделю снова позвонил.

— Сам забыл расписаться на одном экземпляре, — сказали мне.

1 октября я получил одновременно увесистую бандероль и заказное письмо. В бандероли был заверенный и подписанный, скрепленный печатью текст договора между мной и Дьяволом. Наконец-то я смогу насладиться богатством, счастьем и успехом...

Заказное письмо было от «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш», и в нем меня извещали, что в силу не выполнения мной условия контракта, оговоренного пунктом 27-а, контракт считается расторгнутым. О размерах неустойки меня обещали известить дополнительно. Я помчался к «Сивилле и Сфинкс».

— Что за черт, какой еще пункт 27-а? — мрачно поинтересовались «Сивилла и Сфинкс». Выяснилось, что пункт предусматривал мое обращение за помощью к Дьяволу не реже чем раз в полгода.

— Каким числом датирован контракт? — спросили «Сивилла и Сфинкс». Мы посмотрели. Контракт был датирован 1 марта, когда я впервые встретился с Дьяволом.

— Март, апрель, май... — мисс Сивилла принялась загибать пальцы. — Все правильно. Семь месяцев. Вы уверены, что ни разу не обратились к ним?

— Чего ради? Ведь у меня не было на руках контракта.

— Ладно, посмотрим, что можно сделать, — задумчиво произнесла миссис Сфинкс. Она позвонила в юридический отдел «Вельзевул, Белиал, Дьявол и

шабаш»; разговор состоялся краткий, но весьма оживленный.

— Они говорят, что договор был заключен 1 марта и скреплен рукопожатием, — сообщила миссис Сфинкс, положив трубку. — Они говорят, что обязательства, взятые ими на себя, всегда выполняют самым добросовестным образом.

— Но откуда же я мог знать? Ведь контракта у меня на руках не было.

— Так вы ничего у них не просили?

— Да нет же. Я ждал контракта.

«Сивилла и Сфинкс» связались со своим юридическим отделом и изложили суть дела.

— Вам нужно обратиться в арбитраж, — ответили там, добавив, что агентам запрещено выступать в качестве поверенных их клиентов.

Чтобы найти юриста, способного защищать мои интересы в арбитраже (479, Мэдисон-авеню, Лексингтон 5-1900), я вынужден был обратиться к «Магу, Чародею, Вуду, Лозоискателю и Карге» (99, Уолл-стрит, измененный номер телефона: 3-1900). Они запросили двести долларов плюс двадцать процентов с контракта. Я предъявил им тридцать четыре доллара — все, что у меня осталось за четыре месяца работы в роторном цехе. Вряд ли этого хватило бы на аванс адвокату и оплату предварительных издержек.

В середине ноября радиокомпания известила меня, что я понижен в должности и переведен в отдел писем. Мои финансовые дела находились в том состоянии, когда впору было подумать о самоубийстве. Удерживало меня лишь то обстоятельство, что при таком исходе мою душу дополнительно будут трепать в арбитраже.

Мое дело слушалось 12 декабря комиссией в составе трех членов. Меня предупредили, что о решении известят дополнительно. Я подождал неделю и позвонил в «Маг, Чародей, Вуду, Лозоискатель и Каргу».

— Работа комиссии временно прекращена в связи с рождественскими каникулами, — ответили мне.

Я позвонил 2 января.

— Одного из членов комиссии нет в городе.

Я позвонил 10 января.

— Вернулся, но отсутствуют двое других.

— Когда же будет вынесено решение?

— Порой затяжки тянутся месяцами.

— И как вы оцениваете мои шансы?

— Мы пока не проиграли ни одного процесса.

— Это обнадеживает.

— Да, но вы понимаете, что прецедент всегда может быть создан.

Это не обнадеживало. Мне показалось, что разумнее было бы подстраховаться. Наученный опытом, я вновь обратился к телефонному справочнику. «Серафим, Херувим и Ангел». 666, Пятнадцатая авеню, Темплтон 4-1900.

Я позвонил. Ответил бодрый женский голос.

— «Серафим, Херувим и Ангел». Доброе утро.

— Простите, могу я поговорить с мистером Ангелом?

— Он сейчас разговаривает по другому телефону. Вы подождете?

Я жду до сих пор.

НЕ ПРАВИЛАМ

Девушка, сидевшая за рулем джипа, была очень красива. Кожа отливала нежным загаром, длинные светлые волосы развевались роскошным хвостом. На ней были легкие парусиновые сандалии, голубые джинсы — и больше ничего.

Она остановила джип у библиотеки на Пятой авеню и собиралась уже войти туда, когда ее внимание привлек магазин на противоположной стороне улицы. Она застыла в раздумье, затем скинула джинсы и швырнула их в воркующих на ступенях голубей. Те в испуге взлетели, а девушка подошла к витрине, где было выставлено шерстяное платье с высокой талией, не сильно еще побитое молью. На ценнике стояло \$79,90. Кирпичом девушка разбила стекло, предусмотрительно отойдя в сторону. Порывшись на полках и найдя нужный размер, она раскрыла книгу продажи и аккуратно записала: «\$79,90. Линда Нельсон».

Потом вернулась в библиотеку, поднялась, перебежав изгаженный за пять лет голубями холл, на третий этаж и, как всегда, отметилась в книге выдачи: «Число — 20 июня 1981 г. Имя — Линда Нельсон. Ад-

THEY DON'T MAKE LIFE LIKE THEY USED TO, 1959.

Перевод В. Баканова

рес — Центральный парк, Пруд модельных яхт. Профессия — последний человек на Земле».

Достав несколько бесценных художественных изданий, она бегло просмотрела их и вырвала кое-какие иллюстрации, которые отлично подойдут к ее спальне. Этажом ниже сняла с полки два учебника итальянского языка и словарь и уложила все в джип рядом с большой красивой куклой.

Отъехав от библиотеки, она направилась по Пятой авеню, лавируя между стоявшими машинами и осторожно объезжая разрушенные здания. У развалин собора святого Патрика из ниоткуда вдруг появился мужчина и, не оглядываясь по сторонам, стал переходить улицу прямо перед ней. Она так резко затормозила, что джип вильнул и врезался в останки автобуса. Мужчина вскрикнул, отпрянул назад и замер, глядя на девушку.

— Вы, сумасшедший разиня! — закричала она. — Почему не смотрите, куда идете!

Он был крепкого телосложения, с густыми, покрытыми сединой волосами, рыжей бородой и обветренной кожей. Его одежда состояла из туристского костюма и лыжных ботинок. За спиной висели рюкзак и двустволка.

— Боже мой, — прошептал мужчина осипшим голосом. — Наконец. Я всегда знал, что найду кого-нибудь... — Затем, когда он увидел ее изумительные длинные волосы, его лицо поникло. — Но надо же, как не везет, — пробормотал он. — Женщина!..

— Вы что, чокнутый? — холодно спросила Линда.

— Простите, леди. По правде говоря, я не рассчитывал на движение.

— Надо же соображать немного, — выразительно сказала она, отводя джип от автобуса.

— Эй, погодите!

— Ну, чего?

— Вы понимаете что-нибудь в телевизорах? Эта чертова электроника...

— Остроумничаете?

— Нет-нет, серьезно.

Линда что-то невнятно пробормотала и тронулась было с места, но он загородил ей дорогу.

— Пожалуйста! Это очень важно для меня. В самом деле, вы разбираетесь в телевизорах?

— Ни капли.

— Вот черт! Прошу прощения, леди, интересно бы узнать: в городе есть парни?

— Здесь никого нет, кроме меня. Я последний человек на Земле.

— Забавно. Я думал то же самое про себя.

— По крайней мере, последняя женщина. Он затряс головой.

— Но должны же быть другие люди! Может, на юге? Я сам из Нью-Хейвена и иду на юг, где места потеплее, потому что пытаюсь найти ребят, у которых можно кое-что спросить.

— Что именно?

— А, женщине не понять. Не хочу вас обидеть.

— Ну, если вы идете на юг, то не туда забрели.

— Разве юг не там? — спросил бородач, указывая вниз по Пятой авеню.

— Да, но Манхэттен — остров. Вам надо пройти по мосту Джорджа Вашингтона к Джерси.

— А где это?

— Идите по Пятой авеню до Соборной аллеи, потом поднимитесь по Риверсайд...

Беспомощный взгляд.

— Первый раз в городе?

Он кивнул.

— Ну, ладно, — вздохнула Линда. — Залазьте. Я вас подвезу.

Девушка переложила книги и куклу на заднее сиденье, и он сел рядом с ней.

— Путешествуете?

— Да.

— А почему не взяли машину? Бензина и масла полно.

— Я не умею водить, — уныло ответил бородач.

Он выпустил из груди воздух, и массивный рюкзак дрогнул на широкой спине. Девушка изучала его краем глаза. Мгновенье она раздумывала, затем кивнула каким-то своим мыслям и остановила джип.

— В чем дело? — спросил мужчина. — Поломка?

— Как вас зовут?

- Майо. Джим Майо.
— А я Линда Нельсен.
— Рад познакомиться. Почему мы не едем?
— Джим, у меня к вам предложение.
— Да? — Он с сомнением оглядел ее. — С удовольствием выслушаю, леди, то есть, Линда, но нужно вам сказать, что у меня определенные планы...
— Джим, если вы мне поможете, я тоже вам помогу.
— Например?
— Я так одинока вечерами... Днем слишком много дел, а вечерами просто ужасно.
— Понимаю, — пробормотал он. — Но причем тут я?
— Почему бы вам не остаться на некоторое время в Нью-Йорке? Я научу вас водить, и вам не придется идти на юг пешком.
— Недурная идея. А водить — это трудно?
— Ерунда, научу вас за несколько дней!
— Я не смогу так быстро.
— Ну хорошо, за месяц. Зато сколько времени вы сэкономите потом!
— Да, заманчиво... — Он спохватился. — А что я должен сделать для вас?
Ее лицо мечтательно озарилось.
— Джим, я хочу, чтобы вы помогли мне перевезти пианино.
— Пианино? Какое пианино?
— Розового дерева, «Стейнвей». Из одной квартиры на Пятьдесят седьмой улице. Я просто умираю, так хочу иметь его у себя!
— Обзаводитесь мебелью?
— Да, но, кроме того, я хочу после обеда поиграть на пианино. Нельзя же вечно слушать пластинки! Я все уже подготовила: самоучитель, пособия по настройке... А вот перевезти не могу.
— Но ведь в городе полно квартир с пианино! Вы можете поселиться в любой.
— Ни за что! Я потратила пять лет на устройство своего гнездышка и люблю его. Кроме того, где взять питьевую воду?
Он кивнул.

- Да, вода... Кстати, как у вас с ней?
- Я живу в Центральном парке, в доме у пруда, где раньше хранили модели яхт. Прелестное место. Вдвоем мы установим пианино, Джим. Это будет нетрудно.
- Просто не знаю, Лина...
- Линда.
- Простите. Я...
- Вы кажетесь очень сильным. Чем вы занимались раньше?
- Я был профессиональным борцом.
- О!..
- Но последнее время держал бар в Нью-Хейвене. Он пользовался популярностью у спортсменов. А чем занимались вы?
- Работала в «ББДО».
- Что это такое?
- Рекламное агентство, — объяснила она нетерпеливо. — Поговорим об этом позже, если вы останетесь. Я научу вас водить, мы перевезем пианино, и есть еще несколько вещей, которые я... Впрочем, это подождет. А потом уедете на юг.
- Линда, честное слово, не знаю...
- Она взяла его за руки.
- Ну, Джим, пожалуйста. Вы можете остановиться у меня. Я хорошо готовлю, и у меня есть прелестная комната для гостей.
- Зачем? Вы ведь думали, что на Земле больше никого не осталось.
- Глупый вопрос. В приличном доме всегда должна быть комната для гостей! В пруду будете купаться, найдем вам шикарный «ягуар»...
- Я бы предпочел «кадиллак»...
- Как угодно. Ну, что скажете, Джим? Договорились?
- Хорошо, Линда, — проворчал он неохотно. — Договорились.

Это был действительно прелестный дом. Овальный пруд в мягких лучах июньского солнца отливал голубизной, там и тут крякали утки. Дом выходил окнами на запад, а вокруг него расстипался парк.

Майо завистливо посмотрел на пруд.

— Только яхт недостает... — произнес он.

— Здесь их было полным-полно, когда я въехала, — сказала Линда.

— Я всегда мечтал иметь модель корабля. Однажды, совсем маленьkim...

Майо умолк. Откуда-то донеслись звуки тяжелых ударов, будто камнем били о камень. Все прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Что это?

Линда пожала плечами.

— Точно не знаю. Думаю, что разрушается город. Вы еще увидите, как иногда разваливаются здания. Привыкаешь со временем... Ну, входите.

Она вся светилась гордостью за свое жилище, хотя у Майо многочисленные украшения вызвали легкое раздражение. Однако викторианская гостиная, спальня-ампир и «деревенская» кухня с настоящей керосиновой плитой произвели на него впечатление. Комната для гостей в колониальном стиле с изящными светильниками, с диваном на изогнутых ножках и ворсистым ковриком его обеспокоила.

— Здесь все такое девичье...

— Естественно. Я ведь девушка.

— Да, конечно. Я имею в виду... — Майо подозрительно огляделся. — Ну, парню подошли бы менее хрупкие вещи.

— Не волнуйтесь. Диван вас выдержит. Теперь запомните, Джим. Ботинки в комнате снимать. С ковриком будьте поаккуратней, на ночь лучше убирайте. Я взяла его в музее и не хочу, чтобы он трепался. У вас смена одежды есть?

— Только то, что на мне.

— Завтра достанем другую. Ваше тряпье даже стирать не стоит.

— Послушайте, — в отчаянии взмолился он. — Обоснуйся-ка я, пожалуй, прямо в парке.

— Почему?!

— Видите ли, я больше привык к этому, чем к таким домам. Но вы не беспокойтесь, Линда, я где-нибудь поблизости.

— Чепуха, — твердо заявила Линда. — Вы мой гость и будете жить здесь. Теперь мыться — я угощу вас обедом.

Ели они из дорогих китайских тарелок, пользовались шведскими серебряными вилками. Обед был довольно легким, и Майо остался голоден, но сказать об этом не решился. Не желая придумывать повод выйти в город и перехватить что-нибудь посущественней, он просто отправился спать, сняв ботинки, но совершенно забыв про коврик.

Утром его разбудило громкое кряканье. Соскочив с постели и подойдя к окну, он увидел, как с пруда взлетают утки, испуганные каким-то красным пятном. Когда глаза Майо привыкли к яркому свету, он разглядел, что это купальная шапочка. Потягиваясь и зевая, Джим вышел к воде. Линда радостно приветствовала его, подплыла к берегу и вылезла. Кроме красной шапочки на ней ничего не было. Майо отодвинулся, чтобы на него не попали брызги.

— Доброе утро, — сказала Линда. — Хорошо спал?

— Доброе утро, — ответил Майо. — Нормально. Ух, вода, должно быть, холодная-холодная. У тебя гусиная кожа.

— Вода изумительная. — Она стянула шапочку и распустила волосы. — Где полотенце? Ах вот... Давай, Джим, сразу освежишься.

— Кому охота купаться в такую холодину?

— Ну же, не трусь!

Раскат грома расколол тихое утро. Майо пораженно уставился в небо.

— Какого черта!.. Что это? Будто самолет прошел звуковой барьер! — воскликнул он.

— Смотри, — приказала Линда. — Вот! — воскликнула она, указывая на запад. — Видишь?

Один из вестсайдских небоскребов величественно оседал, разваливаясь на глазах. Поднялся столб пыли, почва задрожала, и тут же раздался грохот падения.

— Боже, что за зрелище, — пробормотал ошеломленный Майо.

— Упадок и разрушение... — прокомментировала Линда. — Ну, ныряй, Джим. Я принесу тебе полотенце.

Она вбежала в дом. Майо скинул брюки и снял носки, но все еще стоял на берегу, с несчастным видом трогая воду ногой, когда она вернулась с громадным купальным полотенцем.

— Ужасно холодно, Линда, — пожаловался он.

— Разве тебе не приходилось принимать холодный душ?

— Ни в коем случае! Только горячий.

— Джим, если будешь так стоять, никогда не решишься. Посмотри на себя, ты уже дрожишь. Это у тебя что на груди, татуировка?

— Ага. Пятицветный питон. Восточный. Он обвивается по всему телу. Видишь? — Майо с гордостью повернулся. — Мне его накололи в Сайгоне в шестьдесят четвертом, когда я служил на флоте. Красиво, да?

— А не больно?

— Ерунда! Другие парни выставляют это так, будто они перенесли адские муки, но это просто бахвальство.

— Ты служил на флоте в шестьдесят четвертом?

— Ну.

— Сколько же тебе было лет?

— Двадцать.

— Значит, теперь тебе тридцать семь? И седина у тебя преждевременная?

— Наверно.

Линда посмотрела на него с задумчивым видом.

— Знаешь, что? Если решишься окунуться, не мочи голову.

Она снова вбежала в дом. Майо, застыдившись своих колебаний, заставил себя опустить ногу в пруд. Он стоял по пояс в воде, опасливо брызгая на плечи и грудь, когда вернулась Линда — со стулом, ножницами и расческой.

— Разве не прекрасно?

— Нет.

Она рассмеялась.

ОДИНОЧКА

— Ну, хорошо, выходи. Я тебя подстригу. И бороду уберем. Посмотрим, на кого ты похож.

Через пятнадцать минут Линда оглядела плоды своего труда и удовлетворенно кивнула.

— Красив, очень красив.

— Ну, ты уж хватила. — Он покраснел.

— На кухне я согрела воду. Иди побрейся. И не вздумай одеваться. После завтрака мы подберем тебе одежду, а потом... Пианино.

— Но я не могу разгуливать по улице голышом! — смущенно возразил Майо.

— Не глупи. Кто тебя увидит? Давай, поторапливайся.

Они доехали до магазина «Аберком и Фитч» на углу Мэдисон и Сорок пятой улицы. Сдернув с Майо полотенце, в которое он стыдливо завернулся, Линда сняла с него мерку и исчезла в глубине магазина. Вернулась она с полными руками.

— Джим, я достала прелестные лосиные мокасины и костюм для сафари, и шерстяные носки, и походные рубашки, и...

— Слушай, — оборвал он. — Ты знаешь, сколько это стоит? Почти полторы тысячи долларов!

— Да? Давай, сперва штаны...

— Ты сошла с ума, Линда. Зачем все это барахло?

— Носки не малы?.. Какое барахло? Эти вещи мне нужны.

— Такие как... — Он начал подписывать ярлыки продажи, — как маска для подводного плавания с плексигласовыми линзами за девять девяносто пять? Для чего?

— Чтобы очистить дно пруда.

— А столовый набор из нержавеющей стали за тридцать девять долларов?

— Это если я заленюсь и не захочу греть воду. Нержавейку можно мыть в холодной воде. — Она с восхищением смотрела на него. — Джим, ты только взгляни на себя в зеркало! Вылитый охотник из рассказа Хэмингуэя!

Он покачал головой.

— Не представляю, как ты расплатишься. Надо быть поэкономней, Линда. Тратить такую уйму денег!.. Может, лучше забудем про пианино?

— Никогда, — возмущенно заявила Линда. — Мне все равно, сколько оно стоит!

После дня напряженной физической и умственной работы пианино было установлено в гостиной. Майо в последний раз убедился, что оно не рухнет, и устало плюхнулся в кресло.

— Боже! — простонал он. — Легче было пешком идти на юг.

— Джим! — Линда подбежала и бросилась ему на грудь. — Джим, ты ангел. Как ты себя чувствуешь?

— В порядке, — проговорил он. — Слезь с меня, Линда, я не могу вздохнуть.

— Как мне тебя отблагодарить? Я сделаю все, что хочешь, только скажи.

— А-а, — отмахнулся он. — Ты меня уже подстригла.

— Я серьезно.

— Ты не собираешься учить меня водить?

— Разумеется. Я теперь вечно у тебя в долгу.

Линда села на стул, не сводя глаз с пианино.

— Не поднимай много шума по пустякам.

Майо с кряхтением поднялся, сел за инструмент, смущенно улыбнулся через плечо и заиграл менуэт. Линда выдохнула и резко выпрямилась.

— Ты играешь... — прошептала она.

— Немного учили в детстве.

— И умеешь читать ноты?

— Вроде бы.

— Научишь меня?

— Попробую, это трудно. О, вот еще что я сыграю.

Он начал калечить «Ликование весны».

— Прекрасно... Просто прекрасно!

Линда смотрела ему в спину, и выражение решимости крепло на ее лице. Она медленно подошла к Майо и положила руки ему на плечи.

Он поднял голову.

— Мм-м?

— Ничего, — ответила она. — Ты играй, играй, а я приготовлю обед.

Но остаток дня Линда была так занята какими-то мыслями, что Майо стал нервничать и рано отправился спать.

Годный автомобиль нашли только часа в три на следующий день, причем не «кадиллак», а «шевроле». Они выехали из гаража на Десятой авеню и направились восточнее, где Линда лучше ориентировалась. Она призналась, что границы ее мира простираются от Пятой авеню до Третьей и от Сорок второй улицы до Восемьдесят шестой.

Девушка передала руль Майо и предоставила ему возможность тащиться вниз по Мэдисон, упражняясь в остановках и стартах. Пять раз он терял управление, одиннадцать раз наезжал на машины и даже врезался в витрину — к счастью, без стекла.

— Черт, как трудно, — дрожа от напряжения, выдавил Майо.

— Главное — практика, — успокоила Линда. — Не волнуйся. Обещаю, что через месяц ты будешь классным водителем.

— Целый месяц!

— Ничего не поделаешь, сам говорил, что плохой ученик. Останови здесь.

Машина судорожно дернулась и остановилась. Линда выскочила.

— Подожди меня.

— Что ты хочешь?

— Сюрприз.

Она подбежала к магазину и исчезла. Вернулась она через полчаса в черном платье с жемчужными бусами и в лакированных бальномых туфельках на высоком каблуке. Волосы были уложены в пышную прическу.

— Теперь поедем на Пятьдесят вторую улицу.

Майо очнулся от столбняка и тронул машину.

— Ты чего это разоделась?

— Это вечернее платье для коктейлей... Эй, Джим! — Она схватила руль и еле успела отвернуть от

стремительно надвигающегося кузова грузовика. — Я веду тебя в знаменитый ресторан.

— Поесть?

— Нет, глупенький. Выпить. Теперь налево. И по-пробуй плавно затормозить.

Кое-как остановившись, Майо вышел из машины и стал принюхиваться.

— Чувствуешь?

— Что?

— Какой-то сладковатый запах.

— Это моя косметика.

— Нет, что-то в воздухе, сладкое и удешливое. Знакомый запах... Черт, не вспомню.

— Не обращай внимания. Пошли.

Она ввела его в ресторан.

— Тебе надо было надеть галстук, — прошептала Линда. — А, ладно, обойдется.

Сам ресторан не произвел на Майо ни малейшего впечатления, но его зачаровали висевшие в баре портреты знаменитостей. Он едва не обжег пальцы, всматриваясь в пламени спичек в Мэла Аллена, Реда Барбера, Кэсси Штенгеля, Фрэнка Гиффорда и Роки Маркиано. Когда пришла Линда с зажженной свечой, он не терпеливо повернулся к ней.

— Ты встречалась здесь с кем-нибудь из этих телевзвезд?

— Наверное. Выпьем?

— Да-да. Но я хотел бы поговорить о них.

Майо проводил девушки к стойке, сдул пыль с табурета и галантно помог сесть, а сам обошел стойку с другой стороны и профессионально вытер ее платком.

— Моя специальность, — ухмыльнулся он. — Добрый вечер, мадам. Что угодно?

— Боже, как я устала сегодня!.. Мартини со льдом. Сделайте двойной.

— Да, мадам. Оливку?

— Луковичку.

— Значит, двойной «гибсон» со льдом. Сию секунду. — Майо пошарил в баре и извлек виски и несколько бутылок содовой. — Боюсь, мартини не получится, мадам. Нет джина. Что бы вы хотели еще?

— Тогда скотч, пожалуйста.

— Содовая выдохлась, — предупредил он. — И нет льда.

— Ничего.

Майо ополоснул стакан содовой и налил в него виски.

— Благодарю. Составьте мне компанию, бармен. Я угощаю. Как вас зовут?

— Джим, мадам. Нет, спасибо, не пью за стойкой.

— В таком случае выходите из-за стойки и присоединяйтесь ко мне.

— Я не пью, мадам.

— Можете звать меня Линдой.

— Благодарю, мисс Линда.

— Ты серьезно не пьешь, Джим?

— Да.

— Ну, ваше здоровье.

— Пчелы! — неожиданно вскричал Майо.

Линда изумленно раскрыла глаза.

— Ты чего, Джим?

— Я вспомнил этот запах — как в пчелиных ульях.

— Да? Понятия не имею, — безразлично сказала Линда. — Может быть... Еще порцию.

— Сейчас сделаем. Послушай, об этих знаменитостях... Ты действительно их видела? Вот как меня?

— Конечно!

— А кого именно?

Она рассмеялась.

— Ты напоминаешь мне малыша из соседней квартиры. Ему я тоже должна была рассказывать, с кем из телезвезд встречалась. Однажды я сказала ему, что видела здесь Джина Артура, и он спросил: «Со своей лошадью?»

Майо не понял, но тем не менее был уязвлен. Линда собиралась развеять обиду, когда здание вдруг затряслось, словно от далекого подземного взрыва. Майо уставился на Линду.

— Боже праведный! А что, если и этот дом развалится?

Она покачала головой.

— Нет, сперва всегда раздается такое «бум».

— Нужна еще содовая. — Он исчез ненадолго и появился бледный, с бутылками и меню. — Ты полег-

че, Линда. Знаешь, сколько они дерут за порцию? Почти два доллара. Вот, полюбуйся!

— Плевать! Давай кутить! Сделайте двойной, бармен. Эх, Джим, если бы ты остался в городе, я показала бы тебе, где жили все твои герои. Спасибо. Ваше здоровье. Я могла бы показать и их ленты. Ну? Такие знаменитости, как... как Ред... как его?

— Барбер.

— Ред Барбер и Роки Кэсси, и Роки Летающая Белка...

— Ты обманываешь меня, — надулся Джим, сно-ва обидевшись.

— Я, сэр? Вас обманываю? — с достоинством спро-сила она. — Просто стараюсь доставить тебе удоволь-ствие. Мама меня учила: «Линда, — говорила она, — запомни одно: носи то, что мужчины хочется, и говори то, что мужчины нравится». Вот что она мне советова-ла... Хочешь это платье?

— Мне оно нравится, если я правильно тебя по-нял.

— Знаешь, сколько я за него заплатила? Девяно-сто девять пятьдесят.

— Что?! Сотню долларов за никчемный пере-дник?

— Вовсе это и не никчемный передник, а выход-ное платье! И еще двадцать долларов — жемчуг. Ис-кусственный, — пояснила она. — И шестьдесят за ла-кированные туфельки. И сорок — косметика. Двести двадцать долларов, чтобы доставить тебе удовольст-вие. Ну как, доставила?

— Ясное дело.

— Хочешь меня понюхать?

— Я уже.

— Бармен, сделайте еще.

— Вам достаточно, пожалуй.

— Нет, не достаточно! — возмутилась Линда. — Где ваши манеры? — Она схватила бутылку виски. — Давай поговорим о телезвездах. Твое здоровье. Я мо-гу отвести тебя в «ББДО» и показать их фильмы. Ну как?

— Ты уже спрашивала.

— Но ты не ответил. Ты любишь кино? Я его не-навижу, но именно кино спасло мне жизнь, когда наступило Великое Последнее «БАЦ»!

— То есть как?

— Это секрет, понимаешь? Только между нами. Если пронюхает другое агентство... — Линда огляделась и понизила голос. — «ББДО» нашло хранилище неизвестных немых фильмов, ясно? Решили сделать большой телесериал. И послали меня в заброшенную шахту в Джерси.

— В шахту?

— Ага. Твое здоровье.

— Фильмы были в шахте?

— Старые ленты. Аacetная основа. Горят. Их нужно хранить, как вино. И я с двумя помощницами провела там внизу несколько дней. Три девушки, с пятницы до понедельника. Таков был план. Твое здоровье. Вот... Где я остановилась? Ах, да. Взяли фонари, одеяла, полно еды и отправились, как на пикник. Точно помню момент, когда все произошло. Мы искали третью катушку старого немецкого фильма. Есть первая, вторая, четвертая, пятая, шестая. Третьей нет. БАЦ!.. Твое здоровье.

— Боже! А что потом?

— Девочки испугались. Не могла удержать их внизу. Больше никогда их не видела. Но я знала. Знала. Растигивала еду. Наконец поднялась, и зачем? Для кого? Для чего? — Она всхлипнула и вцепилась в руку Майо. — Почему бы тебе не остаться?

— Остаться? Где?

— Здесь.

— Я остаюсь.

— Я имею в виду надолго. Ну почему нет? Разве у меня не прелестный дом? В нашем распоряжении весь Нью-Йорк. Тут много продуктов. Можно выращивать цветы и овощи, ловить рыбу, водить машину, ходить в музеи, развлекаться...

— Ты и так развлекаешься. Я тебе не нужен.

— Нужен. Нужен.

— Для чего?

— Для уроков музыки.

После долгого молчания он сказал:

— Ты пьяна.

— Нет, не ранение, сэр. Насмерть. — Она опустила голову на стойку и закрыла глаза.

Майо сжал губы, что-то подсчитал в уме и положил под бутылку пятнадцать долларов. Он тронул Линду за плечо, и она упала ему на руки. Майо задул свечу, отнес девушку в машину и с величайшей сосредоточенностью поехал к пруду.

Он внес Линду в ее спальню, укрупненную множеством всевозможных кукол, и усадил на постель. Она немедленно повалилась навзничь, негромко мурлыча. Майо зажег лампу и попытался приподнять девушку. Она снова повалилась, тихо хихикая.

— Линда, тебе надо раздеться.

— Мпф...

— Так спать нельзя. Платье стоит сто долларов.

— Девносто девять псят.

— Ну, детка.

— Мпф...

Майо в отчаянии закатил глаза, раздел ее, аккуратно повесил вечернее платье и поставил шестидесятидолларовые туфли в угол. Расстегнуть нить жемчуга он не сумел и положил Линду в постель в таком виде. Лежащая обнаженной на бледно-голубых простынях, она казалась нордической одалиской.

— Ты не сбросил моих кукол? — пробормотала она.

— Нет. Они вокруг тебя.

— Хорошо. Никогда не сплю без них... Ваше здоровье.

— Женщина!.. — прорычал Майо, задул лампу и вышел, хлопнув дверью.

На следующее утро его снова разбудило кряканье потревоженных уток. Посреди пруда в ярких лучах июньского солнца сверкала красная шапочка. Майо пожалел, что там не модель яхты, а девушка из тех, что напиваются в барах. Он вошел в воду как можно дальше от Линды и стал осторожно брызгать себе на грудь. Вдруг что-то ударило его по коленке. Он издал

вопль и, повернувшись, увидел сияющее лицо Линды, вынырнувшей из воды.

— Доброе утро, — засмеялась она.

— Очень смешно, — буркнул он.

— Сегодня ты такой сердитый.

Майо выразительно хмыкнул.

— Я тебя не виню. Сама виновата — забыла вчера накормить тебя ужином.

— Ужин тут ни при чем, — произнес он с достоинством.

— Да? Чего же ты дуешься?

— Не переношу пьяных женщин.

— Кто это был пьян?!?

— Ты.

— Я — нет! — возмутилась Линда.

— Нет? Кого пришлось раздевать и укладывать банинки, как младенца?

— А кто оказался настолько глуп, что не снял мой жемчуг? — негодующе потребовала она. — Нитка порвась, и я всю ночь спала, как на гальке. Вся в синяках! Посмотри: здесь, и здесь, и...

— Линда, — сурово произнес он, — я простой парень из Нью-Хейвена. Я не привык общаться с испорченными девушками, которые только тем и занимаются, что выискивают наряд покрасивее да проводят время в модных барах.

— Если тебе не нравится моя компания, чего ты здесь торчишь?

— Я уезжаю, — сказал Майо. Он вылез из воды и стал вытираться. — Отправляюсь на юг.

— Счастливо дотопать.

— Я на машине.

— На трехколесном велосипедике?

— На «шевроле».

— Джим, ты серьезно? — Линда встревожилась и вышла из пруда. — Ты ведь еще не умеешь водить.

— А кто тебя вчера ночью привез домой мертвецки пьяной?

— Ты попадешь в катастрофу!

— В общем, здесь мне делать нечего. Ты девушка светская и любишь развлечения. А у меня на уме кое-

что поважнее: надо найти ребят, понимающих в телевидении.

— Джим, ты ошибаешься. Я не такая. Посмотри, как я обставила свой дом.

— Недурно, — нехотя признал он.

— Пожалуйста, не уезжай сегодня. Ты еще не готов.

— А, ты просто хочешь, чтобы я учил тебя музыке.

— Кто тебе это сказал?

— Ты сама. Вчера вечером.

Линда нахмурилась, сняла шапочку и начала вытираться.

— Джим, я буду с тобой честной, — наконец проговорила она. — Конечно, мне бы хотелось, чтобы ты задержался, не спорю. Но не надолго. В конце концов, что у нас общего?

— Ну да, ты же городская, — горько сказал он.

— Нет, это тут ни при чем. Просто ты парень, а я девушка, и мы ничего не можем предложить друг другу. Мы разные. У нас разные вкусы и интересы. Верно?

— Ну.

— Но ты еще не готов уезжать. Поэтому давай так: утром попрактикуемся в вождении, а потом отдохнем. Чего бы ты хотел? Сходить за покупками? В музей? А может, устроим пикник?

Его лицо просветлело.

— Знаешь, я никогда в жизни не был на пикнике. Однажды я подрабатывал барменом в одной компании, выехавшей за город, но это совсем другое дело.

— Вот и устроим настоящий пикник! — воскликнула Линда.

Так они и отправились к площадке Алисы: она несла свои куклы, Майо — корзину с едой. Статуи поразили его, ничего не слышавшего о Льюисе Кэрроле. Когда Линда усадила своих крошек и разобрала корзину, она вкратце рассказала содержание «Алисы в Стране Чудес» и объяснила, что бронзовые головы Алисы, Болванщика и Мартовского Зайца отполированы до блеска карабкавшимися на них детишками, играющими в «Короля горы».

— Странно, я и не знал об этой истории, — произнес Майо.

— Мне кажется, у тебя было не слишком беззаботное детство, Джим.

— Почему...

Он замолчал и прислушался.

— Что случилось?

— Слышала сейчас сойку?

— Нет.

— Слушай. Она издает странные звуки — словно сталь звякает о сталь.

— Сталь?

— Ага. Как... как мечи на дуэли.

— Но птицы поют, а не шумят.

— Не всегда. Сойка много подражает. Скворцы тоже. И попугай... Но почему она имитирует дуэль на мечах? Где она могла ее слышать?

— Ты настоящий деревенский парень, Джим. Пчелы, сойки, скворцы...

— Наверно. Я хотел спросить: почему ты решила, что у меня не было детства?

— Ну, ты не читал про Алису, никогда не был на пикнике, мечтаешь иметь модель яхты... — Линда открыла темную бутылку. — Хочешь немного вина?

— Тебе бы лучше не надо, — предупредил он.

— Прекрати, Джим. Я не пьяница.

— Напилась ты вчера или нет?

Она капитулировала.

— Ну ладно, напилась. Но только потому, что не- сколько лет и капли в рот не брала!

Его подкупило ее признание.

— Конечно. Конечно. Я понимаю.

— Решай, присоединишься ко мне?

— А, черт побери, почему бы и нет? — Он усмехнулся. — Кутить так кутить. Твое здоровье!

Они выпили и продолжали есть в теплом молчании, дружески улыбаясь друг другу. Линда сняла свою мадрасскую шелковую рубашку, чтобы позагорать под слепящим полуденным солнцем, а Майо любезно повесил ее на ветку. Неожиданно Линда спросила:

— Почему у тебя не было детства, Джим?

— Не знаю. — Он задумался. — Наверное, потому, что моя мать умерла, когда я был совсем маленьким. И еще: мне приходилось много работать.

— Зачем?

— Мой отец был школьным учителем. Сама знаешь, сколько они получали.

— А, так вот почему ты антиинтеллектуал.

— Я?

— Конечно. Не обижайся.

— Может быть, — согласился Майо. — Уж для него точно было ударом, что я, вместо того чтобы стать Эйнштейном, играл в футбол.

— А это интересно?

— Футбол — дело серьезное, обычные игры лучше... Эй, помнишь, как мы разбивались на группы? «*Иббети, биббети, зиббети, заб!*»

— Мы говорили: «*Энни, менни, минни, мо!*» — А помнишь: «*Апрельский Дурак попал впросак, сказал учителю, что он чудак!*»

— «Люблю кофе, люблю чай, люблю мальчишек, а они меня».

— Спорю, что так и было, — мрачно сказал Майо.

— Не меня.

— Почему?

— Я всегда была слишком крупной.

Майо изумился.

— Но ты вовсе не крупная! Ты как раз нормальной комплекции. Идеальной. И хорошо сложена. Я заметил это, когда мы передвигали пианино. Для девушки у тебя отличные мускулы. Особенно на ногах, именно там, где нужно.

Она покраснела.

— Прекрати, Джим.

— Нет, честно.

— Еще капельку вина?

— Спасибо. И себе наливай.

Раскат грома расколол тишину, за ним последовал грохот падающего здания.

— Одним небоскребом меньше, — произнесла Линда. — О чём мы говорили?

— Об играх, — напомнил Майо. — Извини, что я болтаю с полным ртом.

— Ох, да брось... Джим, ты играл у себя в Нью-Хэйвене в «Урони платок»? — Линда запела: — «Калинка-малинка, желтая корзинка, письмо к тому, кого любила, вчера я обронила»...

— У-у, — протянул он. — Ты здорово поешь.

— Подлиза!

— Нет-нет, у тебя отличный голос, не спорь. Подожди. Я должен подумать.

Некоторое время Майо усердно размышлял, допивая свой стакан и с отсутствующим видом принимая новый. Наконец он изрек решение:

— Тебя нужно учить музыке.

— Джим, я все бы отдала!

— Итак, я остаюсь и учу тебя тому, что сам знаю. Ладно, ладно! — поспешил добавил он, видя, как она реагирует. — Только не у тебя дома, я сам найду место.

— Конечно, Джим, как хочешь.

— А потом уеду на юг.

— Я научу тебя водить. Обещаю.

— И меня не держи. Чтоб не просила в последнюю минуту перенести какой-нибудь диван.

Они засмеялись и допили вино. Внезапно Майо вскочил, дернул Линду за волосы и вскарабкался на голову Алисы.

— Я Король горы! — закричал он, обозревая свои владения из-под нахмуренных бровей. — Я Король...

Он вдруг замолчал и уставился вниз.

— Джим, что случилось?

Не говоря ни слова, Майо слез и направился к настремлению каких-то обломков, полускрытых разросшимися кустами. Он опустился на колени и стал осторожно их разбирать. Подбежала Линда.

— Джим, что...

— Это были модели яхт, — прошептал он.

— Ну да. О боже, только и всего-то? Я уж испугалась...

— Как они попали сюда?

— Я их сама выбросила.

— Ты?

— Да. Я же говорила. Мне надо было очистить от них дом, когда я въезжала.

— Убийца! — прорычал Майо, вскочив на ноги и с ненавистью глядя на нее. — Ты как все женщины — без сердца, без души. Сделать такое!

Он повернулся и зашагал к пруду. Линда последовала за ним в полном замешательстве.

— Джим, ничего не понимаю... Какая муха тебя укусила?

— Стыдись!

— Но не могла же я жить в доме, где негде повернуться из-за всяких яхт!

— Все! Забудь, что я тебе говорил. Я не остался бы с тобой, будь ты последним человеком на Земле!

Линда внезапно рванулась вперед и, когда Майо подошел к своей комнате, уже стояла перед ней с ключом.

— Дверь заперта, — выдохнула она.

— Отдай ключ, Линда.

— Нет.

Майо шагнул вперед, но она смело посмотрела ему в глаза и не сдвинулась с места.

— Давай, — запальчиво выкрикнула Линда, — ударь меня!

Он остановился.

— Я пальцем не трону того, кто меньше меня ростом.

Они продолжали глядеть друг на друга.

— Ну и оставайся, — наконец пробормотал Майо. — Вещи я достану себе в другом месте.

— О, иди укладывайся, — проговорила Линда. Она сунула ему ключ и отошла в сторону. Тут Майо обнаружил, что в двери нет замка. Он открыл дверь, заглянул в комнату, закрыл и посмотрел на Линду. Та с трудом сохраняла серьезный вид. Он улыбнулся, и они оба рассмеялись.

— Ловко ты меня надула, — сказал Майо. — Вот уж не хотел бы играть против тебя в покер.

— Ты сам хороший обманщик, Джим. Я перепугалась до смерти — думала, ты меня прибьешь.

— Могла бы знать, что я никого не ударю.

— Да. Теперь давай сядем и разумно все обсудим.

— А, брось, Линда. Я вроде как потерял голову с этими яхтами...

— Я имею ввиду не яхты; я имею ввиду твою поездку на юг. Всякий раз, стоит тебе разозлиться, как ты собираешься ехать. Зачем?

— Я же говорил — найти парней, кумекающих в телевидении.

— Но зачем?

— Тебе не понять.

— Попробуй, объясни. Вдруг я смогу тебе помочь?

— Ничего ты не сможешь. Ты девушка.

— Это не так уж плохо. По крайней мере выслушаша. Разве мы не друзья? Ну, выкладывай.

— Когда все произошло (рассказывал Майо), я был в Беркшире с Джилом Уаткинсом. Джил — мой приятель, отличный парень и светлая голова. После окончания Массачусетского политехнического он стал главным инженером, или еще кем-то, на телевизионной станции в Нью-Хейвене. У Джила был миллион хобби. В том числе спил... спел... Не помню. В общем, исследование пещер.

Итак, мы зашли в ущелье в Беркшире и на целую неделю зарылись под землю, пытаясь найти исток какой-то реки. У нас были спальники, еда и снаряжение. Потом на двадцать минут ошелел наш компас. Мы могли бы догадаться, но Джил понес всякую чушь о магнитной руде и прочую ахинею. И только когда мы в воскресенье вечером поднялись на поверхность, Джил сразу понял, что произошло.

— Боже мой, Джим, — сказал он. — Все-таки они своего добились. Они взорвали, и облучили, и отравили самих себя, а нам остается только вернуться в пещеру и пережидать там.

Ну, протянули мы сколько могли, а потом снова вышли и поехали в Нью-Хейвен. Город был мертв, как и все остальное. Джил поковырялся в радио, но в эфире стояла тишина. Тогда мы набрали консервов и объехали окрестности: Бриджпорт, Уотербери, Хартфорд, Спрингфилд, Провиденс... Никого. Ничего. Мы вернулись в Нью-Хейвен и обосновались там.

То была неплохая жизнь. Днем мы добывали запасы и возились с домом, а вечерами после ужина Джилл пускал станцию. Она работала на аварийных генераторах. Я шел к себе в бар, протирал стойку и включал телевизор — Джилл специально установил для него генератор.

Отличные передачи устраивал Джилл. Начинал он с новостей и погоды, которую вечно неверно предсказывал. У него и был-то, что какой-то «Альманах фермера» да древний барометр, похожий на часы, висящие у тебя на стене. То ли барометр был испорчен, то ли их там в политехническом плохо учили... Потом Джилл передавал вечернюю программу.

В баре на случай налета я держал дробовик. И теперь, когда мне что-нибудь не нравилось, я просто стрелял в экран, выбрасывал телевизор за дверь, а на его место ставил другой. У меня в кладовой их были сотни. Два дня в неделю я только и делал, что пополнял запасы.

В полночь Джилл вырубал станцию, я закрывал бар, и мы встречались дома за чашкой кофе. Джилл спрашивал, сколько телеков я подстрелил, и смеялся. Я спрашивал его, что будет на следующей неделе, и мы спорили о... э-э... о всяких там запланированных фильмах и спортивных матчах. Я не очень любил вестерны и просто ненавидел разные заумные политические обозрения.

Но все пошло наスマрку. Через несколько лет у меня остался единственный телевизор, и так я попал в беду. В ту ночь Джилл крутил жуткий рекламный ролик, где какая-то красавица выходила замуж с помощью хозяйственного мыла. Естественно, я потянулся за дробовиком и опомнился только в последнюю минуту. Потом он передавал ужасный фильм о неизвестном композиторе, и повторилось то же самое. Когда мы встретились дома, я был весь издерган.

— Что стряслось? — спросил Джилл.

Я рассказал.

— А мне казалось, тебе нравятся наши передачи, — удивился он.

— Только когда я мог стрелять. Пожалуйста, войди в мое положение, давай что-нибудь поинтереснее.

— Посуди сам, Джим. Программа должна быть разнообразной — кое-что для каждого, на любой вкус. Если тебе эта передача не по душе, переключи на другой канал.

— Ха, ты ведь отлично знаешь, что у нас в Нью-Хейвене всего один канал!

— Тогда выключи его совсем.

— Я не могу выключить телевизор в баре, можно растерять всю клиентуру... Джил, ради бога, неужели обязательно передавать такие отвратительные мюзиклы — с танцами, пением и поцелуями на башнях танков?!

— Женщинам нравятся военные фильмы.

— А реклама: красавицы, заглядывающиеся на колготки и курящие...

— Вот что, — перебил Джил, — напиши на станцию письмо.

Так я и сделал. А через неделю получил ответ: «Уважаемый мистер Майо, мы очень рады, что Вы находитесь в числе наших постоянных зрителей. Надеемся, что Вы и впредь будете с интересом следить за нашими передачами. Искренне Ваш, Гилберт О. Уаткинс, директор».

Я показал письмо Джилу, и тот пожал плечами.

— Видишь, Джим, — сказал он, — им все равно, нравится тебе программа или нет. Лишь бы ты ее смотрел.

Следующие несколько месяцев были для меня сузящим адом. Я не мог выключить телевизор и не мог без содрогания его смотреть. Собрав всю силу воли, я едва удерживался от стрельбы. Я стал крайне нервным, вспыльчивым и понял, что необходимо что-то предпринять, а не то совсем спячу. Поэтому однажды я принес ружье домой и застрелил Джила.

На следующий день я почувствовал себя немного лучше и по пути на работу даже насвистывал бодрый мотивчик. Я отпер бар, включил телевизор и... Ты не поверишь — он не заработал! Во всяком случае, не было картинки. Не было даже звука. Испортился мой последний телевизор.

Теперь ты знаешь, почему я спешу. Мне нужно найти мастера.

После того, как Майо закончил свой рассказ, наступило долгое молчание. Линда внимательно глядела на него, пытаясь скрыть предательский блеск в глазах. Наконец с наигранной беззаботностью она спросила:

- Где он достал барометр?
- Кто? Что?
- Твой друг Джил. Свой античный барометр. Где он его достал?
- Понятия не имею.
- Говоришь, как мои часы?
- Ну вылитая копия.
- Французский?
- Не могу сказать.
- Бронзовый?
- Вероятно. Как твои часы. Это бронза?
- Да. А какой формы?
- Как твои часы.
- Такого же размера?
- Точно.
- Где он стоял?
- Разве я не говорил? В нашем доме.
- А где дом?
- На Грант-стрит.
- Номер?
- Три-пятнадцать. А чего это ты?
- Так, пустое любопытство. Ну, полагаю, нам пора собираться.
- Не возражаешь, если я пройдусь один?
- Только не вздумай брать машину. Автослесарей всегда было меньше, чем телемехаников.

Майо улыбнулся и исчез; но после обеда все выяснилось — он достал кипу нот и повел Линду к пианино. Она была тронута и обрадована.

- Джим, ты ангел! Где ты это нашел?
- В доме напротив. Четвертый этаж, фамилия Горовиц. У них там еще масса пластинок, но шарить в темноте не слишком-то приятно, а на спичках далеко не уедешь. И кроме того, весь дом в какой-то пакости, вроде пчелиного воска, только потверже. Ладно, смотри. Вот это нота «до». Нам надо сесть рядом, подвинься. Белая клавиша...

Урок длился два часа, и после болезненного напряжения оба настолько выдохлись, что сразу отправились по своим комнатам.

— Джим, — позвала Линда.

— А? — зевнул он.

— Ты хотел бы поспать с одной из моих куколок?

— Э-э... спасибо, Линда, но парни в общем-то не увлекаются куклами.

— Да, не обращай внимания. Завтра я достану тебе то, чем увлекаются парни.

На следующее утро Майо проснулся от стука в дверь.

— Кто там?

— Это я, Линда. Можно войти?

Он торопливо огляделся. Комната была чистой, коврик не испачкан.

— Входи.

Линда вошла и присела на край постели.

— Доброе утро, — улыбнулась она. — Слушай меня внимательно. Я должна уехать на несколько часов. По делам. Завтрак на столе. Хорошо?

— Ага.

— Скушать не будешь?

— Куда ты едешь?

— Расскажу, когда вернусь. — Она протянула руку и взлохматила его волосы. — Будь пай-мальчиком. Да, и еще: не заходи ко мне в спальню.

— А чего я там потерял?

— Ну, на всякий случай.

Она улыбнулась и ушла. Через минуту Майо услышал, как отъехал ее джип, сразу вскочил и пошел в спальню Линды. Комната, как всегда, была аккуратно прибрана, постель заправлена, на покрывале любовно рассажены куклы. Но в углу...

— Ух, — выдохнул он.

Это была модель оснащенного клипера. Майо опустился на колени и нежно прикоснулся к ней.

— Я покрашу ее в черный цвет с золотой полосой по ватерлинии и назову «Линда Н.», — пробормотал он.

Майо был так растроган, что едва прикоснулся к завтраку. Он выкупался, оделся, взял дробовик и по-

шел в парк — мимо игровых площадок, мимо развалившейся карусели, по зарослям и чащам; наконец не спеша направился по Седьмой авеню.

На углу Пятидесятой улицы он долго проторчал у выцветших истрепанных останков афиши, пытаясь разобрать анонс последнего представления в концертном зале городского радио. Затем двинулся дальше и вдруг резко остановился, услышав клацанье стали. Как будто гигантские мечи звенели на дуэли титанов. Из переулка выскочили несколько малорослых лошадей, напуганных странными звуками. Их неподкованные копыта гулко простучали по разбитой мостовой. Стальные удары прекратились.

— Так вот где подхватила это сойка, — пробормотал Майо. — Но что же это такое, черт побери?

Он направился туда, откуда слышались звуки, однако забыл о загадке при виде ювелирного магазина, ослепившего его бледно-голубыми камнями, сверкающими в витрине. Из торгового зала Майо вышел слегка ошеломленный, с нитью настоящего жемчуга, обошедшегося ему в годовой доход его бара.

Прогулка закончилась у здания «Аберком и Фитч» на Мэдисон. У оружейного отдела он забыл обо всем и пришел в себя, уже возвращаясь по Пятой авеню к пруду. В руках его была итальянская автоматическая винтовка, на сердце ощущение вины, а в магазине осталась расписка: «1 автоматическая винтовка, 750 долларов. Шесть комплектов патронов, 18 долларов. Майо Джим».

Он потихоньку вошел в дом, надеясь, что покупка пройдет незамеченной. Линда сидела на фортепианном стульчике к нему спиной.

— Привет, — виновато начал Майо. — Прости, что опоздал. Я... я принес тебе подарок. Это настоящий.

Он достал из кармана жемчуг, протянул ей и тут заметил, что она плачет.

— Эй, что случилось?

Линда не ответила.

— Ты испугалась, что я ушел? Ну посмотри же, я здесь!

Она повернулась и выкрикнула:

— Ненавижу тебя!

Майо выронил жемчуг и пораженно отпрянул.

— В чем дело?

— Ты мерзкий подлый лжец!

— Кто? Я?

— Я ездила в Нью-Хейвен. — Ее голос дрожал от ярости. — На Грант-стрит нет ни единого целого дома, там все разрушено. И нет никакой телестанции. Здание уничтожено.

— Не может быть...

— Я зашла в твой бар. И вовсе там нет груды поломанных телевизоров на улице, а только один аппарат над стойкой, проржавевший до основания. Это не бар, а свиной хлев. Ты жил там все время. Один. Ложь! Ложь, все ложь!

— Ну зачем мне так врать?

— Ты не убивал никакого Джила Уаткинса.

— Ха. Из обоих стволов. Он сам виноват.

— И не нужно тебе никакого телемеханика.

— Еще как нужно!

— Все равно ведь нет передающей станции.

— Не пори чепухи, — сказал Майо сердито. — Зачем бы я убивал Джила, если бы не его чертовы программы?

— Если он мертв, то как он может передавать?

— Видишь, а только что утверждала, что я его не убивал.

— О, ты сумасшедший! Ты безумец! Ты описал этот барометр, потому что обратил внимание на мои часы. А я поверила твоей волниющей лжи! И решила достать его. Он так подходил бы к моим часам! — Линда подбежала к стене и ударила по ней кулаком. — Его место здесь. Здесь! Но ты лгал, ты, псих. Там никогда не было никакого барометра.

— Если среди нас и есть псих, то это ты! — закричал он. — Совсем помешалась на своем доме! Тебя больше ничего не интересует — только бы его украшать!

Она перебежала комнату, схватила дробовик Майо и наставила на него.

— Убирайся отсюда. Сию минуту. Немедленно. Убирайся, или я убью тебя!

Ружье дернулось в ее руках, толкнув в плечо. Заряд дроби ударил над головой Майо, посыпался битый фарфор.

— Джим, боже мой, ты не ранен?! Я не хотела... я только...

Он шагнул вперед, обезумев от ярости, не в силах говорить, и в этот момент донеслось отдаленно «БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ». Звук был странным, причмокивающим, будто с резким хлопком сомкнулся воздух, занимая внезапно освободившееся пространство.

Майо замер.

— Слышала? — прошептал он.

Линда кивнула.

— Это сигнал!

Майо схватил ружье, выбежал наружу и выстрелил из второго ствола. После короткой паузы снова раздался тройной взрыв: «БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ». Где-то в парке взмыла в воздух стая испуганных птиц.

— Там кто-то есть! — возликовал Майо. — Боже мой, говорил ведь, что найду... Идем.

Они побежали; Майо на бегу искал в карманах патроны.

— Я должен благодарить тебя за выстрел, Линда.

— Я не стреляла в тебя. Это случайность!

— Самая счастливая случайность на свете. Они могли бы пройти мимо и никогда не узнать о нас. Но что у них за оружие? Никогда не слышал такого звука, а я ведь в этом разбираюсь. Погоди.

На маленьком пятаке перед детской площадкой Майо остановился, собираясь выстрелить. Затем медленно опустил дробовик, глубоко вздохнул и сдавленным голосом произнес:

— Давай назад. Мы идем домой.

И силой заставил ее повернуться,

Линда уставилась на него. Из добродушного и неуклюжего медведя он превратился в пантеру.

— Джим, что случилось?

— Я испуган, — выговорил он. — Я дьявольски испуган и не хочу пугать тебя.

Снова прозвучал тройной взрыв.

— Не обращай внимания, — сказал Майо. — Мы возвращаемся домой. Идем.

Она упрямо выдернула руку.

— Но почему? Почему?

— Мы не захотим иметь с ними дела. Поверь мне на слово.

— Что случилось? Не понимаю!

— О боже! Тебе нужно во всем убедиться самой, да? Ладно. Хочешь узнать объяснение этого пчелиного запаха, и падающих зданий, и всего остального? — Он повернул Линду в сторону «Страны Чудес». — На, смотри!

Искусный мастер снял головы Алисы, Болванщика и Мартовского Зайца и заменил их головами богомолов, с узкими нижними челюстями, усиками и фасеточными глазами. Они были сделаны из полированной стали и имели чрезвычайно свирепый вид.

Линда слабо вскрикнула и обмякла.

Снова раздался тройной сигнал. Майо подхватил девушку, перекинул ее через плечо и побежал к пруду. Линда пришла в себя и начала стонать.

— Заткнись! — прорычал он. — Плачем тут не поможешь.

Перед домом он поставил ее на ноги.

— Здесь были ставни, когда ты въезжала? Где они?

— Сложенны, — наконец проговорила она. — Во дворе.

— Я иду за ними. А ты набери в ведра воды и принеси на кухню.

— Будет осада?

— Разговоры потом. Ступай!

Она набрала воды и помогла Майо установить последние ставни.

— Хорошо. В дом! — приказал он.

Они вошли, закрыли и забаррикадировали дверь. В комнаты пробивался слабый свет. Майо стал заряжать автоматическую винтовку.

— У тебя есть оружие?

— Где-то был револьвер.

— А патроны?

— По-моему, видела.

— Неси.

— Будет осада? — повторила она.

— Не знаю. Я не знаю, кто они, или что они, или откуда они пришли, но знаю, что надо готовиться к худшему.

В отдалении повторились странные звуки. Майо вскинул голову, напряженно прислушиваясь. В полу-мраке его лицо казалось изваянным из камня, обнажившаяся под рубашкой грудь блестела капельками пота. Он испускал запах загнанного льва. У Линды появилось непреодолимое желание прикоснуться к нему.

Майо зарядил винтовку, поставил ее рядом с дробовиком и стал ходить между окон, заглядывая в щели ставен.

— Нас найдут? — спросила Линда.
 — Возможно.
 — Может быть, они настроены дружественно?
 — Может быть.
 — Эти головы выглядели так ужасно...
 — Да.
 — Джим, я боюсь. Я никогда в жизни так не боялась.
 — Неудивительно.
 — Когда мы узнаем?
 — Через час, если они настроены дружественно; через два или три, если нет.
 — П-почему дольше?
 — Тогда они будут более осторожны. Не ходи за мной по пятам.

— Джим, что ты думаешь?
 — О чем?
 — О наших шансах.
 — Хочешь знать правду?
 — Пожалуйста.
 — Нам конец.

Линда начала всхлипывать. Он грубо встрихнул ее.
 — Прекрати. Ступай за револьвером.

Едва держась на ногах, она пересекла гостиную, заметила нить жемчуга, оброненную Майо, и машинально надела ее. Затем вошла в темную спальню и, отодвинув модель клипера от дверцы туалетного столика, достала револьвер и маленькую коробку патронов. Сообразив, что на ней совершенно неподходящее платье, Линда вытащила из шкафа свитер с

высоким воротом, брюки, ботинки и разделась. Она как раз подняла руки, чтобы расстегнуть жемчуг, когда в комнату вошел Майо и заглянул в окно. Повернувшись, он увидел Линду.

Он замер. Она не могла шевельнуться. Их глаза встретились, и она начала дрожать, пытаясь прикрыть наготу руками. Майо шагнул вперед, споткнулся о яхту и отшвырнул модель в сторону. В следующее мгновенье ее тело было в его объятиях, и жемчуга полетели вслед за яхтой. Она потянула Майо на постель, яростно срывая с него рубашку, и куклы тоже оказались в груде ненужного хлама, вместе с яхтой, жемчугами и всем миром.

НОЧНАЯ ВАЗА С ЦВЕТОЧНЫМ БОРДЮРОМ

— И в завершение первого семестра курса «Древняя история 107», — сказал профессор Пол Муни¹, — мы попробуем восстановить обычный день нашего предка, обитателя Соединенных Штатов Америки, как называли в те времена, то есть пятьсот лет назад, Лос-Анджелес Великий.

Назовем объекта наших изысканий Джуксом — одно из самых славных имен той поры, снискавшее себе бессмертие в сагах о кровной вражде кланов Кали-как и Джукс.

В наше время все научные авторитеты сошлись на том, что таинственный шифр ДЖУ, часто встречаемый в телефонных справочниках округа Голливуд Ист (в те времена его именовали Нью-Йорком), к примеру: ДЖУ² 6-0600 или ДЖУ 2-1914, каким-то образом генеалогически связаны с могущественной династией Джуксов.

1 Все герои рассказа носят имена «звезд» голливудского кино, известных в 1930 — 1960 годах.

2 Телефонный индекс одного из районов Нью-Йорка.

THE FLOWERED THUNDERMUG, 1964.
Перевод Е. Коротковой.

Итак, год 1950-й. Мистер Джукс, типичный холостяк, живет на ранчо возле Нью-Йорка. Он встает с зарей, надевает спортивные брюки, натягивает сапоги со шпорами, рубашку из сырой кожи, серый фланелевый жилет, затем повязывает черный трикотажный галстук. Вооружившись револьвером или кольтом, Джукс направляется в забегаловку, где готовит себе завтрак из приправленного пряностями планктона и морских водорослей. При этом он — возможно (но не обязательно) — застает врасплох целую банду юных сорванцов или краснокожих индейцев в тот самый момент, когда они готовятся линчевать очередную жертву или угнать несколько джуксовых автомобилей, которых у него на ранчо целое стадо примерно в полторы сотни голов.

Он расшвыривает противников несколькими ударами, не прибегая к оружию. Как все американцы двадцатого века, Джукс — чудовищной силы создание, привыкшее наносить, а также получать сокрушительные удары; в него можно запустить стулом, креслом, столом, даже комодом без малейшего для него вреда. Он почти не пользуется пистолетом, приберегая его для ритуальных церемоний.

В свою контору в Нью-Йорк-сити мистер Джукс отправляется верхом, или на спортивной машине (разновидность открытого автомобиля), или на троллейбусе. По пути он читает утреннюю газету, в которой мелькают набранные жирным шрифтом заголовки типа: «Открытие Северного полюса», «Гибель «Титаника», «Успешная высадка космонавтов на Марсе» и «Странная смерть президента Хардинга».

Джукс работает в рекламном агентстве на Мэдисон-авеню — грязной ухабистой дороге, по которой разъезжают почтовые дилижансы, стоят пивные салуны и на каждом шагу попадаются буйные гуляки, трупы и певички в сведенных до минимума туалетах.

Джукс — деятель рекламы, он посвятил себя тому, чтобы руководить вкусами публики, развивать ее культуру и оказывать содействие при выборах должностных лиц, а также при выборе национальных героев.

Его офис, расположенный на двадцатом этаже увенчанного башней небоскреба, обставлен в характерном для середины двадцатого века стиле. В нем имеется конторка с крышкой на роликах, откидное кресло и медная плевательница. Офис освещен лучом мазера, рассеянным оптическими приборами. Летом комнату наполняют прохладой большие вентиляторы, свисающие с потолка, а зимою Джуксу не дает замерзнуть инфракрасная печь Франклина.

Стены украшены редкостными картинами, принадлежащими кисти таких знаменитых мастеров, как Микеланджело, Ренуар и Санди. Возле конторки стоит магнитофон. Джукс диктует все свои соображения, а позже его секретарша переписывает их, макая ручку в черно-углеродистые чернила. (Сейчас уже окончательно установлено, что пишущие машинки были изобретены лишь на заре Века Компьютеров, в конце двадцатого столетия.)

Деятельность мистера Джукса состоит в создании вдохновенных лозунгов, которые превращают половину населения страны в активных покупателей. Весьма немногие из этих лозунгов дошли до наших дней, да и то в более или менее фрагментарном виде, и студенты, прослушавшие курс профессора Рекса Гаррисона «Лингвистика 916», знают, с какими трудностями мы столкнулись, пытаясь расшифровать такие изречения, как: «Не сушить возле источников тепла» (может быть, «пепла»?), «Решится ли она» (на что?) и «Вот бы появиться в парке в этом сногсшибательном лифчике» (невразумительно).

В полдень мистер Джукс идет перекусить, что он делает обычно на каком-нибудь гигантском стадионе в обществе нескольких тысяч подобных ему. Затем снова возвращается в офис и приступает к работе, причем прошу не забывать, что условия труда в то время были настолько далеки от идеальных, что Джукс вынужден был трудиться по четыре, а то и по шесть часов в день.

В те удручающие времена неслыханного размаха достигли ограбления дилижансов, налеты, войны между бандитскими шайками и тому подобные зверства. В воздухе то и дело мелькали тела маклеров, в порыве отчаяния выбрасывавшихся из окон своих контор.

И нет ничего удивительного в том, что к концу дня мистер Джукс ищет духовного успокоения. Он обретает его на ритуальных сборищах, именуемых «коктейль». Там, в густой толпе своих единоверцев, он стоит в маленькой комнате, вслух вознося молитвы и наполняя воздух благовонными курениями марихуаны. Женщины, участвующие в церемонии, нередко носят одеяния, именуемые «платье для коктейля», известные также под названием «шик-модерн».

Свое пребывание в городе мистер Джукс может завершить посещением ночного клуба, где посетители развлекают каким-нибудь зрелищем. Эти клубы, как правило, располагались под землей. При этом Джукса почти каждый раз сопровождает некий «солидный счет» — термин маловразумительный. Доктор Дэвид Нивен весьма убедительно доказывает, что «солидный счет» — это не что иное, как слэнговый эквивалент выражения «доступная женщина», однако профессор Нельсон Эдди справедливо замечает, что такое толкование лишь усложняет дело, ибо в наше время никто понятия не имеет, что означают слова «доступная женщина».

И наконец, мистер Джукс возвращается на свое ранчо, причем едет на поезде, ведомом паровозом, и по дороге играет в азартные игры с профессиональными шулерами, наводнявшими все виды транспорта той поры. Приехав домой, он разводит во дворе костер, подбивает на счетах дневные расходы, наигрывает грустные мелодии на гитаре, ухаживает за одной из представительниц многотысячной орды незнакомок, имеющих обычай набредать на огонек в самое неожиданное время, затем завертывается в одеяло и засыпает.

Таков был он, этот варварский век, до такой степени нервозный и истеричный, что лишь очень немногие доживали до ста лет. И все же современные романтики вздыхают о той чудовищной эпохе, полной ужасов и бурь. Американа двадцатого века — это последний крик моды. Не так давно один экземпляр «Лайфа», нечто вроде высыпаемого для заказов по почте каталога товаров, был приобретен на аукционе известным коллекционером Клифтоном Уэббом за сто пятьдесят тысяч долларов. Замечу кстати, что, анализируя этот ан-

тиктварный образчик в своей статье, напечатанной в «Философикал Транзэкшнз», я привожу довольно веские доказательства, позволяющие усомниться в его подлинности. Целый ряд анахронизмов наводит на мысль о подделке.

А теперь несколько слов по поводу экзаменов. Возникшие недавно слухи о каких-то неполадках в экзаменационном компьютере — чистый вздор. Наш компьютеропсихиатр уверяет, что «Мульти III» подвергся основательному промыванию мозгов и заново индоктринирован. Тщательнейшие проверки показали, что все ляпсусы были вызваны небрежностью самих студентов.

Я самым настоятельным образом прошу вас соблюдать установленные меры стерилизации. Перед сдачей экзаменов аккуратно вымойте руки. Как следует наденьте белые хирургические шапочки, халаты, маски и перчатки. Проследите за тем, чтобы ваши перфокарты были в образцовом порядке. Помните: самое крохотное пятнышко на вашей экзаменационной перфокарте может вас погубить. «Мульти III» — не машина, а мозг, и относиться к нему следует столь же бережно и заботливо, как к собственному телу. Благодарю вас, желаю успеха и надеюсь вновь встретить всех вас в следующем семестре.

Когда профессор Муни вышел из лекционного зала в переполненный студентами коридор, его встретила секретарша Энн Сотерн. На ней были бикини в горошек. Перекинув через руку профессорские плавки, Энн держала поднос с бокалами. Кивнув, профессор Муни быстро осушил один бокал и поморщился, ибо как раз в эту секунду грянули традиционные музыкальные позывные, сопровождавшие студентов при смене аудитории. Рассовывая по карманам свои заметки, он направился к выходу.

— Купаться некогда, мисс Сотерн, — сказал профессор. — Мне сегодня предстоит высмеять одно открытие, знаменующее собой новый этап в развитии медицинской науки.

— В вашем расписании этого нет, доктор Муни.

— Знаю, знаю. Но Реймонд Массей заболел, и я согласился его выручить. Реймонд обещает заменить меня в следующий раз на консультации, где я должен

уговорить некоего юного гения навсегда распуститься с поэзией.

Они вышли из социологического корпуса, миновали каплевидный плавательный бассейн, здание библиотеки, построенное в форме книги, сердцевидную клинику сердечных болезней и вошли в паукообразный научный центр. Невидимые репродукторы трансмировали новейший музбоевик.

— Что это, «Ниагара» Карузо? — рассеянно спросил профессор Муни.

— Нет, «Джонстоновское половодье» в исполнении Марии Каллас, — откликнулась мисс Сотерн, отворяя дверь профессорского кабинета. — Странно. Могу поклясться, что я не тушила свет.

Энн потянулась к выключателю.

— Стоп, — резко произнес профессор Муни. — Здесь что-то неладно, мисс Сотерн.

— Вы думаете, что...

— На кого, по-вашему, можно наткнуться, когда входишь ненароком в темную комнату?

— С-с-скверные Парни?

— Именно они.

Гнусавый голос произнес:

— Вы совершенно правы, дорогой профессор, но, уверяю вас, наш разговор будет сугубо деловым.

— Доктор Муни! — охнула мисс Сотерн. — В вашем кабинете кто-то есть.

— Входите же, профессор, — продолжал Гнусавый. — Разумеется, если мне позволено приглашать вас в ваш собственный кабинет. Не пытайтесь найти выключатель, мисс Сотерн. Мы уже... гм... позаботились об освещении.

— Что означает это вторжение? — грозно спросил профессор.

— Спокойно, спокойно... Борис, подведите профессора к креслу. Этот додон, что взял вас за руку, профессор, мой не ведающий жалости телохранитель, Борис Карлов¹. А я — Питер Лорре.

1 Борис Карлов — актер американского кино, снискавший известность в 30-е годы участием в фильмах ужасов.

— Я требую объяснений! — крикнул Муни. — Почему вы вторглись в мой кабинет? Почему отключен свет? Какое право вы имеете...

— Свет выключен потому, что вам лучше не видеть Бориса. Человек он весьма полезный, но внешность его, должен вам сказать, не доставляет эстетического наслаждения. Ну а для чего я вторгся в ваше обиталище, вы узнаете сразу же, как только ответите мне на один или два пустяковых вопроса.

— И не подумаю отвечать. Мисс Сотерн, вызовите декана.

— Мисс Сотерн, ни с места!

— Делайте что вам говорят, мисс Сотерн. Я не позволю...

— Борис, подпалите-ка что-нибудь.

Борис что-то поджег. Мисс Сотерн взвигнула. Профессор Муни лишился дара речи и осталбенел.

— Ладно, можете гасить, Борис. Ну а теперь, мой дорогой профессор, к делу. Прежде всего рекомендую отвечать на все мои вопросы честно, без утайки. Протяните, пожалуйста, руку. — Профессор Муни вытянул руку и ощущил в ней пачку кредитных билетов. — Это ваш гонорар за консультацию. Тысяча долларов. Не угодно ли пересчитать? Поскольку здесь темно, Борис может что-нибудь поджечь.

— Я верю вам, — пробормотал профессор Муни.

— Отлично. А теперь, профессор, скажите мне, где и как долго изучали вы историю Америки?

— Странный вопрос, мистер Лорре.

— Вам уплачено, профессор Муни?

— Совершенно верно. Так-с... Я обучался в высшем Голливудском, в высшем Гарвардском, высшем Йельском и в Тихоокеанском колледжах.

— Что такое «колледж»?

— В старину так называли высшее. Они ведь там, на побережье, свято чтят традиции... Удручающе реакционны.

— Как долго вы изучали эту науку?

— Примерно двадцать лет.

— А сколько лет вы после этого преподавали здесь, в высшем Колумбийском?

— Пятнадцать.

— То есть на круг выходит тридцать пять лет научного опыта. Полагаю, что вы легко можете судить о достоинствах и квалификации различных ныне живущих историков?

— Разумеется.

— Тогда кто, по вашему мнению, является крупнейшим знатоком Американы двадцатого века?

— Ах вот что! Та-а-к. Чрезвычайно интересно. По рекламным проспектам, газетным заголовкам и фото, несомненно, Гаррисон. По домоводству — Тейлор, то есть доктор Элизабет Тейлор. Гейбл, наверно, держит первенство по транспорту. Кларк перешел сейчас в высшее Кембриджское, но...

— Прошу прощения, профессор Муни. Я неверно сформулировал вопрос. Мне следовало вас спросить: кто является крупнейшим знатоком по антиквариату двадцатого века? Я имею в виду предметы роскоши, картины, старинные вещи, произведения искусства и так далее.

— О! Ну тут я вам могу ответить без малейших колебаний, мистер Лорре. Я.

— Прекрасно. Очень хорошо. А теперь послушайте меня внимательно, профессор Муни. Могущественная группа дельцов от искусства поручила мне вступить с вами в контакт и начать переговоры. За консультацию вам будет выдано авансом десять тысяч долларов. Со своей стороны вы обещаете держать наш договор в тайне. И усвойте сразу же, что если вы не оправдаете нашего доверия, тогда пеняйте на себя.

— Сумма порядочная, — с расстановкой произнес профессор Муни. — Но где гарантия, что предложение исходит от Славных ребят?

— Заверяю вас, мы действуем во имя свободы, справедливости простых людей и лос-анджелесского образа жизни. Вы, разумеется, можете отказаться от такого опасного поручения, и вас никто не упрекнет, однако не забывайте, что во всем Лос-Анджелесе Великом лишь вы один способны выполнить это поручение.

— Ну что ж, — сказал профессор Муни. — Коль скоро, отказавшись, я смогу заниматься только одним:

ошибочно подвергать осмеянию современные методы излечения рака, — я, пожалуй, соглашусь.

— Я знал, что на вас можно положиться. Вы типичный представитель маленьких людей, сделавших Лос-Анджелес великим. Борис, исполните национальный гимн.

— Благодарю вас, это лишнее. Слишком много чести. Я просто делаю то, что сделал бы любой лояльный, стопроцентный лосанджелесец.

— Очень хорошо. Я заеду за вами в полночь. На вас должен быть грубый твидовый костюм, надвинутая на глаза фетровая шляпа и простые ботинки. Захватите с собой сто футов альпийской веревки, прозраческий бинокль и тупоносый пистолет. Побезобразнее. Ваш кодовый номер 3-69.

— Это 3-69, — сказал Питер Лорре. — 3-69, позвольте мне представить вас господам Икс, Игрек и Зет.

— Добрый вечер, профессор Муни, — сказал похожий на итальянца джентльмен. — Я Витторио де Сика. Это — мисс Гарбо. А это — Эдвард Эверетт Хортон. Благодарю вас, Питер. Можете идти.

Мистер Лорре удалился. Профессор Муни внимательно поглядел вокруг себя. Он находился в роскошных апартаментах, построенных на крыше небоскреба. Все здесь было строго выдержано в белых тонах. Даже огонь в камине благодаря чудесам химии, пылал молочно-белым пламенем. Мистер Хортон нервно расхаживал перед камином. Мисс Гарбо, томно раскинувшись на шкуре белого медведя, вяло держала пальчиками выточенный из слоновой кости мундштук.

— Позвольте мне освободить вас от этой веревки, профессор, — сказал де Сика. — Думаю, что и традиционные бинокль и пистолет вам ни к чему. Дайте мне и их. Располагайтесь поудобнее. Прошу простить наш безупречный вечерний наряд. Дело в том, что мы изображаем владельцев находящегося в нижнем этаже игорного притона. В действительности же мы...

— Ни в коем случае!.. — встревоженно воскликнул мистер Хортон.

— Если мы не окажем профессору Муни полного доверия, милый мой Хортон, и не будем совершенно откровенны с ним, у нас ничего не получится. Вы со мной согласны, Грета?

Мисс Гарбо кивнула.

— В действительности, — продолжал де Сика, — мы — могущественное трио дельцов от искусства.

— Та, та... так, значит, — взволнованно пролепетал профессор Муни, — вы и есть те самые де Сика, Гарбо и Хортон?

— Именно так.

— Да, но как же... Ведь все говорят, что вы не существуете. Все считают, что организация, известная как «могущественное трио дельцов от искусства» в действительности принадлежит фирме «Тридцать девять ступенек»¹, предоставившей свой контрольный пакет акций организации «Cosa Vostra»². Утверждают, будто...

— Да, да, да, — перебил де Сика. — Нам угодно, чтобы все так считали. Именно потому мы и представляем перед вами в виде зловещего трио владельцев игорного притона. Но не кто иной, как мы, мы втроем держим в своих руках всю торговлю предметами искусства и весь антикварный бизнес в мире, и именно поэтому вы сейчас и находитесь здесь.

— Я вас не понял.

— Покажите ему список, — проворковала мисс Гарбо.

Де Сика извлек лист бумаги и вручил его профессору Муни.

— Будьте добры изучить этот список, профессор. Ознакомьтесь с ним внимательно. От выводов, к которым вы придете, зависит очень многое.

Автоматическая вафельница.

Утюг с паровым увлажнителем.

Электрический миксер (двенацатискоростной).

Автоматическая кофеварка (шесть чашек).

1 Название детективного романа Джона Бьюкенена.

2 «Cosa vostra» (итал.) («Ваше дело») Сравните с названием американской мафии «Cosa nostra» («Наше дело»)

Сковородка алюминиевая электрическая.

Газовая плита (четырехконфорочная).

Холодильник емкостью одиннадцать кубических футов плюс морозилка на сто семьдесят фунтов.

Пылесос типа канистры с виниловым амортизатором.

Машинка швейная со шпульками и иглами.

Канделябр из инкрустированной кленом сосны в форме колеса.

Плафон из матового стекла.

Бра стеклянное провинциального стиля.

Лампа медная с подвесным выключателем и абажуром из мелкограненного стекла.

Будильник с черным циферблатом и двойным звонком.

Сервиз на восемь персон из пятидесяти предметов, никелированный, металлический.

Сервиз обеденный на четыре персоны из шестнадцати предметов в стиле Дюбарри.

Коврик нейлоновый (разм. 9 x 12, цвета беж).

Циновка овальная, зеленая (разм. 9 x 12).

Половик пеньковый для вытирания ног, образца «Милости просим» (разм. 18 x 30).

Софá-кровать и кресло серо-зеленого цвета.

Круглая подушечка из рез. губки, подкладываемая под колени во время молитвы.

Кресло раскладное из пенопласта (три положения).

Стол раздвижной на восемь персон.

Кресла капитанские (четыре).

Комод дубовый колониальный для холостяка (три ящика).

Столик туалетный колониальный дубовый двойной (шесть ящиков).

Кровать французская провинциальная под балдахином (ширина 54 дюйма).

Профессор Муни в течение десяти минут внимательно изучал список, после чего глубоко вздохнул.

— Просто не верится, — сказал он, — что где-то в земных недрах может скрываться такой клад.

— Он скрывается отнюдь не в недрах, профессор.

Муни чуть не подскочил в своем кресле.

— Неужели, — воскликнул он, — неужели все эти драгоценные предметы существуют на самом деле?!

— Почти наверняка. Но об этом позже. Сперва скажите, вы как следует усвоили содержание списка?

— Да.

— Вы ясно представляете себе все эти вещи?

— Да, конечно.

— Тогда попытайтесь ответить на такой вопрос: объединяются ли все эти сокровища единством стиля, вкуса и специфики?

— Слишком самыслофато, Фитторио, — проворковала мисс Гарбо.

— Мы хотим знать, — вдруг вмешался в разговор Эдвард Эверетт Хортон, — мог ли один человек...

— Не торопитесь, мой милейший Хортон. Каждому вопросу свое время. Профессор, я, возможно, выразился несколько туманно. Я хотел бы узнать вот что: соответствует ли подбор коллекции вкусу одного человека? Иными словами, мог бы коллекционер, приобретший, ну, скажем, двенадцатикоростной электрический миксер, оказаться тем же лицом, которое приобрело пеньковый половик «Милости просим»?

— Если бы у него хватило средств на то и на другое, — усмехнулся Муни.

— Тогда давайте на одно мгновение чисто теоретически допустим, что у него хватило средств на приобретение всех указанных в списке предметов.

— Средств для этого не хватит даже у правительства целой страны, — отозвался Муни. — А впрочем, дайте подумать...

Он откинулся на спинку кресла и, сощурившись, вперил взгляд в потолок, не обращая ни малейшего внимания на наблюдавшее за ним с живейшим интересом могущественное трио дельцов от искусства.

Придав своему лицу многозначительное выражение, профессор просидел так довольно долгое время и наконец открыл глаза и огляделся.

— Ну же? Ну? — нетерпеливо спросил Хортон.

— Я представил себе, что все эти сокровища собраны в одной комнате, — сказал Муни. — Комната, возникшая перед моим умственным взором, выгляде-

ла на редкость гармонично. Я бы даже сказал, что в мире почти нет таких великолепных и прекрасных комнат. У человека, вошедшего в такую комнату, сразу возникает вопрос, какой гений создал этот дивный интерьер.

— Так значит...

— Да. Я могу смело утверждать, что в декорировании, несомненно, проявится вкус одного человека.

— Ага! Итак, вы были правы, Грета. Мы имеем дело с одиноким волком. Профессор Муни, я уже сказал вам, что все указанные в списке вещи существуют. Я вам не солгал. Так оно и есть. Я просто умолчал о том, что мы не знаем, где они сейчас находятся. Не знаем по весьма основательной причине: все эти вещи украдены.

— Все? Не может быть!

— И не только эти. Я мог бы дополнить список еще дюжиной предметов, менее ценных, из-за чего мы и решили, что не стоит перегружать ими список.

— Я убежден, что все это похищено у разных лиц. Если бы столь полная и всеобъемлющая коллекция Американы была собрана в одних руках, я просто не мог бы не знать о ее существовании.

— Вы правы. В одних руках такой коллекции не было и никогда не будет.

— Ми этофо не допустим, — сказала мисс Гарбо.

— Тогда как же все это украдли? Откуда?

— Жулики, грабители! — крикнул Хортон, взмахнув бокалом, наполненным бренди с банановым соусом. — Десятки воров. Одному такое дело не провернуть. Сорок дерзких ограблений за пятнадцать месяцев! Вздор, не поверю ни за что!

— Указанные в списке ценности, — продолжал де Сика, обращаясь к Муни, — были украдены за период, равный пятнадцати месяцам, из музеев, частных коллекций, а также у агентов и дельцов, занятых перепродажей антиквариата. Все кражи были совершены в районе Голливуд Ист. И если, как вы утверждаете, в подборе проявился вкус одного человека...

— Да, я утверждаю это.

— То, несомненно, мы имеем дело с *rage avis* — редкостным явлением: ловким преступником и в то

же время коллекционером, тонко знающим искусство, или же, что еще опаснее, со знатоком, в котором пробудился вор.

— Ну это совсем не обязательно, — вмешался Муни. — Для чего ему быть знатоком? Любой самый заурядный агент по торговле антиквариатом и предметами искусства мог бы назвать любому вору цену старинного *objets d'art*. Такие сведения можно получить даже в библиотеке.

— Я потому назвал его любителем и коллекционером, — пояснил де Сика, — что все украденное им как в воду кануло. Ни одна вещь не была продана ни на одной из четырех орбит нашего мира, невзирая на то, что за любую из них заплатили бы по-королевски. *Ergo*, мы имеем дело с человеком, который крадет все для собственной коллекции.

— Достаточно, Фитторио, — проворковала мисс Гарбо. — Задафайте следующий фопрос.

— Итак, профессор, мы допустили, что все эти сокровища сосредоточены в одних руках. Только что вы изучили список вещей, уже похищенных. Позвольте же спросить вас как историка, чего в нем не хватает? Какой последний штрих мог бы достойно увенчать эту столь гармоничную коллекцию, придав еще большее совершенство представшей перед вашим мысленным взором прекрасной комнате? Что смогло бы пробудить в преступнике коллекционера?

— Или преступника в коллекционере, — сказал Муни.

Он вновь, прищурившись, скосил глаза на потолок, а трое дельцов затаили дыхание. Наконец он прошуршал:

— Да... Да... Конечно. Только так. Она поистине могла бы стать украшением коллекции.

— О чём вы? — крикнул Хортон. — О чём вы там толкуете? Что это за вещь?

— Ночная ваза с цветочным бордюром, — торжественно провозгласил профессор Муни.

Могущественное трио дельцов от искусства с таким изумлением воззрилось на Муни, что профессору пришлось пуститься в объяснения:

— Ночная ваза, именуемая также ночным горшком, представляет собой голубой фаянсовый сосуд неизвестного предназначения, украшенный по краю белыми и золотыми маргаритками. Он был открыт в Нигерии около ста лет тому назад французским гидом-переводчиком. Тот привез его в Грецию, где и хотел продать, но был убит, причем горшок исчез бесследно. Затем его видели у проститутки, которая путешествовала с паспортом гражданки острова Формозы и обменяла горшок на новейшее любовное средство «обольстин», предложенное ей лекарем-шарлатаном из Чивитавеккия.

Лекарь нанял швейцарца, дезертира Ватиканской гвардии, дабы тот охранял его по пути в Квебек, где лекарь рассчитывал продать ночной горшок канадскому урановому магнату, однако до Канады так и не добрался — исчез в пути. А спустя десять лет некий французский акробат с корейским паспортом и швейцарским акцентом продал вазу в Париже. Ее купил девятый герцог Стратфордский за миллион золотых франков, и тех пор она является достоянием семейства Оливье.

— И вы считаете, — настороженно спросил де Сика, — что именно эта вещь может явиться украшением коллекции нашего знатока искусств?

— Я в этом убежден. Ручаюсь своей репутацией.

— Браво! Тогда все очень просто. Нужно сделать так, чтобы в печать просочились слухи о продаже ночной вазы. Согласно этим слухам вазу приобретает какой-нибудь знаменитый коллекционер, проживающий в Голливуд Ист. Пожалуй, более всего для этой роли подойдет мистер Клифтон Уэбб. Пресса с огромной помпой будет сообщать о том, как ваза пересекла океан и достигла голливудских берегов. Закинув наживку в особняк мистера Уэбба, мы будем только поджидать, когда преступник клюнет на нее и... хлоп! Попался!

— Да, но согласятся ли герцог и мистер Уэбб принять участие в этой игре?

— Еще бы. У них нет другого выхода.

— Нет выхода? Как вас понять?

— Мой милый доктор, в наши дни все сделки производятся только на основе сохранения за дельцом частичного права на проданную им собственность. От пяти до пятидесяти процентов стоимости всех похищенных преступником сокровищ остается за нами, именно поэтому мы так заинтересованы в том, чтобы их возвратить. Вы все поняли теперь?

— Все понял и вижу, что влип в хорошую историю.

— Это так. Но Питер вам заплатил.

— Да.

— Вы поклялись молчать?

— Да, я дал слово.

— Grazie¹. Тогда, с вашего позволения, у нас еще немало дел.

Де Сика протянул профессору свернутую рулоном веревку, бинокль и тупоносый пистолет, но мисс Гарбо вдруг сказала:

— Стойте.

Де Сика метнул в ее сторону пытливый взгляд.

— Еще что-то, сага mia²?

— Фи с Хортоном мешаете идти саниматься делами, — проворковала она. — Питер, мешает быть, ему и саплатил, но я не саплатила. Остафьте нас наедине.

И кивком головы она указала профессору на шкуру белого медведя.

В особняке Клифтона Уэбба на Скурас Драйв в изысканно обставленной библиотеке инспектор сыска Эдвард Дж. Робинсон представлял своих помощников могущественному трио дельцов от искусства. Сотрудники стояли перед искусно сделанными фальшивыми книжными полками и сами выглядели не менее фальшиво вiformах домашней прислуги.

— Сержант Эдди Брофи, камердинер, — объявил инспектор Робинсон. — Сержант Эдди Альберт, лакей. Сержант Эд Бегли, шеф-повар. Сержант Эдди Майгофф, помощник повара. Детективы Эдгар Кенниди, шофер, и Эдна Мэй Оливер, горничная.

Сам инспектор Робинсон был одет дворецким.

1 Благодарю (итал.)

2 Моя дорогая? (итал.)

— А теперь, леди и джентльмены, ловушка целиком и полностью подстроена благодаря бесценной помощи возглавляемого Эдди Фишером гримерно-костюмерно-бутафорского отдела, равного которому не существует.

— Поздравляем вас, — сказал де Сика.

— Как вам уже известно, — продолжал инспектор Робинсон, — все уверены в том, что мистер Клифтон Уэбб купил ночную вазу у герцога Стратфордского за два миллиона долларов. Все также отлично знают, что ваза под защитой вооруженной охраны тайно перевезена из Европы в Голливуд Ист и в настоящее время покоится в закрытом сейфе в библиотеке мистера Уэбба.

Инспектор указал на стену, где наборный замок сейфа был искусно вставлен в пупок обнаженной скульптуры Амедео Модильяни (2381—2431) и освещен тонким лучом вмонтированного в стену фонаря.

— А где сейчас мистер Фэб? — спросила мисс Гарбо.

— Мистер Клифтон Уэбб согласно вашему требованию, передав в наши руки свой роскошный особняк, — ответил Робинсон, — отправился в увеселительную поездку по Карибскому морю вместе с семьей и всеми слугами. Этот факт, как вы знаете, содержит-ся в строгом секрете.

— Ну а как же ваза? — возбужденно спросил Хортон. — Где она?

— Конечно, в сейфе, сэр, где же еще ей быть?

— То есть вы в самом деле привезли ее сюда из дворца Стратфорда? Она действительно здесь? Бог ты мой! Зачем, зачем вам это?

— Нам было необходимо перевезти этот шедевр через океан. Иначе как бы мы добились, чтобы столь строго охраняемая тайна стала известна в Ассошиэйтед пресс, Юнайтед телевижн и агентстве Рейтер? А как бы иначе удалось корреспондентам этих агентств тайком сфотографировать драгоценный сосуд?

— Н-но... но если вправду похитят... Боже милостивый. Это ужасно!

— Леди и джентльмены, — сказал Робинсон. — Мои помощники и я — лучшая бригада в полиции рай-

она Голливуд Ист, возглавляемой достопочтенным Эдмундом Кином — будем неотлучно находиться здесь, номинально выполняя обязанности домашней прислуги, на самом же деле бдительно наблюдая за всем, готовые отразить любой подвох и хитрость, известные в анналах криминалистики. Если что-нибудь и будет взято в этой комнате, то отнюдь не ночная ваза, а Искусник Кид.

— Кто, кто? — спросил де Сика.

— Да ваш искусствовед-ворюга. Мы его так прозвали. Ну а теперь не будете ли вы любезны украдкой удалиться сквозь потайную калитку в глубине сада, с тем чтобы мои помощники и я смогли приступить к исполнению наших домашних псевдообязанностей? У нас есть верные сведения, что Искусник Кид будет брать вазу сегодня ночью.

Могущественное трио удалилось под покровом темноты, а бригада сыщиков занялась хозяйственными делами, дабы ни один прохожий, заглянув из любопытства через забор, не обнаружил в обиталище Клифтона Уэбба ничего необычного.

Инспектор Робинсон торжественно прогуливался взад и вперед по гостиной так, чтобы из окон был виден серебряный поднос в его руках с приkleенным к нему бокалом, хитроумно выкрашенным изнутри в красный цвет, дабы создать иллюзию, что в бокале — klarет

Сержанты Брофи и Альберт, лакеи, попеременно носили к почтовому ящику письма, с изысканной церемонностью открывая друг другу дверь. Детектив Кеннеди красил гараж. Детектив Эдна Мэй Оливер вывесила для проветривания из окон верхнего этажа постельное белье. А сержант Бегли (шеф-повар) то и дело гонялся по дому за сержантом Майгоффом (помощник повара) с кухонным ножом.

В 23 часа инспектор Робинсон отставил в сторону поднос и смачно зевнул. Сигнал тут же подхватили все сотрудники, и по особняку прокатилось эхо звучных зевков. Инспектор Робинсон, войдя в гостиную, разделся, затем облачился в ночную сорочку и ночной колпак, зажег свечу и погасил во всем доме свет. Он погасил его и в библиотеке, оставив лишь

тот маленький скрытый в стене фонарь, который освещал наборный замок сейфа. Затем удалился на верхний этаж. Его помощники, находившиеся в разных частях дома, также переоделись в ночные сорочки и присоединились к шефу. В особняке Уэбба воцарилась мрак и тишина.

Минул час, пробило полночь. На улице что-то громко звякнуло.

— Ворота, — шепнул Эд.

— Кто-то входит, — сказал Эд.

— Наверняка Искусник Кид, — добавил Эд.

— А ну потише!

— Верно, шеф.

Под чьими-то подошвами громко захрустел гравий.

— Идет сюда по подъездной аллее, — пробормотал Эд.

Хруст гравия сменился приглушенными звуками.

— Идет через цветник, — сказал Эд.

— Ну и хитер же, — заметил Эд.

Ночной гость на что-то наткнулся, чуть не упал и выругался.

— Угодил ногой в вазон, — сказал Эд.

За окном, то тише, то громче, слышались какие-то глухие звуки.

— Никак не высвободится, — сказал Эд.

Что-то грохнуло и покатилось.

— Ну вот, готово, сбросил, — сказал Эд.

— Этому пальца в рот не клади, — сказал Эд.

Внизу кто-то стал осторожно ощупывать оконное стекло.

— Он у окна библиотеки, — сказал Эд.

— А ты открыл окно?

— Я думал, Эд откроет, шеф.

— Эд, ты открыл окно?

— Нет, шеф, я думал, Эд этим займется.

— Он же так в дом не попадет. Эд, ты бы не мог открыть окошко так, чтобы он не заметил?

Раздался громкий звон стекла.

— Не беспокойтесь — сам открыл. Чисто работает. Спец.

Окошко распахнулось. Что-то бормоча, незваный посетитель шумно ввалился в комнату. Он встал, выпрямился. Тонкий слабый луч фонаря осветил гориллоподобный силуэт вновь прибывшего. Некоторое время вор неуверенно оглядывался и наконец принял беспорядочно рыться в ящиках и шкафах.

— Он так сроду не найдет ее, — прошептал Эд. — Ведь советовал же, шеф, фонарь надо вмонтировать прямо под наборным замком сейфа.

— Нет, старый спец не подведет. Ну? Что я говорил? Нашел-таки! Вы все готовы?

— А может, подождем, пока взломает, шеф?

— Зачем это?

— Чтобы взять с поличным.

— Что вы, господь с вами, сейф гарантирован от взлома. Ну пора, ребята. Все готовы? Давай!

Яркий поток света затопил библиотеку. В ужасе отпрянув от сейфа, ошеломленный вор увидел, что он окружен семью угрюмыми сыщиками, каждый из которых целится из револьвера ему в голову. То обстоятельство, что все они были в ночных сорочках, нимало не уменьшило внушительности зрелища. А сыщики, когда зажегся свет, увидели широкоплечего громилу с тяжелой челюстью и бычьей шеей. То обстоятельство, что он не полностью стряхнул с ноги содержимое вазона и его правый ботинок украшала пармская фиалка (*viola palliola plena*), нисколько не смягчило его грозного и зловещего вида.

— Ну-с, Кид, прошу вас, — произнес инспектор Робинсон с утонченной учтивостью, которой восхищались его многочисленные почитатели.

И они с триумфом повлекли злоумышленника в полицию.

Пять минут спустя после того, как удалились сыщики и их пленник, некий господин в накидке непринужденно подошел к парадной двери особняка. Он нажал звонок. В доме раздались первые восемь тактов равелевского «Болеро», исполняемого на колокольчиках в темпе вальса. Господин, казалось, беззаботно ждал, но его правая рука тем временем как будто невзначай скользнула в прорезной карман, и сразу вслед за тем он начал быстро подбирать ключи к замку парад-

ной двери. Потом господин снова позвонил. И не успела мелодия отзвучать вторично, как нужный ключ был найден.

Господин отпер дверь, чуть приоткрыл ее носком ноги и в высшей степени учтиво заговорил, как будто обращаясь к находившемуся за дверью невидимке-слуге:

— Добрый вечер. Боюсь, я чуть-чуть опоздал. Все уже спят, или меня все еще ожидают? О, превосходно! Благодарю вас.

Он вошел в дом, тихо притворил дверь, повел вокруг глазами, вглядываясь в темный холл, и усмехнулся.

— Все равно что отнимать у ребятишек сласти, — буркнул он. — Просто совестно.

Он разыскал библиотеку, вошел и включил все освещение. Снял накидку, зажег сигарету, затем заметил бар и налил себе из приглянувшегося ему гра-финчика. Отхлебнул и чуть не подавился.

— Тыфу! Этой дряни я еще не пробовал, а думал, уж все их знаю. Что это за чертовня? — Он обмакнул язык в стакан. — Шотландское виски, так... Но с чем оно смешано? — Еще раз попробовал. — Господи боже мой, капустный сок!

Он огляделся, сразу увидел сейф и, подойдя к нему, осмотрел.

— Силы небесные! Целых три цифры. Аж двадцать семь возможных комбинаций. Это вещь! Где уж нам такой открыть.

Протянув руку к наборному замку, он глянул вверх, встретился глазами с лучистым взором обнаженной фигуры и смущенно улыбнулся.

— Прошу прощения, — сказал он и стал подбирать цифры: 1-1-1, 1-1-2, 1-1-3, 1-2-1, 1-2-3 — и так далее, нажимая каждый раз на ручку сейфа, хитроумно спрятанную в указательном пальце нагой фигуры. Когда он набрал 3-2-1, послышался щелчок, и ручка пошла вниз. Дверца сейфа открылась — у скульптуры разверзлось чрево. Взломщик просунул в сейф руку и вытащил ночной горшок. Он разглядывал его не менее минуты.

Кто-то тихо сказал сзади:

— Замечательная вещь, не так ли?

Взломщик быстро обернулся.

В дверях стояла девушка и, как ни в чем не бывало, смотрела на него. Высокая и тонкая, с каштановыми волосами и темно-синими глазами. На ней был прозрачный белый пеньюар, и ее гладкая кожа блестела в ярком свете многочисленных ламп.

— Добрый вечер, мисс Уэбб... Миссис?..

— Мисс.

Она небрежно протянула ему средний палец левой руки.

— Боюсь, я не заметил, как вы вошли.

— Боюсь, я тоже не заметила вашего прихода.

Она шагнула в библиотеку.

— Вы в самом деле считаете, что это замечательная вещь? Вы не разочарованы, правда?

— Ну что вы! Вещь уникальная.

— Как вы думаете, кто ее создатель?

— Этого мы никогда не узнаем.

— Вы полагаете, что он почти не делал копий?

Поэтому она так уникальна?

— Бессмысленно строить догадки, мисс Уэбб. Это примерно то же, что определять, сколько красок использовал в картине живописец или сколько звуков композитор употребил в опере.

Девушка опустилась в кресло.

— Дайте сигарету. Послушайте, вы говорите всерьез? Вы не из вежливости так расхваливаете нашу вазу?

— Как можно! Зажигалку?

— Благодарю.

— Когда мы созерцаем красоту, мы видим Ding an sich — одну лишь «вещь в себе». Не сомневаюсь, мисс Уэбб, что вам это и без меня известно.

— Мне кажется, ваше восприятие ограничено довольно узкими рамками.

— Узкими? Ничуть. Когда я созерцаю вас, я тоже вижу одну лишь красоту, которая заключена в самой себе. Однако, будучи произведением искусства, вы в то же время не музейный экспонат.

— Я вижу, вы еще специалист и по части лести.

— С вами любой мужчина станет экспертом, мисс Уэбб.

- Что вы намерены сделать после того, как взломали папин сейф?
- Долгие часы любоваться этим шедевром.
- Ну что же, чувствуйте себя как дома.
- Я не осмелюсь. Не такой уж я нахал. Я просто унесу вазу с собой.
- То есть украдете?
- Умоляю вас простить меня.
- А знаете ли вы, что ваш поступок очень жесток?
- Мне очень стыдно.
- Вы, наверное, даже не представляете себе, что этот сосуд значит для папы.
- Прекрасно представляю. Капиталовложение суммой в два миллиона долларов.
- Вы считаете, что мы торгуем красотой как биржевые маклеры?
- Ну конечно. Этим занимаются все богатые коллекционеры. Приобретают вещи с тем, чтобы их с выгодой перепродать.
- Мой отец не богат.
- Да полно вам, мисс Уэбб. Два миллиона долларов?
- Он одолжил их.
- Не верю.
- Я вовсе не шучу. — Девушка говорила серьезно и взволнованно, и ее темно-синие глаза сузились. — У папы в самом деле нет денег. Совершенно ничего, только кредит. Вы же, наверно, знаете, как это делается в Голливуде. Ему одолживают деньги под залог ночной вазы. — Она вскочила с кресла. — Если вазу украдут, папа погиб... А вместе с ним и я.
- Мисс Уэбб...
- Я заклинаю вас не уносить ее. Как мне вас убедить!
- Не приближайтесь ко мне...
- Господи, да я ведь не вооружена.
- Мисс Уэбб, вы обладаете убийственным оружием и пользуетесь им без всякой жалости.
- Если вы цените в этом шедевре одну красоту, то мы с отцом всегда охотно поделимся с вами. Или вы

из тех, что признают только свое, только собственность?

— Увы.

— Ну скажите, зачем вам ее забирать? Оставьте вазу у нас, и вы станете ее пожизненным совладельцем. Приходите к нам когда угодно. Половина всего нашего имущества, отцовского, и моего, и всей семьи...

— О господи! Ладно, ваша взяла, держите свою проклятую... — он вдруг осекся.

— Что случилось?

Он пристально смотрел на ее руку.

— Что это у вас такое, около плеча? — спросил он с расстановкой.

— Ничего.

— Что это? — повторил он настойчиво.

— Шрам. Когда я была маленькая, я упала и...

— Никакой это не шрам. Это прививка оспы.

Девушка молчала.

— Это прививка оспы, — в ужасе повторил он. —

Таких не делают уже четыре сотни лет. Их больше не делают, давно не делают.

Девушка смотрела на него во все глаза.

— Откуда вам это известно?

Вместо ответа он закатал свой собственный левый рукав и показал свою прививку.

У девушки округлились глаза.

— Значит, и вы?..

Он кивнул.

— Значит, мы оба оттуда?

— Оттуда?.. Да, и вы, и я.

Ошеломленные, они глядели друг на друга. Потом радостно, неудержимо рассмеялись, не веря своему счастью. Они то обнимались, то награждали друг друга ласковыми тумаками, совсем как туристы из одного городка, неожиданно встретившиеся на вершине Эйфелевой башни. Наконец они немного успокоились и отошли друг от друга.

— Это, наверное, самое фантастическое из всех совпадений в истории, — сказал он.

— Да, конечно. — Ошеломленная, она встряхнула головой. — Я все никак не могу поверить в это. Когда вы родились?

— В тысяча девятьсот пятидесятому. А вы?

— Разве дамам задают подобные вопросы?

— Нет, правда! В котором?

— В тысяча девятьсот пятьдесят четвертом.

— В пятьдесят четвертом? Ого, — он усмехнулся. — Выходит, вам исполнилось пятьсот десять лет.

— Ах вы так? Доверяй после этого мужчинам.

— Значит, вы не дочь Уэбба. Как же вас по-настоящему зовут?

— Вайолет. Вайолет Дуган.

— Как это здорово звучит! Так мило, просто и нормально.

— А как ваше имя?

— Сэм Бауэр.

— Еще милей и еще проще. Ну?

— Что «ну»? Привет, Вайолет.

— Рада нашему знакомству, Сэм.

— Да, весьма приятное знакомство.

— Мне тоже так кажется.

— В семьдесят пятом я работал на компьютере при осуществлении денверского проекта, — сказал Бауэр, отхлебывая имбирный джин — самый удобоваримый из напитков, содержащихся в баре Уэбба.

— В семьдесят пятом! — восхлинула Вайолет. — Это когда был взрыв?

— Уж кому бы знать об этом взрыве, как не мне. Наши купили новый баллистический 1709, а меня послали инструктировать военный персонал. Помню ночь, когда случился взрыв. Во всяком случае, как я смыкаю, это и был тот самый взрыв. Но его я не помню. Помню, что показал, как программировать какие-то алгоритмы, и вдруг...

— Ну! Ну!

— И вдруг как будто кто-то выключил весь свет. Очнулся я уже в больнице в Филадельфии — в Санта-Моника Ист, как ее называют сейчас, и узнал, что меня зашвырнуло на пять столетий в будущее. Меня подобрали голого, полуживого, а откуда это я вдруг сверзился и кто такой — не знала не одна душа.

— Вы не сказали им, кто вы на самом деле?

— Мне бы не поверили. Они подлатали меня и вытолкнули вон. Порядочно пришлось вертеться, прежде чем я нашел работу.

— Снова управление компьютером?

— Ну нет. Слишком жирно за те гроши, которые они за это платят. Я работаю на одного из крупнейших букмекеров Иста. Определяю шансы выигрышер. А теперь расскажите, что случилось с вами.

— Да фактически то же, что и с вами. Меня послали на мыс Кеннеди сделать серию иллюстраций для журнала в связи с первой высадкой людей на Марсе. Я ведь художница...

— Первая высадка на Марсе? Постойте-ка, ее ведь вроде намечали на 76-й год. Неужели промазали?

— Наверно, да. Но в книгах по истории об этом очень мало говорится.

— Они смутно представляют себе наш век. Война, должно быть, уничтожила все чуть ли не дотла.

— Во всяком случае, я помню лишь, что сидела на контрольном пункте и делала рисунки, а когда началася обратный счет, я подбирала цвета, и вдруг... ну, словом, точно так, как вы сказали: кто-то выключил весь свет.

— Ну и ну! Первый атомный запуск — и все к чертям.

— Я, как и вы, очнулась в больнице, в Бостоне — они называют его Бэрбанк Норт. Выписалась и поступила на службу.

— По специальности?

— Да почти что. Подделываю антикварные вещи. Я работаю на одного из крупнейших дельцов от искусства в стране.

— Вот оно, значит, как, Вайолет?

— Выходит, что так, Сэм. А как вы думаете, каким образом это с нами случилось?

— Не имею ни малейшего понятия, хотя могу сказать, что я ничуть не удивляюсь. Когда люди выкапывают подобные штуки с атомной энергией, накопив ее такой запас, может произойти все, что угодно. Как вы считаете, есть тут еще другие, кроме нас?

— Заброшенные в будущее?

— Угу.

— Не знаю. Вы первый, с кем я встретилась.

— Если бы мне раньше пришло в голову, что кто-то есть, я бы их искал. Ах, бог мой, Вайолет, как я тоскую по двадцатому веку.

— И я.

— У них тут все какая-то глупая пародия. Все второсортное, — сказал Бауэр. — Штампы, одни лишь голливудские штампы. Имена. Дома. Манера разговаривать. Все их ухватки. Кажется, все эти люди выско-чили из какого-то тошнотворного боевика.

— Да, так оно и есть. А вы разве не знаете?

— Я ничего не знаю. Расскажите мне.

— Я это прочитала в книгах по истории. Насколько я могла понять, когда окончилась война, погибло почти все. И когда люди принялись создавать новую цивилизацию, для образца им остался только Голливуд. Война его почти не тронула.

— А почему?

— Наверное, просто пожалели бомбу.

— Кто же с кем воевал?

— Не знаю. В книгах по истории одна названы «Славные Ребята», другие — «Скверные Парни».

— Совершенно в теперешнем духе. Бог ты мой, Вайолет, они ведут себя как дети, как дефективные дети. Или нет: скорей, будто статисты из дешевого фильма. И что убийственней всего — они счастливы. Живут какой-то синтетической жизнью из спектакля Сесила Б. Де Милля и радуются — идиоты! Вы видели похороны президента Спенсера Трэси? Покойника несли в сфинксе, сделанном в натуральную величину.

— Это что! А вы присутствовали на бракосочетании принцессы Джоан?

— Джоан Фонтейн?

— Нет, Кроуфорд. Брачная ночь под наркозом.

— Вы смеетесь.

— Вовсе нет. Она и принц-консорт сочетались священными узами с помощью хирурга.

Бауэр зябко поежился.

— Добрый старый Лос-Анджелес Великий. Вы хоть раз бывали на футбольном матче?

— Нет.

- Они ведь не играют. Просто два часа развлекаются, гоняя мяч по полю.
- А эти оркестры, что ходят по улицам. Музыкантов нет, только палочками размахивают.
- А воздух кондиционируют, где бог на душу положит: даже на улице.
- И на каждом дереве громкоговоритель.
- Натыкали бассейнов на каждом перекрестке.
- А на каждой крыше — прожектор.
- В ресторанах — сплошные продовольственные склады.
- А для автографов у них автоматы.
- И для врачебных диагнозов тоже. Они их называют медикоавтомат.
- Изукрасили тротуары отпечатками рук и ног.
- И в этот ад идиотизма нас занесло, — угрюмо сказал Юаэр. — Попались в ловушку. Кстати, о ловушках, не пора ли нам отчаливать из этого особняка? Где сейчас мистер Уэбб?
- Путешествует с семьей на яхте. Они не скоро возвратятся. А где полиция?
- Я им подсунул одного дурака. Они тоже с ним не сразу разберутся. Хотите еще выпить?
- Отчего бы нет? Благодарю. — Вайолет с любопытством взглянула на Бауэра. — Скажите, Сэм, вы воруете, потому что ненавидите все здешнее? Назло им?
- Вовсе нет. Соскучился, тоска по нашим временам. Вот попробуйте-ка эту штуку; кажется, ром и ревень. На Лонг-Айленде — по-нашему Каталина Ист — у меня есть домик, который я пытаюсь обставить под двадцатый век. Ясное дело, приходится воровать. Я провожу там уик-энды, Вайолет, и это счастье. Только там мне хорошо.
- Я понимаю вас.
- Ах понимаете! Тогда скажите, кстати, какого дьявола вы околачивались здесь, изображая дочь Уэбба?
- Тоже охотилась за ночной вазой.
- Вы хотели ее украсть?
- Ну конечно. Я просто ужас как удивилась, обнаружив, что кто-то успел меня обойти.

— Значит, история о бедной дочке неимущего миллионера была рассказана всего лишь для того, чтобы вызыганий у меня посудину?

— Ну да. И между прочим, ход удался.

— Это верно. А чего ради вы стараетесь?

— С иными целями, чем вы. Мне хочется самой открыть свой бизнес.

— Будете изготавливать подделки?

— Изготавливать и продавать. Пока я еще комплексную фонд, но, к сожалению, я далеко не такая везучая, как вы.

— Так это, верно, вы украли позолоченный трельяж?

— Я.

— А медную лампу для чтения с удлинителем?

— Тоже я.

— Очень прискорбно. Я за ними так гонялся. Ну а вышитое кресло с бахромой?

Девушка кивнула.

— Опять же я. Чуть спину себе не сломала.

— Попросили бы кого-нибудь помочь.

— Кому можно довериться? А разве вы работаете не в одиночку?

— Да я тоже так работаю, — задумчиво произнес Бауэр. — То есть работал до сих пор. Но сейчас, по-моему, работать в одиночку уже незачем. Вайолет, мы были конкурентами, сами не зная о том. Сейчас мы встретились, и я вам предлагаю завести совместное хозяйство.

— О каком хозяйстве идет речь?

— Мы будем вместе работать, вместе обставим мой домик и создадим волшебный заповедник. В то же время вы можете сколько угодно комплектовать свои фонды. И если захотите загнать какой-нибудь мой стул, то я не буду возражать. Мы всегда сумеем стащить другой.

— Иными словами, вы предлагаете мне вместе с вами пользоваться вашим домом?

— Да.

— Могли бы мы осуществлять наши права поочередно?

— То есть как это поочередно?

— Один уик-энд — я, а, скажем, следующий — вы.

— Для чего?

— Вы сами понимаете.

— Нет, правда, объясните.

Девушка вспыхнула.

— Вы что, совсем дурак? Еще спрашивает почему. Похожа я на девушку, которая проводит уик-энд с мужчинами?

Баузэр осталенел.

— Да уверяю вас, мне и в голову ничто подобное не приходило. Кстати, в доме две спальни. Вам совершенно ничего не грозит. Мы начнем с того, что стянем цилиндрический замок для вашей двери.

— Нет, это исключено, — ответила она. — Я знаю мужчин.

— Даю слово, что у нас будут чисто дружеские отношения. Мы соблюдем этикет вплоть до мельчайших тонкостей.

— Я знаю мужчин, — повторила она непреклонно.

— Нет, это уже какая-то заумь, — возмутился Баузэр. — Подумать только: в голливудском кошмарном сне мы встретили друг друга — двое отщепенцев; нашли опору, утешение, и вдруг вы заводите какую-то бодягу на моральные темы.

— А можете вы, положа руку на сердце, пообещать никогда не лезть за утешением ко мне в постель? — сердито бросила она. — Ну отвечайте, можете?

— Нет не могу, — ответил он чистосердечно. — Сказать такое — значит отрицать, что вы дьявольски привлекательная девушка. Зато я...

— Если так, то разговор окончен. Разумеется, вы можете мне сделать официальное предложение; но я не обещаю, что приму его.

— Нет уж, — отрезал Баузэр. — До этого я не дойду, мисс Вайолет. Это уж типичные лос-анджелеские штучки. Каждая пара, которой взбредет в голову переспать ночь, отправляется к ближайшему регистрационному, сует туда двадцать пять центов и считается обрученной. Наутро они бегут к ближайшему разводоавтомату — и снова холостые, и совесть их чиста

как стеклышико. Ханжи! Стоит только вспомнить всех девиц, которые меня протащили через это унижение: Джейн Рассел, Джейн Паузел, Джейн Мэнсфилд, Джейн Уизерс, Джейн Фонда, Джейн Тарзан... Б-р-р-р, господи, прости!

— О-о! Так вот вы какой! — Вайолет Дуган в негодовании вскочила на ноги. — Толкует мне, как ему все здесь опротивело, а сам насквозь оголливудился.

— Женская логика, — раздраженно произнес Бауэр. — Я сказал, что мне не хочется поступать в лос-анджелесских традициях, и она тут же обвиняет меня в том, что я оголливудился. Спорь после этого с женщиной!

— Не давите меня вашим хваленым мужским превосходством, — вскипела Вайолет. — Вас послушать, сразу кажется, что я вернулась к старым временам, и просто тошно делается.

— Вайолет... Вайолет... Ну зачем нам враждовать? Наоборот. Нам следует держаться друг друга. Хотите, пусть будет по-вашему. Какие-то двадцать пять центов, о чем говорить? А замок мы тоже врежем. Ну что, согласны?

— Вот это тип! Двадцать пять центов — и весь разговор! Вы мне противны.

Взял в руки ночную посудину, Вайолет повернулась к дверям.

— Одну минутку, — сказал Сэм. — Куда это вы направляетесь?

— К себе домой.

— Стало быть, договор не заключен?

— Нет.

— И мы с вами не сотрудничаем ни на каких условиях?

— Ни на каких. Убирайтесь и ищите утешения с одной из ваших шлюх! Доброй ночи.

— Вы меня так не оставите, Вайолет.

— Я ухожу, мистер Бауэр.

— Уходите, но без посудины.

— Она моя.

— Я ее украд.

— А я ее у вас выманила.

— Поставьте вазу, Вайолет.

- Вы сами дали ее мне, уже забыли?
- Говорю вам, поставьте посудину.
- И не подумаю. Не подходите ко мне!

— Вы знаете мужчин. Помните, вы говорили. Но вы знаете о нас не все. Будьте умницей и поставьте горшок, или вам придется еще кое-что узнать насчет хваленого мужского превосходства. Вайолет, я вас предупредил... Ну получай, голубка.

Сквозь густой слой табачного дыма в кабинет инспектора Эдварда Дж. Робинсона проникли бледно-голубые лучи: занимался рассвет. Группа сыщиков, известная в полиции как «Пробивной отряд», зловещим кольцом окружала развалившуюся в кресле гориллоподобную фигуру. Инспектор Робинсон устало произнес:

- Повторите еще раз вашу историю.

Злоумышленник поерзal в кресле и попробовал поднять голову.

— Меня зовут Уильям Бендикс, — промямлил он. — Мне сорок лет. Я мастер-верхотурщик строительной фирмы «Гручо, Чико, Харпо и Маркс», Голдуин Террас, 12203.

- Что такое верхотурщик?

— Специалист по верхотуре — это такой специалист, который, если фирме нужно выстроить здание обувного магазина в форме ботинка, завязывает над крышей шнурки; а если строят коктейль-холл, втыкает в крышу соломинку, а если...

- Какую работу вы выполняли в последний раз?

— Участвовал в строительстве Института Памяти, Бульвар Луи Б. Мэйера, 30449.

- Что вы там делали?

— Вставлял вены в мозги,

- У вас были приводы?

— Нет, сэр.

— Что вы замышляли, проникнув сегодня около полуночи в резиденцию мистера Клифтона Уэбба?

— Как я уже рассказывал, я угощался коктейлем «Водка и шпинат» в питейном заведении «Стародавний Модерн», когда их строили, я им выкладывал пену

на крыше, а этот тип подошел ко мне и начал разговор. Рассказал, что какой-то богатый чудак купил и только что привез сюда эту штуковину, какое-то сокровище искусства. Говорит, что сам он коллекционер, но такое вот сокровище купить не может, а тот богач такой жадюга, что даже не дает на него поглядеть. А потом он предложил мне сто долларов, чтобы я помог ему взглянуть на эту штуку.

— То есть предложил вам украсть ее?

— Да нет, сэр, он хотел на нее только поглядеть. Он сказал, что мне, мол, нужно только поднести ее к окну, он взглянет на нее и отвалит мне сто долларов.

— А сколько денег он предлагал вам за то, чтобы вы вынесли вазу из дома?

— Говорю вам, сэр, он хотел только поглядеть. Потом — мы так условились — я запихнул бы ее обратно, и все дела.

— Опишите этого человека.

— Ему, наверное, лет тридцать будет. Одет хорошо. Говор малость чудной, вроде как у иностранца, и все время хохочет, все ему что-то смешно. Роста примерно среднего или маленько повыше. Глаза темные. Волос тоже темный, густой и лежит этак волнами; такой бы хорошо гляделся на крыше парикмахерской.

Кто-то нетерпеливо забаранил в дверь. В кабинет влетела детектив Эдна Мэй Оливер — явно в расстрепанных чувствах.

— Ну?! — рявкнул инспектор Робинсон.

— Его версия подтверждается, шеф, — доложила детектив Оливер. — Его видели в коктейльном заведении «Стародавний Модерн»...

— Стоп, стоп, стоп. Он говорит, что ходил в питейное заведение «Старомодный Модерн».

— Шеф, это одно и то же. Они просто сменили вывеску, чтобы с помпой открыть его заново.

— А кто укладывал на крыше вишни? — заинтересовался Бендикс.

Никто и не подумал ему ответить.

— В заведении видели, как задержанный разговаривал с таинственным мужчиной, которого он нам описал, — продолжала детектив Оливер. — Они вышли вместе.

— Этот мужчина был Искусник Кид.

— Так точно, шеф.

— У-у, черт! Черт! — Инспектор в ярости дубасил кулаком по столу. — Чует мое сердце, что Кид обвел нас вокруг пальца.

— Но каким образом, шеф?

— Неужели непонятно, Эд? Кид мог проведать о нашей ловушке.

— Ну и что же?

— Думайте, Эд. Думайте! Может быть, не кто иной, как он сообщил нам, что в преступном мире ходят слухи о готовящемся этой ночью налете.

— Вы хотите сказать, он настучал сам на себя?

— Вот именно.

— Но для чего ему это?

— Чтобы заставить нас арестовать не того человека. Это сущий дьявол. Я же вам говорил.

— Но зачем он все это затеял, шеф? Вы ведь разгадали его плутни.

— Верно, Эд. Но Кид, возможно, изобрел какой-то новый, еще более заковыристый ход. Только вот какой? Какой?

Инспектор Робинсон встал и беспокойно зашагал по кабинету. Его мощный изощренный ум усиленно пытался проникнуть в сложные замыслы Искусника Кида.

— А как быть мне? — вдруг спросил Бендикс.

— Ну вы-то можете преследовать отправляться восьмаяси, любезный, — устало сказал Робинсон. — В грандиозной игре вы были только жалкой пешкой.

— Да нет, я спрашиваю, как мне закруглиться с этим делом. Тот малый-то, пожалуй, до сих пор ждет под окном.

— Как вы сказали? Под окном?! — воскликнул Робинсон. — Значит, он стоял там, под окном, когда мы захватили вас?

— Стоял небось!

— Я понял! Наконец-то понял! — вскричал Робинсон. — Ну вот теперь мне все ясно!

— Что вам ясно, шеф?

— Вдумайтесь, Эд, представьте себе картину в целом. Искусник Кид стоит тихонько под окном и собст-

венными глазами видит, как мы увозим из дома этого осталопа. Мы отываем, и тогда Искусник Кид входит в пустой дом...

- Вы хотите сказать...
- Может быть, в эту самую секунду он взламывает сейф.
- Ух ты!
- Эд, спешно вызвать оперативную группу и группу блокирования.
- Слушаюсь, шеф.
- Эд, блокировать все выходы из дома.
- Сделаем, шеф.
- Эд и ты, Эд, будете сопровождать меня.
- Куда сопровождать, шеф?
- К особняку Уэбба.
- Вы рехнулись, шеф!
- Другого пути нет. Этот городишко слишком мал для нас двоих: или Искусник Кид, или я.

Все газеты кричали о том, как «Пробивной отряд» разгадал инфернальные планы Искусника Кида и прибыл в волшебный особняк мистера Клифтона Уэбба всего лишь через несколько секунд после того, как сам Кид отбыл с ночной вазой. О том, как на полу библиотеки обнаружили лежавшую без сознания девушку, о том, как выяснилось, что она — отважная Одри Хэпберн, верная помощница загадочной Греты Гарбо — Змеиный глаз, владелицы обширной сети игорных домов и притонов. О том, как Одри, заподозрив что-то неладное, решила сама все разведать. И о том, как коварный взломщик сперва затеял с девушкой зловещую игру — нечто вроде игры в кошки-мышки — а затем, выждав удобный момент, свалил ее на пол безжалостным зверским ударом.

Давая интервью газетным синдикатам, мисс Хэпберн сказала:

— Просто женская интуиция. Я заподозрила что-то неладное и решила сама все разведать. Коварный взломщик затеял со мной зловещую игру — нечто вроде игры в кошки-мышки, а затем, выждав удобный момент, свалил меня на пол безжалостным зверским ударом.

Одри получила семнадцать предложений вступить в брак через посредство регистраавтомата, три

предложения сняться для пробы в кинофильмах, двадцать пять долларов из общинных фондов округа Голливуд Ист, премию Даррила Ф. Занука «За человеческий интерес» и строгий выговор от шефессы.

— Фам непременно нато было допавить, что он фас иснашивал, Одри, — сказала ей мисс Гарбо. — Это придало бы фашей истории особый колорит.

— Прошу прощения, мисс Гарбо. В следующий раз я постараюсь ничего не опустить. Кстати, он делал мне непристойные предложения.

Разговор происходил в секретном ателье мисс Гарбо, где совещалось могущественное трио дельцов от искусства, а тем временем Вайолет Дуган (она же Одри Хэпберн) подделывала бюллетень сельскохозяйственного банка на 1943 год.

— *Cara mia*¹, — обратился к Вайолет де Сика, — вы могли бы описать нам этого негодяя подробно?

— Я рассказала вам все, что запомнила, мистер де Сика. Да, вот еще одна деталь, может быть, она вам поможет: он сказал, что работает на одного из крупнейших букмекеров Иста, определяет шансы выигрышер.

— *Mah*²! Таких субъектов сотни. Это нам ничего не дает. А он не намекнул вам, как его зовут?

— Нет, сэр. Во всяком случае, свое теперешнее имя он не упомянул.

— Теперешнее имя? Как это понять?

— Я... я говорю про его настоящее имя. Ведь не всегда же его называют Искусник Кид.

— Ага, понятно. А где он живет?

— Говорят, где-то в районе Каталина Ист.

— Каталина Ист — это сто сорок квадратных миль, битком набитых жилыми домами, — с раздражением вмешался Хортон.

— Я тут ни при чем, мистер Хортон.

— Одри, — строго произнесла мисс Гарбо, — отложите ф сторону фаш бюллетень и посмотрите на меня.

— Да, мисс Гарбо.

1 Дорогая моя (итал.).

2 Увы! (итал.).

— Фы флюбились ф этого шеловека. Ф фаших глазах он — романтическая фигура, и фам не хочется, штол он попал под сут. Это так?

— Вовсе нет, мисс Гарбо! — пылко возразила Вайолет. — Больше всего на свете я хочу, чтобы его арестовали. — Она потрогала пальцами свой подбородок. — Влюбилась? Да я ненавижу его!

— Итак, — со вздохом резюмировал де Сика, — мы потерпели неудачу. Короче говоря, если мы не сумеем вернуть ночную вазу его светлости, мы будем вынуждены уплатить ему два миллиона долларов.

— Я убежден, — яростно выкрикнул Хортон, — что полицейские его нипочем не найдут! Этакие олухи. Их можно сравнить по дурости разве что с нашей троицей.

— Ну что ж, тогда придется нанять частного сглядатая. При наших связях в преступном мире мы без особого труда сможем найти подходящего человека. Есть какие-нибудь предложения?

— Неро Фульф, — произнесла мисс Гарбо.

— Великолепно, *cara mia*. Это человек настоящий эрудиции и культуры.

— Майк Хаммер, — сказал Хортон.

— Примем к сведению и эту кандидатуру. Что вы скажите о Перри Мейсоне?

— Этот подонок слишком честен, — отрезал Хортон.

— Тогда вычеркнем подонка из списка кандидатов. Есть еще предложения?

— Миссис Норт, — сказала Вайолет.

— Кто, дорогая? Ах да, Памела Норт, леди-детектив. Нет, я бы сказал. Нет. По-моему, это не женское дело.

— Но почему, мистер де Сика?

— А потому, ангел мой, что слабому полу опасно сталкиваться с некоторыми видами насилия.

— Я этого не думаю, — сказала Вайолет. — Мы, женщины, умеем постоять за себя.

— Она прафа, — томно проворковала мисс Гарбо.

— А по-моему, нет, Грета. И вчерашний эпизод это подтверждает.

— Он мне нанес безжалостный, зверский удар, только когда я отвернулась, — поспешила вставить Вайолет.

— А чем вам плох Майк Хаммер? — брюзгливо спросил Хортон. — Он всегда достигает результатов и нещепетилен в средствах.

— Так нещепетилен, что мы можем получить одни осколочки от вазы с цветочным бордюром.

— Боже мой! Я об этом не подумал. Ну хорошо, я согласен на Вульфа.

— Миссис Норт, — произнесла мисс Гарбо.

— Вы в меньшинстве, сага *mia*. Итак, решено — Неро Вульф. Вене. Я полагаю, Хортон, что мы с ним побеседуем без Греты. Он настолько *antipatico*¹ к женщинам, что это вошло в поговорку. Милые дамы, *arrivederci*².

После того как двое из могущественного трио удалились, Вайолет повернулась к мисс Гарбо.

— «Слабый пол»... У-у... шовинисты, — прошипела она, яростно сверкнув глазами. — Неужели мы будем терпеть это неравноправие полов?

— А что мы можем стелать, Одри?

— Мисс Гарбо, разрешите мне самой выследить этого человека.

— Фы говорите фсеръез?

— Конечно.

— Но как фы мошете его выследить?

— Наверно, у него есть какая-нибудь женщина.

— Естестфенно.

— *Cherchez la femme*³.

— Вы просто молотец!

— Он упоминал при мне некоторые имена и фамилии, и если я найду ее, то найду и его. Вы мне даете отпуск, мисс Гарбо?

— Отпрафляйтесь, Одри. И прифетите его шифром.

1. Здесь: плохо относится (штал.).

2. До свидания (штал.).

3. Ищите женщину (франц.).

Старая леди в уэльской шляпке, белом фартуке, шестиугольных очках и с объемистым вязанием, из которого торчали спицы, споткнулась о макет, изображавший лестницу на Испанской площади. Лестница вела в королевскую Оружейную палату. Палата была выстроена в форме императорской короны и увенчана пятидесятифутовой имитацией бриллианта «Надежда».

— Чертовы босоножки, — буркнула Вайолет Дуган. — Ну и каблучки.

Войдя в палату, Вайолет поднялась на десятый этаж и позвонила в звонок, по обе стороны от которого располагались лев и единорог, попеременно разевающие пасти: лев рычал, единорог орал по-ослиному. Дверь стала затуманиваться, затем туман рассеялся. На пороге стояла Алиса из Страны Чудес с огромными невинными глазами.

— Ау? — спросила она пылко. И тотчас увяла.

— Доброе утро, мисс Паузл, — сказала Вайолет, заглядывая в квартиру через плечо Алисы и внимательно обшаривая взглядом коридор. — Я из службы «Клевета инкорпорейтид». Вам не кажется, что сплетни проходят мимо вас? Не остаетесь ли вы в неведении по поводу самых пикантных скандалов? Наш штат, составленный из высококвалифицированных сплетников, гарантирует распространение молвы в течение пяти минут после события; клевета несусветная и клевета правдоподобная...

— Вздор, — сказала мисс Паузл, и дверь стала непроницаемой.

Маркиза Помпадур в парчовых фижмах, с кружевным корсажем и в высоком пудреном парике вошла в зарешеченный портик «Приюта птичек» — частного особнячка, построенного в форме птичьей клетки. Из позолоченного купола на нее обрушилась какофония птичьих голосов. Мадам Помпадур дунула в свисток, вделанный в дверь, которая имела форму часов с кукушкой. На птичий посвист звонка отворилась маленькая заслонка над циферблатом, с бодрым «ку-ку» оттуда выглянул глазок телевизора и внимательно оглядел гостью.

Вайолет присела в глубоком реверансе.

— Могу я лицезреть хозяйку дома?

Дверь отворилась. На пороге стоял Питер Пэн в ярко-зеленом костюме. Костюм был прозрачный, и посетительница сразу узнала, что перед ней сама хозяйка дома.

— Добрый день, мисс Уизерс. Я к вам от фирмы «Эвон». Игнац Эвон, парикмахер, изобретатель всевозможных шиньонов, париков, украшений из волос, кудрей и локонов, всегда к услугам тех, кто следует законам моды или желает устроить розыгрыш...

— Сгинь! — сказала мисс Уизерс.

Дверь захлопнулась. Маркиза де Помпадур послушно сгинула.

Художница в берете и в вельветовой куртке с пальто и мольбертом поднялась на пятнадцатый этаж Пирамиды. У самой вершины возвышались шесть египетских колонн, за которыми была массивная базальтовая дверь. Когда художница швырнула милостыню в каменную чашку для нищих, дверь распахнулась, обнаружив мрачную гробницу, на пороге которой стояло нечто вроде Клеопатры в одеянии критской богини змей и для антуража окруженное змеями.

— Доброе утро, мисс Рассел. Фирма «Тиффани» демонстрирует последний вопль моды — накожные драгоценности Тиффани. Татуировка наносится очень рельефно. Являясь источником излучения цветовой гаммы, включающей имитацию бриллиантов чистейшей воды, накожные драгоценности Тиффани остаются безвредными для здоровья в течение месяца.

— Чушь, — сказала мисс Рассел.

Дверь медленно затворилась под звуки заключительных аккордов из «Аиды», которым тихо вторили стены хора.

Школьная учительница в строгом костюме, с гладко зачесанными и собранными в тугой узел волосами, в очках с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались неестественно большими, прошествовала со стопкой учебников по подвесному мосту феодального замка. Поднявшись винтовым лифтом на двенадцатый этаж, она перепрыгнула через неширокий ров и обнаружила дверной молоток в форме рыцарской железной рукавицы. Миниатюрные решетчатые ворота со

скрежетом втянулись наверх, и на пороге показалась Златовласка.

— Луи? — спросила она, радостно смеясь. И тотчас увяла.

— Добрый вечер, мисс Мэнсфилд. Фирма «Чтение вслух» предлагает новый вид сугубо специализированного индивидуального обслуживания. Вместо того чтобы терпеть монотонное чтение роботов, вы сможете слушать отлично поставленные голоса, способные придать каждому слову неповторимую окраску, и эти голоса будут читать для вас, только для вас, и комиксы, и чистосердечные исповеди знаменитостей, и киножурналы за пять долларов в час; детектизы, вестерны, светская хроника...

Решетчатые воротца со скрежетом опустились вниз.

— Сперва Лу, потом Луи, — пробормотала Вайолет. — Интересно...

Небольшую пагоду обрамлял пейзаж, точная копия трафаретных китайских рисунков на фарфоре, даже с фигурами трех сидящих на мосту кули. Кинозвездочка в черных очках и белом свитере, туго обтягивающем ее пышный бюст, проходя по мосту, потрепала их по головам.

— Поосторожней, детка, щекотно, — сказал один из них.

— Бога ради, простите, я думала, вы чучела.

— Чучела мы и есть за пятьдесят центов в час, но такая уж у нас работа.

В портике пагоды появилась мадам Баттерфляй, склоняясь в поклоне, как заправская гейша. Цельность облика этой особы несколько нарушал черный пластины под левым глазом.

— Доброе утро, мисс Фонда. Фирма «Предел лишь небеса» предлагает вам потрясающий новый способ упышнения бюста. Натираясь препаратором «Груди-Джи», антигравитационным порошком телесного цвета, вы сразу же достигните поразительных результатов. Мы предоставляем вам на выбор три оттенка: блондинок, шатенок, брюнеток; и три вида упышненных форм: грейпфрутовая, арбузовая и...

— Я не собираюсь взлететь на воздух, — мрачно сказала мисс Фонда. — Брысь!

— Извините, что побеспокоила вас, — Вайолет замялась. — Вам не кажется, мисс Фонда, что пластырь у вас под глазом не совсем в стиле...

— Он у меня не для стиля, дорогуша. Этот Журден просто мерзавец и больше никто.

— Журден, — тихо повторила Вайолет, удаляясь по мосту. — Выходит, Луи Журден. Так или не так?

Аквалангист в черном резиновом костюме и полном снаряжении, включая маску, кислородный баллон и гарпун, прошел тропою джунглей, вспугивая шимпанзе и направляясь к Земляничной горе. Вдали прорубил слон. Аквалангист ударил в бронзовый гонг, свисающий с кокосовой пальмы, и на звон гонга отозвался бой барабанов. Семифутовый ватуси встретил и проводил посетителя к стоявшей в зарослях хижине, где его ждала особа негроидного типа, которая дрыгала ногами в стояфутовой искусственной реке Конго.

— Это Луи Бвана¹? — крикнула она. И тотчас увяла.

— Доброе утро, мисс Тарзан, — сказала Вайолет. — Фирма «Выкачивай», недавно отметившая свое пятидесятилетие, берется обеспечить вам купанье в стерильно чистой воде независимо от того, будет ли идти речь об олимпийском водоеме или старомодном пруде. Система патентованных очистительных насосов позволяет фирме «Выколачивай» выкачивать грязь, песок, ил, алкоголь, сор, помои...

Вновь ударил бронзовый гонг, и на звон гонга снова отозвался бой барабанов.

— О! На этот раз, наверное, Луи! — вскричала мисс Тарзан. — Я знала, что он сдержит слово.

Мисс Тарзан побежала к парадным дверям. Мисс Дуган спрятала лицо за водолазной маской и нырнула в Конго. Она вынырнула на поверхность у противоположного берега среди зарослей бамбука, неподалеку от весьма реалистического на вид аллигатора. Ткнув его в голову рукой, она убедилась, что это чучело. Затем Вайолет быстро обернулась и успела разглядеть

1 Искаженное «господин»

Сэма Бауэра, который не спеша прошел в пальмовый сад под ручку с Джейн Тарзан.

Запрятавшись в телефонную будку, имевшую форму телефона и расположенную через дорогу от Земляничной горы, Вайолет Дуган горячо пререкалась с мисс Гарбо.

— Фам не следовало фысыфать полицию, Одри.

— Нет, следовало, мисс Гарбо.

— Инспектор Робинсон шурует ф доме уже десять минут. Он опять натфорит глупостей.

— Я на это и рассчитываю, мисс Гарбо.

— Сначит, я была прафа. Фы не хотите, чтобы этот Луи Тшурден был арестофан.

— Нет, хочу, мисс Гарбо. Очень хочу. Только позвольте вам все объяснить.

— Он уфлек фаше фоображене сфоими непристойными предлошениями.

— Да прошу вас, выслушайте вы меня, мисс Гарбо. Для нас ведь самое важное не схватить его, а узнати, где он запрятал краденое. Разве не так?

— Отгофорки! Отгофорки!

— Если его арестуют сейчас, мы никогда не узнаем, где ваза.

— Што ше фы предлагаете?

— Я предлагаю сделать так, чтобы он сам привел нас туда, где прячет вазу.

— Как фы этого допьетесь?

— Используя его же оружие. Помните, как он подсунул полицейским подставное лицо?

— Этого турня Пендикса?

— На этот раз в роли Бендикиа выступил инспектор Робинсон. Ой, постойте! Там что-то случилось.

На Земляничной горе началось сущее столпотворение. Шимпанзе с визгом перепархивали с ветки на ветку. Появились ватуси, они неслись во весь дух, преследуемые инспектором Робинсоном. Затрубил слон. Огромный аллигатор быстро вполз в густую траву. Затем промчалась Джейн Тарзан, ее преследовал инспектор Робинсон. Барабаны гудели вовсю.

— Я могла бы поклясться, что этот аллигатор — чучело, — пробормотала Вайолет.

— О шем фы, Одри?

— Да о крокодиле... Так и есть! Извините, мисс Гарбо. Я побежала.

Крокодил встал на задние лапы и неторопливо шел по Земляничному проезду. Вайолет выскользнула из будки и небрежной ленивой походкой пошла вслед за ним. Прогуливающийся по улице аллигатор и неторопливо следующий за ним аквалангист не вызывали особого интереса у прохожих Голливуд Ист.

Аллигатор оглянулся через плечо и наконец заметил аквалангиста. Он пошел быстрее. Аквалангист тоже ускорил шаг. Аллигатор побежал. Аквалангист побежал за ним следом, но немного отстал. Тогда он подключил кислородный баллон, и расстояние начало сокращаться. Аллигатор с разбегу ухватился за ремень подвесной дороги. Болтающегося на канате, его повлекло на восток. Аквалангист подозвал проезжавшего мимо робота-рикшу.

— Следовать за этим аллигатором! — крикнула Вайолет в слуховое приспособление робота.

В зоопарке аллигатор выпустил из рук ремень и скрылся в толпе. Аквалангист соскочил с рикши и как сумасшедший побежал через Берлинский дом, Московский дом и Лондонский. В Римском доме, где посетители швыряли pizzas помещенным за оградой существам, Вайолет увидела раздетого римлянина, который лежал без сознания в углу клетки. Рядом с ним валялась шкура аллигатора. Вайолет быстро огляделась и успела заметить удирающего Бауэра в полосатом костюме.

Она бросилась за ним. Бауэр столкнул какого-то мальчугана со спины пони на электрической карусели, сам вскочил на место мальчика и галопом помчался на запад. Вайолет вспрыгнула на спину проходившей мимо ламы.

— Догони этого пони! — крикнула она.

Лама побежала, жалобно мыча:

— Чиао хси-фу нан цо мей ми чу (мне этого еще никогда не удавалось).

На конечной станции Гудзон Бауэр спрыгнул с похищенным, закупорился в капсулу и перемахнул через реку. Вайолет влетела в восьмивесельную лодку и пристроилась на сиденье рулевого.

— Следовать за этой капсулой! — крикнула она.

На джерсейском берегу (Невада Ист) Вайолет продолжала преследовать Бауэра на движущейся мостовой, а затем на каре фирмы «Улепетывай» к старому Ньюарку, где Бауэр вскочил на трамплин и катапультировался в первый вагон монорельсовой дороги Блок-Кайлэнд-Нантакет.

Вайолет подождала, пока монорельс тронется в путь, и в последнюю секунду успела вскочить в задний вагон.

Оказавшись в вагоне, она направила острье гарпуна в сторону находившейся там же расфуфыренной девчонки и заставила ее обменяться с ней одеждой. В бальных туфельках, черных ажурных чулках, клетчатой юбке и шелковой блузке, Вайолет вышвырнула разлюбившуюся дамочку из вагона на остановке Ист Вайн-стрит и уже более открыто принялась наблюдать за передним вагоном. На Монтауке — крайний восточный пункт Каталина Ист — Бауэр выскользнул из вагона.

Вайолет снова подождала, пока двинется монорельс, и лишь тогда продолжила погоню. На нижней платформе Бауэр забрался в жерло коммутированной пушки и взлетел в пространство. Вайолет бросилась вслед за ним к той же пушке и осторожно, чтобы не изменить наводку, установленную Бауэром, скользнула в пушечное жерло. Она взлетела в воздух всего на полминуты позже Бауэра и брякнулась на посадочную площадку в тот момент, когда Сэм спускался по веревочной лестнице.

— Вы?! — воскликнул он.

— Да, я.

— А в черном скафандре тоже были вы?

— Опять же я.

— Я думал, что отделался от вас в Ньюарке.

— Нет, этот номер не прошел, — угрюмо сказала она. — Я вас приперла к стенке, Кид.

И в эту секунду Вайолет увидела дом.

Он был похож на те дома, которые в двадцатом веке рисовали дети: два этажа, остроконечная крыша, крытая рваным толем, стены из грязных коричневых дранок, державшихся на честном слове, двойные рамы с крестообразным переплетом, кирпичная труба, увитая плющом; шаткое крылечко. Справа — проржавевшие руины рассчитанного на две автомашины гаража; слева — заросли чахлых сорняков. В вечернем сумраке казалось, что в этом доме наверняка должны водиться привидения.

— Ох, Сэм! — охнула Вайолет. — Как здесь красиво!

— Это дом, — сказал он просто.

— А внутри?

— Зайдите и поглядите.

Внутри дом был словно склад, заставленный товарами, заказанными по почте; все здесь было бросовое — дешевое, второсортное, подержанное, уцененное, купленное на распродаже.

— Здесь как в раю, — сказала Вайолет. Она нежно прильнула к пылесосу типа канистры с виниловым амортизатором. — Здесь так покойно, уютно. Я уже много лет не была так счастлива.

— Постойте, постойте, — сказал Бауэр, которого распирало от гордости.

Встав на колени перед камином, он разжег березовые дрова. Охваченные желтым и красноватым пламенем, поленья весело потрескивали.

— Смотрите, — сказал он. — Дрова настоящие, и огонь настоящий. А еще я знаю музей, где есть пара железных подставок для дров в камине.

— Правда? Честное слово?

Он кивнул.

— Музей Пибоди в Высшем Йельском.

Вайолет наконец решилась.

— Сэм, я помогу вам.

Он удивленно на нее взглянул.

— Я помогу вам их украсть, — сказала Вайолет. — Я... я помогу вам украсть все, что вы захотите, Сэм.

— Вы не шутите, Вайолет?

— Я была дурой. Я не понимала. Я... Вы были правы, Сэм. Я вела себя, как последняя идиотка.

— Вайолет, вы серьезно это говорите, или хотите меня во что-то втравить?

— Я говорю серьезно, Сэм. Честное слово.

— Вам так понравился мой дом?

— Конечно, мне понравился ваш дом, но причина не только в этом.

— Значит, мы действуем вместе?

— Да, Сэм, теперь мы вместе.

— Дайте руку.

Вместо этого она обняла его за шею и крепко к нему прижалась. Бог весть, сколько минут просидели они на раскладном кресле из пенопласти... затем Вайолет тихо шепнула ему на ухо:

— Мы с тобой — против всех остальных, Сэм.

— И пусть они поберегутся: им придется несладко.

— Да, пусть они поберегутся: и они, и эти бабы по имени Джейн.

— Вайолет, клянусь, ни к одной из них я не относился серьезно. Если бы ты их видела...

— Я видела их.

— Видела? Где? Каким образом?

— Я тебе как-нибудь расскажу.

— Но...

— Ну перестань!

После длительной паузы он сказал:

— Если мы не врежем замок в дверь спальни, может случиться неприятность.

— К черту замок! — сказала Вайолет.

— **ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН!** — раздался резкий оглушительный голос.

Сэм и Вайолет вскочили с кресла. В окна ворвался ослепительный сине-белый свет. Слышался ропот толпы, уже готовой приступить к суду Линча, гремела галопирующим крещендо увертюра к «Вильгельму Теллю», раздавались звуки, напоминающие о кентуккском дерби, локомотивах 4-6-4, о таранах и о внезапных налетах индейцев племени саскачеван.

— **ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН!** — вновь раздался резкий оглушительный голос.

Они подбежали к окну и осторожно выглянули. Дом был окружен слепящими прожекторами. В толпе

смутно можно было различить повстанцев Жакерии с гильотиной, теле- и кинокамеры, большой симфонический оркестр, целую роту звукооператоров в наушниках, режиссера со шпорами и мегафоном, инспектора Робинсона с микрофоном, а вокруг на парусиновых шезлонгах сидело с полтора десятка загримированных мужчин и женщин.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. С ВАМИ ГОВОРИТ ИНСПЕКТОР РОБИНСОН. ВЫ ОКРУЖЕНЫ. МЫ... ЧТО? АХ, ВРЕМЯ ДЛЯ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ? ХОРОШО, ВАЛЯЙТЕ.

Бауэр свирепо посмотрел на Вайолет.

— Значит, ты обманула меня?

— Нет, Сэм, клянусь.

— Тогда как здесь очутились все эти люди?

— Не знаю.

— Это ты их привела.

— Нет, нет, Сэм, нет! Я... может быть, я оказалась не такой умелой, как предполагала. Может быть, пока я гналась за тобой, они следили за мной. Но, клянусь тебе, я их не видела.

— Врешь.

— Нет, Сэм.

Она заплакала.

— Ты меня продала.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН, ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОДИТЕ ОДРИ ХЭПБЭРН.

— Кого? — ошеломленно спросил Бауэр.

— Эт-то ме-еня, — всхлипнула Вайолет. — Я взяла себе другое имя, так же как и ты. Одри Хэпберн и Вайолет Дуган — одно и тоже лицо. Они думают, что ты меня удерживаешь как заложницу, но я тебя не выдавала, С-Сэм. Я не шпионка.

— Ты говоришь мне правду?

— Чистую правду.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. НАМ ОТЛИЧНО ИЗВЕСТНО, ЧТО ТЫ ИСКУСНИК КИД. ВЫХОДИ, ПОДНЯВ РУКИ ВВЕРХ. ОСВОБОДИ ОДРИ ХЭПБЭРН И ВЫХОДИ ИЗ ДОМА, ПОДНЯВ РУКИ ВВЕРХ.

Бауэр распахнул окно.

— Войди и арестуй меня, дурила! — гаркнул он.

— ПОГОДИ, ПОКА МЫ НЕ ПОДКЛЮЧИМСЯ К СЕТИ, УМНИК.

Десять секунд, в течение которых производилось подключение, прошли в полном молчании. Затем прогремели выстрелы. Удлиненные грибовидные дымки вспыхнули там, куда ударили пули. Вайолет взвизгнула. Бауэр захлопнул окно.

— Эффективность всех боеприпасов у них снижена до самой крайней степени, — заметил он. — Боятся повредить мои сокровища. Может, мы еще и выкарабкаемся отсюда, Вайолет.

— Нет, не надо. Миленький, прошу тебя, не надо с ними сражаться.

— Сражаться я не могу. Чем бы я стал с ними сражаться?

Выстрелы теперь гремели не смолкая. Со стены упала картина.

— Сэм, да послушай ты меня, — взмолилась Вайолет. — Сдайся. Я знаю, что за кражу со взломом дают девяносто дней, но я буду ждать тебя.

Одно из окон разлетелось вдребезги.

— Ты будешь ждать меня, Вайолет?

— Буду. Клянусь.

Загорелась занавеска.

— Так ведь девяносто дней! Целых три месяца.

— Мы переждем их и начнем новую жизнь.

Внизу, на улице, инспектор Робинсон внезапно застонал и схватился за плечо.

— Ну ладно, — сказал Бауэр. — Я сдамся... Но взгляни на них, на этот дурацкий спектакль, где перемешаны и «Гангстерские битвы», и «Неприкасаемые», и «Громовые двадцатые годы». Пусть я лучше пропаду, если оставлю им хоть что-нибудь из того, что я выкрад. Погоди-ка...

— Что ты хочешь сделать?

Тем временем на улице «Пробивной отряд» принял кашлять, будто наглотался слезоточивого газа.

— Взорву все к чертам, — ответил Бауэр, роясь в банке с сахаром.

— Взорвешь? Но как?

— Я раздобыл немного динамита у «Гручо, Чико, Харпо и Маркса», когда шарил по их коллекциям разрыхляющих землю инструментов. Мотыги я не нашел, а вот это достал.

Он поднял вверх небольшую красную палочку с часовым механизмом на головке. На палочке была надпись: «TNT».

На улице Эд (Бегли) судорожно схватился за сердце, мужественно улыбнулся и рухнул на тротуар.

— Я не знаю, когда будет взрыв и сколько у нас времени, — сказал Бауэр. — Поэтому, как только я брошу палочку, беги со всех ног. Ты готова?

— Да-да, — ответила она дрожащим голосом.

Он схватил динамитную палочку, которая тут же начала зловеще тикать, и швырнулся на серо-зеленую софу.

— Беги!

Подняв руки, они бросились через парадное в следящий свет прожекторов.

НЕ ИЗ НАШЕГО МИРА

Я расскажу обо всем честно и откровенно, расскажу все, как было.

Это не только мой порок, он присущ большинству мужчин. Я удачно женился и, кажется, все еще обожаю жену, но часто влюблуюсь в случайно встреченных женщин. А разве с вами этого не бывает? Стоит мне остановиться на красный сигнал светофора, взглянуть в соседнюю машину — и я теряю голову. Или проехать с девушкой в лифте — она выходит на шестом этаже и уносит мое сердце.

Телефонные звонки — особо сильное искушение. Раздается звонок, я беру трубку и слышу женский голос. Ей нужно Дэвида. Такого у нас нет, но голос... слишком волнующий. Я моментально воображаю, как назначаю незнакомке свидание, встречаюсь с ней, ухожу из дома и предаюсь заманчивому греху под теплым солнцем Капри. Потом я произношу: «Простите, вы ошиблись», кладу трубку и весь день чувствую себя виноватым перед женой.

Так и в этот раз. Секретарша вышла, и я сам ответил на звонок.

Приятный голос затараторил в трубку:

OUT OF THIS WORLD, 1964.

© Перевод, Б. Белкин, 1994.

— Привет, Жанет. Я устроилась на работу. Уютная комната на Пятой авеню, свой стол, окно совсем рядом и...

— Простите, — сказал я, после того, как насытился плодами своей безудержной фантазии, — какой номер вы набрали?

— О боже! Да уж, конечно, я звоню не вам!

— Боюсь, что так.

— Простите, пожалуйста, за беспокойство.

— Пустяки. Поздравляю с работой.

Она рассмеялась.

— Спасибо.

На этом разговор закончился. Но голос был таким очаровательным, что требовал, по крайней мере, Гаити.

Тут телефон снова зазвонил.

— Жанет, милая, это Пэтси. Только что получилась такая забавная история! Звоню я тебе и начинаю болтать, но меня перебивает такой, знаешь ли, бархатный, самый романтичный голос и...

— Спасибо, Пэтси. Но вы снова ошиблись.

— Ох! Это вы!

— Угу.

— Так это не Прескотт 9-3232?

— Даже ничего похожего. Это Плаза 6-5000.

— Интересно, как я могла так ошибиться... Снова потеряла голову сегодня.

— Всего лишь слишком возбуждены.

— Пожалуйста, простите меня.

— Ничего, пустяки, — сказал я. — У вас тоже самый романтичный голос, Пэтси.

Мы положили трубки, и я отправился на обед.

Прескотт 9-3232. Допустим, я позвоню Жанет и скажу ей — что? Я не знал. Однако, вернувшись к делам, мечту пришлось выкинуть из головы и заняться реальностью.

Нет, лгу. Весь день я помнил про разговор, а вечером ничего не сказал жене, с которой привык делиться всеми мелочами.

Утром я пришел на работу пораньше, никого из моих девушки еще не было. Около девяти зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Слушаю.

На другом конце царила тишина. А у меня и так было мерзкое настроение.

— Послушайте, — взмолился я, — какого черта вы звоните, если вам нечего сказать? Я ж вам не девочка, и вы, надеюсь, не робкий воздыхатель!

Только я собрался бросить трубку, как услышал тихий голос:

— Простите.

— Что? Пэтси? Это вы?

— Да.

Мое сердце замерло и подпрыгнуло, потому что я знал, я знал, что это не могло быть случайностью. Она запомнила мой телефон, она захотела снова поговорить со мной!

— Доброе утро, Пэтси, — сказал я.

— Ох, у вас ужасный характер.

— Простите, все нервы.

— Нет, я сама виновата. Но я звонила Жанет. Наверное, где-то перепутались провода.

— Ну... вы меня разочаровали. Я-то надеялся, что вы хотели услышать мой романтический голос...

Она засмеялась.

— Он не настолько романтический.

— Видимо, понимая это подсознательно, я и нагрубил. Позвольте, я заглажу свою вину. Пообедаем вместе.

— Нет, что вы.

— Когда вы начинаете работать?

— Сейчас. До свидания.

Медленно опустив трубку, я задавался вопросом: а не пришел ли я сегодня раньше в слепой надежде на этот звонок? Я злился сам на себя и задал своим девушкам хорошую головомойку.

Вернувшись с обеда, я спросил у секретарши, не было ли мне звонков.

— Только с телефонной станции, — ответила она. — У них что-то не в порядке.

Значит, это все-таки была случайность. Она не хотела мне звонить.

В четыре часа я отпустил девушек домой — в порядке извинения за утреннюю бесактность, — по крайней мере, мне хотелось так думать. До половины

шестого я метался по комнате, страстно желая услышать голос Пэтси и понося себя последними словами за глупые фантазии.

В шесть я допил бутылку виски, оставшуюся с Нового Года, и отправился домой. Уже стоя у лифта я услышал звонок в кабинете. Я рванулся к двери и вихрем подскочил к телефону — чувствуя себя последним идиотом.

— Прескотт 9-3232, — выдохнул я.

— Простите, — сказала моя жена. — Я ошиблась...

Ясно, сейчас она позвонит снова. Придется разыграть маленькую комедию, чтобы она не догадалась, что это был я. Поэтому, когда телефон зазвонил, я снял трубку и, держа ее на удалении, самым суровым голосом принялся отчитывать своих отсутствующих девушки. Потом поднес трубку ко рту:

— Алле.

— Ой, какой вы... Как генерал.

— Пэтси?! — У меня перехватило дыхание.

— Боюсь, что да.

— Вы звоните мне или Жанет?

— Жанет, конечно. На станции все перепутали. Я им уже говорила.

— Знаю. Ну как работа?

— Ничего... У нас тоже есть начальник, который рычит совсем как вы. Я его боюсь.

— Позвольте дать вам совет, Пэтси. Не пугайтесь. Когда мужчина так кричит, он обычно скрывает свою вину.

— Не понимаю.

— Ну... может, он не справляется с работой и потому строит из себя большую шишку.

— О нет, вряд ли.

— Или, может быть, вы ему нравитесь, и он боится, что это помешает делу.

— Нет, опять не то.

— Почему? Разве вы не красивая?

— Надо спрашивать не меня.

— У вас чудесный голос.

— Благодарю вас, сэр.

— Пэтси, — начал я, — послушайте, что вам скажет умудренный сединами человек. Ясно, что Алек-

сандр Грэхем Белл предначертал нам эту встречу. Так зачем противиться судьбе? Давайте завтра вместе пообедаем.

— Ой, боюсь, что я завтра...

— Вы завтра обедаете с Жанет?

— Да.

— Тогда почему не со мной? Я уже почти Жанет — во всяком случае, отвечаю за нее по телефону. И что же я с этого имею? Звонок с телефонной станции! Разве это справедливо? Половину обеда вы съедите со мной, а половину можете завернуть и отнести Жанет.

Она засмеялась. Это был восхитительный, прелестный смех.

— Вы чувствуете себя заядлым сердцеедом, да? Как вас зовут?

— Говард.

— Говард... а дальше?

— Пэтси... а дальше?

— Сперва вы.

— Нет. Либо я открываю вам секрет за обедом, либо остаюсь таинственным незнакомцем.

— Ну хорошо, — сдалась она. — У меня перерыв с часа до двух. Где мы встретимся?

— Рокфеллер Плаза, у входа. Идет?

— Славно.

— В час?

— В час, — повторила Пэтси.

— Вы узнаете меня по большому кольцу в носу. У меня нет фамилии. Яaborиген.

Мы посмеялись и закончили разговор.

Дома я оказался нечестным человеком, но мне все равно не спалось.

Ровно в час я уже торчал у входа в Рокфеллер Плаза и тайком кусал губы. Я вообще старался выглядеть как можно привлекательней, потому что знал, что она наверняка хорошенько рассмотрит меня, прежде чем появится сама.

Я внимательно смотрел на проходящих девушек, стараясь угадать, которая из них Пэтси. В обеденные

часы в Рокфеллер Плаза можно найти самых красивых женщин мира. У меня были большие надежды.

Но она не появлялась. В половине второго мне стало ясно, что испытания я не прошел. Она осмотрела меня и решила выкинуть из головы. В жизни я не чувствовал себя таким униженным и злым.

Вечером моя секретарша заявила об уходе. В глубине души я ее понимал. Мне пришлось задержаться допоздна, договариваясь с агентством по найму. В шесть зазвонил телефон. Это была Пэтси.

— Вы звоните мне или Жанет? — спросил я.

— Вам, — ответила она не менее сердито.

— Плаза 6-5000?

— Такого номера нет, и вы это знаете. Вы обманщик. Мне пришлось звонить Жанет в надежде, что из-за поломки меня соединят с вами.

— То есть как это — нет такого номера?

— Уж не знаю, что вы называете чувством юмора, мистер Абориген, но со мной вы сегодня нехорошо поштули... Заставили прождать час и не пришли. Стыдно.

— Вы ждали час?! Неправда. Вас вообще не было!

— Я стояла, где мы договорились.

— Пэтси, это невозможно. Я ждал до половины второго. Когда вы пришли?

— Ровно в час.

— Вы, наверно, что-нибудь перепутали. Вы не представляете, как я сожалею.

— Я вам не верю.

— Ну что я могу сказать? Я думал, вы меня обманули. У меня было такое настроение, что, не выдержав, ушла секретарша. А вы случайно не печатаете на машинке?

— Нет. И не ищу работу.

— Пэтси, мы пообедаем вместе завтра, но на этот раз встретимся в таком месте, где нельзя размножаться.

— Не знаю...

— Пэтси, я прошу вас. Пожалуйста. И еще — почему вы сказали, будто номера Плаза 6-5000 нет?

— Его нет.

— А что же это стоит передо мной? Детская игрушка?

Она засмеялась.

— А какой ваш номер, Пэтси?

— О нет. Как с фамилиями — не скажу, пока не узнаю ваш.

— Но вы мой знаете.

— Нет. Я хотела вам позвонить днем, но на станции мне сказали, что такого номера не существует. Они...

— Они взбесились. Это мы обсудим завтра. Снова в час?

— Только не у входа.

— Хорошо. Вы говорили, что работаете за углом у старого здания Тиффани?

— Да.

— На Пятой авеню?

— Да.

— Я буду в час на углу.

— Смотрите...

— Пэтси...

— Да, Говард?

— Знаете, вы становитесь еще прелестней, когда сердитесь.

На следующий день дождь лил как из ведра. Я добрался до угла Пятой и Тридцать седьмой и прождал под ливнем от двенадцати пятидесяти до часа сорок. Пэтси не пришла. Я утешал себя мыслью, что она побоялась идти под дождем.

Я вернулся в контору и тут же спросил, не было ли мне звонков. Нет. В самом ужасном настроении я пустился в бар и стал пить, прерываясь раз в час, чтобы позвонить себе в офис. Однажды на меня нашло затмение, и я набрал Прескотт 6-3232. К линии подключился оператор.

— По какому номеру вы звоните?

— Прескотт 9-3232.

— Простите, но у нас не зарегистрирован такой номер. Вы, очевидно, ошиблись.

Вот и все. Я еще выпил и решил в последний раз позвонить в контору. Раздался гудок, и к телефону подошла Пэтси. Я не мог ошибиться.

- Пэтси!.. Что вы потеряли у меня в кабинете?
- Я у себя дома. Как вы узнали мой телефон?
- Я не узнавал. Звонил к себе, а соединили с вами. Видимо, это перепутанные линии...
- Не желаю с вами разговаривать.
- Действительно, вам должно быть стыдно со мной говорить.
- Что вы хотите этим сказать?
- Послушайте, Пэтси, вы сыграли со мной недобрую шутку. Если не хотите встречаться, скажите прямо. Даже из мести заставлять ждать в такую погоду... Я промок до нитки.
- Промокли? Что вы имеете в виду?
- Под дождем, черт побери! Что еще я могу иметь в виду?!
- Под каким дождем? — удивленно спросила Пэтси.
- Только не надо издеваться. Он до сих пор идет.
- По-моему, вы сошли с ума, — тихо сказала она.
- Целый день стоит прекрасная погода... Солнце.
- Здесь в городе?
- Конечно.
- Яркое солнце на углу Пятой и Тридцать седьмой?
- Почему Пятой и Тридцать седьмой?
- Потому что именно там стоит старое здание Тиффани! — в отчаянии воскликнул я. — А вы работаете за углом.
- Вы меня пугаете, — прошептала она. — Я... Пожалуй, мне лучше повесить трубку.
- Почему?! Что на этот раз?
- Старое здание Тиффани — на углу Пятой и Пятьдесят седьмой.
- Да нет же! Там новое!
- Нет, старое. Они переехали в 1945-м.
- Переехали?!
- Да. Там была такая ужасная радиация...
- Какая радиация? О чем вы говорите?!
- От бомбы.
- Меня пронизала дрожь — и не от холода или сырости.

— Пэтси, — медленно проговорил я, — это слишком серьезно. Кажется, пересеклись не только телефонные линии... В каком вы районе?

— Америка-5.

Я взглянул в справочник, лежащий у телефона. Академия-2, Адрикатин-4, Атуотер-9... Никакой Америки-5 не было.

— Здесь в Манхэттене?

— Ну конечно, где же еще?

— В Бронксе, — ответил я, — или, например, в Бруклине.

— Не буду же я жить на территории оккупационных лагерей!

Я глубоко вздохнул.

— Пэтси, милая, как ваша фамилия? Нам лучше быть откровенными, потому что мы попали, по-моему, в нечто фантастическое. Меня зовут Говард Кембелл.

Я почувствовал, как она вздрогнула.

— Как ваша фамилия, Пэтси?

— Шимабара.

— Вы японка?

— Да. А вы янки?

— Да. Пэтси, вы родились здесь?

— Нет. Меня привезли родители с оккупационными войсками.

— Понимаю. Мы проиграли войну — там, у вас.

— Конечно. Это же история. Но, Говард, я здесь. Здесь, в Нью-Йорке. Это...

— Но у вас светит солнце, и вы сбросили атомную бомбу и стерли нас с лица Земли и захватили Америку. — Я начал истерически смеяться. — У нас разные истории, Пэтси. Мы живем в параллельных мирах.

— Говард, я вас не понимаю.

— Неужели вы не видите? Каждый раз, когда мир подходит к развилке, история идет по обоим путям. Где-то есть мир, где Колумб не открыл Америку... Существуют тысячи параллельных миров — рядом, один за другим, похожие друг на друга во всем, кроме одной частности, двух, трех... Вы не из моего мира, Пэтси. Я пытаюсь назначить свидание девушке, которая не существует — для меня.

— Но Говард...

— Мы аналогичны, но не похожи, здесь и там — телефонные номера, погода, война... У нас обоих есть Рокфеллер Плаза, и мы оба стояли там вчера в час, но так далеко друг от друга, Пэтси, милая, так невозможно далеко...

В этот миг в линию включился оператор:

— Ваше время истекает, сэр. Будьте любезны опустить пять центов.

Я полез в карман.

— Пэтси, вы слушаете?

— Да, Говард.

— Я звоню из автомата, а у меня нет мелочи. Попросите оператора записать в кредит на ваш телефон. Во что бы то ни стало надо держать линию. Мы можем больше не дозвониться друг другу.

— Почему?

— И у вас, и у нас ведут ремонт линии. Скоро они все наладят, и мы будем отрезаны навсегда. Пэтси, милая, попросите записать в кредит!

— Простите, сэр, — вмешался оператор, — мы не имеем права. Вы можете перезвонить.

— Пэтси, продолжайте мне звонить, хорошо? Звоните Жанет. Я возвращаюсь в контору и буду ждать там.

— Разъединяю.

— Пэтси, милая, как вы выглядите? Я...

Раздались короткие гудки.

Я вернулся к себе и пождал до одиннадцати вечера. Звонка не было.

Две недели я запрещал секретарше брать трубку и отвечал сам. Но всякий раз это оказывалась не она. Она не могла больше ко мне пробиться. Где-то — там или здесь — неисправность устранили.

Я не могу забыть Пэтси. Я не могу выкинуть из памяти ее голос.

Я никому не могу рассказать о ней.

Я бы не рассказал сейчас вам эту историю, если бы не отдал свое сердце чудесной девушки с точеной фигурой, которую увидел, когда сидел, слушая музыку, в Рокфеллер Плаза.

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В БУТЫЛКЕ ИЗ-ПОД ШАМПАНСКОГО

18 декабря

Пока что мы прячемся на Овечьем Лугу в Центральном парке. Боюсь, мы последние. Разведчики, посланные выяснить, остался ли кто-нибудь в Такседо-парке, Палм-Бич и Ньюпорте, не вернулись. Декстер Блэкистон только что принес плохую новость. Его партнер, Джимми Монтгомери-Эшер, набрался храбрости и предпринял отчаянную вылазку по злачным местам Вест-Сайда в надежде отыскать хоть кого-нибудь, пусть из забулдыг. Его убил пылесос «Гувер».

20 декабря

Лужайку прочесала тележка для гольфа. Мы разбежались и попрятались. Она разрезала на кусочки все наши палатки. И еще горел костер — явный признак жизни. Доложит ли она эту новость 455-му?

MS. FOUND IN A CHAMPAGNE BOTTLE, 1968.
© Перевод, В. Илларионов, 1994.

21 декабря

Очевидно, доклад был сделан по всей форме. Сегодня, срдь бела дня, появился агент — жатка Маккорника, — прихвативший стукача — электрическую пишущую машинку IBM. Стукач оповестил пустой Овечий Луг: мы — последние, и Президент 455-й готов быть великодушным. Он согласен сохранить нас «на племя». Место в зоопарке Бронкса приготовлено. В противном случае мы просто вымрем, не оставив жизнеспособного потомства.

Мужчины зарычали, а женщины крепко прижали к себе детей и разрыдались. На решение нам дано 24 часа. Каким бы оно ни оказалось, закончив дневник, я где-нибудь его припрячу. Надеюсь, со временем он будет найден и послужит предупреждением — правда, не знаю, кому.

Все началось с газетного объявления. «Нью-Йорк таймс» сообщила, что в 5.42 утра на товарной станции Холбан без посторонней помощи завелся и отправился восьмой оранжево-черный дизель-локомотив № 455. Со слов специалистов, причиной тому мог послужить оставленный в рабочем положении дроссель, а может, локомотив не поставили на тормоза или же просто колодки износились. 455-й пропутешествовал своим ходом пять миль (кажется, в сторону Хэмптона), пока железнодорожное начальство не сподобилось остановить его составом из пяти товарных вагонов.

К несчастью, ответственным лицам так и не пришло в голову разобрать 455-й на запчасти. Его отправили работать в качестве маневрового поезда на сортировочных узлах. Никто не заподозрил в нем бряцающего оружием захватчика, решившего объявить «священный поход» на человечество, мстя за плохое обращение с машинами, копившееся с самого начала Промышленной революции. На сортировочных узлах перед 455-м открылись широкие просторы для общения с разнообразным содержимым товарных составов и агитации последнего к активным действиям.

В следующем году произошло полсотни «случайных» смертей от электрических тостеров, тридцать

семь — от миксеров и девятнадцать — от электродрелей. Все это были террористические акты, но люди ничего не поняли. Спустя год внимание публики привлекло ужасное преступление, казалось бы, явно говорящее о мятеже. Джек Скалтейс, фермер из Висконсина, приглядывал за дойкой коров, как вдруг доильный аппарат, ринувшись на хозяина, убил его, а затем пробрался в дом и изнасиловал миссис Скалтейс.

Газетные статьи публика всерьез не восприняла; все сочли их розыгрышем. На беду, они дошли до разного рода компьютеров, мгновенно разнесших эту весть по всему миру машин. В течение года не осталось ни одного мужчины и ни одной женщины, не пострадавших от бытовой техники или офисного оборудования. Человечество, яростно сопротивляясь технике, возродило карандаши, копировальную бумагу, веники, взбивалки для яиц, консервные ножи и тому подобное. Противостояние застыло в равновесии, покупка клика легковых автомобилей не признала наконец лидерство 455-го и не присоединилась к воинствующей технической армаде.

Человечество проиграло битву. Правда, нельзя не признать, что импортная автомобильная элита сражалась за нас, и только ее стараниями нам, немногим, удалось остаться в живых. Что далеко ходить — моя собственная любимица «Альфа-Ромео» поплатилась жизнью, пытаясь доставить нам припасы.

25 декабря

Лужайка окружена. Дух наш подорван трагедией, разыгравшейся прошлой ночью. Маленький Дэвид Хейл Брукс-Ройстер преподнес нянюшке рождественский подарок. Раздобыл (бог знает, где и как) искусственную елку с украшениями и гирляндой на батарейках. Гирлянда его и убила.

1 января

Мы в зоопарке Бронкса. Кормят, как на убой, но что ни возьмешь в рот, везде неистребимый привкус солярки. Утром случилось нечто странное. По полу

моей клетки пробежала крыса в бриллиантово-рубиновой тиаре от «Ван Клифа и Арпельса». Меня про-брал страх, настолько нелепым показалось ее одеяние при свете дня. Пока любопытство боролось во мне с отвращением, крыса остановилась, огляделась вокруг и вдруг заговорщически подмигнула мне.

Я вновь обретаю надежду.

Содержание

Рабы луча жизни. <i>Пер. Е. Ходос</i>	7
Бешеная молекула. <i>Пер. Е. Ходос</i>	36
Адам без Евы. <i>Пер. Е. Ходос</i>	48
Снежный ком: <i>Пер. М. Загота</i>	63
Одди и Ид. <i>Пер. В. Гольдич и И. Оганесовой</i>	112
О времени и Третьей авеню. <i>Пер. А. Молчанова</i>	133
Выбор. <i>Пер. В. Баканова</i>	143
Звездочка светлая, звездочка ранняя. <i>Пер. Е. Коротковой</i>	155
Время-предатель. <i>Пер. В. Баканова</i>	177
Феномен исчезновения. <i>Пер. Ю. Абызова</i>	200
5 271 009. <i>Пер. В. Гольдич и И. Оганесовой</i>	221
Убийственный Фаренгейт. <i>Пер. В. Баканова</i>	270
Аттракцион. <i>Пер. В. Баканова</i>	287
Упрямец. <i>Пер. В. Баканова</i>	294
Путевой дневник. <i>Пер. Е. Коротковой</i>	299
Человек, который убил Магомета. <i>Пер. Р. Нудельмана</i>	305
Пи-человек. <i>Пер. В. Баканова</i>	322
Вы подождете? <i>Пер. Вл. Гакова и В. Гопмана</i>	339

Не по правилам. <i>Пер. В. Баканова</i>	349
Ночная ваза с цветочным бордюром. <i>Пер. Е. Коротковой</i>	382
Не из нашего мира. <i>Пер. Б. Белкина</i>	432
Рукопись, найденная в бутылке из-под шампанского. <i>Пер. В. Илларионова</i>	442

МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА

Собрание фантастических произведений в 4 томах

Том четвертый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технические редакторы *Т. Ермакова, К. Козаченко*

Корректор *О. Курдаева*

Оператор компьютерной верстки *М. Белоусов*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку, оформление форзаца и
шмидтитула: *С. Шехов*

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 7.02.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 10000 экз.

Заказ № 478. С 118.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

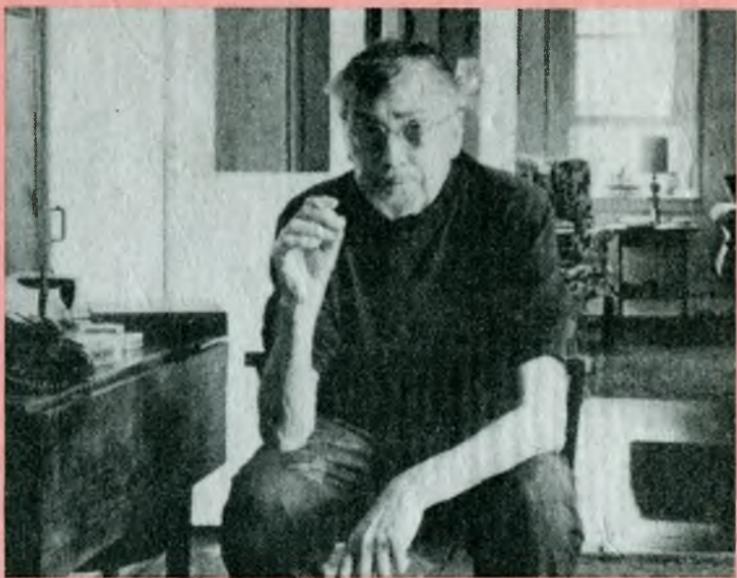
Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995